ИСТОРИЧЕСКАЯ КОМИССІЯ УЧЕБНАГО ОТДѢЛА

О. Р. Т. З.

Редакція А. К. ДЖИВЕЛЕГОВА, С. П. МЕЛЬГУНОВА, В. И. ПИЧЕТА.

1812 - 1912

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО

Рис. Курдюмова 11.

ЮБИЛЕЙНОЕ ИЗДАНІЕ.

Томъ I.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

В. П. Алексѣевъ, С. Ан—скій (Рапопортъ), ген. А. Н. Апухтинъ, К. В. Арабажинъ, проф. полк. А. К. Баіовъ, П. А. Берлинъ, В. Я. Богучарскій, В. Д. Бончъ-Бруевичъ, И. Н. Бороздинъ, В. Н. Бочкаревъ, Н. Л. Бродскій, прив.-доц. В. А. Бутенко, прив.-доц. Н. П. Василенко, А. М. Васютинскій, полк. Н. П. Вишняковъ, К. А. Военскій, В. П. Волгинъ, Л. И. Гальберштадтъ, прив.-доц. Ю. В. Готье, проф. И. М. Громогласовъ, А. К. Дживелеговъ, проф. М. В. Довнаръ-Запольскій, Е. А. Ефимова, Д. А. Жариновъ, проф. И. И. Замотинъ, И. Н. Игнатовъ, А. К. Кабановъ, В. В. Каллашъ, проф. Н. И. Карѣевъ, И. М. Катаевъ, проф. А. А. Кизеветтеръ, прив.-доц. М. В. Клочковъ, С. А. Князьковъ, Л. С. Козловскій, проф. ген. Б. М. Колюбакинъ, проф. С. А. Корфъ, К. С. Кузьминскій, прив.-доц. І. М. Кулишеръ, С. Г. Лозинскій, проф. И. В. Лучицкій, проф. полк. А. С. Лыкошинъ, проф. М. К. Любавскій, С. П. Мельгуновъ, Н. М. Мендельсонъ, проф. ген. Н. П. Михневичъ, кап. Е. Х. Нилусъ, В. Н. Перцовъ, прив.-доц. В. И. Пичета, проф. А. Л. Погодинъ, К. В. Покровскій, проф. М. А. Рейснеръ, проф. М. Н. Розановъ, кап. А. А. Рябининъ, И. С. Рябининъ, проф. В. И. Семевскій, К. В. Сивковъ, Н. П. Сидоровъ, полк. Д. П. Струковъ, проф. Е. В. Тарле, проф. М. И. Туганъ-Барановскій, В. В. Филатовъ, И. М. Херасковъ, прив.-доц. С. К. Шамбинаго, проф. Е. Н. Щепкинъ, подполк. В. П. Ѳедоровъ и др.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
Москва.—1911.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Отечественная война — одинъ изъ самыхъ драматическихъ и вмѣстѣ самыхъ значительныхъ по послѣдствіямъ моментовъ русской исторіи. Въ ней все захватываетъ и все заставляетъ работать научную мысль. Въ ней и въ тѣхъ событіяхъ, которыя изъ нея развернулись, найдутъ неисчерпаемый кладезь и художникъ, и соціологъ, и политикъ, и дипломатъ. Ибо она заставляла разыгрываться страсти, высокія и низменныя, она производила перемѣны въ общественномъ строеніи общества, она положила начало опредѣленному теченію и во внутренней, и во внѣшней политикѣ Россіи.

Борьба съ Наполеономъ была, съ одной стороны, борьбой съ революціей, а съ другой — борьбою съ Франціей. То, что Наполеонъ былъ «исчадіемъ революціи», поднимало противъ него всѣ руководящія группы русскаго общества, ибо для нихъ ночь 4 августа отнюдь не казалась чѣмъ-то немыслимымъ въ Россіи. Поэтому всѣ попытки соціальныхъ и политическихъ реформъ дней Александровыхъ прекраснаго начала послѣ того, какъ Наполеонъ привелъ въ Россію старые легіоны республики, смѣнились полосою реакціи во внутреннихъ дѣлахъ. И полоса эта тянулась до другой войны, Крымской, показавшей всю призрачность русскаго международнаго могущества. То, что Наполеонъ былъ императоромъ французовъ, толкнуло Россію въ объятія заклятыхъ враговъ Франціи. Послѣ того, какъ послѣдніе остатки великой арміи, не попавшіе въ плѣнъ, перешли обратно границу, намъ понадобилось зачѣмъ-то итти освобождать Европу, т.-е. класть первые камни тому самому могуществу Пруссіи и Австріи, въ которомъ коренятся всѣ наши политическія бѣды. Не даромъ старикъ Кутузовъ своимъ трезвымъ умомъ понималъ всю ненужность и всю опасность такого политическаго благотворительства и рѣзко высказывался противъ похода въ Европу. Онъ зналъ, что въ международныхъ дѣлахъ выигрываетъ не тотъ, кто даетъ волю сентиментализму, а тотъ, кто, говоря формулой австрійскихъ дипломатовъ, во-время сумѣетъ удивить міръ неблагодарностью. А мы съ легкой руки Александра I только и дѣлали, что взращивали цвѣты чувствительности на каменистой почвѣ дипломатіи. Мы занимались этимъ въ 1813—1814 годахъ, занимались въ 1849 г., когда спасли Австрію отъ мадьяръ и дали ей возможность устремить взоры за Дунай, занимались въ 1878 г., когда, неизвѣстно по какой причинѣ, остановились у воротъ Константинополя, словно предлагая Биконсфильду крикнуть: довольно! Причина этого неискренняго сентиментализма ясна. Она заключается въ томъ, что правительство не хотѣло считаться съ инте-

ресами страны, а руководилось только личными видами. И то, что мы упорствовали на этомъ пути, находитъ свое объясненіе опять-таки въ томъ, что правительство въ теченіе всего XIX вѣка не хотѣло забыть личныхъ видовъ и принять въ руководство интересы наиболье многочисленныхъ общественныхъ группъ.

Въ 1812 году рѣшающимъ моментомъ, опредѣлившимъ надолго направленіе нашей политики, были интересы помѣстнаго дворянства, которому грозили противофеодальныя стремленія революціи и которому наносила убытокъ континентальная система. Буржуазія, какъ политическая группа, была безсильна, а многочисленное крестьянство — слишкомъ некультурно и малосознательно. Въ томъ, что крестьянство было слабо, коренилась одна изъ ошибокъ въ расчетахъ Наполеона. Онъ почему-то надѣялся, что если онъ пообѣщаетъ волю крестьянамъ, немедленно произойдетъ нѣчто въ родѣ того, что произошло въ Бельгіи или на лѣвомъ берегу Рейна въ 1792 году. А крестьяне были самымъ ожесточеннымъ противникомъ великой арміи, въ періодъ отступленія—противникомъ опаснымъ и безпощаднымъ. Не даромъ этотъ послѣдній періодъ войны называютъ народной войной. Русскій мужикъ былъ ея героемъ, крестьянинъ — мужественный, самоотверженный, забывшій свои собственныя крѣпостныя цѣпи, когда дѣло шло о борьбѣ за родину, и вернувшійся подъ патріархальное помѣщичье иго, когда ни одного француза не осталось въ Россіи. Потому что, чувствуя могущество освободительныхъ принциповъ, которые пробовалъ принести съ собою въ Россію Наполеонъ, представители русской общественной власти старались противопоставить имъ тѣ же принципы. Они сулили, то глухо, то довольно явственно, волю мужику, если онъ поможетъ сокрушить супостата. Мужикъ вѣрилъ и помогалъ. А когда пришло время награждать его, про волю, да не только про мужицкую волю—забыли очень основательно.

Составляя планъ нашей книги, мы руководились именно такими взглядами на Отечественную войну. Именно по этимъ соображеніямъ мы не могли считать ее событіемъ исключительно военнымъ. Сквозь дымъ пожаровъ, сквозь кровавый туманъ, поднимающійся съ безчисленныхъ полей битвъ, мы хотѣли сдѣлать попытку разглядѣть обликъ русскаго общества, опредѣлить долю участія въ войнѣ русскихъ общественныхъ группъ, выяснить ту мѣру признательности, какой потомки обязаны каждой изъ нихъ. Въ свою очередь, такая постановка задачи заставляла насъ отказаться отъ взгляда на Отечественную войну, какъ на явленіе обособленное, тянувшееся какихъ-нибудь нѣсколько мѣсяцевъ. Мы считали невозможнымъ начинать исторію ея съ перехода черезъ Нѣманъ и даже съ Тильзита. Мы думали, что только поставленная въ рамки европейской исторіи, изучаемая въ тѣсной связи со всей эпохой она можетъ быть понята и оцѣнена надлежащимъ образомъ. И мы начали съ Екатерины II, съ франко-русскихъ и вообще международныхъ отношеній ея времени, съ первыхъ столкновеній революціи съ реакціонной Европою. А конечной гранью мы поставили не вступленіе русскихъ войскъ въ Парижъ и не Вѣнскій конгрессъ, а конецъ царствованія Александра I.

Само собою разумѣется, что такія задачи выполнимы только при чисто-научномъ отношеніи къ дѣлу.

Мы знаемъ, что одновременно съ тѣмъ, какъ мы готовили свою книгу, надъ работами, посвященными Отечественной войнѣ, сидѣли и другіе. Намъ извѣстно, что въ числѣ этихъ работъ будутъ такія, которыя постараются разбудить въ читателѣ низменныя шовинистическія чувства. Мы не станемъ на этотъ путь. Наша цѣль — дать книгу, объективную въ полномъ смыслѣ слова, — такую, которая, воздавая должное русскому и русскимъ, не дѣлала бы изъ quasi-патріотическаго ликованія издѣвательства надъ французами и ихъ невольными союзниками по «великой арміи». И тѣ и другіе слишкомъ дорогой цѣною заплатили за безумство Наполеона. Ихъ мужество, ихъ благородныя страданія, ихъ трагическая судьба въ 1812 году — плохой предлогъ для шовинистическихъ изліяній. Пусть другіе заслуживаютъ свои сомнительные лавры на этомъ пути. Мы будемъ удовлетворены, если русское общество признаетъ, что книга добросовѣстно старалась нарисовать вѣрную картину Отечественной войны, поставленной въ правильныя историческія рамки.

* * *

Научное изученіе эпохи Отечественной войны представляетъ въ настоящее время серьезныя затрудненія. Правда, нельзя пожаловаться на отсутствіе работъ въ этой области, но едва ли существующіе труды возможно признать вполнѣ удовлетворяющими требованіямъ научнаго изслѣдованія. Да и относительно матеріала они въ большинствѣ случаевъ оставляютъ желать многаго, такъ вновь опубликовываемые, подчасъ очень случайные документы показываютъ, насколько односторонне старые матеріалы освѣщали тотъ или другой вопросъ и какое невѣрное представленіе получалось при этомъ. Къ сожалѣнію, и въ настоящее время изслѣдователь очень затрудненъ въ выборѣ матеріала. Большинство архивовъ еще совершенно не разработано и мало доступно, а между тѣмъ стоило, напр., проникнуть въ архивы нижегородскаго или вологодскаго дворянства, чтобы получить рядъ совершенно новыхъ данныхъ по исторіи дворянскихъ ополченій и роли дворянства въ эпоху 1812 года. Можно сказать съ увѣренностью, что когда начнется архивное изученіе 1812 года, то господствовавшая до сихъ поръ въ исторической литературѣ точка зрѣнія на многіе вопросы должна будетъ существенно измѣниться; и недалеко, вѣроятно, то время, когда старая литература будетъ имѣть только исторіографическое значеніе. Но въ настоящее время въ большинствѣ случаевъ приходится еще оперировать старымъ, опубликованнымъ матеріаломъ, подвергая его тому критическому анализу, безъ котораго нельзя обойтись при научномъ изученіи вопроса. И стоило иногда только прикоснуться къ нему научнымъ скальпелемъ, чтобы обнаружить всю его малую историческую цѣнность и достовѣрность. Въ особенности это приходится сказать относительно литературы мемуаровъ, написанныхъ большею частью въ пылу борьбы, и до сихъ поръ почти не подвергавшихся критико-методологическому изученію; между тѣмъ большинство прежнихъ изслѣдователей слишкомъ довѣрчиво относятся къ мемуарнымъ свѣдѣніямъ и на основаніи ихъ строятъ довольно рискованные выводы. Отсюда и пожаръ Москвы, и дворянскія

ополченія, и народная война — все это большею частью описывалось на основаніи мемуаровъ — источника неполнаго и слишкомъ субъективнаго. Подчасъ такого рода сужденія, основанныя на матеріалѣ болѣе, чѣмъ сомнительнаго достоинства, принимали характеръ какого-то догмата, критиковать который или сомнѣваться въ которомъ считалось «національной» ересью, отсутствіемъ патріотизма. И эта такъ называемая «патріотическая» точка зрѣнія, столь чуждая научной объективности, проходитъ красной нитью черезъ многія существующія работы. Отсюда сознательное замалчиваніе ряда отрицательныхъ явленій, бывшихъ въ 1812 году, и не вяжущихся съ націоналистической точкой зрѣнія, преобладавшей въ этихъ трудахъ. Эта тенденція мѣшала спокойно относиться и къ дѣйствіямъ противника. Ею же объясняется скрытое желаніе изслѣдователей—преувеличить силы противника и уменьшить наши собственныя. Вотъ почему существующая литература иногда очень снисходительна къ ошибкамъ военачальниковъ русской арміи и строга къ ошибкамъ Наполеона.

Поэтому вся исторія похода до 1812 года требуетъ пересмотра. Опубликованные документы русскаго и французскаго генеральныхъ штабовъ открываютъ передъ изслѣдователемъ новыя перспективы, и очень возможно, что придется «совлечь одежду съ старыхъ идоловъ», если только свободное изслѣдованіе не встрѣтитъ какихъ-нибудь неожиданныхъ препятствій.

При новой постановкѣ вопроса, конечно, вся исторія 1812 года предстанетъ передъ читателемъ въ другомъ освѣщеніи — вотъ почему нельзя изучать 1812 годъ внѣ связи съ европейскими событіями, съ которыми она связана крѣпкими нитями. И дипломатическія отношенія Россіи и Франціи при такой постановкѣ вопроса будутъ освѣщены нѣсколько по иному [1]).

При наличности имѣющагося матеріала Историческая комиссія отнюдь не могла задаваться цѣлью дать въ юбилейные дни исчерпывающую работу, которая во всеоружіи критическаго анализа дала бы окончательный отвѣтъ на всѣ вопросы.

Наша задача, какъ было сказано выше, болѣе скромная. Многіе изъ авторовъ, участвующіе своимъ литературнымъ трудомъ въ изданіи, имѣли возможность использовать новыя архивныя данныя; большинству же, конечно, приходилось оперировать съ опубликованнымъ уже матеріаломъ. И наше изданіе даетъ какъ бы сводку того матеріала, который до послѣдняго времени былъ извѣстенъ въ значительной степени только спеціалистамъ.

Редакція не считала себя, конечно, въ правѣ затушевывать индивидуальность воззрѣній авторовъ. При недостаточной разработанности матеріала не всегда, пожалуй, и можно было бы установить какую-нибудь одну общую точку зрѣнія. Читатель иногда можетъ усмотрѣть нѣкоторое разнорѣчіе въ толкованіи различными авторами того или иного вопроса. Это—до нѣкоторой степени неизбѣжное зло въ каждомъ коллективномъ трудѣ и преимущественно въ такой еще не разработанной исторической области, какъ эпоха двѣнадцатаго года. Но только такой коллективный трудъ могла предпринять и осуществить къ юбилейнымъ днямъ Историческая комиссія.

---

[1]) Библіографическому обзору, въ связи съ вопросомъ о научномъ изученіи Отечественной войны, будетъ посвящена у насъ особая статья.

* * *

Мы должны сказать еще нѣсколько словъ по поводу иллюстраціоннаго матеріала, вошедшаго въ изданіе. Подбирая эти иллюстраціи, редакція руководилась тѣми же соображеніями, что и при подборѣ рисунковъ къ другому юбилейному изданію, вышедшему подъ редакціей Исторической комиссіи, къ «Великой Реформѣ». Мы считали нужнымъ использовать прежде всего тотъ богатый историческій матеріалъ, который заключается въ современныхъ памятникахъ быта и культуры, взять наиболье типичное для обрисовки эпохъ, затронутыхъ въ изданіи, изъ произведеній иностранныхъ и русскихъ художниковъ конца XVIII и начала XIX вѣка, наиболье яркіе, доступные для использованія образцы исторической живописи уже нашихъ дней (напримѣръ, воспроизвести цѣликомъ знаменитую наполеоновскую серію картинъ В. В. Верещагина) и, наконецъ, нѣкоторыя военныя реликвіи нашего достопамятнаго прошлаго. Въ этихъ цѣляхъ нами использованы драгоцѣнныя коллекціи Историческаго музея въ Москвѣ, Артиллерійскаго музея въ Петербургѣ, музея П. И. Щукина, Румянцевскаго музея, Императорской Публичной библіотеки и нѣкоторыя частныя собранія историческихъ памятниковъ и художественныхъ картинъ. Использованы равнымъ образомъ и нѣкоторые заграничные альбомы, малоизвѣстныя гравюры и т. д. Если читатель встрѣтится со многими иллюстраціями, ему уже извѣстными, то онъ найдетъ немало и такого, что воспроизводится въ печати въ первый разъ.

Несмотря на обширность иллюстраціоннаго матеріала, находившагося въ распоряженіи редакціи, мы тѣмъ не менѣе считали необходимымъ нѣкоторые моменты освѣтить картинами, написанными художниками спеціально для нашего изданія, преимущественно тѣ моменты, которые по своей яркости могли дать матеріалъ для художественнаго воспроизведенія и которые въ существующихъ художественныхъ произведеніяхъ или вовсе не нашли себѣ воплощенія или нашли воплощеніе недостаточно отчетливое. А между тѣмъ именно эти моменты могли подчасъ служить яркимъ дополненіемъ къ тексту. Такихъ картинъ будетъ въ изданіи дано около десяти. Такъ какъ къ каждой изъ нихъ дается спеціальное объясненіе, то мы здѣсь ихъ касаться не будемъ. Къ этой работѣ привлечены были художники, давшіе свои этюды въ «Великую Реформу»: Д. Г. Алексѣевъ, М. М. Зайцевъ, П. В. Курдюмовъ, акад. Н. А. Касаткинъ, акад. К. В. Лебедевъ и А. В. Моравовъ. Картины эти писались подъ наблюденіемъ съ художественной стороны Н. А. Касаткина, а съ научной (т.-е. исторической)—членовъ Исторической комиссіи: В. П. Алексѣева, С. П. Мельгунова, Б. Е. и В. Е. Сыроѣчковскихъ. При совмѣстной работѣ съ художниками обращалось преимущественное вниманіе на соотвѣтствіе картинъ съ исторической дѣйствительностью, поскольку таковая могла быть воспроизведена кистью художника.

Размѣщая обильный иллюстраціонный матеріалъ, предположенный для помѣщенія въ изданіи, редакція по возможности старалась, чтобы иллюстрація шла какъ бы за текстомъ, дополняя и разъясняя его. Но, правда,

это не всегда было возможно по техническимъ условіямъ печати и по соображеніямъ, вытекавшимъ изъ внѣшней архитектоники книги. Намъ приходилось лишь избѣгать грубаго расхожденія, столь частаго въ иллюстрированныхъ изданіяхъ. Такіе же упреки слышали и мы по поводу «Великой Реформы», упреки въ томъ, что рисунокъ носитъ случайный характеръ, не имѣя непосредственнаго отношенія къ тексту. Но редакція смотритъ на рисунокъ, помѣщаемый въ книгѣ, не только, какъ на внѣшнюю иллюстрацію. Иногда его внутреннее содержаніе служитъ именно дополненіемъ къ тексту, характеризуетъ всю эпоху, на фонѣ которой выдвинутъ данный моментъ. Пояснимъ это однимъ примѣромъ. Въ первомъ томѣ «Отечественной войны» читатель найдетъ картину К. В. Лебедева «На аукціонѣ въ концѣ XVIII в». Имѣетъ ли эта картина какое-нибудь отношеніе къ тексту? На первый взглядъ, пожалуй, и нѣтъ. Но какой въ дѣйствительности глубокій смыслъ въ этой картинѣ, изображающей по Радищеву продажу крѣпостного семейства! Какъ разительно противорѣчитъ она тѣмъ просвѣтительнымъ идеямъ, которыя внѣдряются въ Россіи изъ Франціи! Какъ характерна поэтому она для обрисовки истиннаго русскаго вольтерьянства! Какъ гармонируетъ, наконецъ, со статьей, трактующей отношеніе русскаго общества къ французской революціи! Таковы были наши мотивы, вызвавшіе помѣщеніе указанной картины...

Въ заключеніе редакція считаетъ долгомъ принести глубочайшую благодарность всѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, содѣйствовавшимъ ей въ осуществленіи сложной работы по подбору иллюстрацій къ юбилейному изданію. И въ частности администраціи Историческаго музея въ лицѣ А. И. Станкевича и А. В. Орѣшникова, компетентными указаніями которыхъ редакціи приходилось пользоваться безпрестанно, К. С. Кузьминскаго. Мы должны высказать большую признательность и П. И. Щукину, всегда охотно предоставлявшему редакціи право пользоваться его богатѣйшими и единственными въ своемъ родѣ коллекціями старины; дирекціи Румянцевскаго музея и въ частности Ю. В. Готье и Н. И. Романову, Императорской Публичной библіотекѣ, Н. Д. Чечулину, полк. Д. П. Струкову, наконецъ В. М. Соболевскому, предоставившему редакціи для воспроизведенія много цѣнныхъ гравюръ, С. В. Петерсенъ, помогавшей по подбору иллюстрацій, И. С. Рябинину, Н. С. Какурину, дирекціи Литературно-художественнаго кружка, завѣдующимъ Педагогическимъ музеемъ при учебномъ отдѣлѣ О. Р. Т. Зн. и др.

А. Дживелеговъ.

10 іюля 1911 г. *С. Мельгуновъ.*

В. Пичета.

(Портр. Рокотова; грав. Скородумова).

РОССІЯ ПЕРЕДЪ СТОЛКНОВЕНІЕМЪ СЪ ФРАНЦІЕЙ.

I. Отношенія между Россіей и Франціей до французской революціи.

Н. П. Василенко.

Постоянныя сношенія Россіи съ Франціей начались поздно, — гораздо позже, чѣмъ съ другими западно-европейскими странами. Главной причиной этого являлась отдаленность Россіи отъ Франціи. Интересы политической жизни обѣихъ странъ долгое время сталкивались рѣдко. Торговыя сношенія съ Московскимъ государствомъ для Франціи, не обладавшей достаточнымъ торговымъ флотомъ, представляли большія трудности и обѣщали мало выгодъ.

Серьезное значеніе отношенія начинаютъ пріобрѣтать только съ конца XVII столѣтія, наканунѣ самостоятельнаго правленія Петра I. До тѣхъ поръ они носятъ случайный характеръ.

Сначала Петръ не интересовался Франціей. Въ маршрутъ перваго его путешествія она не вошла. Впослѣдствіи же Сѣверная война и желаніе Петра I найти себѣ союзниковъ, съ одной стороны, съ другой —

опасеніе Людовика XIV, какъ бы не было нарушено политическое равновѣсіе въ Европѣ, — побуждали русскаго царя и французскаго короля къ болѣе или менѣе частымъ сношеніямъ. Завязались они въ 1701 году во время свиданія Петра I съ польскимъ королемъ Августомъ II въ м. Биржахъ, Поневѣжскаго уѣзда, Ковенской губ. Туда пріѣхалъ и чрезвычайный французскій посланникъ въ Варшавѣ дю-Геронъ. Рѣчь шла о заключеніи торговаго договора. Царь требовалъ, кромѣ того, чтобы французскій король доставилъ ему возможность завладѣть какимъ-нибудь портомъ на Балтійскомъ морѣ. Людовикъ XIV хотѣлъ заручиться помощью Россіи въ борьбѣ съ Габсбургами. Переговоры ни къ чему не повели. Они только послужили толчкомъ къ дальнѣйшимъ сношеніямъ.

Въ сентябрѣ 1702 года въ Россію былъ назначенъ чрезвычайнымъ французскимъ посланникомъ де-Балюзъ. Онъ прибылъ въ Москву изъ Варшавы и имѣлъ цѣлью побудить Петра I къ войнѣ съ Австріей, занять въ Россіи денегъ для французскаго короля и сообщать французскому правительству все, что касается Петра I, Россіи, русскихъ дѣлъ и отношеній. Договора съ Россіей де-Балюзу не удалось заключить. Въ іюнѣ 1703 года онъ былъ отозванъ. Съ 1703 года въ Парижѣ поселился русскій агентъ, безъ дипломатическаго, впрочемъ, характера, Постниковъ. Ему посылались свѣдѣнія о побѣдахъ русскихъ, а онъ доводилъ о нихъ до свѣдѣнія французскаго министра иностранныхъ дѣлъ. Постникову давались порученія о покупкѣ книгъ, инструментовъ, о приглашеніи ремесленниковъ. Иногда онъ сообщалъ русскому правительству свѣдѣнія и характера политическаго.

Полтавская побѣда способствовала перемѣнѣ отношеній французскаго правительства къ Россіи. Людовикъ XIV увидѣлъ, что ему нельзя пренебрегать союзомъ и добрыми отношеніями съ государемъ, могущество котораго росло съ каждымъ днемъ. Въ 1710 году былъ посланъ въ Россію уже раньше разъ бывшій тамъ де-Балюзъ. Ему поручено было поднять вопросъ о посредничествѣ французскаго короля между Россіей и Швеціей. Но какъ разъ во время пребыванія де-Балюза въ Петербургѣ Турція въ 1711 году объявила войну Россіи. Русскій посолъ въ Константинополѣ, Толстой, доносилъ объ интригахъ французскаго посланника при турецкомъ дворѣ противъ Россіи. Отношенія къ де-Балюзу въ Петербургѣ поэтому рѣзко измѣнились, переговоры стали носить сдержанный характеръ, и онъ вскорѣ уѣхалъ изъ Россіи, ничего не достигнувъ.

Со времени пріѣзда въ Россію де-Балюза въ Парижѣ также находились русскіе повѣренные въ дѣлахъ, не игравшіе, впрочемъ, серьезной дипломатической роли. Первымъ повѣреннымъ былъ Крокъ (Skroff, по французской терминологіи), но онъ умеръ въ томъ же 1711 году, въ которомъ былъ и назначенъ, не успѣвъ даже вручить своихъ вѣрительныхъ грамотъ. Его замѣнилъ Григ. Ив. Волковъ. Новому русскому повѣренному пришлось скоро убѣдиться въ большемъ сочувствіи французскаго правительства шведамъ и туркамъ, чѣмъ Россіи. Донесенія Волкова не мало также способствовали неудачѣ переговоровъ де-Балюза. Для торговыхъ дѣлъ, въ качествѣ коммерціи совѣтника, съ 1712 года жилъ въ Парижѣ Лефортъ, племянникъ знаменитаго адмирала Лефорта. Въ 1716 г. онъ получилъ офиціальное положеніе повѣреннаго въ дѣлахъ.

1 сентября (нов. ст.) 1715 г. умеръ Людовикъ XIV, вѣрный приверженецъ шведской дружбы. Въ управленіе государствомъ вступилъ въ качествѣ регента герцогъ Филиппъ Орлеанскій. Эта перемѣна сообщила новый характеръ отношеніямъ Россіи съ Франціей. Регентъ поспѣшилъ дать разрѣшеніе многимъ ремесленникамъ отправиться въ Россію. Двадцати русскимъ дворянамъ позволили поступить въ число французскихъ гардемариновъ.

Въ 1717 году Петръ I предпринялъ свое второе путешествіе за границу. Онъ хотѣлъ ознакомиться съ европейской политикой и пріобрѣсти новыхъ союзниковъ. По желанію Петра, русскіе уполномоченные, Головкинъ, Шафировъ и Борисъ Куракинъ, начали вести переговоры съ французскимъ посланникомъ въ Голландіи Шатонедомъ о союзѣ. Въ Парижѣ

Петръ I у Ментенонъ (Горскій).

не придавали сначала значенія этимъ переговорамъ. Въ виду этого Петръ и рѣшилъ отправиться туда лично. Кононъ Зотовъ извѣщалъ, кромѣ того, царя о возможности женить царевича Алексѣя Петровича на одной изъ дочерей регента.

Въ Парижѣ Петръ I проявилъ большую любознательность, но часто приводилъ въ большое смущеніе чопорный версальскій дворъ, нарушая на каждомъ шагу этикетъ. Переговоры, начатые въ Голландіи, продолжались и въ Парижѣ. Окончены они были нѣсколько времени спустя послѣ отъѣзда Петра, но не въ Парижѣ, а въ Голландіи. Въ Амстердамѣ 4 (15) августа 1717 года былъ заключенъ договоръ между Россіей, Франціей и Пруссіей. Это былъ первый трактатъ между Россіей и Франціей. Амстердамскимъ договоромъ были гарантированы договоры утрехтскій и баденскій, закончившіе войну за испанское наслѣдство, равно какъ и тѣ, которыми будетъ прекращена Сѣверная война. Россія принимала посредничество Франціи въ Сѣверной войнѣ; Франція не должна была только

употреблять понужденіе и вступать въ новыя обязательства со Швеціей. Подданные государствъ, заключившихъ амстердамскій договоръ, должны были пользоваться выгодами наиболье покровительствуемыхъ націй. Въ теченіе восьми мьсяцевъ со времени заключенія договора должны были собраться комиссары для выработки условій торговаго и морского трактатовъ. Политическія событія, однако, помьшали этому, и самъ амстердамскій договоръ не имьлъ того значенія, какого можно было ожидать отъ него. Ближайшимъ сльдствіемъ его было, конечно, установленіе постоянныхъ сношеній между Россіей и Франціей.

Немедленно посль заключенія амстердамскаго договора 20 августа (нов. ст.) 1717 г. русскимъ полномочнымъ министромъ былъ назначенъ баронъ Шлейницъ, бывшій до тьхъ поръ представителемъ Россіи при ганноверскомъ дворь. Но Петръ, повидимому, не особенно довьрялъ иностранцу. Въ іюль 1720 года въ Парижъ былъ посланъ поручикъ гвардіи гр. Платонъ Иван. Мусинъ-Пушкинъ, которому вельно было дьйствовать секретно отъ Шлейница. Въ августь 1720 года чрезвычайнымъ посланникомъ въ Парижъ былъ назначенъ князь Вас. Лук. Долгорукій, который замьнилъ Шлейница въ началь 1721 года. Князь Долгорукій оставался въ Парижь до іюля 1722 года. На его мьсто, но безъ офиціальнаго характера, назначили молодого кн. Александра Бор. Куракина, а въ 1723 году также молодого гр. Александра Гавр. Головкина, сына канцлера. Но въ 1724 году Петръ нашелъ необходимымъ ввьрить дипломатическій постъ въ Парижь старому и опытному дипломату кн. Борису Ивановичу Куракину, бывшему до тьхъ поръ русскимъ посланникомъ въ Голландіи и принимавшему участіе при заключеніи амстердамскаго договора. Кн. Б. И. Куракинъ оставался въ Парижь до октября 1727 года.

Что касается французскихъ представителей въ Россіи, то еще при жизни Людовика XIV въ 1714 году въ Петербургъ былъ посланъ де Лави въ качествь консула. Швеція протестовала. Появленіе французскаго консула въ Петербургь, по ея мньнію, было бы равносильно признанію со стороны Франціи завоеваній царя. Званіе консула де Лави офиціально получилъ поэтому только посль Ништадтскаго мира. Онъ очень дьятельно, хотя и безуспьшно, старался въ пользу заключенія торговаго договора между Россіей и Франціей и указывалъ своему правительству на выгоды отъ такого договора. Де Лави пробылъ въ Петербургь до 1724 года.

Въ 1718 году французское правительство намьтило чрезвычайнымъ посланникомъ въ Россію де Вертона, но посольство его не состоялось. Вмьсто него дипломатическіе интересы Франціи при русскомъ дворь были поручены французскому посланнику въ Швеціи де Кампредону. Главными вопросами дипломатическихъ сношеній между Россіею и Франціею въ это время было посредничество Франціи при заключеніи мира со Швеціею, вопросъ объ императорскомъ титуль русскаго царя и о бракь дочери Петра, Елизаветы Петровны, съ однимъ изъ членовъ французскаго королевскаго дома.

Въ цьляхъ переговоровъ о мирь Кампредонъ ьздилъ изъ Стокгольма въ Россію. Франція отстаивала интересы Швеціи, и выгоды для Россіи Ништадтскаго мира, закончившаго Сьверную войну, вовсе не были резуль-

татомъ французскаго вмѣшательства. Они были обусловлены исключительно успѣхами русскаго оружія.

Послѣ Ништадтскаго мира Кампредонъ въ 1721 году сдѣлался полномочнымъ министромъ при русскомъ дворѣ. До того времени онъ стоялъ на сторонѣ Швеціи; теперь же сдѣлался ревностнымъ сторонникомъ франко-русскаго союза. Благодаря содѣйствію Кампредона, 12 іюня 1724 г. былъ заключенъ русско-турецкій договоръ, которымъ предотвращена война между Россіей и Турціей и разграничены ихъ владѣнія на Кавказѣ; Кампредонъ старался также помирить русскаго императора съ англійскимъ королемъ. Въ Парижѣ, однако, не цѣнили такой политики и довольно равнодушно относились къ дружбѣ съ Россіей.

Первый реверансъ (Пасъ).

Кромѣ дипломатическихъ отношеній, видную роль въ сношеніяхъ между Россіей и Франціей въ концѣ царствованія Петра играли проекты о выдачѣ Елизаветы Петровны замужъ. Проекты эти стали возникать со времени посѣщенія Парижа Петромъ I. Въ 1721 г. кн. Долгорукому было поручено хлопотать о бракѣ Елизаветы Петровны съ королемъ Людовикомъ XV. Когда узнали, что король помолвленъ съ испанской принцессой, возникъ проектъ выдать замужъ Елизавету Петровну за герцога Шартрскаго, старшаго сына регента. Дѣло, повидимому, налаживалось, но смерть регента въ 1723 г. разрушила надежды, и Петру такъ и не удалось выдать свою дочь за французскаго принца. Не удалось ему заключить и торговый союзъ съ Франціей. Съ появленіемъ во Франціи у власти герцога Бурбонскаго, французское правительство стало больше интересоваться сближеніемъ съ Англіей, чѣмъ союзомъ съ Россіей. Франція попрежнему упорно отказывалась признать за русскими государями императорскій титулъ и признала его только въ 1745 году.

Преемница Петра Екатерина I и Меншиковъ были склонны къ союзу съ Франціей. Когда бракъ Людовика XV съ испанской инфантой разстроился, снова оживилась надежда выдать Елизавету Петровну за французскаго короля. Но герцогъ Бурбонскій женилъ его на дочери Станислава Лещинскаго. Послѣ этого рука Елизаветы Петровны была предложена самому герцогу Бурбонскому. Онъ, однако, отклонилъ предложеніе.

Эта обида, съ одной стороны, поддержка, оказанная Франціей и Англіей Даніи противъ Голштиніи, гдѣ царствовалъ зять русской императрицы,—съ другой—вызвали замѣтное охлажденіе въ отношеніяхъ между Россіей и Франціей и повели къ важному шагу въ европейской политикѣ. Австрійская партія съ Ягужинскимъ во главѣ взяла при русскомъ дворѣ перевѣсъ. Кампредону послѣ этого нечего было дѣлать въ Петербургѣ, и онъ 31 мая (нов. ст.) 1726 года покинулъ русскую столицу, оставивъ въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ своего секретаря Маньяна. Вскорѣ послѣ этого 6 августа 1726 года русскій посланникъ въ Вѣнѣ Ланчинскій подписалъ оборонительный и наступательный союзъ съ Австріей. Это было событіе первостепенной важности, оставившее крупные слѣды въ европейской политикѣ не только XVIII, но и XIX столѣтія. Европа послѣ этого раздѣлилась на два противныхъ лагеря. На одной сторонѣ стояли Австрія и Испанія, поддерживаемыя Россіей, на другой—Франція, Англія и Голландія.

Маньянъ не получилъ вѣрительныхъ грамотъ и ограничивался только донесеніемъ своему правительству обо всемъ, что происходило въ Россіи. Ни въ какія отношенія съ русскимъ правительствомъ въ царствованіе Екатерины I и Петра II онъ не вступалъ. Въ такомъ же положеніи находились и русскіе представители во Франціи—до 1727 года кн. Борисъ Ив. Куракинъ, съ 1727 г. по 1731 г. сынъ его Александръ Бор. Куракинъ и, наконецъ, съ іюля 1731 года гр. Эрнестъ Минихъ.

Въ царствованіе Анны Ивановны, когда во главѣ русскаго правительства стояли нѣмцы, не могло быть и рѣчи о франко-русскомъ союзѣ. Противъ него былъ руководитель иностранной политики Россіи Остерманъ. Кромѣ того, Россія съ Франціей столкнулись въ польскомъ вопросѣ. Въ 1733 году умеръ польскій король Августъ II. Франція провела избраніе на польскій престолъ тестя французскаго короля Станислава Лещинскаго. Россія и Австрія оспаривали это избраніе. Французское правительство отозвало изъ Россіи Маньяна, который передалъ было свои бумаги консулу Вилардо; но вскорѣ, когда началась война Россіи съ Польшей, былъ отозванъ и Вилардо. Всякія сношенія между Франціей и Россіей прекратились. Станиславъ Лещинскій былъ осажденъ русскими войсками въ Данцигѣ. Франція оказала ему помощь, но не спасла для него тронъ. Данцигъ былъ взятъ русскими войсками, Станиславъ Лещинскій бѣжалъ, много французовъ попало въ плѣнъ къ русскимъ. Подъ давленіемъ Россіи и Австріи польскимъ королемъ былъ избранъ Августъ III.

Во время осады Данцига французское правительство рѣшило путемъ дипломатическихъ переговоровъ сохранить престолъ для Станислава Лещинскаго. Въ этихъ видахъ въ Петербургъ былъ посланъ аббатъ Ланглуа, подъ именемъ итальянца Бернардони. Ему поручено было тайно развѣдать о настроеніи русскаго двора и заключить съ Россіей трактаты и

конвенціи, которыя онъ найдетъ удобными. Бернардони прибылъ, однако, въ Петербургъ слишкомъ поздно. Все было кончено. Королемъ былъ избранъ Августъ III. Бернардони ничего не оставалось дѣлать, какъ уѣхать обратно.

Въ декабрѣ 1734 года онъ покинулъ Петербургъ. Веденіе дѣлъ онъ поручилъ послѣ себя дипломатическому агенту Фонтону де Летанъ, пріѣхавшему вскорѣ послѣ Бернардони хлопотать объ освобожденіи плѣнныхъ французовъ. Летана въ Петербургѣ приняли сначала любезно. Вскорѣ, однако, Остерманъ сталъ поступать съ нимъ невѣжливо и совѣтовалъ уѣхать. Летану пришлось послѣдовать его совѣту. Онъ уѣхалъ въ началѣ 1735 года, не достигнувъ своей цѣли.

Еще раньше, едва только началось столкновеніе изъ-за Польши, Минихъ былъ отозванъ изъ Парижа. Наступилъ полный разрывъ отношеній между Россіей и Франціей. Правительства обѣихъ державъ узнавали о дѣлахъ другъ друга только при посредствѣ посланниковъ другихъ державъ.

Французскій посолъ въ Константинополѣ Вильневъ вредилъ Россіи, возстановлялъ противъ нея Турцію и не мало способствовалъ русско-турецкой войнѣ. Война началась въ 1737 году. Россія дѣйствовала въ союзѣ съ Австріей. Во время войны ирландскій выходецъ графъ Лалли-Толандаль, ненавидѣвшій Англію, задумалъ отвлечь отъ нея Францію и сблизить съ Россіей. Лалли-Толандаль самъ вызвался на поѣздку въ Россію. Французское правительство согласилось, но не дало ему никакихъ инструкцій. По пріѣздѣ въ Петербургъ, Лалли-Толандаль видѣлся и бесѣдовалъ съ Остерманомъ и Бирономъ, но дальше не зналъ, что дѣлать, и вернулся въ Парижъ. Поѣздка его все-таки не осталась безъ послѣдствій для возобновленія сношеній между Россіей и Франціей.

Кн. В. Л. Долгорукій.

Дѣла австрійцевъ въ турецкую войну шли между тѣмъ плохо, и французскіе дипломаты стали совѣтовать Австріи заключить отдѣльный миръ съ Турціей. Въ концѣ 1737 года австрійскій императоръ, дѣйствительно, обратился за посредничествомъ къ Франціи. Въ слѣдующемъ 1738 г. хуже стали итти и дѣла русскихъ. Россія также стала склоняться къ миру и приняла посредничество французскаго посла въ Константинополѣ Вильнева. Въ связи съ этимъ были возобновлены и дипломатическія отношенія между Россіей и Франціей. Изъ Лондона въ Парижъ въ 1738 г. былъ переведенъ русскимъ посланникомъ извѣстный писатель Антіохъ Дмитріевичъ Кантемиръ, пробывшій послѣ этого въ Парижѣ до самой своей смерти въ 1744 году. Людовикъ XV, въ свою очередь, согласился имѣть своего представителя въ Петербургѣ и назначилъ де-Волгренана. Когда же тотъ отказался, то въ декабрѣ 1739 года французскимъ посланникомъ въ Петербургъ былъ назначенъ маркизъ де-ла-Шетарди.

Война съ Турціей въ это время продолжалась. Въ 1739 году русскіе имѣли успѣхъ. Французскіе дипломаты сумѣли обойти Кантемира, и при ихъ посредствѣ Австрія заключила отдѣльный миръ съ Турціей. Послѣ

этого и русское правительство, несмотря на военныя удачи, обратилось за посредничествомъ къ Вильневу. При его содѣйствіи былъ заключенъ въ 1739 году съ Турціей Бѣлградскій миръ, одинъ изъ самыхъ невыгодныхъ, какіе только приходилось заключать Россіи. Россія ничего не пріобрѣла, кромѣ куска степи между Бугомъ и Днѣпромъ. Азовъ былъ возвращенъ Россіи, но турки должны были срыть его до основанія. Французскій посланникъ въ Константинополѣ Вильневъ, въ качествѣ посредника, дѣйствовалъ, несомнѣнно, вопреки интересамъ Россіи. Тѣмъ не менѣе, онъ и его сожительница были щедро награждены русскимъ правительствомъ.

Маркизъ де-ла-Шетарди пріѣхалъ въ Россію въ 1739 году съ блестящей свитой и обстановкой и вскорѣ завязалъ большія связи съ петербургскимъ обществомъ. Вскорѣ послѣ его пріѣзда въ концѣ 1740 года умерла императрица Анна Ивановна. Правленіе Анны Леопольдовны не могло быть благопріятно для Франціи. Въ вопросѣ объ австрійскомъ наслѣдствѣ Франція и Россія выступили противниками, Франція защищала права на австрійскій престолъ баварскаго курфюрста Карла-Альбрехта, Россія заявила себя защитницей прагматической санкціи и правъ Маріи-Терезіи. Шведскія дѣла также способствовали обостренію отношеній между Россіей и Австріей. Русскій посланникъ въ Швеціи М. П. Бестужевъ-Рюминъ постоянно доносилъ своему правительству объ интригахъ французскихъ посланниковъ противъ Россіи въ Стокгольмѣ. Интриги эти повели, въ концѣ-концовъ, къ полному разрыву между Россіей и Швеціей и къ началу войны между ними. Война не разгорѣлась, благодаря только перемѣнѣ на русскомъ престолѣ. Нельзя удивляться, что среди русскихъ государственныхъ дѣятелей было не мало лицъ, въ числѣ ихъ и вице-канцлеръ гр. М. Г. Головкинъ, которыя настаивали на полномъ разрывѣ съ Франціей. Осторожный Остерманъ, однако, рѣшительно противился такому рѣзкому шагу.

Антіохъ Кантемиръ (портр. Вагнера).

Положеніе маркиза де-ла-Шетарди при подобныхъ обстоятельствахъ было очень труднымъ. Онъ рѣшилъ поэтому добиться разрыва Россіи съ Австріей путемъ переворота. При его участіи былъ задуманъ заговоръ въ пользу Елизаветы Петровны. Посредникомъ между де-ла-Шетарди и цесаревной былъ въ этомъ случаѣ лейбъ-медикъ Лестокъ. Въ виду общаго недовольства господствомъ нѣмцевъ въ русскомъ правительствѣ и Брауншвейгской фамиліей, заговоръ удался. 24 ноября 1741 г. Іоаннъ Антоновичъ былъ свергнутъ. Императрицей сдѣлалась Елизавета Петровна. Маркизъ де-ла-Шетарди сталъ близкимъ къ ней человѣкомъ. Елизавета Петровна спрашивала его совѣта нерѣдко даже по внутреннимъ дѣламъ.

Близость эта продолжалась, впрочемъ, недолго. Франція попрежнему вела интриги въ Швеціи противъ Россіи; о недоброжелательствѣ французскаго правительства къ Россіи говорилъ въ своихъ донесеніяхъ изъ

Парижа Антіохъ Кантемиръ; политику Франціи хорошо понималъ вице-канцлеръ гр. Алексѣй Петр. Бестужевъ-Рюминъ, одинъ изъ выдающихся русскихъ государственныхъ людей XVIII в., руководившій иностранной политикой Россіи большую часть царствованія Елизаветы Петровны. Между вице-канцлеромъ и де-ла-Шетарди началась дипломатическая борьба. А. П. Бестужеву-Рюмину удалось убѣдить императрицу въ опасности руководствоваться совѣтами представителя державы, не расположенной къ Россіи. Шетарди не былъ допущенъ къ участію въ конференціи между русскими и шведскими уполномоченными. Увидѣвъ, что вліяніе его ослабѣло въ Петербургѣ, онъ потребовалъ, чтобы его отозвали, и въ 1742 г. уѣхалъ изъ Россіи. До самаго отъѣзда Шетарди Елизавета Петровна была съ нимъ очень внимательна и щедро наградила.

На мѣсто маркиза де-ла-Шетарди въ Петербургъ былъ назначенъ Даліонъ, секретарь французскаго посольства сначала въ Константинополѣ, затѣмъ въ Петербургѣ. Ему было поручено добиться французскаго посредничества при заключеніи мира между Россіей и Швеціей. Бестужевъ, однако, не допустилъ этого. Миръ въ Або въ 1743 г. былъ заключенъ безъ всякаго посредничества. Россія получила часть Финляндіи съ городами Вильманстрандомъ, Фридрихсгамомъ и Нейшлотомъ.

де-ла-Шетарди.

Скоро, впрочемъ, обстоятельства сложились въ Россіи болѣе благопріятно для французскаго вліянія. Въ августѣ 1743 г. возникло въ Петербургѣ дѣло Лопухиныхъ по обвиненію въ сочувствіи судьбѣ Брауншвейгской фамиліи и въ порицаніи правительства. Въ дѣло былъ запутанъ и австрійскій посланникъ маркизъ Ботта. Это могло подорвать дружбу Россіи съ Австріей. Не довѣряя способностямъ Даліона, французское правительство рѣшило отправить вторично въ Петербургъ де-ла-Шетарди. Кантемиръ возражалъ противъ этой посылки, ссылаясь на враждебное отношеніе къ Шетарди русскихъ министровъ. Но изъ Петербурга было получено извѣстіе, что императрица относится къ пріѣзду де-ла-Шетарди очень благосклонно.

Посылая де-ла-Шетарди въ Россію, французское правительство дало ему полную свободу дѣйствій. Де-ла-Шетарди было вручено два письма Людовика XV къ Елизаветѣ Петровнѣ. Въ одномъ изъ нихъ былъ употребленъ императорскій титулъ. Воспользоваться этимъ письмомъ предоставлено было усмотрѣнію де-ла-Шетарди, смотря по обстоятельствамъ.

Шетарди явился въ Петербургъ частнымъ человѣкомъ. Несмотря на требованіе своего правительства, онъ во все время своего пребыванія не вручилъ императрицѣ ни вѣрительныхъ грамотъ, ни писемъ Людовика XV.

Его, тѣмъ не менѣе, принимали очень любезно. Съ Даліономъ де-ла-Шетарди скоро разссорился, и тотъ уѣхалъ въ Парижъ. Самъ же Шетарди занялся борьбой съ вице-канцлеромъ Бестужевымъ, подкупалъ русскихъ вельможъ и усиленно распространялъ слухъ, что Бестужевъ подкупленъ Англіей и Австріей. Бестужевъ, въ свою очередь, не дремалъ. Онъ организовалъ правильную перлюстрацію писемъ и депешъ де-ла-Шетарди и, когда ихъ набралось достаточно, представилъ на усмотрѣніе Елизаветы Петровны тѣ изъ нихъ, въ которыхъ французскій посланникъ непочтительно отзывался о русской императрицѣ. Это произвело сильное впечатлѣніе. По совѣту Бестужева, де-ла-Шетарди было предложено въ 24 часа оставить Россію. Французское правительство было очень недовольно поведеніемъ де-ла-Шетарди. Людовикъ XV приказалъ ему жить въ своемъ имѣніи и не показываться ко двору.

Послѣ отъѣзда де-ла-Шетарди французскимъ посланникомъ въ Петербургъ пріѣхалъ снова Даліонъ. Вѣрительныя грамоты, которыя онъ вручилъ въ 1745 г. русскому правительству, заключали въ себѣ признаніе императорскаго титула за русскими государями. За это Даліонъ былъ награжденъ андреевской лентой. Успѣха въ Петербургѣ онъ не имѣлъ, хотя много потратилъ денегъ на подкупъ русскихъ вельможъ и ихъ женъ. Бестужевъ попрежнему руководилъ иностранной политикой, теперь уже въ званіи канцлера, и попрежнему оставался врагомъ Франціи.

Въ 1744 году Пруссія, а за нею Франція и Испанія объявили войну Австріи. Австрійская императрица Марія-Терезія прислала въ Петербургъ чрезвычайнаго посла, чтобы загладить неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное дѣломъ маркиза Ботты. Это ей удалось. Въ маѣ 1747 года между Россіей и Австріей, благодаря А. П. Бестужеву, былъ заключенъ союзный трактатъ съ обязательствомъ, въ случаѣ нужды, оказывать другъ другу помощь. Французское правительство убѣдилось, что Даліонъ въ Петербургѣ ничего не можетъ сдѣлать, и въ 1748 г. отозвало его. Дипломатическія дѣла были поручены французскому консулу Сенъ-Соверу. Надѣялись на его близость къ Бестужеву, а потому вѣрили въ его успѣхъ. Но напрасно. Русское правительство вскорѣ отправило тридцатитысячный отрядъ на Рейнъ въ помощь Англіи и Голландіи противъ Франціи. Сенъ-Соверъ послѣ этого былъ отозванъ, и дипломатическія сношенія у Франціи съ Россіей прерваны. Нѣсколько позже въ концѣ 1748 года былъ отозванъ изъ Парижа и русскій посланникъ Гроссъ. Онъ замѣнилъ собою Кантемира, умершаго въ 1744 г. въ Парижѣ. Положеніе Гросса въ послѣднее время было очень тяжелое, такъ какъ ему приходилось выслушивать довольно рѣзкія выходки со стороны французскаго министра иностранныхъ дѣлъ. Гроссъ былъ переведенъ въ Берлинъ. На его мѣсто никто не былъ назначенъ.

Франція продолжала интриговать противъ Россіи въ Швеціи, Турціи и Польшѣ. Практическихъ результатовъ интриги эти, однако, не имѣли. Русскія войска дошли до Рейна, но участія въ войнѣ не приняли. При ихъ приближеніи, въ Аахенѣ въ 1748 году былъ заключенъ миръ между Франціей и Испаніей—съ одной стороны, Австріей, Англіей и Голландіей—съ другой.

Семь лѣтъ, начиная съ іюня 1748 г. по іюнь 1755 года, продолжался разрывъ между Франціей и Россіей, и не было между ними дипломатиче-

скихъ сношеній. Необходимыя свѣдѣнія о дѣлахъ обѣ державы узнавали черезъ иностранныхъ дипломатовъ или собирали окольными путями черезъ разныхъ посредниковъ. Однимъ изъ такихъ посредниковъ являлся, между прочимъ, и французскій негоціантъ Мишель изъ Руана. Онъ имѣлъ галантерейную торговлю въ Петербургѣ и, благодаря этому, имѣлъ связи съ петербургскимъ высшимъ обществомъ и даже дворомъ. Въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Парижъ Мишель, вѣроятно, не безъ согласія императрицы, сообщилъ французскому министру иностранныхъ дѣлъ о готовности Россіи снова сблизиться съ Франціей. Около того же времени Людовикъ XV взялъ руководство иностранной политикой въ свои руки. На ряду съ обыкновенной дипломатіей во Франціи возникла дипломатія тайная, о которой министры часто и не знали. При помощи ея король велъ свою политику независимо или даже въ противовѣсъ политикѣ министровъ. Такой тайной политикѣ и обязано возстановленіе дипломатическихъ сношеній между Франціей и Россіей.

Г. А. Потемкинъ. (Пис. Лампи).

Когда извѣстіе, привезенное Мишелемъ, подтвердилось и изъ другихъ источниковъ, въ Петербургъ тайно былъ посланъ шотландецъ Мекензи Дугласъ. Онъ привезъ въ Парижъ свѣдѣнія, благопріятныя для сближенія. О желаніи императрицы сблизиться съ Франціей было заявлено Дугласу официально вице-канцлеромъ Воронцовымъ.

Престижъ канцлера Бестужева, врага Франціи, былъ въ то время нѣсколько поколебленъ. Бестужевъ сдѣлалъ ошибку, заключивъ союзъ съ Англіей противъ Пруссіи, тогда какъ оказалось, что Пруссія также заключила съ Англіей союзъ. Франція была теперь озабочена, чтобы въ предстоящей войнѣ (это была война семилѣтняя) Россія сохранила нейтралитетъ. Съ цѣлью добиться этого отправили въ Петербургъ вторично Дугласа, но теперь уже открыто, оффиціально. Въ отвѣтъ на его посоль-

ство въ Парижъ, несмотря на протесты Бестужева, настаивавшаго на разрывѣ съ Франціей, былъ назначенъ повѣреннымъ въ дѣлахъ Бехтѣевъ, человѣкъ близкій къ вице-канцлеру Воронцову, расположенному къ сближенію съ Франціей.

1 мая (нов. ст.) 1756 г. въ иностранной политикѣ Франціи произошелъ рѣшительный поворотъ. Старая вражда къ Габсбургамъ была забыта, и между Австріей и Франціей заключенъ оборонительный договоръ. Къ нему 31 декабря 1756 года присоединилась и Россія.

Такимъ образомъ, послѣ продолжительнаго перерыва между Франціей и Россіей стали завязываться дружественныя отношенія. Дугласъ и Бехтѣевъ были только повѣренными въ дѣлахъ. Ихъ замѣнили теперь чрезвычайными посланниками. Въ Парижъ назначили брата русскаго канцлера гр. М. П. Бестужева-Рюмина, а въ Петербургъ—маркиза де-Лопиталь.

Французское правительство снабдило Лопиталя обширными инструкціями. Въ нихъ, между прочимъ, рекомендовалось обратить особое вниманіе на молодой дворъ, т.-е. на наслѣдника престола, будущаго Петра III и его жену Екатерину Алексѣевну. Англійскій посолъ Вильямсъ, устраивавшій денежный кредитъ молодому двору, пользовался тамъ большимъ вліяніемъ. На сторонѣ Англіи стоялъ и молодой саксонскій посланникъ при русскомъ дворѣ графъ Станиславъ Понятовскій, находившійся въ близкихъ интимныхъ отношеніяхъ къ великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. Лопиталь вмѣстѣ съ вице-канцлеромъ Воронцовымъ добились, путемъ интригъ, отозванія Понятовскаго изъ Россіи. Екатерина не могла, конечно, простить этого Франціи.

8 сентября 1757 года съ императрицей Елизаветой Петровной сдѣлался первый угрожающій обморокъ. Францію это встревожило. Людовикъ XV командировалъ въ Петербургъ знаменитаго хирурга и акушера Пуассонье, который и поставилъ императрицу на ноги. Это еще болѣе расположило Елизавету Петровну къ Франціи и Людовику XV. Личную симпатію къ французскому королю она питала давно, еще со времени перваго сватовства, хотя никогда въ глаза не видала Людовика XV.

Главный интересъ дипломатическихъ сношеній въ то время представляла семилѣтняя война, которая была въ полномъ разгарѣ. Благодаря стараніямъ французскаго посланника въ Швеціи, между Швеціей, Франціей и Австріей была заключена конвенція. Россія присоединилась къ ней. При русскомъ войскѣ находились французскіе агенты. Между ними и видный военный писатель Монталамберъ. Французы внимательно слѣдили за русскими побѣдами, а Лопиталь въ Петербургѣ—за перемѣнами въ настроеніи двора.

Отступленіе русскаго главнокомандующаго гр. Апраксина послѣ побѣды вызвало большое негодованіе среди французовъ и австрійцевъ. Оно повело за собою большія послѣдствія. Апраксинъ былъ смѣненъ. Съ нимъ былъ друженъ гр. А. П. Бестужевъ. Враги канцлера воспользовались этимъ, чтобы запутать и канцлера. Онъ былъ смѣщенъ и сосланъ въ Сибирь. Паденіе А. П. Бестужева, естественно, должно было укрѣпить вліяніе Франціи. Канцлеромъ былъ назначенъ гр. Мих. Илар. Воронцовъ, прежній вице-канцлеръ, всегда симпатизировавшій Франціи и сближенію съ нею.

Во Франціи между тѣмъ относились попрежнему недружелюбно къ Россіи, особенно когда въ 1759 году министромъ иностранныхъ дѣлъ сдѣлался гр. Шуазель. Поклонникъ сближенія съ Австріей, онъ не хотѣлъ допустить, на случай заключенія мира, никакихъ пріобрѣтеній для Россіи въ Восточной Пруссіи.

Болѣзнь Елизаветы Петровны заставляла французское правительство обращать больше вниманія на молодой дворъ. Со времени отозванія Станислава Понятовскаго Лопиталь не пользовался расположеніемъ Екатерины. Онъ, кромѣ того, былъ старъ и боленъ. Людовикъ XV также мало довѣрялъ ему и помимо него велъ секретную переписку съ секретаремъ посольства, кавалеромъ д'Еономъ и даже съ русскою императрицей. Лопиталь не годился для дѣятельной политики. Его, тѣмъ не менѣе, не уволили, а въ декабрѣ 1760 года прикомандировали къ нему молодого барона де-Бретейля въ качествѣ тайнаго агента. Лопиталь понялъ ложность своего положенія и поспѣшилъ уйти. Въ мартѣ 1761 года де-Бретейль сдѣлался полномочнымъ министромъ Франціи при русскомъ дворѣ. Французское правительство подняло вопросъ о возвращеніи Станислава Понятовскаго къ русскому двору. Но противъ этого запротестовала императрица. Послѣ этого Шуазель намѣчалъ планъ интимнаго сближенія съ вел. княгиней Екатериной барона де-Бретейля, хотя у Бретейля была жена, которую онъ любилъ. Коварный планъ Шуазеля остался невыполненнымъ.

Станиславъ Понятовскій.

Въ инструкціяхъ, которыя были даны имъ де-Бретейлю, явно обнаруживалось недоброжелательство французскаго правительства по отношенію къ Россіи. Объ этомъ недоброжелательствѣ доносилъ и гр. М. П. Бестужевъ-Рюминъ. Онъ умеръ русскимъ посланникомъ въ Парижѣ въ 1760 г. Въ послѣднее время при немъ, для помощи, находился, въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ, князь Дм. Алексѣевичъ Голицынъ. Кн. Голицынъ временно и замѣстилъ, послѣ смерти, графа М. П. Бестужева, пока въ 1766 г. полномочнымъ посланникомъ во Франціи не былъ назначенъ гр. Петръ Гр. Чернышевъ.

Въ Петербургѣ переговоры между русскимъ правительствомъ и де-Бретейлемъ вращались, главнымъ образомъ, вокругъ вопроса о заключеніи мира. Франція попрежнему направляла всѣ свои усилія на то, чтобы Россія не получила вознагражденія. Обращалъ на себя вниманія и польскій вопросъ. Августъ III былъ старъ. Въ вопросѣ о замѣщеніи польскаго престола интересы Россіи и Франціи сталкивались. Французскому

послу въ Петербургу было поэтому предписано изъ Парижа воздерживаться отъ заключенія договора съ русскимъ правительствомъ.

25 декабря 1761 года умерла императрица Елизавета Петровна. Преемникъ ея Петръ III былъ большимъ поклонникомъ Фридриха II, его дѣйствія рѣзко измѣнили прежнія политическія комбинаціи. Война съ Фридрихомъ была прекращена. 8 іюня 1762 г. между Россіей и Пруссіей былъ подписанъ союзный трактатъ. Россія обязывалась дать Пруссіи вспомогательный отрядъ противъ Австріи и субсидію противъ Франціи. Положеніе французскаго посла въ Петербургѣ было очень тяжелымъ, и онъ уѣхалъ въ Варшаву. Незадолго до отъѣзда къ нему явился пьемонтецъ Адаръ, намекалъ на готовящійся въ Россіи переворотъ и на ту роль, которую, подобно Шетарди, де-Бретейль могъ сыграть въ этомъ переворотѣ. Де-Бретейль не обратилъ на это, однако, вниманія. Переворотъ 28 іюня 1762 года произошелъ въ его отсутствіе и безъ всякаго участія Франціи. Въ Парижѣ были этимъ очень недовольны, но де-Бретейль не былъ уволенъ и вернулся въ Петербургъ.

Съ воцареніемъ Екатерины II Бретейлю даны были новыя инструкціи. Французское правительство не вѣрило, что Екатерина утвердится на престолѣ. Оно поэтому рекомендовало Бретейлю держать Россію подальше отъ европейской политики и поддерживать въ русскихъ дѣлахъ хаосъ, который выгоденъ для Франціи. Бретейлю, однако, не удалось ничего сдѣлать; даже путемъ подкуповъ не удалось создать себѣ болѣе или менѣе значительную партію. Въ 1763 года онъ былъ переведенъ въ Швецію, гдѣ всячески старался дѣйствовать противъ Россіи. Екатерина II это предвидѣла и сказала объ этомъ Бретейлю на прощанье.

Уѣзжая изъ Россіи, Бретейль поручилъ всѣ дѣла секретарю посольства Беранже. Полномочный министръ маркизъ де-Боссе пріѣхалъ въ Петербургъ только въ 1765 году и оставался недолго. Онъ умеръ въ Петербургѣ въ 1767 году. Что касается русскихъ представителей въ Парижѣ за это время, то гр. Чернышевъ былъ замѣненъ въ концѣ 1762 г. гр. Сер. Вас. Салтыковымъ, бывшимъ любимцемъ Екатерины II, а въ слѣдующемъ 1763 году кн. Дм. Алексѣев. Голицынымъ, состоявшимъ во Франціи еще при гр. М. П. Бестужевѣ-Рюминѣ.

Въ 1763 г. умеръ польскій король Августъ III. Франція проводила на престолъ сына его Ксаверія. Былъ избранъ, однако, русскій кандидатъ гр. Станиславъ Понятовскій. Противъ этого избранія образовались враждебныя въ Польшѣ конфедераціи. Франція поддерживала ихъ субсидіями. Много французскихъ авантюристовъ пріѣхало въ Польшу. Былъ посланъ даже генералъ Дюмурье, впослѣдствіи прославившійся во время революціонныхъ войнъ.

Не успѣвъ въ Польшѣ, французское правительство обратило вниманіе на Турцію. Французскій посланникъ въ Константинополѣ Верженнъ старался возбуждать турецкое правительство противъ Россіи. Его политика удалась. Въ 1768 году Турція объявила войну Россіи. Русскій посланникъ Обрѣзковъ былъ заключенъ въ Семибашенный замокъ.

Враждебная политика Франціи сказалась и въ формѣ сношеній. Французское правительство стало избѣгать императорскаго титула по отношенію къ Екатеринѣ II. Императрица протестовала. Отношенія на этой почвѣ

такъ обострились, что въ августѣ 1767 г. изъ Парижа былъ отозванъ кн. Д. А. Голицынъ и замѣненъ Ник. Конст. Хотинскимъ, въ качествѣ только повѣреннаго въ дѣлахъ. Францiя также не назначила полномочнаго министра въ Петербургъ послѣ смерти въ 1767 года маркиза де-Боссе. Интересы ея были представлены повѣренными въ дѣлахъ, сначала аббатомъ Гюйо Дюссiеромъ, а затѣмъ Сабатье де-Карбомъ; тайнымъ агентомъ Людовика XV въ Петербургѣ былъ въ это время консулъ Росиньолъ.

Какъ разъ во время этого нарушенiя правильныхъ дипломатическихъ сношенiй возникъ вопросъ о первомъ раздѣлѣ Польши. Францiя спохватилась и рѣшила спасти Польшу. Въ сентябрѣ 1772 года въ Петербургъ былъ посланъ опытный дипломатъ Дюранъ. Пришлось сдѣлать уступку и относительно титула русской императрицы. Его стали писать во Францiи по-латыни подъ предлогомъ, что онъ не соотвѣтствуетъ характеру французскаго языка. На назначенiе Дюрана Екатерина отвѣтила назначенiемъ въ январѣ 1773 года посланникомъ въ Парижѣ князя Ив. Серг. Барятинскаго.

Дюранъ прибылъ въ Петербургъ поздно. Вопросъ о раздѣлѣ Польши былъ уже рѣшенъ окончательно. Дюранъ ходатайствовалъ объ освобожденiи изъ русскаго плѣна французовъ, помогавшихъ Польшѣ. О томъ же писалъ Екатеринѣ и знаменитый Даламберъ. Но императрица до поры до времени отказала въ этой просьбѣ.

Дѣла въ Турцiи складывались также не въ пользу Францiи. Турки терпѣли пораженiя. Дюранъ предлагалъ посредничество Францiи для заключенiя мира. Екатерина и руководитель иностранной политики Россiи гр. Никита Ив. Панинъ рѣшительно это отклонили. Когда Дюранъ сдѣлалъ попытку передать свою записку о посредничествѣ Екатеринѣ черезъ гостившаго тогда въ Петербургѣ Дидро, императрица бросила записку, не читая, въ каминъ и рѣзко прервала объ этомъ разговоръ съ Дидро. Кучукъ-кайнарджiйскiй миръ былъ заключенъ Россiей самостоятельно и не могъ быть прiятенъ Францiи. Россiя прiобрѣла право свободнаго плаванiя по Черному морю и важныя владѣнiя на сѣверномъ берегу этого моря.

Въ 1774 году умеръ Людовикъ XV. Секретная дипломатiя послѣ его смерти была уничтожена. Отношенiя Францiи къ Россiи получили болье миролюбивый характеръ. Новый французскiй посланникъ въ Петербургѣ маркизъ де-Жюинье, пользовавшiйся расположенiемъ Екатерины и замѣнившiй въ 1775 году Дюрана, старался о сближенiи французскаго двора съ русскимъ. Но Жюинье оставался въ Петербургѣ не долго. Климатъ былъ ему вреденъ. Въ ноябрѣ Жюинье покинулъ русскую столицу. До 1780 года повѣреннымъ въ дѣлахъ оставался Буре де-Корберонъ, посвящая себя изученiю русскаго двора, политики и администрацiи. Въ iюлѣ 1780 года французскимъ посланникомъ въ Петербургъ прiѣхалъ маркизъ де-Веракъ. Русскимъ представителемъ въ Парижѣ попрежнему оставался кн. И. С. Барятинскiй.

Францiя стремилась показывать знаки своего дружескаго расположенiя къ Россiи. Она старалась удерживать Турцiю отъ выступленiй противъ Россiи, способствовала заключенiю въ 1779 году конвенцiи, подтвердившей Кучукъ-кайнарджiйскiй миръ. Французскiй посолъ въ Константинополь

де-При въ послѣднее время дѣйствовалъ настолько въ интересахъ Россіи, что за это былъ даже отозванъ со своего поста.

Вопросъ о баварскомъ наслѣдствѣ, открывшемся въ 1777 году послѣ смерти баварскаго курфюрста Максимиліана, способствовалъ новому сближенію между Россіей и Франціей. Когда за это наслѣдство началась война между Австріей и Пруссіей, Россія и Франція рѣшили совмѣстными силами уладить конфликтъ. Въ 1779 году въ Тешенѣ по этому поводу былъ собранъ конгрессъ. Представителемъ Россіи на немъ былъ кн. Н. В. Репнинъ, а со стороны Франціи—де-Бретейль. Благодаря, главнымъ образомъ, Репнину, между Австріей и Пруссіей былъ заключенъ трактатъ, возстановившій въ силѣ вестфальскій договоръ 1648 года. Екатерина II предлагала послѣ этого свое посредничество въ войнѣ между Франціей и Англіей, но Франція отклонила предложеніе.

Несмотря на сближеніе, тѣсной дружбы между Франціей и Россіей, однако, не было. Въ 1782 году Парижъ посѣтилъ наслѣдникъ русскаго престола Павелъ Петровичъ съ супругой подъ именемъ графа Сѣвернаго. Это было первое посѣщеніе французской столицы членомъ русской императорской фамиліи послѣ Петра I. Графа и графиню Сѣверныхъ приняли въ Парижѣ очень любезно, но политическихъ результатовъ поѣздка ихъ не имѣла.

Около того времени произошло рѣзкое измѣненіе въ русской политикѣ. Гр. Н. И. Панинъ палъ. Его сѣверная система, имѣвшая въ виду

Моды (Франція XVIII вѣка).

объединить сѣверныя европейскія государства—Россію, Пруссію, Англію, Данію, Швецію и Польшу—противъ австро-французскаго союза и южныхъ государствъ, потерпѣла крушеніе. Гр. Н. И. Панина замѣнилъ вице-канцлеръ гр. Ив. Андр. Остерманъ, но фактическимъ руководителемъ внѣшней политики Россіи сталъ теперь кн. Гр. Ал. Потемкинъ, а затѣмъ гр. Александръ Андр. Безбородко.

Вниманіе Потемкина было обращено, главнымъ образомъ, на Турцію. Онъ сталъ съ этой цѣлью усиленно колонизовать Новороссію, строить порты и заводить флотъ на Черномъ морѣ. Былъ созданъ греческій проектъ, имѣвшій цѣлью прогнать турокъ изъ Европы и возстановить греческую имперію подъ властью внука Екатерины II, Константина Павловича. Въ 1783 году былъ присоединенъ къ Россіи Крымъ. Ко всему этому Франція, пользовавшаяся давнимъ вліяніемъ и значеніемъ въ Турціи и извлекавшая оттуда не мало выгодъ, не могла, конечно, относиться равнодушно. Французское правительство поэтому старалось тайно помогать Турціи и посылало туда своихъ инженеровъ.

А. А. Безбородко. (Пис. Лампи).

Въ такой важный моментъ де-Веракъ оказался неудобнымъ и былъ замѣненъ графомъ Сегюромъ. Замѣна эта произошла, впрочемъ, не сразу. Съ ноября 1783 г. по мартъ 1785 г. дипломатическими дѣлами Франціи въ Петербургѣ завѣдывали повѣренные въ дѣлахъ Кайларъ, а затѣмъ Шареттъ де-ла-Колиньеръ.

Ко времени прибытія въ Петербургъ въ мартѣ 1785 года графа Сегюра въ отношеніяхъ между Франціей и Россіей наступило замѣтное охлажденіе. Сегюру удалось уменьшить его, благодаря сближенію съ Потемкинымъ. Въ 1786 году былъ заключенъ первый торговый договоръ между Франціей и Россіей.

Мысль о торговомъ договорѣ давно уже назрѣла. О немъ не одинъ разъ поднимался вопросъ въ теченіе XVII в. Говорилось о немъ и при Петрѣ I. При Петрѣ II торговому договору удѣлено было не мало мѣста въ донесеніяхъ Маньяна французскому правительству. Политическія событія, однако, тормозили заключеніе договора. Внѣшняя торговля Россіи между тѣмъ замѣтно развивалась. Въ началѣ царствованія Екатерины II русскіе торговые корабли появились въ Средиземномъ морѣ. Въ 1767 году было учреждено русское консульство въ Бордо. На необходимость заключенія торговаго договора указывали русскіе посланники Д. А. Голицынъ и затѣмъ Ив. Матв. Симолинъ.

Симолинъ былъ послѣднимъ русскимъ посланникомъ въ Парижѣ до французской революціи. Онъ замѣнилъ собою въ 1784 г. гр. Арх. Ив. Моркова, пробывшаго въ Парижѣ около года послѣ князя Барятинскаго. Симолинъ, на котораго французское правительство сумѣло оказать свое вліяніе, дѣятельно поддерживалъ мысль о торговомъ договорѣ. Подданные обоихъ государствъ, по этому договору, получили возможность пользоваться вольностью торговли сообразно съ законами каждой изъ договорившихся странъ.

(Народн. картинки Ровинскаго).

Заключивъ торговый договоръ, гр. Сегюръ усиленно сталъ подготовлять заключеніе союза между Россіей и Франціей. Екатерина II и Потемкинъ не были расположены къ этому союзу, но нѣкоторые русскіе министры стояли за него. Шансы союза увеличивались, благодаря порчѣ отношеній между Россіей и Пруссіей. Гр. Сегюръ хлопоталъ предъ своимъ правительствомъ объ отозваніи французскихъ инженеровъ изъ Турціи, такъ какъ боялся, что посылка въ Турцію инженеровъ можетъ повредить союзу. Въ 1787 году Екатерина предприняла свое знаменитое путешествіе на югъ Россіи. Гр. Сегюръ получилъ приглашеніе принять въ немъ участіе. Помимо личнаго расположенія къ французскому посланнику императрицы, въ этомъ приглашеніи сказыва-

лось и желаніе показать ему силу и экономическое развитіе юга Россіи наканунѣ второй войны съ Турціей. Франція продолжала втайнѣ помогать Оттоманской Портѣ, несмотря на всѣ представленія гр. Сегюра. Это было извѣстно Екатеринѣ.

Разрывъ между Россіей и Пруссіей выдвинулъ въ Петербургѣ идею четверного союза между Россіей, Австріей, Франціей и Испаніей. Гр. Сегюръ сильно поддерживалъ идею этого союза. Но союзъ не состоялся. Испанія отказалась въ немъ участвовать. Послѣ этого возникла снова мысль о союзѣ между Россіей и Франціей. Обсуждался уже проектъ договора, когда въ 1789 году въ Петербургѣ было получено извѣстіе о взятіи Бастиліи.

Извѣстіе это произвело сильное впечатлѣніе на Екатерину. Переговоры были немедленно прерваны. Екатерина отказывалась вступать въ сношеніе съ революціонной страной.

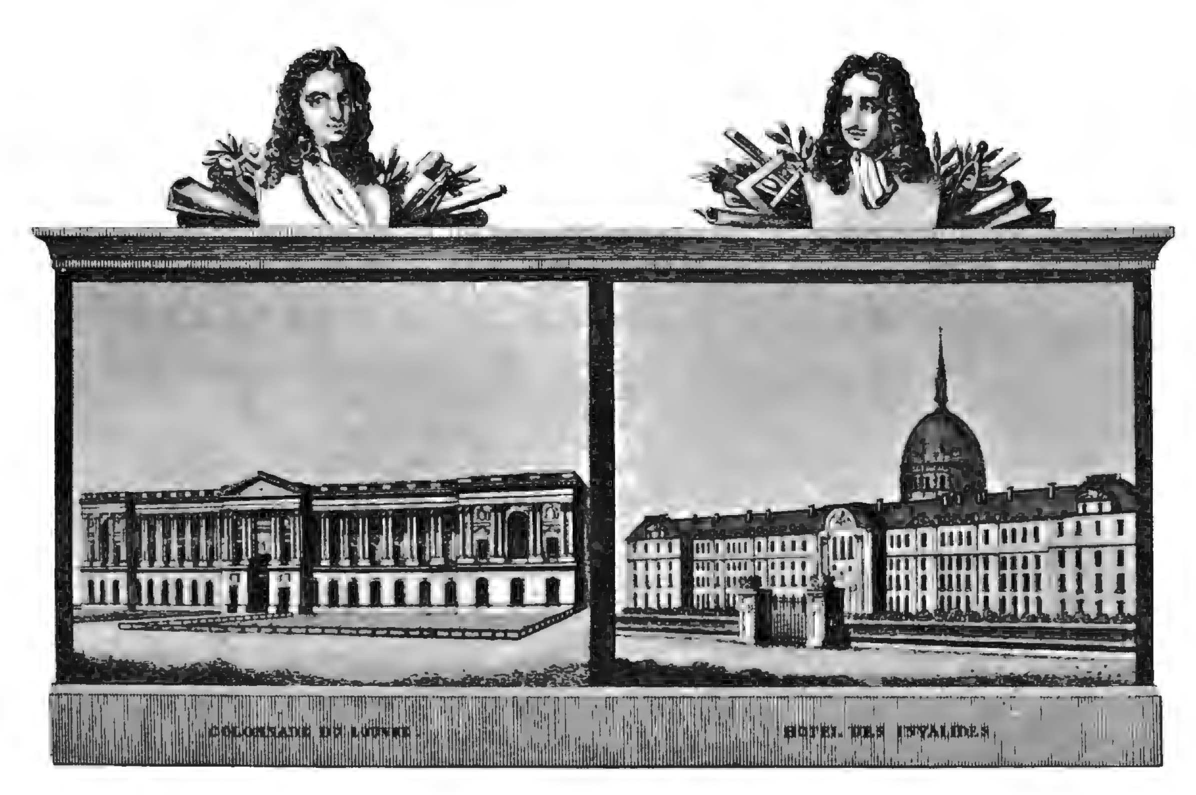
Екатерина II (Валькера).

Въ октябрѣ 1789 г. гр. Сегюръ былъ отозванъ изъ Петербурга. Повѣреннымъ въ дѣлахъ остался секретарь посольства Жене. Положеніе его въ Петербургѣ было очень труднымъ. Екатерина относилась къ французской революціи безусловно враждебно. На первыхъ порахъ Жене еще принимали при русскомъ дворѣ. Когда же король былъ взятъ въ плѣнъ и во Франціи была провозглашена республика, съ Жене стали обращаться холодно, а въ сентябрѣ 1797 года и совсѣмъ отказались принимать его. Жене оставался все-таки въ Петербургѣ, подвергаясь грубостямъ и оскорбленіямъ со стороны русской администраціи. Въ іюлѣ 1792 г. русское правительство предложило ему, наконецъ, выѣхать изъ Россіи. Французскимъ консуломъ въ Петербургѣ остался послѣ отъѣзда Жене Пато д'Орфланъ. Но русское правительство не признавало его, и онъ долженъ былъ въ 1793 г., послѣ казни Людовика XVI, также уѣхать изъ Россіи.

Симолина русское правительство отозвало изъ Парижа въ 1792 году. На мѣсто него никто не былъ назначенъ туда. Дѣйствіе торговаго договора 1786 года было прервано впредь до возстановленія во Франціи законной власти. Русскимъ и французскимъ купцамъ запрещено было посѣщать взаимно торговые порты обѣихъ странъ. Русскимъ подданнымъ, находившимся во Франціи, предписано было немедленно выѣхать оттуда.

Разрывъ отношеній между Франціей и Россіей наступилъ полный. Продолжался онъ до 1800 года, когда по иниціативѣ Наполеона Бонапарта, сдѣлавшагося первымъ консуломъ, начались переговоры о мирѣ и союзѣ съ Россіей.

Ник. Василенко.

(«Illustres français», 1825 г.).

II. Ростъ французскаго вліянія въ Россіи до французской революціи.

Н. П. Василенко.

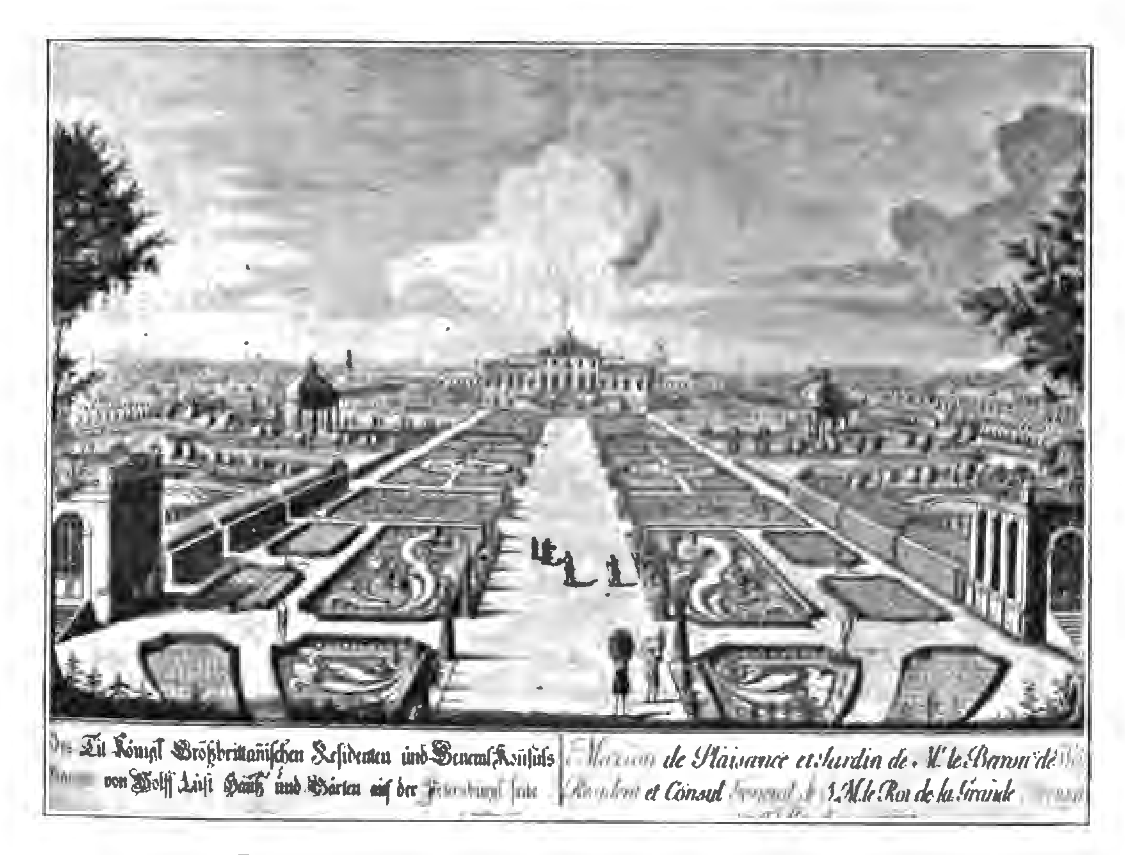
Лестокъ. Pol. I. Groubh.

Французское вліяніе въ Россіи не могло установиться сколько-нибудь прочно ранѣе начала XVIII вѣка. Къ концу царствованія Петра I оно только еще начиналось.

При ближайшихъ преемникахъ Петра внѣшнія условія для роста французскаго вліянія въ Россіи также не были благопріятны. Это приходится сказать особенно о царствованіи Анны Ивановны и о правленіи Анны Леопольдовны. Тогда господствовали въ русскомъ центральномъ правительствѣ нѣмцы и, естественно, давалось предпочтеніе всему нѣмецкому.

Съ восшествіемъ на престолъ Елизаветы Петровны картина мѣняется. Французское вліяніе широкой струей врывается въ русскую жизнь. Пребываніе въ Петербургѣ французскаго посла де-ла-Шетарди, пріѣхавшаго съ блестящей свитой, завязавшаго большія связи въ русскомъ обществѣ, тратив-

шаго огромныя суммы, чтобы вести открытую жизнь и этимъ путемъ оказывать вліяніе на русскія дѣла, въ значительной степени способствовало популярности французовъ и вызывало естественное подражаніе въ русскомъ высшемъ обществѣ всему французскому. Шетарди съ лейбъ-медикомъ Лестокомъ, происходившимъ изъ французскихъ протестантовъ, содѣйствовали возведенію Елизаветы Петровны на престолъ. Шетарди нѣкоторое время пользовался у императрицы вліяніемъ и на внутреннія дѣла. Вице-канцлеру Бестужеву-Рюмину пришлось вести съ нимъ продолжительную и упорную борьбу. Сама императрица, которую прочили когда-то въ невѣсты французскому королю или кому-нибудь изъ французскихъ принцевъ, воспитывалась во французскомъ духѣ, хорошо знала французскій языкъ и питала всегда симпатію къ Франціи и всему французскому. Въ 1746 году Вольтеръ въ своей вступительной рѣчи въ Академіи Наукъ восхвалялъ русскую императрицу за ея покровительство французской рѣчи и вкусу. Любимцы и придворные Елизаветы Петровны—Воронцовы и Шуваловы—раздѣляли ея симпатіи къ Франціи. Гр. А. Р. Воронцовъ воспитывался въ Парижѣ и на нѣкоторое время поступилъ даже на службу въ королевскій полкъ. Гр. К. Г. Разумовскій, будущій гетманъ Малороссіи, воспитывался также въ Парижѣ. Русскій посланникъ во Франціи кн. А. Д. Кантемиръ, имѣлъ связи съ Монтескье и другими французскими философами и покупалъ французскія книги для вице-канцлера Воронцова. Въ библіотекѣ И. И. Шувалова былъ большой подборъ французскихъ книгъ,

Дача бар. Вольфа подъ Петербургомъ (грав. Махаева 1757 г.).

которыми пользовалась кн. Дашкова. Гр. А. Р. Воронцовъ переписывался съ Вольтеромъ, а И. И. Шуваловъ—съ Вольтеромъ и Гельвеціемъ. Когда Вольтеръ задумалъ писать исторію Петра Великаго, ему посылались изъ Россіи архивныя свѣдѣнія, которыя предварительно переводились на французскій языкъ.

При такихъ обстоятельствахъ новая волна французовъ хлынула въ Россію. Какъ всегда въ такихъ случаяхъ преобладали авантюристы. Много между ними было лакеевъ, кучеровъ, поваровъ, разныхъ предпринимателей. Нѣкоторыя по нѣсколько разъ въ годъ мѣняли свои профессіи, выдавали себя за «кавалеровъ», желая скрыть свое происхожденіе. Имъ довѣряли. Они имѣли даже успѣхъ, нерѣдко становились гувернерами, воспитателями русскихъ дѣтей.

Въ то же время поѣздки русскихъ во Францію учащаются, особенно послѣ заключенія въ 1756 году франко-русскаго союза. «Въ Петербургѣ видно только,—пишетъ французъ Пикоръ,—ѣдущихъ и возвращающихся. Одни ѣдутъ учиться, другіе, какъ Фонвизинъ, совѣтоваться, между прочимъ, съ докторами, третьи—въ качествѣ туристовъ и т. д.».

Вліяніе французской культуры на русскую въ царствованіе Елизаветы Петровны дѣлается очень сильнымъ. На ряду съ итальянскими появляются и французскіе архитекторы; въ Россіи начинаетъ преобладать французская мебель, статуи, картины, французскіе костюмы, французскіе танцы, французская кухня. Начинаетъ входить въ моду французскій театръ.

Воспитаніе молодого поколѣнія ведется во французскомъ духѣ. Первые учителя и учительницы—иностранцы, по отзыву историка Татищева, были очень неудовлетворительны. Французы, въ этомъ отношеніи, не составляли исключенія. Количество французовъ, гувернеровъ и гувернантокъ, особенно увеличилось при Елизаветѣ Петровнѣ, когда обученіе французскому языку сдѣлалось необходимымъ. Моральный и умственный уровень учителей былъ такъ не великъ, и такъ часто люди безъ всякой подготовки, кучера, лакеи, выдавали себя за гувернеровъ, что въ 1750 году правительство обязало иностранцевъ-преподавателей держать особый экзаменъ при Академіи Наукъ. Существенно это не могло улучшить дѣла. Потребность въ учителяхъ была велика, дипломированные учителя были дороже. Поэтому, дипломовъ при наймѣ учителей обыкновенно не спрашивали. Нанимали попрежнему кого попало.

Что касается учебныхъ заведеній, то они мало служили въ это время проводниками французской культуры. При Петрѣ было приглашено нѣсколько французскихъ профессоровъ: анатомъ Дювернуа, астрономъ Делиль, математикъ Бернульи. Они учениковъ не имѣли просто потому, что русскіе не знали тогда французскаго языка. При Аннѣ Ивановнѣ Минихъ реорганизовалъ кадетскій корпусъ, ввелъ въ немъ преподаваніе французскаго языка на ряду съ нѣмецкимъ. Изъ 282 учениковъ 91 выбрали изученіе французскаго языка. Московскій университетъ при Елизаветѣ Петровнѣ былъ организованъ по нѣмецкому типу. Французская культура при его посредствѣ проникала слабо.

Съ расширеніемъ среди русскихъ знанія французскаго языка французскія книги находили себѣ все большій и большій доступъ въ русскую среду. Въ болье раннихъ русскихъ библіотекахъ А. А. Матвѣева и Остер-

Дача гр. Бестужевой на Кам. Остр. (грав. Махаева).

мана французскихъ книгъ еще мало, но уже въ библіотекахъ Воронцова и И. И. Шувалова, въ царствованіе Елизаветы Петровны, онѣ преобладаютъ. При Елизаветѣ Петровнѣ пьесы Мольера разыгрывались во французскомъ театрѣ въ Петербургѣ; сочиненія Расина, Мольера, Вольтера и другихъ французскихъ писателей получаютъ болѣе широкое распространеніе среди русской публики.

Увлеченіе французскимъ имѣло и свои дурныя стороны. Наиболѣе вдумчивые русскіе люди начали ихъ замѣчать и вести борьбу противъ французоманіи еще съ конца царствованія Елизаветы. Сумароковъ, напримѣръ, зарекомендовавшій уже себя, какъ драматическій писатель, поднялъ въ 1759 г. въ журналѣ «Трудолюбивая Пчела» вопросъ «о истребленіи чужихъ словъ изъ русскаго языка». «Сказывали мнѣ,—пишетъ Сумароковъ,—что нѣкогда нѣмка Нѣмецкой слободы говорила: «Mein мужъ kam домой, stieg черезъ заборъ и fiel ins грязь. Это смѣшно. Да и это смѣшно: «я въ дистракціи и дезеспере; аманта моя сдѣлала мнѣ инфиделите, а я кy сюръ противъ риваля своего буду реванжироваться». О порчѣ русскаго языка того времени говоритъ въ своихъ «Запискахъ» и воспитатель Павла Петровича Порошинъ. «Иные русскіе,—пишетъ онъ,—въ разговорахъ своихъ мѣшаютъ столько французскихъ словъ, что кажется, будто говорятъ французы и между французскихъ словъ употребляютъ русскія. Иные столь малосильны въ своемъ языкѣ, что всѣ съ чужестраннаго отъ слова до

слова переводятъ въ рѣчахъ и письмѣ». Борьба противъ иностраннаго вліянія продолжалась потомъ въ сатирическихъ журналахъ екатерининскаго времени и въ другихъ литературныхъ произведеніяхъ. Увлеченіе иностраннымъ и уродованіе русскаго воспитанія зло высмѣяны въ комедіяхъ Фонвизина. Рѣзкую оцѣнку иноземнаго вліянія на русскую жизнь сдѣлалъ впослѣдствіи извѣстный историкъ кн. М. М. Щербатовъ въ своемъ памфлетѣ «О поврежденіи нравовъ въ Россіи».

Екатерина II воспиталась на французской энциклопедической литературѣ. Она находилась въ перепискѣ съ Вольтеромъ, приглашала въ воспитатели къ Павлу Петровичу Д'Аламбера, ее посѣтилъ и пробылъ въ гостяхъ около 5 мѣсяцевъ Дидро. Библіотеку его Екатерина пріобрѣла съ условіемъ, чтобы книги были перевезены въ Петербургъ только послѣ смерти Дидро. Дѣятельную переписку поддерживала Екатерина II съ Гриммомъ. Она избрала также впослѣдствіи въ воспитатели своимъ внукамъ женевца Лагарпа, всецѣло проникнутаго идеями той же энциклопедической французской философіи.

Н. И. Новиковъ (грав. Осипова).

Съ энциклопедистами имѣла сношеніе не одна императрица. Просвѣщенный русскій посланникъ во Франціи кн. Д. А. Голицынъ былъ другомъ Дидро и Гельвеція. Въ 1770 г. кн. Дашкова посѣтила Парижъ и много времени провела съ Дидро. Съ нимъ переписывался И. И. Бецкій, игравшій при Екатеринѣ роль въ родѣ министра народнаго просвѣщенія. И. И. Шуваловъ и кн. Юсуповъ посѣщали Вольтера. Съ нимъ переписывался гр. А. Р. Воронцовъ. Ему сдѣлалъ визитъ гр. К. Г. Разумовскій въ бытность свою въ Страсбургѣ. На поклонъ къ Вольтеру баронъ Гриммъ возилъ сыновей фельдмаршала П. А. Румянцева — Николая и Сергѣя. Гр. Г. Г. Орловъ приглашалъ Руссо въ свое помѣстье.

Такое вниманіе къ энциклопедистамъ, естественно, способствовало распространенію ихъ идей и сочиненій. Сама Екатерина признается, что она въ своемъ «Наказѣ» Большой Комиссіи 1767 г. «обобрала» Монтескье. Благодаря «Наказу» въ русское общество было пущено много новыхъ идей государственнаго и общественнаго характера. Воспитатель вел. кн. Павла Петровича Порошинъ обращалъ вниманіе своего воспитанника на сочиненія Монтескье и Гельвеція и читалъ съ нимъ похвальную рѣчь Монтескье Д'Аламбера. Сочиненія Вольтера быстро расходились въ русской публикѣ, въ подлинникѣ и въ переводахъ. Нѣкоторые переводы не были напечатаны, а просто переписывались и, такимъ образомъ, получали распространеніе. Особенной популярностью пользовались Кандидъ и Pucelle. За десятилѣтіе съ 1780 по 1790 годъ насчитывалось до 140 ихъ перево-

довъ. Вольтеръ былъ нѣкогда идоломъ русской публики. Другіе писатели были менѣе популярны. Но вообще всѣ французскія книги имѣли широкій доступъ въ русскую публику. Онѣ охотнѣе всего переводились на русскій языкъ. За этотъ промежутокъ вышло 6 переводовъ съ англійскаго, 7—съ итальянскаго, 107—съ нѣмецкаго, съ французскаго же было переведено 350.

Французское вліяніе сказывалось теперь очень серьезно на многихъ сторонахъ государственной и общественной жизни. Н. И. Костомаровъ думаетъ даже, что идея освобожденія крѣпостныхъ пришла къ намъ изъ Франціи. Когда Вольно-экономическое общество поставило въ 1766 году на разрѣшеніе вопросъ о собственности крестьянъ, въ числѣ приславшихъ отвѣтъ были французы Беарде де-Лабей, Вольтеръ, Мармонтель и Грасленъ. Послѣдній прислалъ сочиненіе, самое замѣчательное по идеямъ, въ которомъ отрицалъ за помѣщиками не только право на владѣніе крестьянами, но даже землею. Подъ вліяніемъ французской литературы высказывали свои взгляды на крестьянскій вопросъ кн. Д. А. Голицынъ и кн. Дашкова, не всегда, правда, благопріятные для крестьянства. На французской литературѣ воспитался и А. Н. Радищевъ.

Гр. С. Р. Воронцовъ (портр. Ромней).

Въ дѣлѣ воспитанія при Екатеринѣ II французскія теоріи, особенно теоріи Руссо и физіократовъ, оказали большое вліяніе. Проводникомъ этого вліянія явился И. И. Бецкій. Для воспитанія матерей былъ основанъ Екатериной Смольный институтъ, по образцу подобнаго же учрежденія въ Сенъ-Сирѣ во Франціи. На иностранные языки, въ особенности на французскій, было обращено особое вниманіе. Многіе изъ русскихъ предпочитали употреблять французскій языкъ въ разговорѣ, частной и даже дѣловой перепискѣ.

Во вторую половину царствованія Екатерины II вліяніе Монтескье и Вольтера въ русскомъ обществѣ смѣнилось болѣе радикальнымъ вліяніемъ Руссо, Мабли, Рэйналя. Русская молодежь посѣщаетъ заграничные университеты и тамъ усваиваетъ ихъ идеи.

Такимъ образомъ, къ концу царствованія Екатерины II французское вліяніе въ Россіи настолько окрѣпло, что великія событія во Франціи, начиная съ 1789 года, находили естественный отзвукъ и въ Россіи, живо чувствовались здѣсь и не могли, конечно, пройти безъ слѣда для дальнѣйшаго развитія русскаго общества.

Ник. Василенко.

Руссо. Монтескье.
(Аллегорич. изображ. изъ „Illust. franç.“, 1825 г.).

III. Екатерина и Францiя.

В. Н. Бочкарева.

Черезъ все царствованiе Екатерины красною нитью проходитъ рѣзко выраженная двойственность отношенiй между Россiей и Францiей.

Въ то время какъ между русскимъ правительствомъ и офицiальной Францiей имѣли мѣсто натянутыя или даже вполнѣ враждебныя отношенiя, французское общественное мнѣнiе широкой волной проникало въ русское общество и создавало въ немъ не мало сторонниковъ тѣхъ передовыхъ идей, которыми была полна просвѣтительная литература и публицистика второй половины XVIII вѣка. Когда же ростъ либеральныхъ идей привелъ къ крушенiю стараго порядка, офицiальная Россiя выступила на защиту французскаго абсолютизма и королевскаго правительства, а русское общественное мнѣнiе въ лицѣ образованной части тогдашняго дворянства, испугавшись грознаго призрака соцiальной революцiи, протянуло дружескую руку эмигрантамъ и реакцiи.

Центральное мѣсто въ исторiи этихъ франко-русскихъ отношенiй второй половины XVIII в. безспорно занимаетъ сама императрица Екатерина. Ея положенiе при этомъ отличалось большимъ своеобразiемъ. До 1789 г.

она постоянно въ перепискѣ съ корифеями французской литературы, изъ которыхъ многіе считались ея личными друзьями. Въ разгаръ же революціонныхъ событій Екатеринѣ говорили, что страшный кризисъ во Франціи былъ подготовленъ именно этой просвѣтительной литературой, и русская императрица на склонѣ своихъ дней открыто выступаетъ на защиту Людовика XVI и партіи роялистовъ. До революціи «Наказъ» Екатерины не былъ допущенъ въ предѣлахъ Франціи королевской цензурой, а послѣ 1789 года французская литература признавалась крайне опасной русскимъ правительствомъ и цензурой императрицы Екатерины.

Среди шума и развлеченій придворной жизни Екатерина, еще въ бытность великой княгиней, чувствуя себя вполнѣ одинокой, любила проводить все свое свободное время за чтеніемъ. Не даромъ графъ Гилленборгъ, видѣвшій Екатерину въ 1745 году, назвалъ ее «философомъ въ 15 лѣтъ». Она питала свой умъ серьезнымъ чтеніемъ, выбирая книги изъ присылаемыхъ ей академическихъ каталоговъ. Съ 1751 года начинаетъ выходить «Энциклопедія» Дидро и Д'Аламбера, съ которой Екатерина не разстается уже до самаго конца своихъ дней. Когда французское правительство начало ставить рядъ преградъ для продолженія изданія «Энциклопедіи» въ Парижѣ, Екатерина 6 іюля 1762 г., черезъ 9 дней послѣ своего вступленія на престолъ, предлагаетъ Дидро для ея окончанія переѣхать въ Петербургъ. На практическій умъ Екатерины «Энциклопедія» произвела большое впечатлѣніе. Она читала ее, держала постоянно подъ рукой и никогда не разставалась съ нею, то заимствуя изъ нея общія начала для своихъ преобразовательныхъ плановъ, то выбирая сюжеты для театральныхъ пьесъ, то отыскивая смыслъ словъ, то провѣряя отдѣльныя выраженія.

Монтескье (портр. С. Обена).

Если тяжелыя семейныя условія закаляли характеръ Екатерины, то серьезное чтеніе расширяло ея кругозоръ, образовывало и дисциплинировало ея пытливый умъ. Близкое знакомство съ философскими произведеніями XVIII в. обогатило Екатерину такой политической зрѣлостью, которую она никогда бы не могла пріобрѣсти однимъ только опытомъ. Въ одномъ изъ писемъ къ доктору Циммерману отъ 29 января 1788 года она такъ опредѣляетъ свой философскій и политическій образъ мыслей: «Я любила философію, любя сердечно добродѣтели республиканскія, которыя кажутся несогласными съ моею неограниченною властью». До своего вступленія на престолъ Екатерина, по словамъ ея біографа,

читала философскія и политическія сочиненія единственно для собственнаго развлеченія, для просвѣщенія своего ума; позже, ставъ императрицей, она вошла въ непосредственныя сношенія съ философами, имѣя въ виду ихъ вліяніе на европейское общественное мнѣніе, желая привлечь ихъ на служеніе своимъ цѣлямъ. Въ ея перепискѣ съ выдающимися представителями просвѣтительной литературы виденъ свободный мыслитель и гуманистъ и въ то же время человѣкъ вполнѣ практическій, у котораго личный интересъ возведенъ какъ бы въ философскій принципъ. Русская императрица такъ умно и ловко поставила себя по отношенію къ французскимъ философамъ и публицистамъ, что они являлись добровольными и горячими защитниками почти всѣхъ ея предпріятій. Даже въ польскомъ вопросѣ корифеи европейской философской мысли были на сторонѣ Екатерины. Польскихъ конфедератовъ они называли «сволочью», а въ русской императрицѣ видѣли чуть ли не «апостола вѣротерпимости» и «піонера цивилизаціи» по отношенію къ Польшѣ.

Изъ всѣхъ философовъ и публицистовъ XVIII в. особенно высоко ставила Екатерина Монтескье, знаменитую книгу котораго она называла «своимъ молитвенникомъ». Его сочиненія она изучала особенно старательно, и въ ея устахъ не было лучшей похвалы, какъ признать данное произведеніе достойнымъ пера Монтескье.

На ряду съ «президентомъ» Монтескье Екатерина ставила только одного Вольтера. Когда въ Петербургѣ было получено извѣстіе о кончинѣ Фернейскаго философа, Екатерина, пораженная этой утратой, писала барону Гримму: «Дайте мнѣ сто полныхъ экземпляровъ произведеній моего учителя, чтобы я могла ихъ размѣстить повсюду. Хочу, чтобы они служили образцомъ, хочу, чтобы ихъ изучали, чтобы выучивали наизусть, чтобы души питались ими; это образуетъ гражданъ, геніевъ, героевъ и авторовъ; это разовьетъ сто тысячъ талантовъ, которые безъ того потеряются во мракѣ невѣжества».

Съ нескрываемой антипатіей Екатерина относилась только къ одному Руссо. Быть-можетъ, ей не нравился его идеализмъ, его отвлеченная риторика; или, быть-можетъ, своимъ проницательнымъ умомъ она понимала, куда ведетъ та идея равенства, которая лежитъ въ основаніи философской доктрины Руссо, и предугадывала возможность постановленій знаменитой ночи 4 августа 1789 г. Насколько опаснымъ въ глазахъ Екатерины было все то, что выходило изъ-подъ пера Руссо, видно изъ ея Высочайшаго повелѣнія, изданнаго вскорѣ по вступленіи на престолъ. «Слышно, что въ Академіи Наукъ,—читаемъ мы въ этомъ интересномъ документѣ, помѣченномъ 6 сент. 1763 г.,—продаютъ такія книги, которыя противъ закона, добраго нрава и которыя во всемъ свѣтѣ запрещены, какъ, напримѣръ, «Эмиль» Руссо. Надлежитъ приказать наикрѣпчайшимъ образомъ Академіи Наукъ имѣть смотрѣніе, дабы въ ея книжной лавкѣ такіе непорядки не происходили».

И какъ только стало обнаруживаться рѣзко революціонное настроеніе французскаго общества, въ отношеніяхъ Екатерины съ Франціей наступаетъ глубокая и, даже на первый взглядъ, неожиданная перемѣна. Развиваясь на тѣхъ самыхъ либеральныхъ идеяхъ, которая какъ бы предначертали всю программу великой революціи, Екатерина была далека отъ

мысли, что между литературой XVIII в. и принципами 1789 г. была тѣсная логическая связь. Лучшіе французскіе писатели, какъ, напримѣръ, Вольтеръ, говорила Екатерина, были роялистами; всѣ они отстаивали тишину и порядокъ. Даже въ разгаръ великой революціи Екатерина продолжала вѣрить въ лойяльность передовыхъ писателей XVIII в. и открыто заявляла, что Національное собраніе должно будетъ сжечь сочиненія французскихъ философовъ, такъ какъ въ нихъ заключается протестъ противъ всего того, что нынѣ происходитъ во Франціи. Ее сильно оскорбило сдѣланное кѣмъ-то замѣчаніе, что еще до революціи Вольтеръ проповѣдывалъ начало анархіи. Императрица готова была еще допустить, что французскіе философы и писатели XVIII в. ошибались, считая народъ расположеннымъ къ добродѣтели и способнымъ къ правильному мышленію, между тѣмъ какъ теперь, по словамъ Екатерины, оказалось, что эти «адвокаты и прокуроры и всѣ изверги» пользуются философіей, какъ средствомъ оправданія самыхъ ужасныхъ преступленій.

Гельвецій (портр. Vanloo).

Еще до наступленія революціонныхъ событій у Екатерины, такъ же, какъ и у другихъ представителей просвѣщеннаго абсолютизма, можно подмѣтить нѣкоторое противорѣчіе между либеральными принципами и проводимыми въ жизнь практическими мѣропріятіями. Но эти противорѣчія особенно ярко бросаются въ глаза въ исходѣ ея царствованія, когда французская революція, по словамъ П. Н. Милюкова, заставляетъ ее выступить на борьбу съ мечтами своей юности. Въ эти годы русская императрица, которую прежде называли «философомъ на престолѣ», становится во главѣ европейской реакціи.

Екатерина, еще задолго до революціи, интересовалась положеніемъ дѣлъ во Франціи; но, ослѣпленная внѣшнимъ блескомъ Версальскаго двора и громкими успѣхами французской дипломатіи, она, подобно многимъ современникамъ, не подозрѣвала существованія того глубокаго внутренняго кризиса, который, въ концѣ-концовъ, привелъ къ грознымъ событіямъ 1789 года. Въ концѣ 70-ыхъ годовъ она писала своему послу при французскомъ дворѣ графу Чернышеву, что ей не нравится легкомысліе королевы Маріи-Антуанеты, смѣявшейся при каждомъ случаѣ, между тѣмъ какъ ей слѣдовало бы вспоминать о поговоркѣ: «rira bien, qui rira le dernier». Въ бесѣдахъ же съ французскимъ посланникомъ графомъ Сегюромъ она нерѣдко касалась вопроса о разстройствѣ французскихъ финансовъ и осуждала расточительность Версальскаго двора.

Единственный выходъ для французскаго правительства изъ создавшагося къ концу 80-ыхъ годовъ затруднительнаго положенія Екатерина видѣла

въ активной внѣшней политикѣ. «Надо спустить, — говорила она, — натянутыя струны во внѣ страны; тогда онѣ перестанутъ точить и подтачивать ее, какъ черви корабельное дно». Но, тѣмъ не менѣе, она вовсе не допускала мысли, что революціонныя событія наступятъ такъ скоро. «Я не придерживаюсь мнѣнія тѣхъ, — писала она Гримму еще въ апрѣлѣ 1788 г.,—которые полагаютъ, что мы находимся наканунѣ великой революціи». Нѣсколько позднѣе, въ августѣ 1789 г., она говорила своему статсъ-секретарю Храповицкому: «Со вступленія на престолъ я всегда думала, что ферментаціи тамъ быть должно; нынѣ не умѣли пользоваться расположеніемъ умовъ». Такимъ образомъ Екатерина, можно сказать, была застигнута врасплохъ событіями 1789 года, и этимъ, быть-можетъ, слѣдуетъ объяснить то, что отъ нея ускользнулъ весь смыслъ великаго французскаго переворота.

Какъ видно изъ переписки Екатерины съ Гриммомъ за 80 годы, она много вниманія удѣляла тѣмъ государственнымъ дѣятелямъ, которыми окружалъ себя Людовикъ XVI. Въ ея письмахъ встрѣчается цѣлый рядъ отзывовъ о Неккерѣ, Калоннѣ, Мирабо и др.; она касается въ нихъ и собранія нотаблей и тѣхъ обѣщаній, которыми связалъ себя Людовикъ XVI по отношенію къ французскому общественному мнѣнію. Особенно сильное впечатлѣніе на русскую императрицу производили два человѣка: это Неккеръ и Мирабо.

Извѣстная работа Неккера «О хлѣбной торговлѣ» была прочтена Екатериной въ 1777 г., и императрица, по ея собственному признанію, была поражена глубиной сужденій автора; она причисляла его книгу къ классическимъ сочиненіямъ и выразила надежду, что, авось, удастся этому талантливому государственному дѣятелю вывести Францію изъ создавшагося опаснаго положенія.

Отставка Неккера въ 1781 году была для императрицы весьма неожиданнымъ и непріятнымъ событіемъ. Она открыто заявляла, что Людовикъ XVI сдѣлалъ, по ея мнѣнію, глупость, «наступивъ ногою на славу великаго человѣка». Называя отставку Неккера «большой побѣдой для его враговъ», она писала Гримму, что «этотъ рѣдкій человѣкъ пронесся надъ Франціей, какъ пріятное сновидѣніе». «Какой безумецъ этотъ французскій король!—читаемъ въ другомъ ея письмѣ:—онъ по своей наивности лишаетъ себя услугъ столь одареннаго человѣка». По порученію императрицы Гриммъ даже заказалъ для нея портретъ знаменитаго министра. Но нѣсколько лѣтъ спустя Екатерина круто мѣняетъ свое отношеніе къ Неккеру; она уже не вѣритъ въ его достоинства, осуждая вслѣдъ за Людовикомъ XVI его новаторскій образъ мыслей. Его проекты въ 1787—89 гг. она называетъ «филантропическими утопіями». Какъ только вспыхнула революція, Екатерина прямо возненавидѣла Неккера, считая его виновникомъ наступившаго кризиса, обвиняя его «въ чрезмѣрномъ тщеславіи и въ измѣнчивости убѣжденій». Она радовалась въ 1795 г., что Гриммъ прервалъ всѣ сношенія съ бывшимъ министромъ, который въ ея глазахъ былъ «достоинъ ненависти» и о которомъ она выражалась не иначе какъ: «ce très vilain et bête Necker».

Къ дѣятельности Калонна Екатерина сперва отнеслась довольно доброжелательно, но затѣмъ, узнавъ его ближе по его пріѣздѣ въ Петербургъ,

она рѣзко измѣнила о немъ свое мнѣніе. «Никогда я не видала болѣе скверной и пустой головы, чѣмъ у этого Калонна, — писала она Гримму 11 мая 1797 г.: — онъ былъ здѣсь очень долго и возбудилъ къ себѣ всеобщее презрѣніе, нагнавъ на всѣхъ скуку своими многословными проектами, въ которыхъ нѣтъ ни начала ни конца».

Въ письмахъ къ Гримму отъ 1787 года Екатерина нѣсколько разъ касается собранія нотаблей, указывая при этомъ на опасность подобнаго рода предпріятій. «Что касается вашего собранія нотаблей, — писала она ему 4 апрѣля 1787 г., — то хотя оно и дѣлаетъ честь благимъ намѣреніямъ короля, однако у насъ о немъ не особенно высокаго мнѣнія». Свою законодательную комиссію 1767 года Екатерина ставитъ гораздо выше собранія нотаблей, говоря, что ея депутаты занимались дѣломъ, законодательствовали, а тѣ, кто называютъ себя «всепокорнѣйшими слугами короля», будутъ обращать вниманіе только на то, что относится до такъ называемаго общаго блага. А въ письмѣ отъ 30 іюня 1787 г. Екатерина рѣшительно заявляетъ Гримму: «Ступайте вы прочь съ вашими нотаблями», о которыхъ она ничего не желаетъ слышать.

Д'Аламберъ (портр. Cochin).

Возстаніе американскихъ колоній возбудило сильное негодованіе Екатерины. Она нисколько не раздѣляла восхищенія французскаго общества по поводу этого событія. При всемъ томъ, однако, Екатерина пригласила знаменитаго генерала Лафайета, героя войны за освобожденіе американскихъ колоній, сопутствовать ей въ путешествіи въ Крымъ въ 1787 г. и крайне сожалѣла, что собраніе нотаблей во Франціи воспрепятствовало поѣздкѣ Лафайета въ Россію. Лафайетъ произвелъ на Екатерину довольно выгодное впечатлѣніе, и она, называя его честолюбцемъ, говорила, что если онъ когда-либо попадетъ въ немилость у короля, то можетъ разсчитывать на подходящее положеніе въ Россіи. По словамъ Храповицкаго, она не прочь была бы взять его къ себѣ и сдѣлать его своимъ защитникомъ. Не лишенными интереса являются отношенія Екатерины къ Бальи, первому мэру Парижа. До революціи она, ставя высоко заслуги Бальи, какъ извѣстнаго астронома, хотѣла, въ знакъ своей признательности, прислать ему свой портретъ. Но когда Бальи, по ея словамъ, сдѣлался «demonarchiseur'омъ», она отказалась отъ своего намѣренія, признавая его недостойнымъ имѣть портретъ «самой аристократической императрицы въ Европѣ».

Довольно большой интересъ представляютъ сужденія Екатерины о Мирабо. Антипатичный ей, какъ писатель-демократъ, Мирабо, въ качествѣ защитника королевской прерогативы, располагаетъ Екатерину на нѣкоторое

время къ себѣ. Черезъ посредство своего посланника въ Парижѣ императрица даже дѣлаетъ попытку склонить великаго трибуна, а съ его помощью и Національное собраніе, къ тому, чтобы оказать воздѣйствіе на правительство въ дѣлѣ заключенія проектируемаго франко-русскаго союза. Но вмѣстѣ съ тѣмъ съ устъ Екатерины нерѣдко срывались самые рѣзкіе отзывы о Мирабо. По ея мнѣнію, онъ существовалъ только для того, чтобы «воодушевлять другихъ къ порокамъ и злодѣяніямъ». Она говорила, что считаетъ его «достойнымъ тюрьмы, висѣлицы и колесованія».

Вообще о дѣятеляхъ великой революціи Екатерина была самаго низкаго мнѣнія. Особенно ярко ея отношеніе къ участникамъ событій 1789—96 г. сказалось въ одномъ изъ писемъ къ доктору Циммерману: «Всего хуже,—писала она ему,—политическія вѣтреныя мельницы и ихъ рыцари: они раздуваютъ повсюду вражду, и когда посмотрѣть поближе, то нельзя не согласиться, что всѣ сіи мечты происходятъ отъ головъ двухъ-трехъ, кои ихъ выдумываютъ единственно для того, чтобы тѣмъ приподнять свою особу, которая безъ того совсѣмъ не примѣтна».

Денисъ Дидро.

По мѣрѣ того, какъ передъ умственнымъ взоромъ императрицы развертывалась грозная картина французскаго переворота, она усваиваетъ себѣ съ каждымъ днемъ все болѣе отрицательную точку зрѣнія на то, что происходило во Франціи. Въ ея глазахъ не было иной власти, кромѣ власти монархической, и никто, по ея мнѣнію, не долженъ былъ дерзать заносить святотатственную руку на прерогативы французскаго короля. Когда она узнала, что Людовикъ XVI согласился на созваніе генеральныхъ штатовъ, то замѣтила въ бесѣдѣ со своимъ секретаремъ Храповицкимъ, что Франціи «должно войти въ войну, чтобы избѣгнуть даннаго королемъ обѣщанія». Послѣ того, какъ были созваны генеральные штаты, Екатерина, по словамъ Сегюра, порицала чрезмѣрныя притязанія собранія, замѣчая, что «жертва, приносимая королемъ, не положитъ конца броженію умовъ во Франціи». По поводу созыва генеральныхъ штатовъ она высказывала въ письмахъ къ Гримму рядъ опасеній за грядущія судьбы Франціи, говоря, что «въ интересахъ Европы нельзя не желать, чтобы она сохранила свою силу и значеніе». По ея мнѣнію, правительство Людовика XVI поступало крайне неблагоразумно, ввѣряя столь многочисленному собранію, какимъ было Etats Géneraux, обширный авторитетъ и поручая ему составленіе и редактированіе законовъ.

Относясь по самой своей природѣ «съ большимъ презрѣніемъ ко всякаго рода народнымъ движеніямъ», Екатерина, по вполнѣ справедливому замѣчанію Ларивьера, «не подозрѣвала существованія французской націи»: депутаты Національнаго собранія для нея ничего не значили: они были въ ея глазахъ ничѣмъ инымъ, какъ «гидрой о 1.200 головахъ». Екатерина никакъ не могла предположить «у сапожниковъ и башмачниковъ великихъ талантовъ къ дѣламъ управленія и законодательства». «И какъ можно сапожникамъ править дѣлами?—спрашиваетъ она у графа Сегюра.—Сапожники могутъ дѣлать только башмаки». Говоря о депутатахъ, она употребляла обыкновенно самые рѣзкіе эпитеты: называла ихъ «интриганами, недостойными званія законодателей», «канальями», которыхъ можно сравнить развѣ только съ «маркизомъ Пугачевымъ». Въ одномъ изъ писемъ къ Гримму она съ сожалѣніемъ говоритъ о той громадной разницѣ, которая ярко бросается въ глаза при сравненіи находящагося въ состояніи опьянѣнія Національнаго собранія съ великолѣпнымъ дворомъ Людовика XIV. Послѣ событій 1789 года «слава Франціи, по ея мнѣнію, погибла навсегда»; и она гордо заявляла, что, пока она жива, «въ Россіи не будутъ разыгрывать роль законодателей адвокаты и прокуроры». Негодованіе императрицы на избранниковъ французскаго народа доходило до того, что она стала даже говорить о необходимости повѣсить нѣкоторыхъ членовъ Національнаго собранія, чтобы тѣмъ самымъ образумить остальныхъ.

Руссо (портретъ Kamsay).

Съ каждымъ новымъ событіемъ революціи, гнѣвъ императрицы все возрасталъ. Такъ, она была крайне раздражена, узнавъ изъ газетъ, что «чернь въ Парижѣ метала грязью въ карету королевы, когда она ѣхала въ оперу, и что вслѣдствіе этого Марія-Антуанета была принуждена воротиться». Какъ видно изъ дневника Храповицкаго, Екатерина въ «парижскихъ замѣшательствахъ» видѣла «англійскую инфлюэнцію, ибо, говорятъ, что ихъ деньги тутъ дѣйствуютъ». Она съ ненавистью отзывалась и о Сіэсѣ, называя его не иначе, какъ «этотъ скверный аббатъ Сіэсъ», и о Филиппѣ Egalité, котораго она въ гнѣвѣ именовала «ужаснымъ чудовищемъ». Орлеанисты въ ея глазахъ были хуже Робеспьера и Марата. У нея являлось опасеніе, какъ бы Филиппъ Орлеанскій не сдѣлался правителемъ и корона Франціи не потеряла свой наслѣдственный характеръ.

Францiя при этомъ, по ея мнѣнiю, подобно Польшѣ, лишится всякаго политическаго значенiя.

Когда Сегюръ собирался уѣзжать во Францiю, императрица въ прощальной бесѣдѣ сказала ему, что онъ, вѣроятно, застанетъ свою родину охваченною «опасною болѣзнью и въ страшной лихорадкѣ»; къ этому она прибавила, что Сегюръ, вѣроятно, сдѣлается «сторонникомъ народнаго дѣла», между тѣмъ какъ она «уже по своему ремеслу останется вѣрною аристократическому началу». Поэтому вполнѣ естественно, что Екатерина была страшно возмущена знаменитымъ постановленiемъ 4 августа 1789 г., когда Нацiональное собранiе въ ночномъ засѣданiи вотировало отмѣну дворянскихъ титуловъ и привилегiй. Въ самыхъ рѣзкихъ выраженiяхъ она порицала образъ дѣйствiй либеральныхъ депутатовъ отъ дворянства и духовенства, подавшихъ свои голоса въ пользу такой радикальной мѣры. Эгильонъ, Ноайль и другiе иницiаторы августовскихъ декретовъ, по ея мнѣнiю, поступали такъ не по-дворянски, умаляя заслуги и дѣянiя своихъ предковъ, только потому, что были весьма дурно воспитаны; а это дурное воспитанiе происходило оттого, что французское правительство закрыло повсемѣстно iезуитскiя школы. Отмѣна дворянскаго достоинства являлась въ глазахъ русской императрицы «сумасбродной мѣрой». Лишая дворянъ тѣхъ привилегiй, которыя они заслужили своими доблестными трудами, Нацiональное собранiе, по мнѣнiю Екатерины, совершало актъ величайшей несправедливости.

Что касается Людовика XVI, то Екатерина удѣляла ему много вниманiя; она то выражала сожалѣнiе по поводу его злоключенiй, то возмущалась его уступчивостью, то негодовала на французскiй народъ за его черную неблагодарность по отношенiю къ своему королю. Послѣ того, какъ король изъ Версаля былъ перевезенъ въ Тюльери въ октябрѣ 1789 г., ей начинаетъ казаться, что его ожидаетъ судьба Карла I. Екатерину глубоко поразилъ тотъ фактъ, что Людовикъ XVI согласился принять черезчуръ либеральную конституцiю. «Можно ли, — говорила она, — помогать королю, который самъ не знаетъ своихъ выгодъ».

Она обвиняла Людовика XVI въ томъ, что подобнымъ образомъ дѣйствiй онъ сдѣлался, такъ сказать, «главой революцiонеровъ». Екатерина была внѣ себя, топала ногами, читая извѣстiе о принятiи христiаннѣйшимъ королемъ противо-христiанской конституцiи. По ея мнѣнiю, король этимъ актомъ какъ бы отлучилъ самъ себя отъ лона католической церкви. Она считала этотъ поступокъ низкимъ, дискредитирующимъ самого короля; онъ сдѣлался тѣмъ самымъ, по ея словамъ, презрѣннымъ и смѣшнымъ. Она возмущалась уступчивостью Людовика XVI. Когда онъ согласился на измѣненiе своего титула и сталъ называться «королемъ французовъ», Екатерина открыто признала этотъ поступокъ короля нелѣпымъ и преступнымъ нарушенiемъ вѣкового обычая, достойнаго благоговѣнiя. Ужаснымъ преступленiемъ Екатерина также считала законъ объ отвѣтственности министровъ; по ея мнѣнiю, послѣ этого всѣ министры должны будутъ очутиться на галерахъ.

Принимая близко къ сердцу судьбу французскаго короля, Екатерина еще въ сентябрѣ 1789 года признавалась Храповицкому, что она предпочла бы увидѣть Людовика XVI изгнаннымъ изъ Версаля и запертымъ

въ Мецъ: «тутъ бы дворянство къ нему пристало». Сегюру же она говорила, развивая ту же мысль, что Генрихъ IV называлъ себя первымъ дворяниномъ и что Людовикъ XIV, по его собственнымъ словамъ, въ затруднительныхъ обстоятельствахъ «сталъ бы во главѣ дворянства». Поэтому въ Петербургѣ съ неподдѣльной радостью было принято извѣстіе о бѣгствѣ короля изъ Парижа, а когда выяснилось, что попытка къ бѣгству не удалась, то въ Екатеринѣ недавняя радость смѣнилась горькимъ разочарованіемъ.

За послѣднія 7—8 лѣтъ своей жизни Екатерина въ связи съ французскими событіями пережила сложный внутренній кризисъ. При наступленіи революціи она была далека отъ мысли, что новые политическіе принципы грозятъ существованію другихъ европейскихъ государствъ. Такъ, 4 декабря 1791 года она писала въ одной полуофиціальной запискѣ: «Нѣтъ никакого основанія бояться Франціи, которая вскорѣ должна будетъ возвратиться къ монархическому началу». Однако уже въ это время у нея начинаютъ появляться тревожныя мысли, и она спѣшитъ подѣлиться ими со своими корреспондентами. Такъ, въ письмѣ къ Гримму она съ нѣкоторой долей сожалѣнія говоритъ: «Несчастные французы стремились къ свободѣ, а теперь терпятъ иго тиранства». Тотъ же тревожный тонъ ярко проявляется и въ другой запискѣ, вышедшей изъ-подъ ея пера. «Лѣтописи прошедшихъ временъ,—пишетъ императрица, — доказываютъ, что государства, опустошаемыя безначаліемъ и лютостями, отъ онаго проистекающими, весьма опасны сосѣдственнымъ сторонамъ бываютъ. Кровавыя междоусобія, разоряя области и города, ввергаютъ народы въ нищету и отчаяніе и, отъемля личную и имущественную безопасность, тѣмъ самымъ содѣлываютъ ихъ мятежными и къ бранямъ склонными». Довольно подробно сужденія Екатерины по поводу французской революціи переданы въ запискахъ ея статсъ-секретаря Грибовскаго. «Мы не должны,—говорила она въ разговорѣ съ нимъ,—предать добродѣтельнаго короля въ жертву варварамъ. Ослабленіе монархической власти во Франціи подвергаетъ опасности всѣ другія монархіи. Древніе за одно утѣсненное правленіе воевали

Людовикъ XVI (портретъ Duménil).

противъ сильныхъ; почему же европейскіе государи не устремятся на помощь государю и его семейству, въ заточеніи находящемуся. Безначаліе есть злѣйшій бичъ, особливо когда дѣйствуетъ подъ личиною свободы, сего обманчиваго призрака народовъ. Европа скоро погрузится въ варварство, если не поспѣшатъ ее отъ онаго предохранить. Съ моей стороны, я готова воспротивиться всѣми моими силами. Пора дѣйствовать и приняться за оружіе для устрашенія сихъ бѣснующихся. Благочестіе къ сему возбуждаетъ, религія повелѣваетъ, человѣчество призываетъ, а съ ними драгоцѣнныя и священныя права Европы сего требуютъ».

Однако, хотя Екатеринѣ и много приходилось писать по поводу кровавыхъ событій, переживаемыхъ Франціей, но отъ нея, какъ это ни странно, ускользалъ самый смыслъ революціи. И дѣятели и учрежденія революціонной Франціи проходили передъ нею въ какомъ-то калейдоскопѣ, и она не была въ состояніи подмѣтить въ нихъ сколько-нибудь существенной разницы. Огульно осуждая всѣхъ рѣшительно дѣятелей 1789—96 гг., она зачисляла въ лагерь революціонеровъ и умѣренныхъ конституціоналистовъ и ярыхъ приверженцевъ террора. По вполнѣ вѣрному замѣчанію Ларивьера, «законодательное собраніе, конвентъ, комитетъ общественнаго блага, жирондисты, «равнина» и монтаньяры»,—все это были слова, которыя оставались для нея вполнѣ чуждыми, значеніе и оттѣнокъ которыхъ отъ нея ускользали.

Особенно подробно и всесторонне касается Екатерина положенія дѣлъ во Франціи въ своей запискѣ отъ 1792 года, въ которой какъ бы подведенъ итогъ ея взглядамъ и сужденіямъ на событія великой революціи. «Дѣло французскаго короля,—пишетъ она,—касается всѣхъ государей, такъ какъ вся Европа заинтересована въ томъ, чтобы Франція снова заняла то мѣсто, которое принадлежало ей, какъ великой державѣ (à un grand royaume)». Въ своей наивности русская императрица предполагаетъ, что небольшой арміи въ 10.000 человѣкъ будетъ достаточно, чтобы пройти изъ конца въ конецъ всю Францію. Чтобы набрать подобнаго рода армію, достаточно имѣть полмилліона ливровъ, которые затѣмъ въ видѣ контрибуціи могутъ быть взяты съ жителей Франціи. Съ этимъ войскомъ освободятъ Францію отъ «разбойниковъ», возстановятъ монархію и монарха, изгонятъ обманщиковъ, накажутъ злодѣевъ, избавятъ королевство отъ всякаго рода притѣсненій, поспѣшатъ объявить во всеобщее свѣдѣніе о забвеніи и прощеніи всѣмъ тѣмъ, кто подчинится вновь законному государю. Духовенству будетъ возвращено то изъ его имуществъ, что еще не продано; дворянству—его исконныя привилегіи, а провинціальнымъ собраніямъ—то, относительно чего они высказали свои требованія. При этомъ Екатерина добавляетъ, «что силу надо употреблять только противъ тѣхъ, кто сопротивляется». Она ставитъ на видъ, что «присяга, принесенная подъ давленіемъ силы, не должна имѣть никакого значенія, тѣмъ болѣе, что такая присяга противорѣчитъ присягѣ на вѣрность, раньше принесенной королю». Переносясь мысленно въ лагерь тѣхъ, кто сплачивалъ свои силы на защиту стараго порядка, Екатерина восклицаетъ: «Никогда дѣло не было болѣе правымъ, никогда мотивы его не были болѣе значительными и болѣе способными воодушевить къ усердію и храбрости». «Мудрымъ управленіемъ можно,—по словамъ императрицы,—смягчить тяжелыя послѣдствія всего пережитаго Франціей и возмѣстить понесенныя потери». Тѣмъ, ко-

торые прилагаютъ старанія къ возстановленію королевскаго авторитета, Екатерина напоминаетъ, что «уступать и пріобрѣтать надо не болѣе того, чѣмъ то диктуется благоразуміемъ». Она твердо вѣритъ, что успѣхъ предпріятія, хорошо скомбинированнаго, долженъ быть неизбѣженъ.

Этотъ новый переворотъ не можетъ состоять ни въ чемъ иномъ, какъ только въ возстановленіи монархическаго образа правленія, который существовалъ еще до прихода франковъ. Русская императрица глубоко увѣрена въ томъ, что дворянство, духовенство, магистратура, принцы и войско соединятся для освобожденія короля и его семьи изъ рукъ парижской черни. «Нетрудно предвидѣть, — говоритъ Екатерина,—что тотъ, кто внесетъ во Францію порядокъ и дисциплину, возьметъ верхъ надъ анархіей».

Марія-Антуанета (портр. Виже-Лебрена).

Въ заключеніе своей обширной записки Екатерина указываетъ, что лица, которыя скрѣпятъ своею подписью актъ соединенія, должны будутъ прежде всего прійти къ соглашенію относительно слѣдующихъ пунктовъ: 1. Охранять католическую религію во всей ея неприкосновенности. 2. Соблюдать вѣрность королю. 3. Стремиться къ его освобожденію. 4. Повиноваться лицу, состоящему во главѣ союзныхъ войскъ. 5. Обязаться поддерживать порядокъ и дисциплину въ войскѣ. 6. Обѣщать оказать денежную поддержку дѣлу возстановленія общаго мира и спокойствія. Но наибольшій интересъ представляетъ тотъ пунктъ соглашенія, который гласитъ слѣдующее: Возстановленіе правленія согласно единодушному желанію націи, выраженному въ провинціальныхъ наказахъ депутатамъ, посредствомъ неуклоннаго поддержанія всѣхъ трехъ сословій во всемъ томъ, что касается ихъ существованія, безопасности и собственности.

Такимъ образомъ, Екатерина указывала эмигрантамъ и ихъ сторонникамъ, что безусловнаго возврата къ старому порядку быть не можетъ; что необходимо принять во вниманіе законныя требованія французскихъ сословій и что, только при соблюденіи этого условія, монархія во Франціи можетъ быть возстановлена на прочномъ основаніи.

Давая политическіе совѣты французскимъ роялистамъ, Екатерина какъ бы становилась во главѣ европейской реакціи и тѣмъ самымъ окончательно порывала съ тѣмъ, во что вѣрила и чему поклонялась въ лучшіе годы своего царствованія. Бывшая ученица Вольтера, далекая отъ строгихъ началъ ортодоксальнаго благочестія, она однажды въ самый разгаръ революціонныхъ событій открыто заявляетъ, что «всѣ протестантскія правительства хорошо бы сдѣлали, рѣшившись принять православіе, потому что это исповѣданіе должно считаться оплотомъ противъ безнравственной, анархической, преступной, воровской, богохульной, опрокидывающей всѣ престолы и непріязненной всякой религіи заразы». Она сравнивала при этомъ греческую церковь «съ дубомъ, имѣющимъ глубокіе корни». Разочаровавшись въ принципахъ просвѣтительной философіи, Екатерина рѣзко порываетъ съ тѣми, къ мнѣнію которыхъ она въ былое время любила прислушиваться. Одинъ за другимъ исчезаютъ по ея распоряженію бюсты философовъ и писателей XVIII вѣка изъ галлереи Эрмитажа, гдѣ они красовались среди мудрецовъ и ораторовъ древняго міра. Только бюстъ Вольтера долго оставался на своемъ прежнемъ мѣстѣ; наконецъ, и онъ былъ вынесенъ въ исходѣ 1792 года. Огорченная всѣмъ тѣмъ, что происходило на ея глазахъ, Екатерина подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ торжества французскаго оружія и заключенія Базельскаго мира углубляется въ изученіе сѣдой старины и ищетъ себѣ успокоенія въ чтеніи Несторовой лѣтописи и въ изслѣдованіи частностей первоначальнаго развитія государственной жизни Россіи.

Екатерина II (грав. Скородумова).

Особенно сильно потрясена была Екатерина извѣстіемъ «о злодѣйскомъ умерщвленіи короля французскаго». Подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ этого событія она слегла въ постель и, по словамъ Храповицкаго, «была больна и печальна». Она возмущалась «варварствомъ французовъ» и явной несправедливостью въ утайкѣ голосовъ при осужденіи короля. «Это вопіющее беззаконіе даже въ отношеніи частнаго лица», говорила она своему статсъ-секретарю, соглашаясь съ нимъ, что «каждый членъ законодательнаго собранія мнитъ себя королемъ, а каждый французскій гражданинъ есть не что иное, какъ настоящая скотина». Франція погибла,

погрязнувъ въ порокахъ и бражничествѣ, и императрица вполнѣ опредѣленно заявляла, что французская республика представляетъ для Европы значительно большую опасность, чѣмъ даже гегемонія Людовика XIV.

Новый порядокъ вещей грозилъ опасностью лично самой Екатеринѣ; «якобинцы вездѣ печатаютъ, что они меня убьютъ,—пишетъ она Гримму въ 1791 году,—и съ этою цѣлью послано трое или четверо лицъ, относительно которыхъ меня предупреждаютъ со всѣхъ сторонъ». Свою тревогу по этому поводу Екатерина хочетъ замаскировать рядомъ шутокъ и остротъ, то называя себя «пугаломъ для якобинцевъ» (la bête noire des jacobins), то признаваясь Гримму, что ей очень хотѣлось бы «наказать якобинцевъ розгами и палками». Но слухи все растутъ и крѣпнутъ, и императрица принимаетъ мѣры предосторожности. 8 апрѣля 1792 года данъ былъ секретный указъ петербургскому губернатору съ приказаніемъ искать француза, проѣхавшаго 22 марта черезъ Кенигсбергъ съ злымъ умысломъ на здравіе ея величества. А въ дневникѣ Храповицкаго читаемъ: «Взяты предосторожности на границѣ и въ городѣ; даны указы строго смотрѣть за пріѣзжающими въ Царское Село и Софію, а паче за иностранцами». Въ ноябрѣ 1792 года у императрицы возникаютъ опасенія по поводу пріѣхавшаго въ Петербургъ иностранца Мильоти, «не заводитъ ли онъ якобинскаго клуба». Тревожное настроеніе у Екатерины продолжаетъ обнаруживаться во все послѣднее время ея царствованія. Она готова во всѣхъ видѣть или подосланныхъ къ ней убійцъ или извергов, способныхъ на всевозможныя злодѣянія. Въ такой тревожной обстановкѣ заканчивалось царствованіе той самой Екатерины, которая въ лучшіе свои годы находилась въ дружескихъ сношеніяхъ съ самыми видными представителями французскаго общественнаго мнѣнія, а на склонѣ своихъ дней также привѣтливо протягивала руку непримиримымъ роялистамъ и европейской реакціи.

Серг. Вас. Салтыковъ.

По мѣрѣ того, какъ дѣла Людовика XVI пріобрѣтали во Франціи все болѣе печальный оборотъ, роялисты, какъ извѣстно, всѣ свои надежды на возстановленіе стараго абсолютнаго строя начинали возлагать на активное вмѣшательство европейскихъ державъ. Какъ только обнаружилось стремленіе Національнаго собранія къ широкимъ соціальнымъ преобразованіямъ, французское дворянство, во главѣ съ принцами королевской крови, широкой волной отливаетъ за предѣлы Франціи. «Въ лицѣ эмигра-

ціи,—по словамъ Сореля,—старый порядокъ переживалъ, такъ сказать, свое паденіе и произносилъ надъ собой безпощадный приговоръ». Эмиграціонныя волны достигали, какъ извѣстно, и владѣній императрицы Екатерины, которая охотно давала при своемъ дворѣ пріютъ французскимъ роялистамъ, называя себя по отношенію къ нимъ «Madame la Ressource». Въ Петербургѣ подъ защитой русскаго правительства собрался довольно значительный кружокъ эмигрантовъ, получившій названіе «le petit Coblence». Въ 1791 г. при дворѣ Екатерины даже появляется особый посланникъ братьевъ короля и французскихъ роялистовъ гр. Эстергази, хотя въ Петербургѣ въ это время было еще два французскихъ дипломатическихъ агента: Жене, являвшійся представителемъ конституціоннаго правительства, и маркизъ Бомбаль, представлявшій интересы Людовика XVI и придворной партіи.

И. И. Шуваловъ (портр. Виже-Лебрена).

Въ связи съ эмиграціоннымъ движеніемъ французскаго дворянства Екатерина писала 4 октября 1790 г. адмиралу Мордвинову: «Безъ сомнѣнія, бѣдственно для Франціи, что настоящее состояніе лишаетъ ее достойныхъ людей. До сего времени блистала она славою, которою озарилась въ царствованіе Людовика XIV. Безъ сомнѣнія, другія правила приведутъ за собой другой порядокъ вещей, до сихъ поръ непредвидѣнный; но ежели безначаліе нынѣшней Франціи сообщится другимъ государствамъ Европы, то не мудрено предсказать, что одни турки тѣмъ воспользуются, и что тогда имъ всякое завоеваніе будетъ не трудно». По ея мнѣнію, могли еще образумить французовъ только чума и голодъ. Въ кругу близкихъ людей Екатерина иногда изъявляла свое намѣреніе написать большую книгу о происходящихъ во Франціи «нелѣпостяхъ». Она приходила въ восторгъ отъ памфлета Берка, который разсматривалъ все то, что происходило во Франціи, какъ разъ съ точки зрѣнія эмигрантовъ и роялистовъ. Однако Екатеринѣ далеко не все нравилось въ образѣ дѣйствія тѣхъ лицъ, кото-

рыя, собравшись въ Кобленцѣ, мечтали о возвращеніи къ старому дореволюціонному режиму. Императрица нерѣдко въ бесѣдахъ со своими приближенными говорила о томъ, что она предприняла бы на мѣстѣ Артуа, Конде, Булье и другихъ.

Въ одномъ изъ писемъ къ доктору Циммерману императрица выясняетъ причины, побудившія ее къ вмѣшательству во французскія событія. «Я дѣлаю предположеніе, — пишетъ она, — въ чужихъ дѣлахъ, между тѣмъ какъ надобно думать только о своихъ собственныхъ. Но матерія обширна и трудно не заняться оною. Дѣла короля французскаго касаются до всѣхъ государей, и его оскорбленное достоинство требуетъ торжественнаго возстановленія».

Но оказывая покровительство эмигрантамъ и принимая даже при своемъ дворѣ графа Артуа, получившаго отъ нея шпагу съ девизомъ «съ Богомъ, за короля», Екатерина вовсе не хотѣла принимать непосредственное участіе въ борьбѣ съ революціей, такъ какъ участіе Россіи въ европейской коалиціи не вызывалось ея географическимъ положеніемъ. Екатерина вообще въ дѣлахъ внѣшней политики чужда была всякой сентиментальности. Европейскимъ дипломатамъ, желавшимъ побудить Россію на открытую борьбу съ революціей, Екатерина отвѣчала: «какъ хотите, но вѣдь своя рубашка ближе къ тѣлу». Въ одномъ же изъ писемъ къ Гримму отъ 1793 г. она говоритъ: «Если я и должна вступить въ ряды какой-нибудь партіи, то уже, конечно, не пойду по пути тѣхъ глупостей, въ которыя меня хотятъ впутать». Какъ видно изъ дневника Храповицкаго, она совѣтовала французскимъ принцамъ дѣйствовать единодушно, полагаясь болѣе на собственныя силы, нежели на союзныя. Въ концѣ 1791 г. она оказала имъ матеріальную поддержку въ размѣрѣ 500.000 рублей и обѣщала дать еще столько же «для употребленія на возстановленіе французской монархіи и возвращенія королевской власти».

И. И. Бецкій (портр. Родена).

Эмигранты давали довольно своеобразное объясненіе недостаточно активному вмѣшательству Россіи во французскія дѣла. Коренную причину этого факта они усматривали въ томъ вліяніи, которое имѣлъ якобы на русскую императрицу воспитатель великихъ князей, Лагарпъ. Въ глазахъ французскихъ эмигрантовъ онъ, какъ открытый сторонникъ разрушительныхъ идей, представлялъ для ихъ дѣла величайшую опасность. Всѣ безъ исключенія роялисты не скрывали свою ненависть по отношенію къ Ла-

гарпу. Въ Кобленцѣ, въ этомъ главномъ станѣ ихъ, многіе изъ эмигрантовъ прямо выражали русскому послу графу Румянцеву свое удивленіе по поводу того, что Екатерина не удаляетъ отъ своего двора столь опаснаго приверженца революціонныхъ началъ. Въ свитѣ графа Артуа, во время его поѣздки въ Петербургъ, находился даже нѣкто баронъ Солль изъ Золотурна, имѣвшій порученіе изъ Берна, во что бы то ни стало, содѣйствовать удаленію и гибели Лагарпа.

Но дѣло было, конечно, не въ Лагарпѣ и не въ чьемъ-либо стороннемъ вліяніи, а въ практическомъ и трезвомъ взглядѣ русской императрицы на дѣла внѣшней политики. Государственный эгоизмъ, обнаруженный Екатериной съ самаго вступленія ея на престолъ, никогда не дозволилъ бы ей бороться за дѣло, не касающееся ея собственнаго интереса; это противорѣчило бы духу и направленію всего ея царствованія. Политическіе интересы Россіи были не на западѣ, не на Рейнѣ, а на востокѣ, на Вислѣ и Дунаѣ. Французская революція отвлекала вниманіе императрицы отъ Польши, въ которой она систематически поддерживала анархію, дававшую ей возможность играть рѣшающую роль въ внутреннихъ дѣлахъ Рѣчи Посполитой.

Кн. Е. Р. Дашкова (грав. Осипова, изд. Мюнстера).

Поддерживая коалицію только совѣтами и денежными средствами, Екатерина не дала союзнымъ войскамъ ни единаго русскаго солдата. Всю свою ненависть къ революціи она выражала въ томъ, что хотѣла возбудить рѣшительно всѣхъ на борьбу съ Франціей.

А въ то время, какъ европейскія державы отправились крестовымъ походомъ на безбожныхъ французовъ, Екатерина въ тылу коалиціонной арміи разрѣшала въ интересахъ Россіи польскій и турецкій вопросы. Знатокъ европейскихъ отношеній въ эпоху революціи, Альбертъ Сорель имѣлъ поэтому основаніе сказать: «никто больше Екатерины не способствовалъ образованію коалиціи, но никто также не прилагалъ больше стараній къ ея уничтоженію. И, такъ сказать, помимо своей воли, вовсе того не сознавая, она оказала громадную услугу революціи, которую проклинала и паденія которой она добивалась». Такимъ образомъ, по словамъ французскаго историка, Польша поплатилась за Францію.

Наивно полагая, что 20.000 казаковъ будетъ вполнѣ достаточно, чтобы очистить путь отъ Страсбурга до Парижа, Екатерина въ этомъ отношеніи раздѣляла ту точку зрѣнія, которая преобладала при вѣнскомъ и берлинскомъ дворахъ и которая, въ концѣ-концовъ, привела къ неудачному походу коалиціонныхъ войскъ въ 1792 году. Императрица была возмущена до глубины души заключеніемъ Базельскаго мира, которымъ, какъ извѣстно, завершилась первая борьба европейской коалиціи съ революціонной Фран-

ціей. Ей казалось непостижимымъ, какимъ образомъ Пруссія могла помириться съ «режисидами» и съ «извергами человѣчества». Послѣ того, какъ Голландія подпала подъ вліяніе Франціи, Екатерина гордо заявила, что она прерываетъ съ нею всякія дипломатическія сношенія.

Но поддерживая сношенія съ тѣми французами, которыхъ Рамбо называетъ дерзкими наушниками (audacieux flagorneurs), Екатерина, какъ мы видѣли, безжалостно разбивала всѣ ихъ надежды на непосредственное участіе русскаго оружія въ борьбѣ съ заразой французской. Тѣмъ не менѣе, есть нѣкоторое основаніе предполагать, что императрица, наканунѣ своей кончины, мечтала о рѣшительныхъ мѣрахъ противъ «французской пугачевщины».

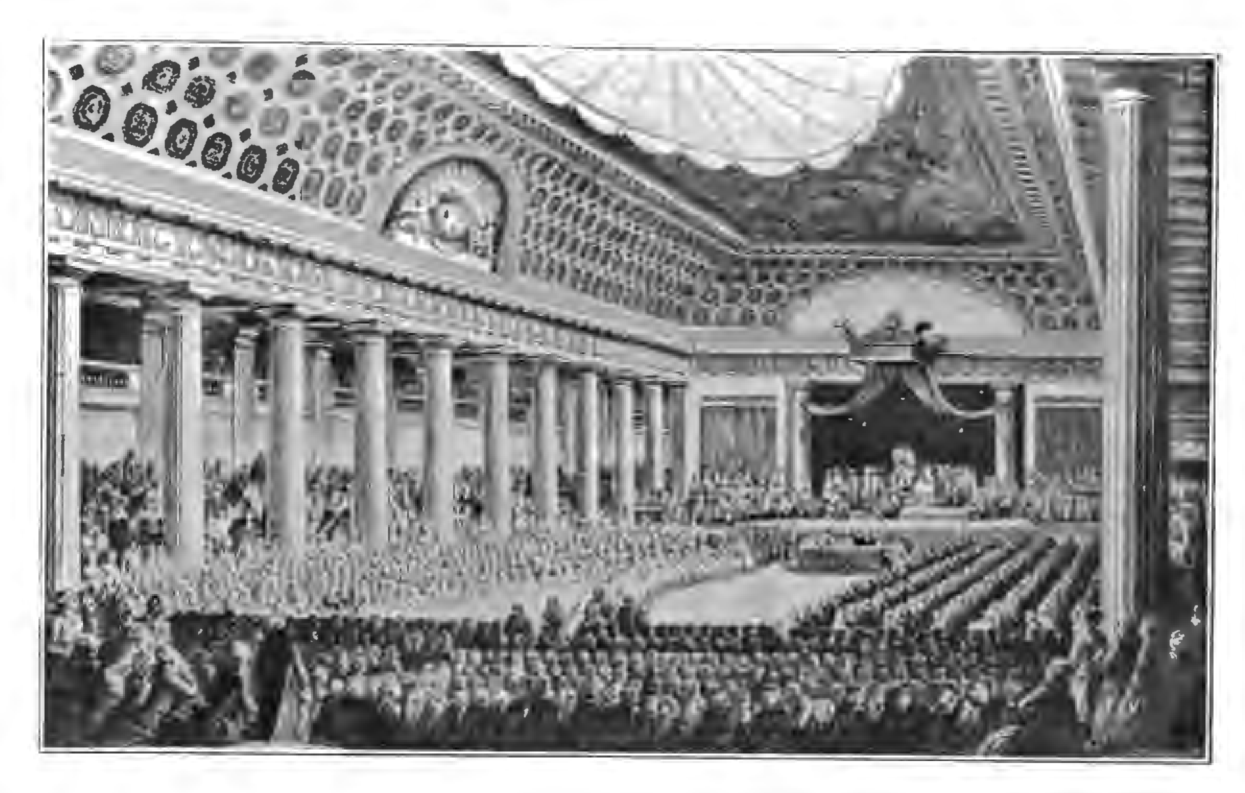
Гр. Ник. И. Панинъ. (Пис. Росленъ).

Еще въ 1791 году, въ письмѣ къ Циммерману, она, можетъ-быть, имѣя въ виду самое себя, говорила: «Разрушить французское безначаліе значитъ пріобрѣсть себѣ безсмертную славу»... Тотъ человѣкъ, который подавитъ анархію во Франціи, «окажетъ весьма важную услугу человѣчеству, которое будетъ ему за то обязано, потому что онъ утвердитъ снова повиновеніе и благоденствіе народовъ». Русская императрица постоянно предсказывала появленіе во Франціи диктатора; такъ, еще въ февралѣ 1794 г. она пишетъ къ Гримму: «Если Франція справится со своими бѣдами, она будетъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо, будетъ послушна и кротка, какъ овечка; но для этого нуженъ человѣкъ недюжинный, ловкій, храбрый, опередившій своихъ современниковъ и даже, быть-можетъ, свой вѣкъ». «Родился ли онъ или не родился? Придетъ ли онъ? — все зависитъ отъ того». Если найдется такой человѣкъ, «онъ стопою своей остановитъ дальнѣйшее паденіе, которое прекратится тамъ, гдѣ онъ станетъ, во Франціи, или въ иномъ мѣстѣ».

Такимъ образомъ, передъ умственнымъ взоромъ Екатерины на фонѣ революціонныхъ событій уже выступала фигура Наполеона, того самаго диктатора, могучая воля котораго должна была возстановить порядокъ во Франціи, расшатанной великимъ внутреннимъ кризисомъ. Однако надежды императрицы на реакціонное движеніе противъ анархическихъ началъ французской революціи не исполнились при ея жизни.

Въ моментъ ея кончины старый порядокъ въ Европѣ хотя и велъ упорную борьбу съ принципами 1789 г., но всюду терпѣлъ неудачи.

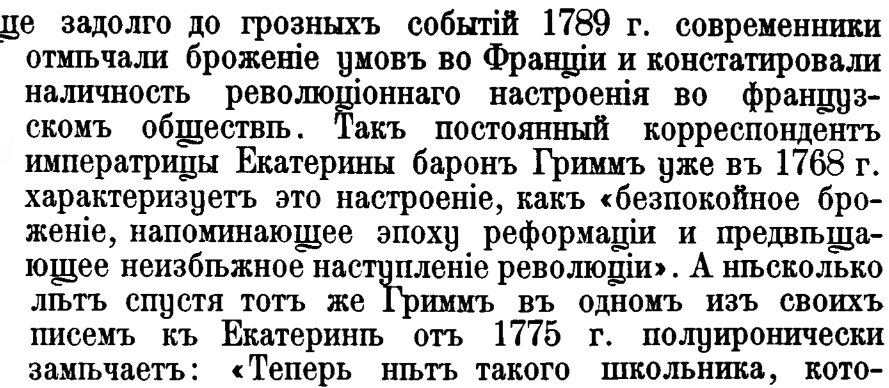
В. Бочкаревъ.

Открытіе генеральныхъ штатовъ 5 мая 1789 г. (рис. Monnet).

IV. Русское общество Екатерининской эпохи и французская революція.

В. Н. Бочкарева.

Еще задолго до грозныхъ событій 1789 г. современники отмѣчали броженіе умовъ во Франціи и констатировали наличность революціоннаго настроенія во французскомъ обществѣ. Такъ постоянный корреспондентъ императрицы Екатерины баронъ Гриммъ уже въ 1768 г. характеризуетъ это настроеніе, какъ «безпокойное броженіе, напоминающее эпоху реформаціи и предвѣщающее неизбѣжное наступленіе революціи». А нѣсколько лѣтъ спустя тотъ же Гриммъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Екатеринѣ отъ 1775 г. полуиронически замѣчаетъ: «Теперь нѣтъ такого школьника, который бы не проектировалъ, едва сойдя со школьной скамьи, новой системы государственнаго устройства; нѣтъ писателя, который бы не считалъ себя обязаннымъ внушить земнымъ властямъ, какъ имъ лучше всего управлять своимъ государствомъ». Гриммъ не представлялъ изъ себя какого-либо исключенія. О страшномъ волненіи во французскомъ обществѣ писалъ императрицѣ въ 1778 г. и графъ И. Чернышевъ, русскій

посолъ при Версальскомъ дворѣ. «Никто не можетъ предвидѣть,—читаемъ мы въ этомъ письмѣ,—куда поведетъ это броженіе умовъ».

Съ этими отзывами графа Чернышева и другихъ лицъ, долго жившихъ во Франціи, интересно сопоставить наблюденія русскихъ путешественниковъ конца 70-хъ гг. Такъ, въ письмахъ Д. И. Фонвизина къ сестрѣ и графу Панину отъ 1777—78 гг. мы встрѣчамъ довольно много замѣчаній о современномъ общественномъ и политическомъ строѣ Франціи. «Первое право каждаго француза,—по его словамъ,—есть вольность, но истинное настоящее его состояніе есть рабство; ибо бѣдный человѣкъ не можетъ снискивать своего пропитанія иначе, какъ рабскою работою, а если захочетъ пользоваться драгоцѣнною своею вольностью, то долженъ будетъ умереть съ голоду. Словомъ, вольность есть пустое имя, и право сильнаго остается правомъ превыше всѣхъ законовъ». Возвращаясь къ тому же предмету въ другомъ своемъ письмѣ Фонвизинъ приходитъ къ заключенію, что слѣдуетъ различать вольность по праву отъ дѣйствительной вольности. «Нашъ народъ,—говоритъ онъ,—не имѣетъ первой, но послѣднею во многомъ наслаждается». Отъ наблюдательнаго русскаго путешественника не ускользнули темныя стороны старой французской монархіи. «Король хотя и ограниченъ законами,—читаемъ въ одномъ изъ писемъ Фонвизина, — но имѣетъ въ рукахъ всю силу попирать законы». Однако, несмотря на это, народная масса обнаруживала вполнѣ искренній патріотизмъ и неподдѣльную лойяльность. «Всѣ они съ восхищеніемъ, — замѣчаетъ Фонвизинъ о французахъ, — такъ привязаны къ своему отечеству, что лучше согласятся умереть, нежели его оставить. Послѣдній трубочистъ внѣ себя отъ радости, коли увидитъ короля своего; онъ кряхтитъ отъ подати, ропщетъ, однако послѣднюю копейку платитъ во мнѣніи, что тѣмъ пособляетъ своему отечеству». Въ заключеніе онъ прибавляетъ: «Коли что здѣсь дѣйствительно почтить и коли всѣмъ перенимать здѣсь надобно, то, конечно, любовь къ отечеству и государю своему». Почти къ одинаковому выводу приходитъ и княгиня Е. Р. Дашкова, которая во время своего пребыванія въ Парижѣ въ концѣ 70-хъ гг. вращалась въ самомъ избранномъ обществѣ. «Патріотическій энтузіазмъ,—пишетъ она въ своихъ мемуарахъ,—еще былъ національной гордостью; идея о монархѣ и гильотинѣ еще такъ была темна, что Людовикъ, хотя исподтишка и называли его «королемъ по ошибкѣ», былъ предметомъ народнаго обоготворенія».

Мирабо (колл. В. М. Соболевскаго)

Однако къ 80-мъ гг. революціонное настроеніе все сильнѣе и глубже проникало во французское общество, и уже многимъ казалось, что данное положеніе вещей не можетъ привести ни къ чему иному, какъ къ страш-

ному перевороту. Вполнѣ понятно, что движеніе умовъ, совершавшееся во Франціи, должно было неизбѣжно отразиться на общественномъ настроеніи другихъ европейскихъ государствъ, такъ какъ, по справедливому замѣчанію А. Н. Пыпина, «въ иныхъ формахъ старый политическій порядокъ и здѣсь отживалъ свое время». Почти повсемѣстно замѣчалась реакція противъ французскаго раціонализма и матеріализма, и вполнѣ понятно, говоритъ тотъ же историкъ, что «все философское вольномысліе, всѣ поиски за естественнымъ и справедливымъ устройствомъ человѣческаго общества не были дѣломъ только немногихъ свѣтлыхъ или необузданныхъ умовъ, но были также отраженіемъ стремленій цѣлыхъ массъ, утомленныхъ устарѣвшими формами быта и искавшихъ избавленія въ новомъ разумномъ устройствѣ общества и государства».

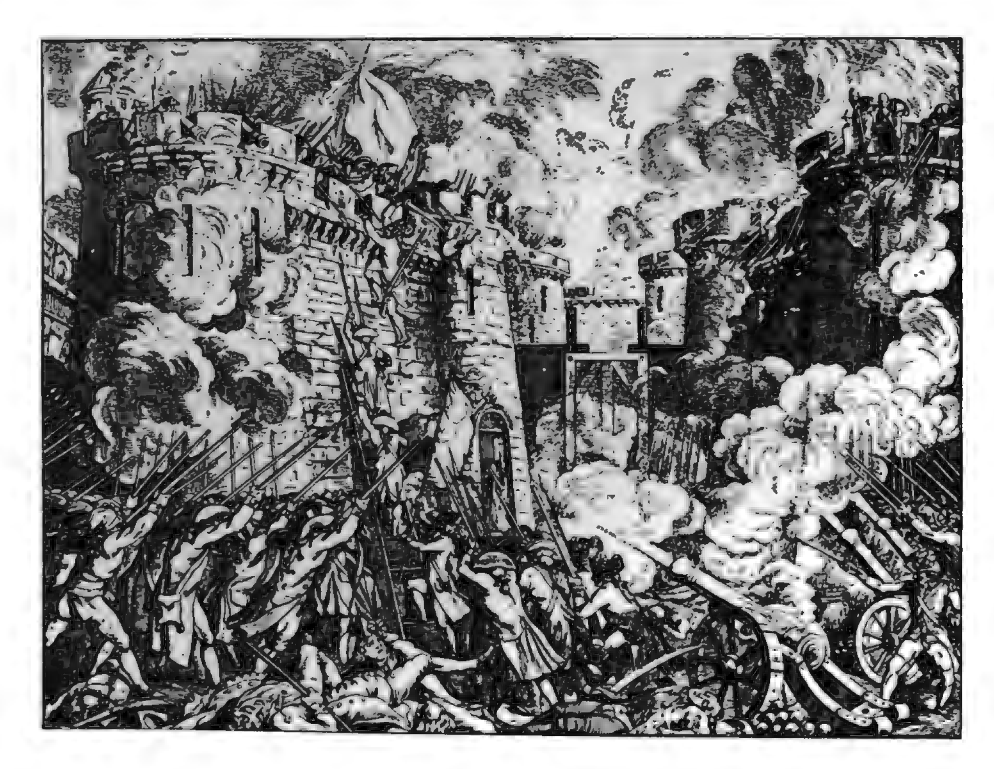
Но то, что происходило въ Западной Европѣ наканунѣ великой революціи, лишь съ трудомъ могло найти себѣ откликъ въ Россіи. Несмотря на космополитическій характеръ французскихъ освободительныхъ идей, не было, можно сказать, другой европейской страны, которая была бы такъ застрахована отъ революціонной пропаганды, какъ владѣнія императрицы Екатерины—этого философа на престолѣ. Въ послѣднія десятилѣтія передъ французской революціей въ Россіи достигли своего кульминаціоннаго развитія тѣ самыя рабовладѣльческія отношенія и сословныя привилегіи, которымъ «принципы 1789 года» наносили во Франціи смертельный ударъ. «Революціонная пропаганда,—говоритъ Сорель,—не могла подвергнуть Россію серьезной опасности», «не одно разстояніе спасало ее, но самый характеръ цивилизаціи этой имперіи». Россія поражала своей культурной отсталостью, «народъ въ ней,—по словамъ Рамбо,—не читалъ ничего, провинціальное дворянство и горожане читали мало, а придворная и чиновная знать читала преимущественно французскія книги». Просвѣтительная философія XVIII в. могла быть понята въ Россіи крайне поверхностно, какъ пресловутое «вольтерьянство». Для русскихъ вольнодумцевъ средины XVIII в. «вольтерьянство» было ни чѣмъ инымъ, какъ побѣдой здраваго смысла надъ суевѣріемъ, какъ «легкой чисткой человѣческихъ мозговъ, а не упорной борьбой за реформу человѣческихъ учрежденій и вѣрованій». О французскихъ мыслителяхъ самой крупной величины даже наиболѣе образованные представители русскаго общества отзывались довольно пренебрежительно. «Д'Аламберты и Дидероты,—читаемъ въ одномъ изъ писемъ Д. И. Фонвизина, — такіе же шарлатаны, какихъ видалъ я всякій день на бульварѣ; всѣ они обманываютъ народъ за деньги и разница между шарлатаномъ и философомъ только та, что послѣдніе къ сребролюбію присовокупляютъ безпримѣрное тщеславіе».

Отъ людей старшаго поколѣнія Екатерининскаго общества ускользалъ смыслъ происшедшаго крупнаго перелома въ характерѣ философской мысли второй половины XVIII в. Въ 80-хъ гг. вольтерьянство сдѣлалось уже боевымъ кличемъ, означавшимъ борьбу и торжество свободной мысли надъ государственной церковью, надъ догмой, защищаемой силами инквизиціи и іезуитизма. Высшая русская знать, поверхностно усвоившая себѣ французскую цивилизацію, не любила обсуждать вопросы, выдвигаемые передовой европейской общественной мыслью. Графъ Сегюръ, жившій нѣсколько лѣтъ въ Россіи, замѣчаетъ въ своихъ мемуарахъ, что «въ петер-

бургскихъ салонахъ никогда не говорили о политикѣ даже для того, чтобы хвалить правительство».

Сорель, изучившій европейское общество въ періодъ великой революціи, приходитъ относительно Россіи къ вполнѣ вѣрному заключенію. «Въ ней,—говоритъ онъ,—не было почвы ни для политической, ни для гражданской свободы, такъ какъ въ ней отсутствовали всѣ три наиболѣе существенные элемента французской революціи: привилегированное и безсильное дворянство, честолюбивая и вліятельная буржуазія и крестьяне-собственники». Отъ русскаго крестьянина, окончательно закрѣпощеннаго въ царствованіе Екатерины II, ускользалъ самый смыслъ революціи, какъ борьбы за коренной политическій и соціальный переворотъ. Дворянство, демократизированное табелью о рангахъ, не представляло изъ себя замкнутаго сословія съ прочной политической традиціей. Въ городахъ жили купцы, ремесленники и чиновники, но они не являлись тѣмъ третьимъ сословіемъ, которымъ такъ сильна была европейская общественность. «То были люди,—говоритъ тотъ же Сорель,—вполнѣ подчиненные государству, весьма мало доступные западнымъ идеямъ и скорѣе склонные давать имъ отпоръ».

Русскій дворянинъ Екатерининской эпохи слишкомъ походилъ на француза XVIII в.; въ немъ ярко сказывались симпатіи къ старому порядку предреволюціонной Франціи. Жозефъ де-Местръ даетъ такую мѣткую характеристику русскаго дворянства въ исходѣ XVIII ст.: «Оно было постоянно только въ своемъ непостоянствѣ». «Въ дореволюціонной Франціи нравилось ему преимущественно все старо-французское съ его воль-

Взятіе Бастиліи. (Совр. гр.).

номысліемъ, утонченной цивилизаціей, рыцарствомъ чувствъ и стремленій. Сперва увлекались философами, потомъ эмигрантами. Какъ только философія сдѣлалась революціонной, демократической, а Франція стала означать французскій народъ, русскіе аристократы съ одинаковой ненавистью и высокомѣріемъ осудили философовъ, революцію и Францію».

Такими яркими представителями настроенія русской знати въ эпоху крушенія стараго порядка во Франціи являются братья Воронцовы, въ перепискѣ которыхъ часто затрогиваются французскія событія. Еще въ 1789 г. графъ С. Р. Воронцовъ предчувствуетъ конецъ французской монархіи, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не вѣритъ въ прочность республикан-

Месть народа послѣ взятія Бастиліи. (Совр. картина).

скаго строя. 28 августа 1789 г. онъ писалъ брату, что «французскіе безпорядки не такъ скоро прекратятся и французы, вмѣсто конституціи, создадутъ себѣ абсолютную анархію; они будутъ банкротами, будутъ вовлечены въ гражданскую войну и подпадутъ подъ управленіе еще болѣе произвольное, чѣмъ то, которое было ими ниспровергнуто». «Французы,—по его мнѣнію,—созрѣли для свободы не болѣе американскихъ негровъ». Взятіе Бастиліи наводитъ его на самыя грустныя размышленія: «Это прямо ужасно, что творится въ этой несчастной странѣ, и слѣдуетъ ждать событій еще худшихъ». Членовъ Національнаго собранія онъ считаетъ «сумасшедшими, которыхъ слѣдуетъ перевязать». Въ Мирабо онъ видитъ «злодѣя, цѣлью котораго было ниспроверженіе всего во Франціи». Въ письмѣ отъ 25 августа 1792 г. онъ возмущается тѣми «ужасами, которые совершаются этой

отвратительной французской націей». Якобинцевъ онъ называетъ «чудовищами, достойными самыхъ тяжкихъ наказаній». Подъ впечатлѣніемъ сентябрьскихъ убійствъ онъ пишетъ брату, что «Франція какъ будто укушена бѣшеной собакой». Послѣ того, какъ Людовикъ XVI былъ подвергнутъ заключенію, и въ Парижѣ все шире расправлялъ свои крылья якобинскій терроръ, С. Р. Воронцовъ начинаетъ яснѣе представлять себѣ истинный смыслъ французскихъ событій. Онъ даже предвидитъ побѣдоносное шествіе революціонныхъ идей и проникновеніе ихъ въ самыя отдаленныя европейскія страны. «Я вамъ говорилъ,—пишетъ онъ брату 2 декабря 1792 г.:—это борьба не на животъ, а на смерть между имущими классами и тѣми, кто ничего не имѣетъ. И такъ какъ первыхъ гораздо меньше,

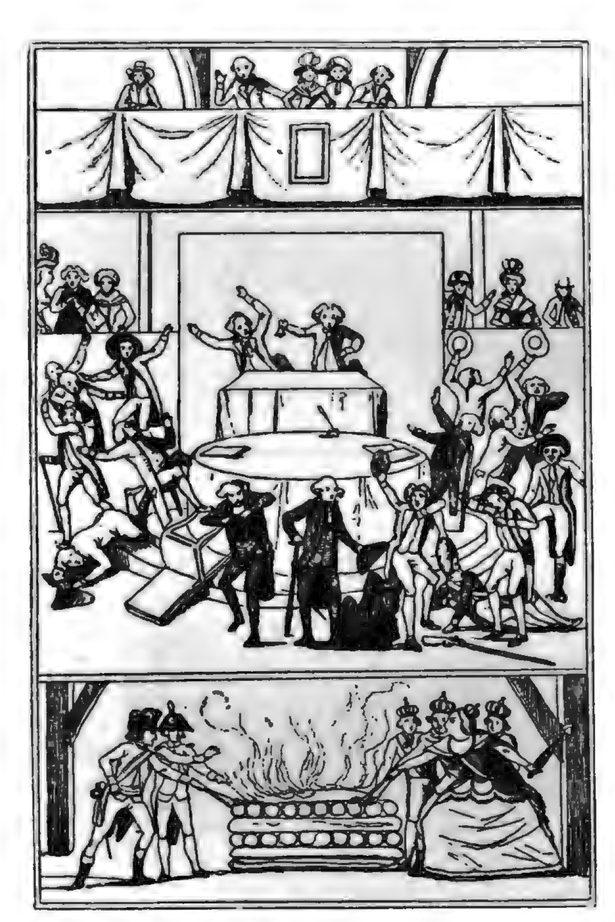

Французскій деспотизмъ (совр. кар.).

то, въ концѣ-концовъ, они должны быть побѣждены. Зараза будетъ повсемѣстной. Наша отдаленность насъ предохранитъ на нѣкоторое время: мы будемъ послѣдніе,—но и мы будемъ жертвами этой эпидеміи. Вы и я, мы ея не увидимъ; но мой сынъ увидитъ. Я рѣшилъ научить его какому-нибудь ремеслу, слесарному, что ли, или столярному: когда его вассалы ему скажутъ, что онъ имъ больше не нуженъ и что они хотятъ подѣлить между собой его земли,—пусть онъ, по крайней мѣрѣ, будетъ въ состояніи заработывать хлѣбъ собственнымъ трудомъ и имѣть честь сдѣлаться членомъ будущаго муниципалитета въ Пензѣ или въ Дмитровѣ. Эти ремесла ему больше пригодятся, чѣмъ греческій, латинскій и математика».

Почти тѣ же мысли приходятъ въ голову и графу А. Р. Воронцову. Онъ также полонъ тревоги и его неспокойное настроеніе ярко сказывается въ составленной имъ лѣтомъ 1790 г. запискѣ для графа Безбо-

родко. Въ ней онъ называетъ французскую революцію «безразсудной, а притомъ и опасной». Французскія событія, по его мнѣнію, имѣютъ международный характеръ. «Я давно изъяснялся,—пишетъ А. Р. Воронцовъ,—что сей переломъ французской конституціи и все то, что имъ опрокинуто, заслуживаетъ особое вниманіе государей, дворянства и, можно сказать, всѣхъ начальствъ и властей, вѣками установленныхъ и въ сохраненіи которыхъ не только всякое лицо и состояніе находили собственную свою пользу, но которое и для самой черни существенно нужно». Подобно брату, авторъ записки усматриваетъ во французской революціи элементы космополитическаго броженія. «Какъ бы то ни было, — говоритъ онъ, — если сей образъ правленія и мнимаго равенства хоть тѣнь окоренѣлости во Франціи приметъ, онъ будетъ имѣть пагубныя слѣдствія и для прочихъ государствъ и съ тою только разностью, что въ одномъ ранѣе, а въ другомъ позже». Почти такъ же, какъ братья Воронцовы, относилась къ революціонной Франціи и графиня В. Н. Головина, родная племянница извѣстнаго И. И. Шувалова, принадлежавшая къ самымъ верхнимъ слоямъ русскаго общества. Она съ гордостью заявляла французамъ, что она русская и что «мы не проливали крови своихъ государей». А въ разговорѣ съ графомъ Сегюромъ она отзывалась о Робеспьерѣ, какъ о «преступномъ деспотѣ, главѣ разбойниковъ».

Королева поджигаетъ Національное собраніе (сов. сатир. грав.).

Съ этими взглядами на французскія событія представителей русской аристократіи нельзя не сопоставить тѣ впечатлѣнія, которыя вынесъ Н. М. Карамзинъ во время своего пребыванія въ Парижѣ въ 1790 г. Онъ не сразу усваиваетъ все историческое значеніе тѣхъ грандіозныхъ явленій, очевидцемъ которыхъ ему приходилось быть. «Можно ли было ожидать, — недоумѣваетъ онъ, — такихъ сценъ отъ зефирныхъ французовъ, которые славились своею любезностью и пѣли съ восторгомъ: «Для любезнаго народа счастье добрый государь». На его глазахъ происходило во Франціи крушеніе стараго порядка, и, тѣмъ не менѣе, изъ-подъ его пера выростаетъ пышный панегирикъ этому смытому революціонными волнами политическому строю. «Французская монархія,— пишетъ онъ,—производила великихъ государей, великихъ министровъ, великихъ людей въ разныхъ родахъ;

жизнь общественная украшалась цвѣтами пріятностей, бѣдный находилъ себѣ хлѣбъ, богатый наслаждался своимъ избыткомъ... Но дерзкіе подняли сѣкиры на священное дерево, говоря: мы лучше сдѣлаемъ». Карамзинъ не сознавалъ еще, какъ широко разлилось революціонное настроеніе во французскомъ обществѣ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ успокоиваетъ московскихъ друзей тѣмъ, что «въ трагедіи, которая нынѣ играется во Франціи, дѣйствуетъ едва сотая часть всей націи. Тѣ, которымъ потерять нечего, дерзки, какъ хищные волки; тѣ, которые всего могутъ лишиться, робки, какъ зайцы; одни хотятъ все отнять, другіе хотятъ спасти что-нибудь». Онъ съ осужденіемъ относится къ событіямъ и дѣятелямъ великой революціи, говоря: «Всякія насильственныя потрясенія гибельны и каждый бунтовщикъ готовитъ себѣ эшафотъ». Полный самыхъ лойяльныхъ и бла-

10 августа 1792 г. (рис. Monnet).

гонамѣренныхъ идей, двадцатитрехлѣтній «русскій путешественникъ» напоминаетъ «новымъ республиканцамъ съ порочными сердцами» афоризмъ Катона: «безначаліе хуже всякой власти».

Московскіе друзья, къ которымъ Карамзинъ отправлялъ свои письма, принадлежали къ розенкрейцерамъ или мартинистамъ, группировавшимся вокругъ Новикова — этого идейнаго центра русскаго масонства. Масоны, какъ извѣстно, ставили основной цѣлью своей дѣятельности нравственное перерожденіе человѣческой личности на основѣ внутренняго самоусовершенствованія. Поэтому вполнѣ естественно, что они крайне отрицательно относились и къ раціонализму, и къ матеріализму, и ко всѣмъ другимъ доктринамъ просвѣтительной философіи. И къ французской революціи, какъ къ порожденію той же философіи, у нихъ не могло быть иного отношенія. Тайныя политическія организаціи, по мнѣнію москов-

скихъ мартинистовъ, имѣли своимъ предметомъ «заговоръ буйства, побуждаемаго глупымъ стремленіемъ къ необузданности и неестественному равенству». Однако, при всемъ своемъ отрицательномъ отношеніи къ французскимъ событіямъ, нѣкоторые изъ членовъ Новиковскаго кружка, напримѣръ, И. В. Лопухинъ, довольно ясно представляли себѣ ихъ основную причину. «Злоупотребленіе власти, ненасытность страстей въ управляющихъ, презрѣніе къ человѣчеству, угнетеніе народа, безвѣріе и развратность нравовъ: вотъ, по его словамъ, прямой и одинъ источникъ революціи». До насъ дошелъ рядъ писемъ московскихъ масоновъ отъ 1790 г., въ которыхъ они довольно часто останавливаются на политическихъ событіяхъ, происходившихъ въ то время во Франціи. Революціонныя сочиненія они называютъ въ этой перепискѣ произведеніями «мнимой вольности или, лучше сказать, бѣшенства». Эти письма превосходно вскрываютъ политическую лойяльность Новиковскаго кружка. Такъ, А. М. Кутузовъ въ ноябрѣ 1790 г. писалъ кн. Трубецкому: «Извѣстно Вамъ, что я великій врагъ всякаго возмущенія и что я не перестану твердить, что критика настоящаго правленія есть непозволенное дѣло». Въ письмѣ къ И. В. Лопухину онъ, развивая ту же мысль, говоритъ: «Я ненавижу возмутительныхъ гражданъ—они суть враги отечества... Истинная вольность состоитъ въ повиновеніи законамъ, а не въ нарушеніи ихъ». Въ другомъ письмѣ къ тому же Лопухину Кутузовъ смѣло ручается за то, что «изъ среды насъ не выйдутъ никогда Мирабо и ему подобныя чудовища». Почти въ тѣхъ же словахъ, какъ и представители петербургскихъ общественныхъ сферъ, московскіе масоны выражаютъ свое опасеніе относительно надвигающихся съ Запада радикальныхъ политическихъ теорій. «Я охотно соглашусь не имѣть ни одного крѣпостного,— пишетъ Лопухинъ Кутузову 7 ноября 1790 г.,—но притомъ молю и желаю, чтобы никогда въ отечество не проникъ тотъ духъ ложнаго свободолюбія, который сокрушаетъ многія въ Европѣ страны и который, по мнѣнію моему, вездѣ губителенъ».

Отзываясь въ самыхъ нелестныхъ выраженіяхъ и о событіяхъ и о дѣятеляхъ французской революціи, русскіе дворяне принимали искреннее участіе въ жертвахъ «французской пугачевщины». «Гостепріимство являлось ихъ исконной національной чертою»,—говоритъ французскій историкъ Оманъ,—единственной традиціей, которую они уважали». Еще лѣтомъ 1790 г. гр. А. Р. Воронцовъ совѣтуетъ «королевской партіи дать покровительство». «Сіе дѣло,—говоритъ онъ,—есть дѣло всѣхъ государей, когда по всей вселенной разослали емиссаровъ для взбунтованія». Гонимые бурями и ужасами французской революціи, «эмигранты,—по словамъ Сореля,—упорствуя въ отвлеченіяхъ не менѣе революціонеровъ, обнаруживали не менѣе ихъ свой космополитизмъ». «Они смотрѣли на себя скорѣе, какъ на соотечественниковъ дворянъ всего міра, чѣмъ какъ на согражданъ французовъ». «Эмигранты, являвшіеся,—по мѣткому выраженію г-жи Сталь,—горстью французовъ, затерявшихся среди европейскихъ штыковъ», увозили, однако, за границу всѣ причины своего собственнаго упадка и обнаруживали такую же неспособность управлять собою, какую они раньше проявляли въ завѣдываніи государственными дѣлами Франціи. Эти отрицательныя стороны въ характерѣ представителей французской знати не могли укрыться отъ тѣхъ изъ русскихъ, кото-

рымъ приходилось сталкиваться съ эмигрантами. Такъ, гр. С. Р. Воронцовъ въ одномъ изъ писемъ къ брату даетъ о нихъ слѣдующій отзывъ: «Эмигранты такъ же развращены и трусливы, какъ и остальная часть этой безбожной націи, жертвой которой они теперь являются. Они только и заняты роскошью и тщеславіемъ». А гр. Ѳ. В. Ростопчинъ, познакомившійся со многими изъ пріѣхавшихъ въ Петербургъ эмигрантами, недоумѣвалъ, «какимъ образомъ эти люди могутъ внушать настоящее сочувствіе». «Во мнѣ,—пишетъ онъ гр. С. Р. Воронцову,—они никогда не вызываютъ иного участья, какъ возбуждаемаго трогательной пьесой, потому что эта нація существуетъ только комедіей и для комедіи... Убійцы и глупцы остались у себя на родинѣ, а сумасшедшіе бросили ее, чтобы увеличить собой число шарлатановъ на свѣтѣ». Даже Карамзинъ, при всей его благонамѣренности, сознавался, что французское дворянство и духовенство кажутся ему «худыми защитниками трона». Только немногіе, подобно гр. В. Н. Головиной,

Убійства на Марсовомъ полѣ (17 іюня 1791 г.).

не замѣчая темныхъ сторонъ французской эмиграціи, съ нескрываемымъ восторгомъ отзывались о представителяхъ и представительницахъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстья, сдѣлавшихся «жертвою французской революціи». «То была,—по ея словамъ,—квинтъ-эссенція стариннаго дворянства, неприкосновенная въ своихъ принципахъ».

Въ эмиграціонномъ движеніи была и другая сторона, внушавшая безпокойство отдѣльнымъ лицамъ изъ среды русской знати. «За пріѣзжающими французами, мнѣ кажется, должно гораздо поприсматривать,—пишетъ гр. А. Р. Воронцовъ гр. Безбородко.—Мы видимъ, что въ тѣхъ мѣстностяхъ и земляхъ, куда, можно сказать, толпы недовольныхъ революціею французскою убѣжище имѣли, сколь отъ свиты и людей ихъ, напоенныхъ французскимъ ядомъ, безпокойство причинялось». Эта боязнь постепенно передавалась и русскому двору. Хотя Екатерина и писала англійскому королю, что «ея имперія, отдѣленная громаднымъ простран-

ствомъ отъ Франціи, не можетъ быть охвачена заразою», а ея дипломатъ гр. Марковъ заявлялъ прусскому посланнику: «Одни мы изъ всѣхъ державъ можемъ не бояться французской революціи и не бороться съ ней по отношенію къ нашимъ подданнымъ», однако правительство довольно опредѣленно принимало свои мѣры предосторожности. Въ августѣ 1790 г. Екатерина дала повелѣніе Симолину, русскому послу во Франціи, чтобы «въ Парижѣ всѣмъ русскимъ объявилъ приказаніе о скорѣйшемъ возвращеніи въ отечество». Вскорѣ послѣдовалъ окончательный разрывъ съ Франціей и примѣнены были на практикѣ совѣты, даваемые гр. А. Р. Воронцовымъ: «отъ нихъ не принимать министровъ, а своимъ приказать выѣхать, корабли ихъ не пускать въ гавани и всѣхъ, присягнувшихъ собранію французовъ, не терпѣть нигдѣ». Въ русскіе порты воспрещенъ былъ входъ судамъ подъ французскимъ трехцвѣтнымъ флагомъ. Русскіе путешественники не должны были переступать границу Франціи; русскимъ подданнымъ было запрещено получать французскія газеты и брошюры и поддерживать сношенія съ французами; наконецъ, былъ наложенъ запретъ на ввозъ всѣхъ предметовъ французскаго происхожденія. Воспитателю П. А. Строганова, якобинцу Ромму, воспрещено было въ 1790 г. возвращеніе въ Россію, а живописца Дойена, явившагося въ Россію въ 1791 г., съ довольно опредѣленнымъ революціоннымъ прошлымъ, подвергнули «политическому карантину», какъ видно изъ письма Екатерины къ Гримму. Послѣ крушенія монархіи во Франціи и провозглашенія республики Екатерина обязала всѣхъ французовъ, жившихъ въ Россіи, принести, спеціально на этотъ случай составленную, присягу въ томъ, что они ничего общаго не имѣютъ съ «правилами безбожными и возмутительными и что они признаютъ злодѣяніе, учиненное сими извергами надъ королевскою особою, во всемъ томъ омерзѣніи, каковое оно возбуждаетъ во всякомъ добромъ гражданинѣ». Кромѣ того, французы, находившіеся въ Россіи, должны были дать обѣщаніе прервать «всякія сношенія съ одноземцами своими, повинующимися нынѣшнему незаконному и неистовому правленію». Тѣ, которые отказались принести присягу, — ихъ насчитывалось 43 человѣка, — указомъ 8 февраля 1793 году были высланы изъ Россіи.

Съ 1793—1796 гг. русскіе и французы, жившіе въ Россіи, для того, чтобы знать что-нибудь о французскихъ событіяхъ, должны были довольствоваться сообщеніями «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», новостями, привозимыми рѣдкими путешественниками, и частными письмами, проходившими черезъ пресловутый «черный кабинетъ». Тогдашняя русская пресса, отражая, съ одной стороны, настроеніе двора, а съ другой—находясь подъ вліяніемъ эмигрантовъ, статьями которыхъ заполнялись ея столбцы, относилась съ нескрываемой антипатіей къ французскимъ событіямъ. Впервые русскій офиціозъ «С.-Петербургскія Вѣдомости» соблаговолилъ, по словамъ Ларивьера, обратить вниманіе на французскія событія по поводу взятія Бастиліи. «Рука содрогается отъ ужаса, описывая происшествія... Совершенное безуміе во всемъ господствовало!» такъ начиналась статья, посвященная событіямъ 14 іюля 1789 г. Съ негодованіемъ сообщалось, что депутаты государственныхъ чиновъ «говорили дерзкія рѣчи». Ораторовъ Національнаго собранія газета сравниваетъ «съ комедіантами, самое

Судъ надъ Людовикомъ XVI. (Рис. Пеллегрини; грав. Вендрамини).

собраніе—съ театромъ фарсовъ». Почти буквально повторяя слова императрицы, «Петербургскія Вѣдомости» восклицаютъ: «дерзость писателей разсѣваетъ въ народѣ возмутительныя сочиненія», «народная вольность есть не что иное, какъ гибельное безначаліе». Характеризуя дѣятельность законодательнаго собранія, русская газета замѣчаетъ: «Не осталось, кажется, ожидать болѣе ничего, кромѣ совершеннаго безначалія, разбоевъ, грабежей и, наконецъ, всеобщаго государственнаго смятенія». «Начиная отъ народнаго собранія до самыхъ послѣднихъ людей, проведены однѣ и тѣ же самыя струны, на которыхъ всякъ бренчитъ по своему вкусу и разумѣнію». «Вольность, кромѣ грабителей, никого не кормитъ». Нѣкоторые болѣе радикальные члены Національнаго собранія названы «бѣшеными». Говорится объ «ослахъ вольности, о корыстолюбіи, о бражничествѣ законодателей». О Мирабо было сказано въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», что его «голова набита сѣнной трухой», что «онъ достоинъ возвышенія на фонарномъ столбѣ», что «онъ простиралъ наглость свою и къ самому убійству короля Людовика XVI». «Дѣла наши,—писали якобы изъ Франціи,—все еще сновидѣніямъ и дѣтскимъ забавамъ подобны, чего не выдумаютъ винные спирты, въ головахъ философовъ господствующіе». Вакхъ

называется истиннымъ божествомъ новой свободы. Перо эмигранта-роялиста сказывается, напримѣръ, въ слѣдующихъ строкахъ газетнаго сообщенія: «Всѣ честные люди воздыхаютъ, что верховная власть и законы у насъ умолкли и что бѣдственное безначаліе со дня на день болѣе усиливается». Патетическія тирады въ родѣ слѣдующей: «О Картушъ, Картушъ! несравненный въ своемъ родѣ создатель, подымись, явись въ національное собраніе и пусть оно реабилитируетъ тебя. Ты можешь быть увѣренъ, что оно оправдаетъ тебя»—могли принадлежать безспорно только эмигрантамъ. Король названъ «жертвою вѣроломства народнаго», Робеспьеръ—«злодѣемъ государя и народа». День 10 августа 1792 г. газета сравнивала съ паденіемъ Іерусалима. О казни Людовика XVI въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» не было сказано ни слова. Съ 1792 г. газетныя замѣтки о французскихъ дѣлахъ начинаютъ отличаться крайней лаконичностью. Даже петербургскіе модные журналы обнаруживали свое реакціонное направленіе въ годы революціи, превознося платья à la reine и прически à la contre-révolution.

С. П. Свѣчина.

Хотя, по словамъ французскаго историка Рамбо, въ царствованіе Екатерины II «была Россія вольтерьянская, но не было Россіи революціонной», однако въ русскомъ обществѣ нашлись лица, обнаружившія сочувствіе къ событіямъ и дѣятелямъ эпохи революціи. Съ 80-хъ гг. въ Россію начинаютъ проникать радикальныя теченія французской общественной мысли и властителями думъ молодого поколѣнія являются Руссо, Мабли, Рейналь. Особенно среди русской молодежи, побывавшей въ западно-европейскихъ университетахъ, радикальныя теоріи передовой французской публицистики пользовались громаднымъ авторитетомъ. Мабли съ его теоріей демократическаго представительства и подчиненія власти исполнительной органамъ законодательства, какъ нельзя лучше удовлетворялъ политическимъ запросамъ молодого поколѣнія. Кружокъ Радищева и его друзей всецѣло былъ захваченъ французскимъ радикализмомъ. Такъ, въ примѣчаніяхъ къ переводу книги Мабли «Размышленія о греческой исторіи» Радищевъ писалъ: «Если мы удѣляемъ закону часть нашихъ правъ и нашея природныя власти, то дабы оная употребляема была въ нашу пользу; о семъ мы дѣлаемъ съ обществомъ безмолвный договоръ. Если онъ нарушенъ, то и мы освобождаемся отъ нашея обязанности. Не правосудіе государя даетъ народу, его судіи тоже, и болѣе, надъ нимъ право, какое ему даетъ законъ надъ преступниками. Государь есть первый гражданинъ народнаго общества». Къ радикальной интеллигенціи по своимъ политическимъ взглядамъ принадлежалъ и Д. И. Фонвизинъ, доказывавшій, въ

составленномъ имъ разсужденіи, опасность неограниченной верховной власти и необходимость установленія «непремѣнныхъ государственныхъ законовъ», безъ которыхъ «непрочно ни состояніе государства, ни состояніе государя». Являясь такъ же, какъ и Радищевъ, сторонникомъ договорнаго начала происхожденія государства, онъ полагаетъ, что подданные имѣютъ право низвергнуть власть, дурно исполняющую свое назначеніе. Вернувшись изъ своего второго путешествія въ 1788 г., Фонвизинъ въ одной журнальной статьѣ, которая, впрочемъ, тогда не была напечатана, выражаетъ желаніе, чтобы и у насъ было «народное собраніе», въ которомъ обсуждались бы законы и установлялись налоги, и которое судило бы о поведеніи министровъ.

Въ послѣдніе годы передъ революціей въ русскомъ обществѣ повышается спросъ на переводную литературу, не исключая и довольно серьезныхъ произведеній политической мысли. Однако французское вліяніе въ Россіи не ограничивалось однѣми книгами. На многихъ представителей молодого поколѣнія оказали сильное воздѣйствіе иностранцы-гувернеры, съ вполнѣ сложившимся радикально-философскимъ міровоззрѣніемъ. Къ такимъ лицамъ слѣдуетъ отнести воспитателя молодого гр. Строганова Ж. Ромма, будущаго яраго монтаньяра, Сеже, гувернера въ домѣ гр. Толстого, бывшаго позднѣе секретаремъ женевскаго революціоннаго комитета, и пруссака Брюкнера, «истаго вольтерьянца»— наставника молодыхъ князей Куракиныхъ. Отъ своихъ наставниковъ молодые русскіе аристократы усваивали демократическую тенденцію, а изъ чтенія книгъ они получали такія детальныя свѣдѣнія о Парижѣ, что могли, подобно гр. Бутурлину, никогда въ немъ не бывавшему, описывать его въ самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ.

А. Н. Радищевъ.
(Съ портрета въ Саратовскомъ музеѣ).

Событія французской революціи еще болѣе способствовали распространенію радикальныхъ идей среди русскаго общества послѣднихъ лѣтъ царствованія Екатерины. Въ началѣ 1790 г. наставникъ вел. кн. Александра Павловича, священникъ Самборскій, писалъ гр. Н. И. Салтыкову: «Вольноглаголаніе о власти самодержавной почти всеобщее и чувство, устремляющееся къ необузданной вольности, воспламенившееся примѣромъ Франціи, предвѣщаетъ нашему любезнѣйшему отечеству наиужаснѣйшее кровопролитіе». Опасенія Самборскаго, какъ извѣстно, не оправдались и никакого кровопролитія въ Россіи въ концѣ XVIII в. не было. Однако

мы имѣемъ цѣлый рядъ указаній, что революціонная идеологія довольно быстро усваивалась молодыми элементами петербургскаго общества. Такъ, гр. В. П. Кочубей писалъ гр. С. Р. Воронцову, что и въ Россіи, подобно другимъ странамъ, насчитывалось много сторонниковъ новыхъ идей. «Вы не можете себѣ представить, сколько зла причинила эта французская революція». Другой корреспондентъ гр. Воронцова, Ростопчинъ, сѣтовалъ на несносную петербургскую молодежь: «Вы остолбенѣете,—писалъ онъ,—увидавъ здѣсь сотни молодыхъ людей, которые достойны быть пріемными сыновьями Робеспьера и Дантона». Съ этими отзывами представителей высшаго петербургскаго общества интересно сопоставить слова французскаго посла при Петербургскомъ дворѣ барона Бретейля. «Русская нація,—писалъ онъ въ 1793 г.,—не относится въ общемъ съ предубѣжденіемъ къ Франціи. Она даже мирится съ мыслью объ ея превосходствѣ, которое ей импонируетъ, не слишкомъ ее возмущая. Наши моды, нашъ внѣшній видъ, наши смѣшныя стороны и даже наши недостатки очень по вкусу большинству и окончательно склоняютъ въ нашу пользу большую часть молодежи». Такъ, кн. Борисъ Голицынъ ввелъ новую моду на галстуки выше подбородка и шляпы конической формы. Это былъ «якобинскій» покрой, и императрица его запретила. Однако новая мода продолжала привлекать къ себѣ петербургскихъ молодыхъ людей, а когда ихъ пытались призвать къ благоразумію, они громко начинали кричать о свободѣ, приводя тѣмъ въ ужасъ своихъ пожилыхъ родственниковъ. Эти данныя, сохранившіяся въ перепискѣ Ростопчина, превосходно обнаруживаютъ, какъ своеобразно и односторонне понимала петербургская великосвѣтская молодежь освободительныя начала, провозглашенныя великой революціей. Она увлекалась якобинскими модами, не смущаясь тѣми порядками, которые царили въ Россіи въ атмосферѣ крѣпостного безправія. Для характеристики отношенія петербургскаго общества къ французскимъ событіямъ 1789 г. даютъ довольно цѣнный матеріалъ мемуары гр. Сегюра. «Извѣстіе о взятіи Бастиліи,—по его словамъ,—вызвало при дворѣ довольно сильное волненіе и общее неудовольствіе. Въ городѣ впечатлѣніе было совершенно обратное, и хотя Бастилія не грозила никому изъ жителей Петербурга,—я не могу передать энтузіазма, вызваннаго среди негоціантовъ, купцовъ, мѣщанъ и нѣсколькихъ молодыхъ людей изъ болѣе высокаго класса паденіемъ этой государственной тюрьмы, этимъ первымъ тріумфомъ бурной свободы. Французы, русскіе, датчане, нѣмцы, англичане, голландцы, всѣ посреди улицы поздравляли другъ друга, обнимались, точно ихъ избавили отъ тяжелой цѣпи, сковывавшей ихъ самихъ». Однако «это увлеченіе продолжалось очень недолго. Страхъ скоро погасилъ первую вспышку», такъ какъ, по вполнѣ основательному замѣчанію Сегюра, «Петербургъ не былъ ареной, на которой можно было бы безопасно обнаруживать подобныя чувства». Эта сочувственная манифестація, хотя и проявленная преимущественно жившими въ Петербургѣ иностранцами, принадлежавшими къ торгово-промышленной буржуазіи, могла найти откликъ и среди чисто русскихъ элементовъ городского населенія. Даже семилѣтняя дочь Соймонова, извѣстная впослѣдствіи г-жа Свѣчина, осенью 1789 г. иллюминовала въ Петербургѣ галлерею въ домѣ отца, чтобы отпраздновать взятіе Бастиліи и освобожденіе ея узниковъ.

Нѣкоторые русскіе, отличавшіеся наибольшимъ радикализмомъ, принимаютъ даже непосредственное участіе въ бурныхъ событіяхъ французской революціи. Такъ, два князя Голицына, съ ружьями въ рукахъ, идутъ на приступъ Бастиліи. А молодой гр. П. А. Строгановъ, вмѣстѣ съ своимъ воспитателемъ Роммомъ, съ первыхъ же дней своего пріѣзда въ Парижъ, чуть не ежедневно ѣздилъ въ Версаль на засѣданія Національнаго собранія. Эти посѣщенія Роммъ считалъ «превосходной школой публичнаго права» для своего воспитанника. Строгановъ вступилъ даже въ число членовъ двухъ радикальныхъ политическихъ клубовъ — якобинскаго и «Друзей Закона». Парижскія событія приводили его въ восторгъ, который ярко отразился въ слѣдующихъ его словахъ: «Самый лучшій день въ моей жизни будетъ день, когда я увижу Россію, возрожденную подобной революціей». Парижскія событія 1790 г. захватили и благонамѣреннаго Карамзина, душа котораго была полна энтузіазма и который носилъ даже трехцвѣтную кокарду во время своего пребыванія во Франціи. Быстро развертывающаяся картина крушенія стараго порядка во Франціи повышала интересъ къ революціоннымъ событіямъ въ Петербургскомъ обществѣ. Нѣкоторые русскіе, по свидѣтельству французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Жене, плакали отъ радости, узнавъ, что Людовикъ XVI въ 1791 г. принялъ конституцію, и многіе при этомъ сдѣлали Жене визитъ для выраженія горячей симпатіи его возродившейся родинѣ. Интересъ къ заграничнымъ газетамъ и журналамъ былъ настолько повышенъ, что даже въ кадетскомъ корпусѣ директоромъ его, гр. Ангальтомъ, былъ заведенъ для воспитанниковъ особый столъ съ иностранными повременными изданіями. Но съ назначеніемъ другого директора въ 1794 г. иностранныя газеты уже не выписывались, однако кадеты узнавали самыя послѣднія новости о французскихъ дѣлахъ отъ одного изъ учителей, родомъ швейцарца, получившаго какъ разъ въ это время мѣсто въ корпусѣ. Онъ познакомилъ своихъ учениковъ и съ марсельезой, которую перевелъ одинъ изъ кадетовъ С. Н. Глинка. Въ военной средѣ проявляется довольно сильный интересъ къ освободительному движенію, и въ зимній сезонъ 1791—92 гг. петербургскіе гвардейскіе офицеры аплодировали въ театрѣ тому мѣсту въ «Свадьбѣ Фигаро» Бомарше, гдѣ есть намекъ на глупость солдатъ, дозволяющихъ себя убивать, неизвѣстно за что.

Гр. А. Р. Воронцовъ. (Пис. Шмидтъ).

Несмотря на таможенныхъ чиновниковъ и цензоровъ, французскія книги въ большомъ количествѣ проникали и распространялись въ Россіи, и книжные торговцы обѣихъ столицъ находили себѣ въ годы революціи много покупателей на всѣ запрещенныя заграничныя изданія. Даже при дворѣ не стѣснялись высказывать свои симпатіи французскимъ событіямъ. В. П. Кочубей, по его собственному признанію, въ началѣ революціи былъ ея ревностнымъ сторонникомъ. М. А. Салтыковъ превозносилъ жирондистовъ, а сынъ французскаго эмигранта Эстергази пѣвалъ въ Эрмитажѣ революціонныя пѣсни, напримѣръ «Ça ira». Вел. кн. Константина Жене называетъ въ 1791 г. ярымъ демократомъ. Въ 1790 г. 13-лѣтній вел. кн. Александръ Павловичъ даетъ обѣтъ Лагарпу «утвердить благо Россіи на основаніяхъ непоколебимыхъ». Оба великіе князя, по словамъ Жене, нерѣдко разсуждали о злоупотребленіяхъ во Франціи при феодальномъ режимѣ, напѣвали во дворцѣ революціонныя пѣсни и въ присутствіи испуганныхъ или озадаченныхъ придворныхъ вытаскивали изъ кармана трехцвѣтныя кокарды. Сама Екатерина заставила старшаго внука прочесть французскую конституцію, объяснила ему всѣ ея статьи и причины революціи 1789 г. Нѣсколько лѣтъ спустя, въ откровенной бесѣдѣ съ кн. Адамомъ Чарторыйскимъ, вел. кн. Александръ признавался, что «онъ съ живымъ участіемъ слѣдилъ за французской революціей и что, осуждая ея ужасныя крайности, онъ желаетъ успѣховъ республикѣ и радуется имъ». Ходомъ французской революціи интересовались и въ провинціи. Извѣстный агрономъ А. П. Болотовъ, жившій въ Богородицкѣ, получилъ въ 1791 г. отъ тульскаго намѣстника Кашкина для прочтенія «Революціонный Альманахъ». Онъ перевелъ изъ иностранныхъ газетъ статьи, относящіяся къ казни Людовика XVI, составивъ изъ нихъ рукописную книжку, которую брали у него многіе. По свидѣтельству В. Н. Каразина, вліяніе французской революціи на молодые умы обнаружилось не только въ отдаленныхъ отъ столицъ губерніяхъ Европейской Россіи, но даже и въ глубинѣ Сибири.

В. Н. Головина (автопортрѣтъ).

Однимъ изъ откликовъ парижскихъ событій является та гроза, которая разразилась надъ головой Радищева, когда не успѣли еще изгладиться первыя впечатлѣнія отъ взятія Бастиліи и другихъ успѣховъ народнаго дѣла во Франціи. Знаменитая книга Радищева является памятникомъ могущественнаго вліянія французской просвѣтительной литературы XVIII в., отраженіемъ политическихъ и философскихъ идей предреволюціонной эпохи. «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» было смѣлымъ,

великимъ бунтомъ противъ современности во имя естественныхъ правъ человѣка. Въ одѣ «Вольность», приложенной авторомъ къ его «Путешествію», довольно ярко сказалось непосредственное вліяніе на Радищева событій великой революціи. Онъ обращается въ ней къ знаменитой странѣ Франціи, гдѣ согбенная вольность лежала, попранная гнетомъ—

«Ликуешь ты! а мы здѣсь страждемъ!
Того жъ, того жъ и мы всѣ жаждемъ».

Въ началѣ іюня 1790 г. «Путешествіе» поступило въ продажу, и Екатерина одна изъ первыхъ внимательно прочитала его. Она пришла къ убѣжденію, что книга Радищева преслѣдовала вполнѣ опредѣленную цѣль: «разсѣваніе заразы французской и отвращеніе отъ начальства». «Сочинитель оной,—пишетъ она,— исполненъ и зараженъ французскимъ заблужденіемъ». Усвоенныя Радищевымъ теоріи, по ея мнѣнію, «совершенно тѣ, отъ которыхъ Франція вверхъ дномъ поставлена». Просматривая болѣе раннія произведенія Радищева, императрица приходитъ къ заключенію, что «давно мысль его готовилась ко взятому пути, а французская революція его рѣшила себѣ опредѣлить въ Россіи первымъ подвизателемъ». Изъ сопоставленія «Путешествія» «съ нынѣшнимъ французскимъ развратнымъ примѣромъ» Екатерина дѣлаетъ выводъ, что авторъ стремится «исторгнуть скипетры изъ рукъ царей, но какъ сіе исполнить одинъ не могъ, и оказываются уже слѣды, что нѣсколько сообщниковъ имѣлъ». Радищеву пришлось оправдываться, что хотя его книга и кажется имѣющей цѣлью произвести французскую революцію, однако, по чистой совѣсти своей, онъ можетъ увѣрить, что «сего злого намѣренія не имѣлъ». «Общниковъ», по его словамъ, онъ также «не имѣлъ».

С. И. Шешковскій.

Однако, не имѣя «общниковъ», Радищевъ встрѣтилъ большое сочувствіе среди читателей. Какъ только вышло «Путешествіе», книгопродавецъ Зотовъ тотчасъ замѣтилъ «великое любопытство публики» къ этой книгѣ. О ней стали говорить «по всему городу». По словамъ Безбородко «Путешествіе» «сразу начало входить въ моду у многой шали». Купцы готовы были платить по 25 р. за то только, чтобы получить книгу на самый короткій срокъ. Вниманіе публики было приковано къ опальной книгѣ, каждая страница которой дышала такимъ независимымъ тономъ и полна была такихъ радикальныхъ идей. Только нѣсколько десятковъ экземпляровъ успѣли проникнуть въ публику, однако по рукамъ ходили

рукописныя копіи, одну изъ которыхъ видѣлъ самъ Радищевъ на обратномъ пути изъ Сибири. Одинъ изъ младшихъ современниковъ Радищева, С. Н. Глинка, вступая въ жизнь по окончаніи кадетскаго корпуса въ 1795 г., считалъ единственнымъ своимъ сокровищемъ три книги, въ числѣ которыхъ было и «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву».

Въ 1793 г. опала постигла трагедію Княжнина «Вадимъ», напечатанную на счетъ Академіи Наукъ. По словамъ кн. Е. Р. Дашковой, «въ ней не было ничего предосудительнаго ни по мыслямъ, ни по языку, развязкой пьесы служило торжество монарха надъ покореннымъ Новгородомъ и бунтомъ». Екатерина же признала трагедію Княжнина «за очень опасное сочиненіе» и княгинѣ Дашковой, какъ президенту Академіи, былъ сдѣланъ выговоръ за ея напечатаніе. Генералъ-прокурору Самойлову поручено было произвести строжайшее слѣдствіе. Онъ допрашивалъ послѣдовательно обоихъ малолѣтнихъ сыновей Княжнина, его друзей Эмина и Ханыкова, которымъ покойный Княжнинъ читалъ свою «богоотступную» пьесу, затѣмъ книгопродавца Глазунова и опекуна Чихачева, но слѣдовъ заговора найдено не было. Публика по-своему реагировала на мѣропріятія правительства. Опальную трагедію сразу расхватали въ сотняхъ экземпляровъ какъ только прошелъ слухъ, что она пропадетъ.

Стараясь найти всюду нити заговора, Екатерина естественно должна была обратить вниманіе и на Москву, эту «столицу недовольныхъ», по выраженію Сегюра. Тамъ вокругъ Новикова и его друзей группировалось не мало представителей тогдашней интеллигенціи, принадлежавшихъ къ масонскимъ организаціямъ. Московскій генералъ-губернаторъ кн. Прозоровскій и извѣстный «сыскныхъ дѣлъ мастеръ» Шешковскій, перепуганные французскими событіями, въ каждомъ обществѣ видѣли якобинскій клубъ, а московскихъ мартинистовъ съ Новиковымъ во главѣ Прозоровскій считалъ иллюминатами. Сама Екатерина подозрѣвала московскихъ мартинистовъ въ томъ, что они находились въ перепискѣ съ якобинцами. Въ Петербургѣ ходили упорные слухи, что мартинисты хотятъ покуситься на жизнь императрицы, что они даже бросали между собой жребій, который будто бы палъ на Лопухина. О стипендіатахъ московскаго кружка Невзоровѣ и Колокольниковѣ, отправленныхъ за границу для изученія медицины, говорили, что они воспитываются «въ духѣ анархическомъ». О нихъ, по словамъ Лопухина, «нѣкоторые злоязычники разславляли, что будто бы они въ Парижѣ были изъ русскихъ въ числѣ депутатовъ во французское Національное собраніе съ поздравленіемъ французовъ съ революціонными ихъ предпріятіями». Хотя Екатерина довольно скоро убѣдилась, что въ дѣлѣ московскихъ мартинистовъ не было ничего похожаго на политическій заговоръ, однако Новикова безъ суда въ августѣ 1792 г. заключили въ Шлиссельбургъ на 15 лѣтъ; его друзей разослали по деревнямъ, а Невзорова и Колокольникова, арестовавъ на границѣ, привезли для допроса въ Невскій монастырь подъ именемъ якобинцевъ. Расправляясь такъ сурово съ малѣйшимъ проявленіемъ независимаго общественнаго мнѣнія, Екатерина уничтожала ту небольшую группу русской интеллигенціи, которая, вполнѣ сознательно относясь къ французскимъ событіямъ, могла въ той или иной степени выражать свое сочувствіе революціонному перевороту.

Императрицѣ всюду чудились якобинцы и мартинисты. Въ августѣ 1793 г., назначая Алексѣева петербургскимъ вице-губернаторомъ, она освѣдомляется, не мартинистъ ли онъ, и, по словамъ Храповицкаго, «предписываетъ Самойлову сдѣлать справку» по списку. Подъ вліяніемъ французскихъ событій не одна Екатерина впадала въ реакцію; и въ русскомъ обществѣ середины 90-хъ гг. довольно ясно можно констатировать значительный поворотъ вправо. Характернымъ въ этомъ отношеніи является письмо В. П. Кочубея гр. С. Р. Воронцову отъ 10 іюля 1794 г.: «Я ненавижу французовъ больше, чѣмъ когда бы то ни было, и если Вы меня видали нѣсколько сочувствующимъ революціи, то теперь я весьма сочувствую контръ-революціи». Въ общемъ русское общество Екатерининской эпохи, занявъ въ отношеніи французскихъ событій довольно враждебную позицію еще въ концѣ 80-хъ годахъ, продолжало питать глубокую антипатію ко всему, что было связано съ крушеніемъ стараго порядка. Даже тогда, когда русское правительство при Павлѣ и Александрѣ находилось въ союзѣ съ Франціей, русское дворянство устами стараго Екатерининскаго дипломата Маркова заявляло: «Государь имѣетъ свою волю, но и нація имѣетъ также свою».

В. Бочкаревъ.

Казнь Людовика XVI. «Mort du meilleur Roi des Français». (Изъ колл. В. М. Соболевскаго).

Гатчино (грав. Галактіонова). Видъ Коннетабля въ Гатчинѣ (Телѣгина).

V. Павелъ и Франція.

Пр.-доц. М. В. Клочкова.

Ось міровой политики конца XVIII вѣка вращалась вокругъ соперничества и борьбы двухъ великихъ европейскихъ державъ: Франціи и Англіи. Задача активной внѣшней политики другихъ государствъ сводилась по существу къ союзу и помощи одной противъ другой.

При этой гигантской борьбѣ Россія, какъ крупная держава, не могла въ царствованіе Павла I остаться равнодушной зрительницей: она дѣятельно участвовала въ событіяхъ того времени, внося существенное вліяніе на ходъ международныхъ событій. Участіе Россіи было вызвано какъ общимъ положеніемъ дѣлъ, такъ въ значительной мѣрѣ взглядами русскаго государя, царствовавшаго въ послѣднихъ годахъ XVIII вѣка.

Павелъ I, хотя и находился въ юношескихъ годахъ въ значительной мѣрѣ подъ французскимъ вліяніемъ, зналъ до тонкости французскій языкъ, былъ начитанъ въ французской литературѣ, тѣмъ не менѣе, въ своихъ основныхъ взглядахъ на существо своей власти, систему управленія и международныя отношенія находился, помимо чисто-русской идеологіи, подъ сильнымъ воздѣйствіемъ идей просвѣщеннаго абсолютизма, взятыхъ изъ Пруссіи не только въ духѣ, но и въ формѣ взглядовъ Фридриха II, которому Павелъ I невольно подражалъ.

Кромѣ прусскихъ симпатій, нужно имѣть въ виду и то, что казнь Людовика XVI и ужасы французской революціи возбудили въ Павлѣ чувство какъ бы личной обиды и крайняго раздраженія противъ дѣятелей революціи. Онъ считалъ своимъ священнымъ долгомъ бороться съ разрушительнымъ дѣйствіемъ идей революціи и готовъ былъ примѣнять самыя крайнія мѣры къ подавленію революціи. Къ тому же онъ вѣрилъ въ спасительность прежде всего репрессивныхъ мѣръ, мѣръ чисто внѣшняго полицейскаго характера. Разсказываютъ, что, еще будучи цесаревичемъ, Павелъ, читая газеты въ кабинетѣ императрицы, воскликнулъ: «Что они все тамъ толкуютъ! Я тотчасъ все прекратилъ бы пушками». На что будто бы послѣдовалъ отвѣтъ Екатерины: «Пушки не могутъ воевать съ идеями». Объясняя революцію слабостью короля, Павелъ, не стѣсняясь, сталъ говорить о необходимости править «желѣзною лозою».

Павелъ I (Караваккa).

Вступивъ на престолъ 7 ноября 1796 года, Павелъ, хотя и относился отрицательно къ политикѣ предшествовавшаго ему царствованія, тѣмъ не менѣе, въ первые годы держался по отношенію къ Франціи той же политики невмѣшательства, которой руководились и дипломаты екатерининскаго времени. Въ циркулярной нотѣ канцлера графа Остермана во всеуслышаніе объявлялось, что «Россія, будучи въ безпрерывной войнѣ съ 1756 г., есть поэтому единственная въ свѣтѣ держава, которая находилась 40 лѣтъ въ несчастномъ положеніи истощать свое народонаселеніе»; а потому «человѣколюбивое сердце императора Павла не могло отказать любезнымъ его подданнымъ въ пренужномъ и желаемомъ ими отдохновеніи, послѣ столь долго продолжавшихся изнуреній».

Отсюда новый государь высказывалъ намѣреніе поддерживать миръ и доброе согласіе со всѣми державами, отказываясь въ дальнѣйшемъ отъ какихъ бы то ни было военныхъ предпріятій. Строгій нейтралитетъ—вотъ естественное послѣдствіе миролюбія, высказаннаго Павломъ I. Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ положеніемъ находились два главныхъ распоряженія Павла I, относящіяся къ концу 1796 года: прекращеніе войны Россіи съ Персіей и отмѣна рекрутскаго набора, предпринятаго по указу Екатерины II, изданному въ сентябрѣ 1796 года.

Но политика невмѣшательства, объявленная Павломъ, имѣла одну весьма существенную оговорку. «Хотя россійское войско,—сообщалось въ приведенной выше циркулярной нотѣ,—не будетъ дѣйствовать противъ Франціи», государь, «какъ и покойная его родительница, остается въ твердой связи со своими союзниками и чувствуетъ нужду всевозможными мѣрами противиться неистовой французской республикѣ, угрожающей всей

Европѣ совершеннымъ истребленіемъ закона, правъ, имущества и благонравія».

Эта оговорка была чревата своими послѣдствіями. Она заставила Павла, съ одной стороны, поднять борьбу противъ занесенія «революціонной заразы» внутрь Россіи, а затѣмъ дала легкую возможность иностраннымъ державамъ втянуть Россію въ коалицію противъ Франціи и, выражаясь словами одного историка, «выманить русскую армію за границу».

Стараясь оградить Россію отъ «революціонной заразы» и духа «якобинства», Павелъ издаетъ строжайшіе указы противъ всего французскаго и даже напоминавшаго Францію: было запрещено носить фраки, круглыя шляпы, трости; за всѣми иностранцами, проживавшими въ столицахъ, былъ установленъ строгій надзоръ, и велѣно было изъ иностранцевъ «людей подозрительныхъ, поведенія нескромнаго или непристойнаго», «выгонять вонъ за границу съ запрещеніемъ паки показываться въ столицѣ подъ страхомъ наказанія»; всѣ вольныя типографіи приказано было закрыть, а для книгъ и журналовъ, привозимыхъ изъ-за границы, установить цензуру, дабы ни одна книга, «противная закону Божію, правиламъ государственнымъ, верховной власти и благонравію», не могла появиться въ Россіи; россійскимъ подданнымъ запрещено было, безъ доклада самому государю, выѣзжать за границу, хотя бы для изученія науки, въ виду опасности поддаться тлетворному вліянію; надъ всѣми обывателями установленъ былъ строгій полицейскій надзоръ, который, по мысли правителя, долженъ охранить народъ отъ опасныхъ, разрушительныхъ идей Запада.

Всѣми этими мѣрами Павелъ старался бороться съ французскимъ вліяніемъ внутри своей страны, не вмѣшиваясь активно въ дѣла европейскія. Но на этой позиціи онъ не удержался. Усиліями Англіи и Австріи удалось склонить Павла къ активнымъ дѣйствіямъ противъ Франціи. Въ подобной перемѣнѣ важную роль сыграли два фактора: эмигранты и Мальтійскій орденъ.

Французскіе эмигранты находили радушный пріемъ при русскомъ дворѣ: имъ покровительствовала императрица Марія Ѳеодоровна и фрейлина Нелидова, владѣвшая въ то время сердцемъ и волей императора. На эмигрантовъ сыпались милости въ видѣ денежныхъ подарковъ, пенсій и помѣстій. Эмигранты поддерживали въ Павлѣ идеи легитимизма, побуждали его оказывать содѣйствіе Бурбонамъ, которые скитались въ то время по Европѣ, и возстать всею мощью противъ «мятежной» Франціи.

Мальтійскій орденъ въ то время клонился къ упадку. Ему нуженъ былъ высокій и могущественный покровитель. Графъ Литта, зная романтическій характеръ Павла, убѣдилъ его принять орденъ подъ свое покровительство. Была заключена 4 января 1797 года конвенція, въ силу которой Польское великое пріорство было превращено въ великое пріорство Россійское, а во главѣ его всталъ Павелъ, который задался цѣлью возстановить во всемъ блескѣ рыцарскій духъ и средневѣковыя традиціи этого ордена.

Побуждаемый эмигрантами и иностранными послами при русскомъ дворѣ, Павелъ сталъ враждебнѣе относиться къ Франціи, чему не мало содѣйствовали также внѣшніе успѣхи французской республики и установленіе ею въ завоеванныхъ странахъ республиканской формы правленія.

Австрія была разгромлена Бонапартомъ, Пруссія передалась на сторону Франціи и разными происками пыталась, при поддержкѣ Франціи, усилить себя въ Германіи и ослабить свою соперницу Австрію. Въ завоеванной Ломбардіи французы учредили Цизальпинскую республику, въ Генуѣ—Лигурійскую; въ началѣ 1798 года въ Голландіи была образована Батавская республика, въ апрѣлѣ того же года въ Швейцаріи—Гельветическая, а въ февралѣ въ Папской области была провозглашена республика Римская.

Не только средняя Европа была частью въ рукахъ, частью подъ прямымъ воздѣйствіемъ Франціи, но и на востокѣ готовъ былъ вспыхнуть пожаръ: волновалась Польша, мечтая о помощи со стороны Франціи и о содѣйствіи къ возстановленію Рѣчи Посполитой. Эти надежды поддерживались въ Польшѣ не только воззваніями и тайными агентами Франціи, но и открытой формировкой польскихъ легіоновъ среди республиканской арміи. Въ Польшѣ составлялись планы о томъ, чтобы поднять знамя возстанія, соединиться всѣмъ польскимъ областямъ, разобщеннымъ благодаря польскимъ раздѣламъ, призвать изъ Итали польскіе легіоны, опереться на Францію и даже, если удастся, привлечь на свою сторону Турцію противъ Австріи и Россіи. Эти планы были хорошо извѣстны Павлу и естественно внушали ему тревогу за польскія области. Хотя онъ не сочувствовалъ польскимъ раздѣламъ при ихъ возникновеніи, но не считалъ себя въ правѣ нарушать сложившіеся договоры послѣ того, какъ раздѣлы были совершены.

Король шведскій Густавъ IV съ супругой Фридерикой.
Карт. Форслундъ.

Успѣхи французскаго оружія и распространеніе революціоннаго духа по Европѣ въ сильной степени подѣйствовали на политику Павла. На требованіе Франціи не пускать въ Россію эмигрантовъ, Павелъ отвѣтилъ

рѣшительнымъ отказомъ, говоря, что онъ «не желаетъ лишать себя права давать убѣжище несчастнымъ, которые только ищутъ одной для себя безопасности». Онъ принимаетъ радушно принца Конде (въ концѣ 1797 г.), съ его значительнымъ отрядомъ эмигрантовъ (числомъ до 7.000 человѣкъ), которые были до того на австрійской службѣ и отъ услугъ которыхъ потомъ Австрія, завязавшая переговоры о мирѣ съ Франціей, отказалась. Этотъ отрядъ былъ расквартированъ въ Волынской и Подольской губерніяхъ и сталъ получать содержаніе изъ казны. Вскорѣ затѣмъ былъ любезно приглашенъ въ Россію гонимый отовсюду претендентъ на французскій престолъ Людовикъ XVIII; ему былъ отведенъ Митавскій замокъ и дано ежегодное содержаніе въ суммѣ 200.000 рублей.

Затѣмъ Павелъ писалъ 21 апрѣля 1798 г. о французахъ слѣдующее: «Французы, примиряясь съ державами и областями, которыхъ вдругъ вовсе истребить или отвергнуть не были въ состояніи, разрываютъ съ ними дружбу, какъ скоро предвидятъ удобство успѣвать въ своемъ планѣ, чтобы достигать всемірнаго владычества посредствомъ заразы и утвержденія правилъ безбожныхъ и порядку гражданскому противныхъ». «Оставшіяся еще внѣ заразы государства ничѣмъ столь сильно не могутъ обуздать буйство сея націи, какъ тѣсною между собою связью и готовностью одинъ другого охранять честь, цѣлость и независимость». Такимъ образомъ, почва для участія Россіи въ коалиціи державъ, искусно подготовляемой Питтомъ и англійскими послами, была создана и въ Россіи, и недоставало лишь повода, чтобы подвинуть послѣднюю къ рѣшительному выступленію.

Гильотина.

Такой поводъ и нашелся въ томъ же 1798 г. На пути въ Египетъ генералъ Бонапартъ захватилъ мимоходомъ островъ Мальту, владѣніе ордена, магистръ котораго Гемпешъ сдалъ безъ сопротивленія французамъ островъ со всѣми укрѣпленіями и богатыми запасами; русскій посланникъ былъ высланъ оттуда, при чемъ французы объявили, что всякій русскій корабль, появившійся близъ Мальты и Іоническихъ острововъ, будетъ ими потопленъ. Эти событія глубоко оскорбили Павла, и какъ императора русскаго и какъ покровителя Мальтійскаго ордена. Начались усиленные дипломатическіе переговоры, русскія войска сосредоточивались близъ литовской границы, а флотъ балтійскій былъ двинутъ на соединеніе съ англійскимъ, черноморская же эскадра должна была крейсировать близъ береговъ Турціи и быть готовой къ соединенію съ флотомъ турецкимъ для совмѣстныхъ дѣйствій противъ Франціи.

Тѣмъ временемъ произошло еще одно важное событіе, окончательно опредѣлившее направленіе русской политики. По просьбѣ кавалеровъ Мальтійскаго ордена Павелъ 29 ноября 1798 г. принялъ на себя званіе великаго магистра Мальтійскаго ордена и далъ торжественное обѣщаніе сохранять орденъ «при его прежнихъ установленіяхъ и преимуществахъ», дабы онъ «въ почтительномъ своемъ состояніи на будущія времена способствовалъ той доброй цѣли, на которую основанъ оный былъ для пользы общей». Естественно, что магистръ ордена прежде всего долженъ былъ вернуть отъ французовъ Мальту и Іоническіе острова.

Въ концѣ 1798 года усиліями Англіи, при дѣятельной поддержкѣ Павла I, создалась могущественная коалиція, составившаяся изъ Россіи, Англіи, Австріи, Турціи и Неаполитанскаго королевства. Началась война коалиціи съ Франціей. Черноморскій флотъ подъ начальствомъ адмирала Ушакова вмѣстѣ съ турецкой эскадрой отнялъ у французовъ Іоническіе острова и направился къ берегамъ Италіи для дѣйствій противъ французовъ. Русскій вспомогательный корпусъ соединился съ англійской арміей и дѣйствовалъ въ Голландіи. Но главной ареной войны была сѣверная Италія и Швейцарія. Сюда были посланы Суворовъ и Римскій-Корсаковъ. «Итальянскій походъ» въ 1799 г. Суворова, его блестящія побѣды надъ французами, а въ особенности знаменитый переходъ черезъ Альпы вызвали всеобщее изумленіе Европы и высоко подняли знамя русскаго оружія. Но участіе въ коалиціи вмѣстѣ съ тѣмъ принесло горькое разочарованіе Павлу и русскому обществу.

Первые бѣглецы революціи.

Павелъ увидѣлъ, что русскія войска сражаются изъ-за чужихъ интересовъ, союзники въ высшей степени своекорыстны, къ тому же недостаточно внимательны къ его войскамъ и полководцамъ. Такъ вѣнскій придворный военный совѣтъ («гофкригсратъ») ставилъ разныя препятствія планамъ Суворова, отозвалъ отъ него австрійскія войска, русскую армію оставлялъ безъ провіанта, фуража и даже проводниковъ. Въ значительной мѣрѣ благодаря австрійцамъ русскій корпусъ подъ начальствомъ Римскаго-Корсакова, находившійся въ Швейцаріи, былъ разбитъ французами и отброшенъ къ сѣверу, что воспрепятствовало ему соединиться съ арміей Суворова. Затѣмъ скоро же обнаружилось все своекорыстіе Австріи. Италія, освобожденная отъ французовъ, была захвачена австрійцами, которые, утвердившись въ ней, отказывались возстановить сардинскаго короля въ его владѣніяхъ и разными мѣрами подавляли всякое стремленіе среди итальянскихъ народовъ къ объединенію и самостоятельности.

Англичане тоже оказались не лучше австрійцевъ. Русскій корпусъ Германа частью по ихъ винѣ потерпѣлъ въ Голландіи пораженіе, остатки же

войска были отвезены англичанами на зимнія квартиры на островъ Джерсей, гдѣ русскіе солдаты терпѣли крайнюю нужду въ продовольствіи и одеждѣ. Узнавъ о лишеніяхъ своихъ солдатъ, Павелъ былъ страшно обиженъ и разгнѣванъ на Англію. Къ тому еще присоединилось одно обстоятельство, которое было послѣдней каплей горечи для Павла. Англичане заняли Мальту, и когда Павелъ, какъ магистръ ордена, потребовалъ возвращенія ея ордену, они ему въ этомъ отказали. Павелъ былъ внѣ себя отъ негодованія, отозвалъ своего посла изъ Лондона графа Воронцова и распорядился въ маѣ 1800 г. о томъ, чтобы англійскій посолъ лордъ Уитвортъ выѣхалъ изъ Россіи.

При такихъ обстоятельствахъ произошелъ разрывъ Россіи съ союзниками. Правда, австрійскіе и англійскіе дипломаты пытались смягчить неудовольствіе Павла, были пущены въ ходъ золото, тайныя закулисныя вліянія и даже родственныя связи. Сама императрица Марія Ѳеодоровна ходатайствовала за Австрію, но не могла даже неоднократными просьбами поколебать императора. Вокругъ него въ то время группировался другой кружокъ лицъ, изъ которыхъ докладчикомъ по иностраннымъ дѣламъ былъ графъ Ростопчинъ, бывшій противникомъ коалиціи. Естественнымъ послѣдствіемъ разрыва Россіи съ союзными державами было сближеніе ея съ Франціей, что вызывалось также событіями, происшедшими въ самой Франціи.

Аріергардъ папы.

Переворотъ 18 брюмера превратилъ генерала Бонапарта въ перваго консула, а битва при Маренго (весной 1800 г.), въ которой Бонапартъ одержалъ рѣшительную побѣду надъ австрійцами, вернула Франціи Италію и вознесла еще на большую высоту геніальнаго полководца. Эту перемѣну превосходно понялъ Павелъ. Въ сентябрѣ 1800 года онъ, по сообщенію датскаго посланника Розенкранца, объясняя перемѣну русской политики, говорилъ послѣднему: «Политика его (Павла) вотъ уже три года остается неизмѣнной и связана съ справедливостью тамъ, гдѣ его величество полагаетъ ее найти. Долгое время онъ былъ того мнѣнія, что справедливость находится на сторонѣ противниковъ Франціи, правительство которой угрожало всѣмъ державамъ. Теперь же въ этой странѣ въ скоромъ времени водворится король, если не по имени, то, по крайней мѣрѣ, по существу, что измѣняетъ положеніе дѣлъ. Онъ бросилъ сторонниковъ этой партіи, которая и есть австрійская, когда обнаружилось, что справедливость не на ея сторонѣ. То же самое онъ испыталъ относительно англичанъ. Онъ склоняется единственно въ сторону справедливости, а не къ тому или другому правительству, къ той или другой націи, и тѣ, которые иначе судятъ о его политикѣ, положительно ошибаются».

Если во Франціи, по мысли Павла, вѣрно оцѣнившаго положеніе вещей послѣ переворота 18 брюмера, въ скоромъ времени водворится король, хотя бы не по имени, а по существу, то при такомъ положеніи отпадало предубѣжденіе Павла противъ Франціи, какъ республики. Къ тому же Бонапартъ, разгадавъ рыцарскіе порывы Павла, нашелъ способы расположить къ себѣ русскаго государя. Узнавши о томъ, что Австрія, вопреки просьбѣ Павла, отказалась обмѣнять французскихъ плѣнниковъ, доставшихся ей благодаря побѣдамъ Суворова, на русскихъ, бывшихъ въ плѣну у Франціи въ числѣ 5.000 человѣкъ, Бонапартъ приказалъ обмундировать ихъ и съ знаменами и оружіемъ, безъ всякаго выкупа, отпустить въ Россію. Въ письмѣ по этому поводу первый консулъ сообщалъ Павлу,

Рыцари Мальтійскаго ордена.

Полицейскій въ концѣ XVIII в.

что это онъ дѣлаетъ «единственно изъ уваженія къ доблестямъ русской арміи, которую французы умѣли оцѣнить по достоинству на полѣ битвы». Вмѣстѣ съ тѣмъ Бонапартъ напередъ соглашался на то, чтобы Мальта была возвращена Павлу, какъ магистру ордена.

Императоръ былъ обрадованъ такимъ предложеніемъ, послалъ своего уполномоченнаго въ Парижъ для пріема плѣнниковъ, а затѣмъ (18 декабря 1800 г.) собственноручно писалъ первому консулу: «Я не говорю и не хочу спорить ни о правахъ человѣка, ни объ основныхъ началахъ, установленныхъ въ каждой странѣ. Постараемся возвратить міру спокойствіе и тишину, въ которой онъ такъ нуждается». Въ другомъ письмѣ (15 января 1801 г.) Павелъ предупреждалъ консула о враждебныхъ дѣйствіяхъ Англіи и предлагалъ соединиться съ нимъ, будучи увѣренъ, что Англія, оставшись изолированной, приведена будетъ къ раскаянію «въ своемъ деспотизмѣ и высокомѣріи».

Бонапартъ съ величайшей готовностью шелъ навстрѣчу Павлу; завязались оживленныя дипломатическія сношенія, намѣчалось заключеніе болѣе тѣснаго союза. Въ концѣ 1800 года Павелъ поручилъ графу Ростопчину составить докладъ о политическомъ положеніи Европы и о необходимомъ курсѣ русской дипломатіи. Въ составленной по этому случаю запискѣ говорилось: «Англія вооружала попеременно угрозами, хитростью и деньгами всѣ державы противъ Франціи». Павелъ къ этому прибавилъ: «и насъ грѣшныхъ». «Она своею завистью, пронырствомъ и богатствомъ была, есть и пребудетъ не соперница, но злодѣй Франціи». На эту мысль Павелъ такъ откликнулся: «мастерски писано!» въ заключеніи Ростопчинъ предлагалъ войти въ тѣсный союзъ съ Франціей противъ Англіи и устроить раздѣлъ Турціи при участіи Австріи и Пруссіи.

Планъ этотъ пришелся по душѣ императору, и онъ былъ высочайше конфирмованъ (2 октября 1800 г.) въ такихъ словахъ: «Апробую планъ вашъ во всемъ, желаю, чтобы вы приступили къ исполненію онаго. Дай Богъ, чтобы по сему было».

Михайловскій замокъ въ 1807 г. (Петерсона).

Съ принятіемъ новой системы внѣшней политики существенно измѣнились отношенія Павла къ эмигрантамъ. Въ первыхъ числахъ января 1801 г. Людовику XVIII было сообщено, что государь совѣтуетъ ему выѣхать изъ Россіи, при чемъ совѣтъ сопровождался полнымъ прекращеніемъ выдачи субсидіи. 22 января Людовикъ выѣхалъ изъ Митавы въ Пруссію. Отрядъ принца Конде тоже принужденъ былъ удалиться за границу и поступилъ на жалованье Англіи.

Подготовляя союзъ съ Франціей, Павелъ заключилъ въ декабрѣ 1800 г. союзъ противъ Англіи же съ Швеціей; къ нему примкнули Данія и Пруссія, такъ что противъ англійскаго флота въ Балтійскомъ морѣ создалась внушительная эскадра 3 сѣверо-восточныхъ державъ. Тѣмъ временемъ спѣшно укрѣплялся Кронштадтъ, принимались мѣры для обороны Соловокъ на случай появленія здѣсь англійскихъ судовъ, флотъ балтійскій приводился въ боевую готовность.

Наконецъ въ союзѣ и при дѣятельной поддержкѣ Франціи Павелъ предполагалъ вести войну съ Англіей. Бонапартъ долженъ былъ, по плану Павла, сдѣлать диверсію нападеніемъ на берега Англіи, самъ же Павелъ приказомъ 12 января 1801 г. объявилъ походъ въ Индію: казакамъ войска донского велѣно было переправиться черезъ Волгу, итти къ Оренбургу, а оттуда черезъ Хиву въ Индію.

Бонапартъ былъ въ восторгѣ отъ рѣшительности русскаго государя, самъ разрабатывалъ планъ похода въ Индію и былъ готовъ всѣми мѣрами содѣйствовать Павлу въ борьбѣ съ общимъ врагомъ—Англіей. Легко понять то раздраженіе и боязнь, которая охватила Англію при перемѣнѣ русской политики, когда Павелъ изъ союзника превратился въ врага. Усилились тайные дипломатическіе переговоры, интрига внѣшняя сплелась съ интригами внутренними, которыми опутанъ былъ Павелъ, англійское золото полилось въ Россію рѣкой. Среди современниковъ твердо держался взглядъ, что трагедія, которая разыгралась въ Михайловскомъ замкѣ въ ночь на 12 марта и окончилась убійствомъ Павла, была въ значительной мѣрѣ инсценирована и окуплена англійскими деньгами. Со смертью Павла и съ удаленіемъ отъ дѣлъ его ближайшихъ сподвижниковъ измѣнилась и русская политика.

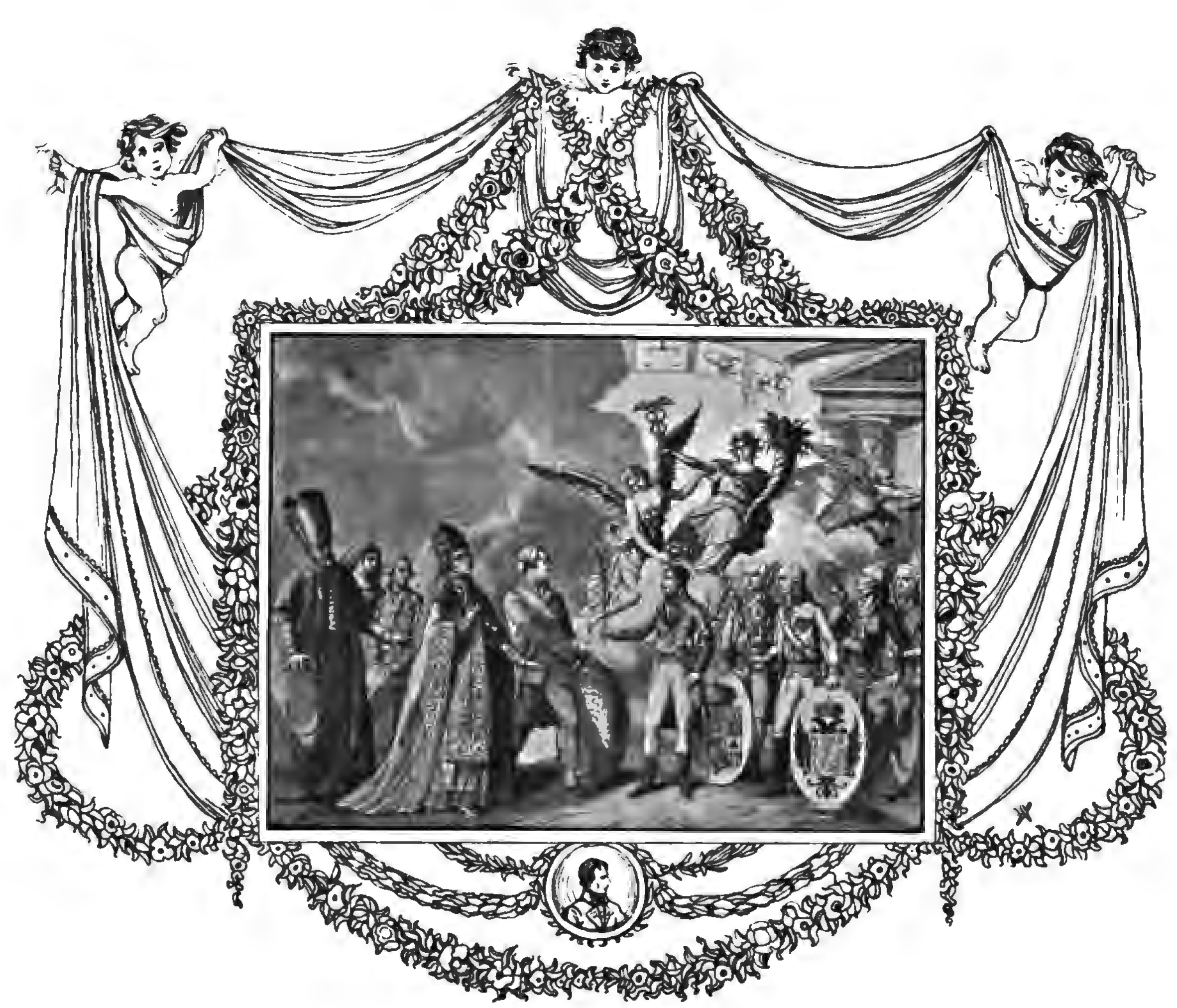
Итакъ, въ короткое царствованіе Павла I Россія отъ нейтралитета перешла къ участію въ коалиціи противъ Франціи, за которымъ послѣдовалъ разрывъ съ союзниками, сближеніе съ Франціей и война съ Англіей. По существу же во внѣшней политикѣ произошелъ лишь одинъ крутой поворотъ: сначала Россія была вмѣстѣ съ Англіей противъ Франціи, а затѣмъ съ Франціей противъ Англіи.

М. Клочковъ.

Франція XVIII вѣка.

Бонапартъ вручаетъ вѣтвь мира государямъ Европы [1]).

ФРАНЦІЯ ПЕРЕДЪ СТОЛКНОВЕНІЕМЪ СЪ РОССІЕЙ.

I. Революція и Европа.

А. К. Дживелегова.

Съ самаго начала революціи было ясно, что она не можетъ остаться чисто французскимъ явленіемъ. Тѣ измѣненія въ соціальномъ и политическомъ строѣ, которыя она несла съ собою, задѣвали слишкомъ много могущественныхъ интересовъ во Франціи и еще больше возбуждали могущественныхъ надеждъ внѣ ея. Революція была угрозою династіямъ и тѣсно связаннымъ съ династіями владѣющимъ классамъ, дворянству и духовенству. Революція была яркою зарею для классовъ безправныхъ и угнетенныхъ и прежде всего для буржуазіи, которая почти всюду играла боль-

[1]) 1. Бонапартъ. 2. Король Англіи. 3. Папа. 4. Король и королева Португаліи. 5. Турецкій султанъ. 6. Король Испаніи. 7. Императоръ Германіи. 8. Король Пруссіи. 9. Неаполитанскій король. 10. Императоръ Россіи.

шую соціальную роль и сознавала свое значеніе, но была абсолютно лишена всякаго политическаго вліянія. Тѣ, кому революція угрожала, естественно должны были попытаться вырвать у нея ея жало. Тѣ, которымъ она возвѣщала зарю новой, болѣе счастливой жизни, также естественно должны были дарить ей свое сочувствіе, болѣе или менѣе активное.

Такъ образовалось то сплетеніе, которое роковымъ образомъ двинуло къ французскимъ границамъ силы европейскаго стараго порядка, которое подняло всю Францію на защиту свободы и равенства, которое въ тылу у европейской реакціи вложило остро отточенный кинжалъ въ руки обездоленныхъ.

Несомнѣнно, къ концу XVIII в. въ Европѣ имѣлась налицо почва, которая дѣлала необходимымъ вовлеченіе другихъ европейскихъ странъ во внутренній французскій катаклизмъ. Въ XVII в. двѣ революціи подъ рядъ, разразившіяся въ Англіи, не вызвали никакого сколько-нибудь серьезнаго отзвука на континентѣ. Это понятно: во-первыхъ, англійская революція не имѣла того ярко выраженнаго соціальнаго характера, какой съ самаго начала получила французская. Слѣдовательно, зараза, если и была, должна была носить чисто-политическій характеръ. Во-вторыхъ, въ XVII в. Англія такъ далеко опередила континентъ на пути политическаго развитія, что сужденія объ англійскихъ революціяхъ въ европейскомъ обществѣ не должны были очень отличаться отъ того, которое ходило на Руси и считало революцію «великимъ злымъ дѣломъ». Политическіе интересы европейскаго третьяго сословія, отражающіе его соціальный ростъ, не просачивались еще очень замѣтнымъ образомъ въ его идеологію; эта идеологія, благодаря усиліямъ церкви и школы, отражала интересы династій и союзныхъ съ династіями общественныхъ группъ. Политическія и общественныя ученія противоположнаго характера оставались явленіемъ по преимуществу литературнымъ.

Маркизъ Лафайэтъ.

Совсѣмъ иную картину представляла Европа въ концѣ XVIII вѣка. Общественное развитіе привело къ тому, что третье сословіе уже повсюду сознавало необходимость пробиться къ власти. Во Франціи оно оказалось

въ силахъ достигнуть этого. Въ другихъ странахъ событія во Франціи комментировались такимъ образомъ, что правящимъ классамъ и династіямъ приходилось крѣпко задумываться. Наиболѣе передовая часть третьяго сословія разсуждала, что стоитъ произвести нѣкоторыя усилія, и то, что достигнуто во Франціи, будетъ достигнуто и въ другой странѣ. Поэтому ореолъ революціи сразу сдѣлался такъ великъ. Поэтому ее привѣтствовали Шиллеръ и Кантъ, Гердеръ и Клопштокъ, Шериданъ и Мэкинтошъ, Алфіери и Фоксъ,—словомъ, люди, выражающіе классовую точку зрѣнія различныхъ группъ третьяго сословія.

Это повсемѣстное почти сочувствіе революціи въ средѣ вліятельныхъ общественныхъ группъ дѣлало задачу правительствъ, возставшихъ на защиту идеи легитимизма и абсолютизма, очень нелегкой. Правительственная власть въ тѣхъ странахъ, которыя въ первую очередь пошли противъ омоложенной революціей Франціи,—въ Пруссіи и Австріи,—была достаточно сильна, чтобы двинуть арміи вопреки общественному мнѣнію. Но мысль о томъ, что за спиною у этихъ армій остаются люди, сочувствующіе принципамъ 1789 года и считающіе походъ за Рейнъ и въ Бельгію въ угоду хныкающимъ французскимъ эмигрантамъ нелѣпой авантюрой, не давала возможности проявлять большую настойчивость. И пока Франція вела войну оборонительную, пока она защищала свои политическіе идеалы. дорогіе буржуазіи всей Европы, иначе быть не могло. Потомъ все перемѣнится, когда революція перейдетъ въ наступленіе и станетъ на путь завоеваній.

Общность политическихъ интересовъ у французскаго третьяго сословія съ третьимъ сословіемъ другихъ европейскихъ странъ придавала принципамъ 1789 года огромную силу пропаганды. Революціонный энтузіазмъ французскаго третьяго сословія сообщалъ имъ необычайную силу сопротивленія. Двѣ главныхъ группы третьяго сословія — буржуазія и крестьянство—были кровно заинтересованы въ томъ, чтобы власть, вырванная у династіи и союзныхъ съ нею землевладѣльческихъ феодальныхъ группъ, не вернулась къ нимъ вновь. Буржуазіи это было важно потому, что абсолютизмъ стѣснялъ ей свободу въ дѣлахъ торговыхъ и промышленныхъ и дѣлалъ очень ненадежнымъ помѣщеніе денегъ въ государственные фонды. Для крестьянства реставрація абсолютизма означала возвращеніе земель прежнимъ владѣльцамъ. Съ военной точки зрѣнія особенно важно было настроеніе крестьянства, ибо крестьяне не только давали превосходныхъ солдатъ въ армію, но при первомъ вторженіи пруссаковъ во Францію составляли партизанскіе отряды, добровольно истреблявшіе, особенно во время отступленія, эмигрантскіе батальоны, примкнувшіе къ арміи герцога Брауншвейгскаго. Въ эмигрантахъ крестьяне видѣли уже личныхъ враговъ и были къ нимъ безпощадны. Они разсуждали, что каждый убитый эмигрантъ сокращаетъ количество возможныхъ кандидатовъ на земли, пріобрѣтенныя ими изъ фонда національныхъ имуществъ.

Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что впервые теорія вооруженной пропаганды была выставлена той группой, которая представляла радикальную часть буржуазіи—жирондистами. Эта теорія не могла появиться при Учредительномъ собраніи, потому что оно слишкомъ занято борьбою съ врагами внутри и не имѣло времени думать о внѣшнихъ осложненіяхъ. Правда, Мирабо

въ своихъ размышленіяхъ о томъ, какъ укрѣпить новый порядокъ, думалъ и о внѣшнихъ дѣлахъ; система внѣшней политики занимала очень видное мѣсто въ его планахъ организаціи конституціонной монархіи. Для великаго трибуна упроченіе новаго порядка зависѣло прежде всего отъ того, сумѣетъ ли королевская власть проникнуться идеями революціи, сумѣетъ ли король стать королемъ революціи. Онъ предвидѣлъ многія затрудненія на этомъ пути и считалъ ихъ преодолимыми всѣ, не исключая и гражданской войны. Но одно затрудненіе онъ считалъ губительнымъ: войну съ иностранцами. Трудно сказать, изъ какихъ интересовъ исходилъ Мирабо, предостерегая короля отъ апеллированія къ иностранцамъ противъ революціи: королевской власти или французскаго народа. Но онъ посылалъ самымъ настойчивымъ образомъ свои предупрежденія. Гражданская война, въ которой король во главѣ части французовъ сражается съ другой частью, не казалась ему противоестественной. Но нашествіе иностранцевъ, въ обозѣ у которыхъ ѣдетъ король Франціи, представлялось ему чудовищнымъ по существу и крайне опаснымъ практически. Поэтому вѣнцомъ его взглядовъ на вопросъ внѣшней политики былъ миръ, миръ во что бы то ни стало, какъ условіе прочности революціи. Всѣ двадцать пять лѣтъ исторіи революціи показали, сколько геніальнаго предвидѣнія и политической прозорливости было въ этихъ простыхъ, какъ элементарный силлогизмъ, заключеніяхъ.

Бриссо (портр. Бонкеваля).

Вообще же говоря, дѣятели Учредительнаго собранія не глядѣли такъ далеко. Война казалась большинству изъ нихъ опасной не потому, что она могла принести гибель революціи, а потому, что у нихъ были серьезныя опасенія насчетъ арміи: она представлялась имъ ненадежной съ точки зрѣнія революціи. Эти опасенія первое время были не чужды и Законодательному собранію, но когда ребромъ поставился вопросъ объ опасности со стороны правительствъ Европы, страхъ передъ арміей сталъ проходить. Тѣмъ болѣе, что наиболѣе реакціонная часть офицерства къ этому времени успѣла эмигрировать. Вопросы внѣшней политики мало-по-малу стали въ порядокъ дня. Вотъ тутъ-то и была выдвинута впервые теорія жирондистовъ, провозглашенная впервые Бриссо, Икаромъ и Кондорсе. Они были убѣждены, что система вооруженной пропаганды явится спасеніемъ въ той опасности, которая грозила Франціи отъ Европы. Они ни на минуту не сомнѣвались, что стоитъ только революціоннымъ войскамъ перейти границу, неся впереди знамя съ начертанными на немъ принципами 1789 года, и народы внезапно, не задумываясь ни надъ чѣмъ, возстанутъ противъ своихъ правительствъ. Возстаніе разстроитъ планы коалиціи и такимъ образомъ спасетъ Францію. Въ этой теоріи было много наивнаго идеализма, и ея стратегическое значеніе было, конечно, очень невелико. Робеспьеръ чувствовалъ это, когда во время преній о внѣшней политикѣ въ якобинскомъ клубѣ въ началѣ 1792 года горячо воз-

ставалъ противъ жирондистскихъ идей. Онъ доказывалъ, что «люди не любятъ вооруженныхъ миссіонеровъ», что вооруженная пропаганда можетъ привести къ результатамъ весьма плачевнымъ, особенно при жалкомъ положеніи французскихъ вооруженныхъ силъ. Эта точка зрѣнія одержала верхъ. Побѣда надъ жирондистами въ этомъ вопросѣ была облегчена для Робеспьера еще и тѣмъ, что многіе считали неблагоразумнымъ втягивать страну во внѣшнія осложненія, не сокрушивъ окончательно королевскую власть.

Такъ, соображенія внѣшней опасности тѣсно переплетались съ мотивами внутреннихъ тревогъ и не выпускали революціонную политику изъ круга жуткихъ колебаній. И были всѣ основанія для тревогъ, ибо Европа не дремала.

Въ началѣ революціи единственнымъ поводомъ для недовольства противъ Франціи у Австріи и Пруссіи была судьба имперскихъ клиньевъ во французской территоріи, подпавшихъ подъ дѣйствіе декретовъ 4 августа. Но поводы эти были незначительны. Крупныхъ интересовъ они не затрогивали, и потому къ большимъ осложненіямъ не приводили. Изъ-за того, что въ какомъ-нибудь Мемпельгардѣ у князя были отняты феодальныя права, трудно было ожидать объявленія войны. Варенскія событія, въ которыхъ старая Европа не могла не видѣть тяжкаго оскорбленія королевской власти, какъ таковой, сдѣлали положеніе болѣе серьезнымъ. Настроенія и приготовленія въ Германіи приняли вслѣдствіе этого настолько вызывающій характеръ, что партія мира во Франціи потеряла почву. Въ мартѣ 1792 года образовалось такъ называемое жирондистское министерство, руководимое г-жой Роланъ и насквозь пропитанное иллюзіями Бриссо; уже 20 апрѣля оно заставило Людовика объявить войну «королю Венгріи и Богеміи». Такой титулъ былъ выбранъ изъ осторожности, чтобы не вовлечь въ войну имперскихъ князей и особенно Пруссіи. Но осторожность не привела ни къ чему. Попытки министра иностранныхъ дѣлъ Дюмурье предупредить войну съ Пруссіей оказались безуспѣшны. Въ силу заключеннаго ранѣе Пильницкаго соглашенія (27 авг. 1791) Пруссія примкнула къ Австріи. Первыя неудачи на поляхъ сраженія опрокинули жирондистское министерство. Законодательное собраніе 11 іюля объявило отечество въ опасности. Декретъ всколыхнулъ всю страну сверху донизу. Въ одномъ порывѣ слились всѣ классы третьяго сословія и все, что осталось отъ первыхъ двухъ. Общая опасность сплотила всѣхъ и положила начало тому національному чувству, которое должно было дѣлать чудеса въ теченіе почти двадцати пяти лѣтъ. На эту

Верньe (Bonneville, колл. В. М. Соболевскаго).

почву упалъ наглый эмигрантскій манифестъ, неосторожно подписанный герцогомъ Брауншвейгскимъ (25 іюля). Его результатомъ было прежде всего 10 августа. Рубиконъ былъ перейденъ. Интригамъ двора положенъ конецъ. Королевская власть не существовала болѣе. Отвѣтомъ на 10 августа было вступленіе во Францію прусскихъ войскъ, а отвѣтомъ на нашествіе—сентябрьскій погромъ въ тюрьмахъ Парижа: революція защищала, какъ умѣла, свой тылъ, прежде чѣмъ встрѣтить врага лицомъ къ лицу. А когда закаленные въ бояхъ солдаты Фридриха Великаго 20 сентября столкнулись подъ Вальми съ «неорганизованнымъ сбродомъ», произошло чудо. «Сбродъ» блистательно устоялъ подъ адскимъ огнемъ прусскихъ пушекъ. Сброда больше не было подъ французскими знаменами. Была армія, одушевленная любовью къ родинѣ и вѣрой въ побѣду, готовая защищать пріобрѣтенія революціи противъ всего свѣта. Майоръ Массенбахъ сказалъ, глотая горечь пораженія и предвидя впереди худшее: «Мы не только проиграли сраженіе; 20 сентября измѣнило ходъ исторіи. Это самый важный день столѣтія». А вечеромъ у бивуака великій Гете, мнѣнія котораго спрашивали офицеры, произнесъ знаменитую фразу: «Сегодня въ этомъ мѣстѣ начинается новая эпоха въ исторіи и вы можете говорить: я былъ при этомъ». Нѣсколько дней спустя герцогъ Брауншвейгскій вынужденъ былъ начать отступленіе.

Роланъ (портр. Heinsius).

Когда извѣстіе о Вальми пришло въ Парижъ, Законодательное собраніе уже окончило свое существованіе. Конвентъ собрался 20 сентября и взялъ въ свои руки управленіе судьбами Франціи. Ему суждено было потрясать міръ.

Послѣ 10 августа руководители французской внѣшней политики всѣми силами старались показать Европѣ, что ничего особеннаго, собственно говоря, не произошло, что низложеніе короля не должно мѣнять отношеній между Франціей и державами, которыя еще не воевали съ ней. Конвентъ очень недолго стоялъ на этой точкѣ зрѣнія. Его политика была смѣлѣе и послѣдовательнѣе. Громы кононады подъ Вальми вдохнули въ него увѣренность. 23 октября пруссаки очистили французскую территорію, а двумя днями раньше Кюстинъ занялъ Майнцъ. Событія, сопровождавшія оккупацію лѣваго берега Рейна, были такого свойства, что Конвентъ могъ съ вѣрою смотрѣть въ лицо грядущему. Казалось, оправдывались всѣ самыя безбрежныя надежды жирондистовъ на то, что вооруженная пропаганда будетъ для Франціи сплошнымъ тріумфомъ. Девизъ «guerre aux châteaux, paix aux chaumières» принимался лѣвобережной буржуазіей съ криками восторга. Ликованія вызывалъ приказъ Кюстина: «французъ, сра-

жающійся за свободу одной рукой, протягиваетъ вамъ символъ мира, а другой погружаетъ свое оружіе въ грудь вашихъ притѣснителей. Солдаты, защищающіе рабство, одни падутъ подъ нашими ударами»... Пропаганда Форстера еще больше, чѣмъ французское оружіе, открывала путь революціоннымъ войскамъ. Двѣ группы третьяго сословія, французская и нѣмецкая, находившіяся въ одинаковыхъ экономическихъ условіяхъ, страдающія отъ однихъ и тѣхъ же условій, протягивали другъ другу руки. Нѣмцы смотрѣли на французовъ не какъ на завоевателей, а какъ на освободителей. То же было въ Савойѣ, гдѣ французское по крови населеніе, порабощенное Пьемонтомъ, устраивало оваціи генералу Монтескью. «Походъ моей арміи былъ сплошнымъ тріумфомъ», доносилъ генералъ. «Намъ казалось,—писали комиссары Конвента,—что, перейдя границу, мы не покидали родины».

Конвентъ былъ опьяненъ этими первыми успѣхами. Даже Дантонъ, геніальнѣйшій изъ политиковъ Конвента, далъ увлечь себя идеѣ вооруженной пропаганды, хотя онъ уже тогда предчувствовалъ, что реальные интересы государства станутъ въ противорѣчіе съ революціоннымъ идеализмомъ. Большинство же Конвента цѣликомъ было насыщено этимъ идеализмомъ. Такъ, идея вооруженной пропаганды постепенно раскрылась въ представленіе о необходимости завоевательной политики. Побѣда при Жемаппѣ, одержанная въ ноябрѣ, еще больше укрѣпила Конвентъ въ его воинственныхъ планахъ. Тѣмъ болѣе, что дѣйствительная власть въ собраніи постепенно переходила къ крайней лѣвой, къ Горѣ. Политики Горы отлично понимали, что для сохраненія и усиленія своего вліянія они должны были показать Франціи и Парижу, что республика укрѣплена безповоротно только благодаря имъ. Для этого имъ было необходимо добиться казни короля. А казнь короля дѣлала надолго невозможнымъ миръ съ Европой. Чтобы добиться мира послѣ казни короля, Европу нужно было вынудить къ этому силою оружія. Это, въ свою очередь, приводило къ необходимости продолжать войну. Но внутренняя логика завоевательной политики требовала, чтобы завоеваніямъ былъ поставленъ какой-нибудь реально достижимый предѣлъ. Ибо генералы рвались впередъ. Монтескью говорилъ о занятіи Пьемонта, Келлерманъ требовалъ похода въ Римъ. Конвентъ долженъ былъ рѣшить, въ какой мѣрѣ можно благословить генераловъ на дальнѣйшую вооруженную пропаганду. И принципъ былъ найденъ. Въ сочиненіяхъ Руссо, главнымъ образомъ въ Traité de la paix perpetuelle, отыскали ученіе о естественныхъ границахъ. Его положилъ въ основу своего доклада, читаннаго 27 ноября, бывшій епископъ Грегуаръ. «Франція,—говорилось тамъ,—есть самодовлѣющее цѣлое, ибо природа отовсюду поставила ей границы, позволяющія не думать объ увеличеніи». Съ этой точки зрѣнія и обсуждался вопросъ о присоединеніи Савойи. Область находилась по сю сторону Альпійскаго барьера, и Конвентъ рѣшилъ внять голосу мѣстнаго населенія, просившаго

Барнавъ (изъ колл. В. М. Соболевскаго).

принять его въ число французскихъ гражданъ. И уже послѣ того, какъ голова Людовика XVI скатилась съ эшафота, послѣ того, какъ начали оправдываться всѣ мрачныя предвидѣнія противниковъ казни, совсѣмъ наканунѣ разрыва съ Англіей, идею естественныхъ границъ взялся защищать Дантонъ. Это было 31 янв. 1793 г. Съ обычнымъ своимъ мастерствомъ онъ далъ ей такія формулы, что она сразу завоевала аудиторію и сдѣлалась знаменемъ всей внѣшней политики республики на много лѣтъ. Правда, она очень быстро стала показывать всю свою пагубную сущность, и геній Дантона помогъ ему тогда разглядѣть сдѣланную имъ тяжкую ошибку. Но было уже поздно.

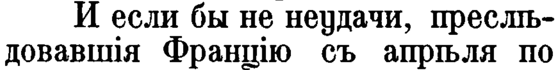
Идеалистическіе порывы и гордые національные лозунги должны были исказиться, и первое искажающее прикосновеніе было дѣломъ Камбона. Этотъ практикъ, бывшій купецъ, еще 15 декабря 1792 г. представилъ Конвенту докладъ. Указавъ на то, что у республики не хватитъ средствъ, чтобы вести филантропическую вооруженную пропаганду, онъ требовалъ, чтобы завоеванныя земли были присоединены къ Франціи, чтобы имущество привилегированныхъ было конфисковано въ пользу республики. Это былъ естественный выводъ, только логичный; это была дань голосу реальной политики, о которомъ Конвентъ до той поры склоненъ былъ забывать. И онъ сейчасъ же понялъ, что Камбонъ подаетъ ему яблоко съ древа познанія. И когда Дантонъ произнесъ въ Конвентѣ свою рѣчь о естественныхъ границахъ, участь Бельгіи и лѣваго берега Рейна была рѣшена. Это означало войну съ Англіей, Голландіей и Испаніей. Конвентъ былъ готовъ на нее заранѣе. Послѣ рѣчи Дантона война была объявлена двумъ первымъ, 7 марта — послѣдней.

Кондорсе. (Рис Rocqueville).

Но событія пошли такъ, что, по крайней мѣрѣ, наиболѣе дальновидные должны были освободиться отъ идеалистическаго тумана, окутывавшаго ихъ взоры. Экспедиція въ Голландію кончилась плачевно. Бельгія возстала и ее пришлось очистить. Дюмурье измѣнилъ. Кюстинъ отступилъ изъ Майнца. Въ Вандеѣ началось контръ-революціонное движеніе. Веденіе внѣшней политики оказывалось очень мало похожимъ на тотъ рядъ тріумфовъ, который рисовался жирондистамъ и вождямъ первыхъ завоевательныхъ походовъ: Кюстину, Монтескье. Чтобы справиться съ выросшими вдругъ затрудненіями, требовалось не только мужество, но и самая напряженная работа. Тогда-то Конвентъ прибѣгъ къ чрезвычайнымъ мѣрамъ. 6 апрѣля созданъ былъ первый Комитетъ Общественнаго Блага, и душою его сталъ Дантонъ. Его государственный геній отчетливо различалъ главныя задачи момента: побѣда надъ врагами во внѣшнихъ дѣлахъ, а

внутри возстановленіе прочнаго порядка, обезпеченнаго конституціей. Но онъ уже понималъ, наученный событіями въ Бельгіи и эпизодомъ съ Дюмурье, что естественныя границы — цѣль, поставленная неправильно. Завоевательная политика поведетъ къ диктатурѣ арміи, т.-е. счастливаго генерала. Дюмурье не удался походъ на Парижъ; онъ легко можетъ удасться другому. Война погубитъ республику. Съ другой стороны, народы, которыхъ раньше республика только освобождала отъ ига тиранніи по рецепту Инара и Кондорсе, которыхъ теперь она хочетъ порабощать и эксплуатировать по рецепту Камбона, возстанутъ противъ этой странной освободительной механики. Геній свободы, геній національной независимости, осѣнявшіе своими крыльями республиканскіе легіоны подъ Вальми и Жемаппомъ, грозили отлетѣть въ вражескій станъ.

Шарлотта Кордэ. (Изъ колл. Соболевскаго).

Но реальная задача все-таки была налицо: обезпеченіе безопасности и независимости Франціи. Нужно было найти средства для ея разрѣшенія. Война, — война завоевательная, съ перспективою естественныхъ границъ,—казалось, грозила крушеніемъ и безопасности и независимости. Слѣдовательно, нужно было искать мира. И искать не только на полѣ сраженія, а и путемъ дипломатическихъ переговоровъ. Таковы были выводы Дантона. Война при этомъ, конечно, не отрицалась. Но цѣль ей ставилась уже вполнѣ реалистическая. Не идеалистическая революціонная война, а просто война въ интересахъ государственныхъ, какъ въ былыя времена.

И если бы не неудачи, преслѣдовавшія Францію съ апрѣля по сентябрь 1793 г. на поляхъ сраженія у границъ и въ Вандеѣ,—политика Дантона, единственно правильная, единственно обѣщавшая быстрое успокоеніе, быть-можетъ, и могла бы восторжествовать. Но пораженія и анархія погубили Дантона. Все, что было обусловлено полной дезорганизаціей, все, въ чемъ дѣйствительность отплачивала за утопическія увлеченія, — все было поставлено въ вину Дантону. Ударъ пришелъ слѣва. Наносилъ его вождь крайней лѣвой якобинства, Робеспьеръ, человѣкъ, которому былъ чуждъ благородный патріотизмъ Дантона, которому анархія была выгодна, ибо она помогала устраивать ему его партійныя дѣла, которому война была нужна, чтобы на ней строить диктатуру, который былъ даже не фанатикомъ, а вульгарнымъ честолюбцемъ, который готовъ былъ всю Францію принести въ жертву своему трезвенному тщеславію. Исключеніе Дантона изъ Комитета и вступленіе въ него Робеспьера (27 іюня 1793 г.) было поворотнымъ моментомъ. Новый Комитетъ Общественнаго Блага, весь

составленный изъ друзей Робеспьера, поддерживалъ войну, чтобы оправдать свою диктатуру, организовалъ терроръ, чтобы подъ видомъ искорененія враговъ республики раздѣлаться со своими противниками. У Робеспьера не было никакихъ ясныхъ идей относительно способовъ веденія внѣшней политики. Онъ зналъ только одно: что нужно продолжать войну, что война пьедесталъ для его диктатуры. Дантонъ помогъ ему отдѣлаться отъ жирондистовъ, мѣшавшихъ ему; теперь ему легче было избавиться и отъ него самого, послѣдняго крупнаго противника. Поэтому всѣ сношенія съ иностранными державами, начатыя Дантономъ, были круто оборваны. Войну рѣшено было продолжать à outrance. И судьбѣ было угодно, чтобы плоды усилій Дантона, результаты организаторскаго генія Карно пошли на пользу той политики террора, которую проводилъ Робеспьеръ. Въ октябрѣ счастіе повернулось, наконецъ, снова лицомъ къ французамъ: Журданъ, Пишегрю, Гошъ очистили границу, Клеберъ и Марсо нанесли первый рѣшительный ударъ вандейцамъ. Бонапартъ взялъ Тулонъ. Все это было дѣломъ организаціи и боевого таланта этой блестящей плеяды генераловъ, подобной которой не видѣлъ свѣтъ. Терроръ не игралъ никакой роли въ побѣдахъ. Это всего лучше будетъ видно нѣсколько позднѣе, когда Гошъ справедливостью и гуманностью достигнетъ въ Вандеѣ того, что оказалось не подъ силу «адскимъ колоннамъ» Тюро, и Карье съ его отвратительными ноаядами. Въ концѣ 1793 года побѣдилъ внѣшняго и внутренняго врага геній молодой Франціи, окрыленной патріотизмомъ, а не терроръ, который былъ гніющей болячкой на тѣлѣ республики. Ибо въ то время, какъ побѣду давало геройство, безкорыстіе, благородство, въ террорѣ торжествовали мелочная мстительность, зависть, безстыдный карьеризмъ. Но въ глазахъ общества терроръ оправдывался внѣшними и внутренними неудачами. Вѣдь казалось, что австрійскія и прусскія войска уже совсѣмъ готовы вновь наводнить Францію, что вандейцы, поддерживаемые неистощимой казной Англіи и притокомъ людей изъ кадровъ эмиграціи, вотъ-вотъ двинутся на Парижъ. И вставалъ трагическій вопросъ,— вопросъ, который представлялся грознымъ не только съ точки зрѣнія по-

Арестъ Робеспьера (27 іюля 1797 г.).

литиканствующихъ якобинцевъ, а съ точки зрѣнія любого буржуа, любого крестьянина: что станется съ соціальнымъ строемъ, созданнымъ революціей. Его нужно было спасать какой угодно цѣной. Этотъ мотивъ былъ понятенъ всѣмъ, ибо онъ касался интересовъ. Для всѣхъ священно было то оружіе, которое поднималось на защиту новыхъ экономическихъ отношеній. Якобинцы сумѣли сдѣлать такъ, что этимъ оружіемъ представлялась теперь гильотина. И люди благословляли гильотину. А когда дѣла пошли лучше на границахъ и въ Вандеѣ, якобинцамъ ничего не стоило создать между терроромъ и благопріятнымъ поворотомъ причинную связь. Поэтому Робеспьеръ никогда не пользовался такимъ сокрушающимъ могуществомъ, какъ въ послѣдніе мѣсяцы 1793 и въ первые 1794 года, когда опасность новаго вторженія во Францію была устранена и миновалъ критическій моментъ въ Вандеѣ. Дантонъ погибъ 5 апрѣля.

Вооруженная республика.

Но тѣ же внѣшнія дѣла, которыя вознесли Робеспьера, готовили ему и кровавый конецъ. 18 мая Сугамъ и Макдональдъ побили австрійцевъ подъ Туркуаномъ, 26 іюня Журданъ разбилъ главныя имперскія силы при Флерюсѣ въ рѣшительномъ бою. Бельгія была завоевана вновь: Пишегрю прогналъ англичанъ и 23 іюля занялъ Антверпенъ. Пруссаки, подвинувшіеся къ Триру, 10 августа вынуждены были отступить подъ Майнцъ. Прусскій король, Испанія, Голландія начали склоняться къ миру.

Франція была спасена и съ нею новый соціальный порядокъ. Ничто не угрожало больше буржуазіи и крестьянамъ, купившимъ земли изъ фонда національныхъ имуществъ. И гильотина сразу стала не нужна. «Побѣды, какъ фуріи, набросились на Робеспьера». Только теперь, благодаря побѣдамъ, люди отрезвѣли отъ кроваваго хмеля, и то, что казалось имъ раньше операціей, спасающей отечество, предстало въ настоящемъ видѣ. Они увидѣли человѣка съ отуманеннымъ взглядомъ, одержимаго паническимъ, уже не совсѣмъ нормальнымъ, страхомъ, который, чтобы оградить себя отъ опасности, посылаетъ на эшафотъ лучшихъ людей Франціи, лучшихъ рыцарей революціи. Одна за другой валились головы жирондистовъ Дантона, Демулена, Вестермана, Кюстина. Очередь ждала Гоша, Ахилла революціи, который спасся только чудомъ.

«Кровь Дантона душитъ его!» крикнули Робеспьеру, когда онъ вздумалъ защищаться въ роковой день 9 термидора (27 іюля). И это была

правда. Ненужность вакханаліи судебныхъ убійствъ сдѣлалась ясна сама собою послѣ Флерюса. Робеспьеръ пошелъ на эшафотъ. Терроръ кончился. Но кошмаръ этого безконечнаго періода казней не прошелъ даромъ для Франціи. Онъ былъ причиною, что послѣ Робеспьера правленіе попало въ руки людей, ненавидѣвшихъ революцію. Онъ далъ наслѣдіе якобинцевъ въ руки оппортюнистовъ и карьеристовъ, которые даже не пытаются драпироваться въ тогу фанатизма, которые цинично ищутъ средствъ самимъ удержаться у власти. Въ ихъ средѣ не долго сумѣютъ сохранить свое вліяніе даже такіе люди, какъ Роберъ Ленде и Карно, «организаторъ побѣды» Мерленъ (изъ Дуэ), Камбасересъ, Сіэсъ, рѣшившійся, наконецъ, вновь показать міру и человѣчеству свою драгоцѣнную персону, и выдвигающійся понемногу изъ-за нихъ Баррасъ, забывшій свое якобинство,—вотъ ихъ вожди.

Дюмурье.

Дѣла внѣшнія въ ихъ планахъ и расчетахъ должны были играть огромную роль. Съ паденіемъ Робеспьера духъ республиканства въ обществѣ не ослабѣлъ ни на іоту. То же чувство опасенія за новый соціальный строй, которое было главнымъ моментомъ, сообщавшимъ революціи ея устойчивость, говорило, что королевская власть—это реставрація стараго, наплывъ эмигрантовъ и отобраніе національныхъ имуществъ въ пользу прежнихъ владѣльцевъ. До другого способа ликвидаціи республики—съ помощью удачливаго генерала—додумались не сразу. Поэтому нація цѣпко держится за идею республики. Но она въ то же время хочетъ мира, мира во что бы то ни стало, мира хотя бы въ старыхъ границахъ, чтобы отдохнуть отъ тревогъ и отдаться спокойной созидательной работѣ. Она хочетъ, наконецъ, такой конституціи, подъ сѣнью которой Франція могла бы успокоиться отъ пережитыхъ тревогъ и потрясеній. Въ Конвентѣ вся Равнина стоитъ на этой точкѣ зрѣнія. Однако для термидоріанцевъ, захватившихъ власть, миръ въ старыхъ границахъ вовсе не является сколько-нибудь удобнымъ выходомъ. Они, товарищи Дантона, покинувшіе его, когда онъ велъ борьбу на жизнь и смерть съ Робеспьеромъ, теперь вспоминаютъ, что ихъ вождь когда-то выдвинулъ лозунгъ естественныхъ границъ, и слышать не хотятъ о мирѣ иначе, какъ въ этихъ условіяхъ. Ибо война требуетъ энергичныхъ людей во главѣ правительства, а они думаютъ, что, кромѣ нихъ, у Франціи уже нѣтъ энергичныхъ людей. И они продолжаютъ войну, чтобы привести Францію къ естественнымъ границамъ. Тщетно трезвые и дальновидные люди предостерегаютъ ихъ противъ этой опасной

игры, тщетно пробуютъ они уговаривать ихъ ограничиться одной Бельгіей по Маасъ, тщетно просятъ не трогать Голландію, чтобы не закрывать для Англіи пути къ искреннему миру, не трогать прусскихъ владѣній на лѣвомъ берегу, чтобы не давать Пруссіи компенсацій на правомъ и не усиливать ея роли въ Германіи, тщетно умоляютъ не насиловать патріотизма присоединяемыхъ, чтобы не націонализировать войну и не дѣлать ее безконечной. Тщетно. Комитетъ стоялъ на своемъ. Мало того, его приверженцы клеймили монархистомъ всякаго, кто рѣшался высказываться за миръ въ старыхъ границахъ или хотя бы съ присоединеніемъ одной Бельгіи. А въ это время еще было не очень безопасно стать жертвою такого обвиненія.

Комитету повезло. Пруссія, которую тяготила безплодная и безславная война на Рейнѣ, не дававшая ей свободы дѣйствій на Вислѣ, очень хотѣла заключить миръ. Въ Базелѣ открылись переговоры съ ея уполномоченными и 5 декабря послѣ того, какъ въ знаменательномъ засѣданіи, рѣшившемъ надолго судьбу Франціи, Конвентъ высказался за естественныя границы, Мерленъ послалъ французскому уполномоченному инструкцію объ условіяхъ. Переговоры тянулись четыре мѣсяца. Пруссія согласилась за извѣстныя компенсаціи уступить лѣвый берегъ. 5 апрѣля 1795 г. Базельскій миръ былъ заключенъ. Комитетъ былъ вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ одного изъ своихъ членовъ Дюбуа-Крансе, что настоящихъ враговъ у Франціи только два: Австрія и Англія, что съ остальными державами нужно жить въ мирѣ. А такъ какъ ни Австрія, ни Англія естественныхъ границъ признавать не желали, то войну съ ними оказывалось необходимо продолжать. Сіэсъ, когда онъ вступилъ въ управленіе иностранными дѣлами, попробовалъ нѣсколько измѣнить отношеніе Франціи къ германскимъ дѣламъ и высказался противъ радикальнаго униженія Австріи. Но онъ не сумѣлъ сдѣлать ничего для того, чтобы Конвентъ измѣнилъ свой взглядъ на лозунгъ естественныхъ границъ. Этотъ лозунгъ, наоборотъ, укрѣплялся все больше и сдѣлался такимъ же ярлыкомъ неподдѣльнаго якобы республиканизма, какъ и вотумъ за смерть Людовика. Отъ этого шансы на его признаніе Англіей и Австріей, конечно, не сдѣлались больше. Комитету удалось заключить миръ съ Голландіей и Испаніей и добиться нейтралитета сѣверныхъ нѣмецкихъ государствъ, но это мало помогало дѣлу.

Чтобы заставить Австрію и особенно Англію согласиться на признаніе границами Франціи Рейна, Альпъ и Пиренеевъ, особенно Рейна, нужно было принудить ихъ силою оружія. Конвентъ, который завоевалъ лѣвый берегъ, не могъ соотвѣтствующими трактатами обезпечить Франціи владѣніе имъ. Онъ завѣщалъ эту задачу Директоріи, и Директорія, а за нею Консульство и Имперія напрягали всѣ силы страны, чтобы добиться окончательнаго признанія за Франціей лѣваго берега. Они шли къ этой цѣли по всякому. Они окружали Францію цѣпью республикъ-дочерей (Батавская, Лигурійская, Цизальпинская, Гельветическая, Римская, Партенопейская). Они проникали въ Египетъ и Сирію. Они устраивали Рейнскій Союзъ. Но такъ какъ Англія ни разу не была побѣждена,—ни одинъ изъ мирныхъ договоровъ не далъ желанной прочной гарантіи. Слишкомъ нарушалось европейское равновѣсіе осуществленіемъ чаяній Конвента.

Что же дѣлало невозможнымъ увеличеніе французской территоріи до Рейна? Сторонники мира въ 1794 году вѣрно указывали главную причину.

Національзація войны на сторонѣ противниковъ. Несоразмѣрное увеличеніе французской территоріи представляло настолько существенную угрозу со стороны Франціи другимъ державамъ, что только полный разгромъ могъ заставить ихъ прекратить протесты. Нужно было, чтобы республика наступила пятою на горло побѣжденнымъ, какъ это случилось съ Пруссіей послѣ Іены и Тильзита, съ Австріей—послѣ Ваграма. Только этимъ путемъ можно было вырвать признаніе. А въ такіе моменты національнаго униженія задача охраненія національной независимости всегда какъ-то само собою переходитъ отъ правительства къ народу.

Гошъ.

Революція, въ лицѣ Наполеона, разными способами пробуждала на свою погибель это національное чувство, и результатомъ было то, что противъ народнаго энтузіазма, побѣждавшаго королей, выросъ встрѣчный народный энтузіазмъ въ Испаніи, Австріи, Пруссіи, Россіи, побѣдившій Францію. Повторяемъ, непосредственныя причины, пробуждавшія его, были разныя, но основной, первоначальной была формула естественныхъ границъ и невозможность вынудить Австрію и Англію признать ее.

Но разъ эта цѣль была поставлена, она преслѣдовалась добросовѣстно, при полномъ напряженіи французскаго военнаго и политическаго генія. То, что сначала было плодомъ идеалистическихъ мечтаній энтузіастовъ въ родѣ Грегуара и горячей вѣры Дантона, то, что потомъ стало откровенной цѣлью политиканствующихъ посредственностей, обдѣлывавшихъ подъ ея прикрытіемъ собственныя дѣлишки, мало-по-малу сдѣлалось въ силу естественнаго хода вещей, въ силу логики дѣйствія и противодѣйствія, тоже своего рода національной задачей. Эта задача опредѣлила всю исторія консульства и имперіи. Когда генералъ Бонапартъ въ іюлѣ 1795 г. явился въ Парижъ и послѣ долгихъ мытарствъ устроился въ топографи-

ческой секціи военнаго отдѣла Комитета, онъ выработалъ обширный стратегическій планъ сокрушенія Австріи и Англіи, обусловленный необходимостью упрочивать обладаніе естественными границами; этотъ планъ ему же самому пришлось выполнить впослѣдствіи, и первую часть его, касающуюся Австріи, онъ осуществилъ блистательно. Когда въ 1814 году, затравленный коалиціей императоръ Наполеонъ получилъ предложеніе заключить миръ съ союзниками при границахъ 1792 года, онъ отвергъ его, потому что согласіе на такой миръ было уже невозможно по внутреннимъ политическимъ причинамъ: имперія рухнула бы отъ новой революціи. Десятилѣтіе, заключенное между этими двумя датами, Наполеонъ исчерпалъ все свое военное искусство на рѣшеніе стратегической задачи, вытекавшей изъ той постановки вопроса о внѣшней политикѣ, которую далъ ей Конвентъ.

Клеберъ (Миніатюра Guérin).

Такъ, идея естественныхъ границъ, соблазнительный, блестящій—и трагическій—призракъ Цезаревой Галліи, доминировалъ надъ всей внѣшней политикою революціи. Но здѣсь возникаетъ вопросъ. Поскольку такая именно постановка вопроса о внѣшней политикѣ была дѣломъ самой революціи? Не коренилась ли она въ фактахъ и отношеніяхъ, болѣе общихъ, чѣмъ идеалистическій пылъ жирондистовъ, чѣмъ геніальныя провидѣнія Дантона, чѣмъ эгоистическое тщеславіе Робеспьера или мелкій карьеризмъ термидоріанцевъ? Не было ли, словомъ, въ основѣ ея причины болѣе крупной, болѣе общей, болѣе національной? Несомнѣнно была. Это съ полной очевидностью установилъ Альбертъ Сорель, историкъ, которому мы обязаны вообще рѣшеніемъ всѣхъ главныхъ вопросовъ, касающихся отношеній между Европой и революціонной Франціей. Онъ привелъ въ связь политику революціи съ политикою стараго порядка и доказалъ, что между той и другой есть несомнѣнное преемство задачъ и методовъ. То, что Токвиль, прокладывая пути, сдѣлалъ для внутренней исторіи революціи, а Гардинеръ—для внѣшней политики Кромуэля, Сорель съ блескомъ выполнилъ для исторіи внѣшнихъ отношеній революціи.

Le mort saisit le vif. Погибшій старый режимъ завѣщалъ новому, революціонному, не только свои задачи, но и свои методы [1],—лишнее до-

---

[1] Военные историки утверждаютъ даже, что планы наиболѣе блестящихъ походовъ Бонапарта, въ томъ числѣ итальянскаго, были въ общихъ чертахъ выработаны стратегами стараго порядка, и что Бонапартъ, работая въ топографическомъ отдѣлѣ, имѣлъ подъ рукою всѣ эти планы.

казательство той мысли, что абсолютизмъ Ришелье и Людовика XIV въ XVII в. былъ столь же націоналенъ, какъ революція въ XVIII в. Какъ тамъ національная сущность выступала сквозь династическую внѣшность, такъ тутъ ее не могли затемнить и заглушить всѣ революціонныя бури. И если внѣшняя политика революціи потерпѣла крушеніе, то потому, что изъ нея попытались сдѣлать такіе выводы, которые національными интересами не вызывались, и, наоборотъ, безысходно сталкивались съ могущественными національными интересами другихъ странъ. На этомъ пути революція сокрушила сама себя. Но, совершая его, она надѣлила Европу всѣми тѣми благами государственными и соціальными, которыми она живетъ съ тѣхъ поръ. Эти блага—окончательное пробужденіе политическаго сознанія буржуазіи, освобожденіе крестьянства отъ крѣпостныхъ узъ, сокрушеніе аристократій всякаго рода, укрѣпленіе демократіи, конституція, гражданская свобода.

А. Дживелеговъ.

Благодарная Франція провозглашаетъ Наполеона императоромъ Франціи (картина Вернэ).

II. Революція и Бонапартъ.

А. К. Дживелегова.

Что республика будетъ сокрушена силою оружія, что революція выродится въ военный деспотизмъ,—это задолго до 18 брюмера приходило въ голову вдумчивымъ людямъ, изучавшимъ исторію и читавшимъ Монтескье. Ибо Франція воспроизводила ту схему политическаго развитія, которую въ свое время продѣлалъ Римъ и которая лежала въ основѣ всѣхъ соціологическихъ построеній того времени. Многіе предсказывали брюмерскій переворотъ,—въ томъ числѣ наша Екатерина. Но для современниковъ, даже послѣ того, какъ всѣ предсказанія осуществились, и послѣ того, какъ на плечахъ Бонапарта побывали по очереди консульская тога и императорская мантія,—не было вполнѣ ясно, какъ все это случилось въ дѣйствительности. Современная наука установила процессъ, приведшій къ перевороту.

Двѣ группы причинъ вели къ брюмерскимъ событіямъ: эволюція внутреннихъ отношеній и роль арміи. Внутренняя смута сдѣлала желаннымъ

повелителя. Вліяніе, которое силою вещей пріобрѣла армія, проложило ему дорогу. Что повелителемъ сталъ Бонапартъ, а не Гошъ, не Жуберъ, не Моро,—зависѣло, въ свою очередь, отъ сцѣпленія цѣлаго ряда другихъ фактовъ, болѣе мелкихъ.

Армія не могла не сыграть въ жизни республики той роли, которую она сыграла. Она спасла революцію въ 1793 и 1794 годахъ. И, быть-можетъ, она не потеряла бы связь съ обществомъ, не превратилась бы въ профессіональную касту, если бы Конвентъ не принялъ своего рѣшенія о естественныхъ границахъ, ставшаго роковымъ не только для республики, но и для революціи [1]). Разъ поставивъ себѣ цѣль завоевать естественныя границы: Альпы, Пиренеи и Рейнъ, нужно было эту цѣль преслѣдовать путемъ колоссальнѣйшаго напряженія всѣхъ національныхъ силъ, и что самое важное—путемъ устремленія всѣхъ національныхъ силъ въ военное русло. Армія при этихъ условіяхъ не могла не оторваться отъ общества, изъ котораго вышла, не могла не почувствовать, что у нея есть особая миссія, которая обусловливаетъ ея совершенно исключительную роль въ государствѣ. Куда дѣвались традиціи 1793—1794 годовъ, когда солдаты и офицеры шли на войну ради гражданскаго долга, изъ чистаго патріотизма? Куда дѣвались тѣ времена, когда они мечтали, прогнавъ врага, вернуться на родину простыми гражданами? Теперь армія не была уже вооруженнымъ народомъ. Она представляла своеобразную организацію въ государствѣ, съ особыми интересами, не всегда и не вполнѣ совпадающими съ интересами націи. Легендарная котомка «рейнскихъ спартанцевъ» 1793 г. перестала служить идеаломъ. Солдаты узнали цѣну золота. Награбленное добро коснулось чистыхъ прежде рукъ. Задача человѣка, стремящагося къ диктатурѣ, при этихъ условіяхъ заключалась въ томъ, чтобы заставить армію, ставшую нервомъ національной жизни, служить своему личному честолюбію, своимъ личнымъ интересамъ. Задача была не легкая, ибо и у солдатъ и у подавляющаго большинства офицеровъ господствующимъ настроеніемъ было республиканское. Среди генераловъ было много якобинцевъ. Простого ореола счастливаго полководца было поэтому недостаточно. Поставленная передъ выборомъ: республика или любимый вождь,—армія едва ли рѣшила бы такъ просто въ пользу вождя. Особенно трудно было бы заставить генераловъ признать своимъ господиномъ одного изъ товарищей.

Кандидату въ диктаторы, которой не хотѣлъ повторить Дюмурье и итти на вѣрную неудачу, нужно было принять во вниманіе всѣ эти обстоятельства. Бонапартъ такъ и сдѣлалъ.

Когда итальянскій походъ вознесъ его сразу на такую высоту, гдѣ онъ видѣлъ около себя только одного конкурента, Гоша, когда затѣмъ смерть, словно угождая ему, освободила его и отъ этого послѣдняго соперника, Бонапартъ понялъ, что будущее принадлежитъ ему. Слава Лоди, Кастильоне, Арколе, Риволи, Тальяменто была достаточна для того, чтобы импонировать Франціи и Парижу. Больше того: нѣсколько столкновеній съ Директоріей, когда Бонапартъ рѣзко отказался подчиниться ея категорическимъ приказаніямъ, послужили для него пробными шарами. Они по-

[1]) См. статью „Революція и Европа“.

казали ему, что и со стороны правительства онъ не встрѣтитъ большого сопротивленія, такого, котораго не сумѣлъ бы одолѣть. Ему теперь нужно было только два условія: быть увѣреннымъ въ томъ, что армія будетъ ему повиноваться, и выбрать надлежащій моментъ.

Относительно арміи Бонапартъ разсуждалъ правильно. Онъ зналъ, что, пока онъ будетъ генераломъ и только генераломъ, армія не подчинится ему. Но если онъ сумѣетъ захватить гражданскую власть, т.-е. сдѣлаться высшимъ начальствомъ въ странѣ, армія будетъ ему послушна даже вопреки тому, что онъ будетъ продолжать оставаться генераломъ. Она будетъ повиноваться, какъ повиновалась Комитету Общественнаго Блага и даже презираемой внутри страны Директоріи. А гражданскую власть онъ завоюетъ своей военной славою, блескомъ Лоди и Риволи. И онъ «рѣшилъ сдѣлаться гражданской властью, вознесенной арміей, всемогущимъ черезъ ту же армію, но поставленнымъ выше арміи самой волею народа и національнымъ характеромъ своей власти» (Сорель). Но въ эпоху итальянской кампаніи онъ не считалъ моментъ наступившимъ. Въ Момбелло, гдѣ онъ отдыхалъ между двумя побѣдами и гдѣ держалъ себя совершеннымъ царькомъ, онъ говорилъ одному вѣрному человѣку: «Я хотѣлъ бы разстаться съ Италіей только затѣмъ, чтобы во Франціи играть приблизительно такую же роль, какую я играю здѣсь. Но моментъ еще не насталъ: груша не созрѣла. Къ тому же не все зависитъ отъ одного меня. Въ Парижѣ еще не достигнуто соглашеніе. Одна партія поднимаетъ голову въ пользу Бурбоновъ. Я не хочу содѣйствовать ея торжеству. Мнѣ необходимо когда-нибудь ослабить республиканскую партію, но только для себя самого. Пока же приходится итти объ руку съ республиканцами. Поэтому, чтобы ублаготворить парижскихъ ротозѣевъ (badauds), нуженъ миръ, а разъ онъ нуженъ, то заключу его я. Ибо если миръ принесетъ Франціи кто-нибудь другой, то это одно поставитъ его въ общественномъ мнѣніи гораздо выше, чѣмъ меня всѣ мои побѣды».

Баррасъ (Лит. Удара).

И Бонапартъ принесъ миръ. Но такъ какъ ни Леобенъ ни Кампо-Форміо не подвинули отношеній внутри страны настолько, чтобы «груша» казалась ему созрѣвшей, то онъ ухватился за мысль объ экспедиціи въ Египетъ. Тамъ въ сказочной обстановкѣ Востока каждый новый подвигъ будетъ принимать гигантскіе размѣры, какъ въ фата-морганѣ Сахары, а во Францію будетъ доходить въ богатомъ фантастическомъ уборѣ

сагъ. Тамъ, вдали отъ Европы, онъ попробуетъ нанести рѣшительный ударъ Англіи, чтобы сдѣлать миръ съ Австріей болѣе прочнымъ и естественныя границы болѣе незыблемыми. Тамъ онъ сблизится съ цвѣтомъ французскихъ генераловъ и сумѣетъ образовать нѣчто въ родѣ главнаго штаба на случай переворота. И что самое главное—онъ проведетъ тамъ то время, которое необходимо съ точки зрѣнія роста внутреннихъ отношеній. Когда онъ вернется, «груша» готова будетъ сама упасть ему въ руки. Онъ чувствовалъ въ Парижѣ духъ переворота. Онъ наблюдалъ ожесточенную борьбу партій и видѣлъ, что пока ни у одной изъ нихъ нѣтъ шансовъ на успѣхъ. Онъ разсчитывалъ, что при его возвращеніи вѣсы будутъ болѣе опредѣленно склоняться въ сторону партизановъ переворота. Тогда онъ броситъ на эти колеблющіеся вѣсы свою шпагу, обвитую лаврами новыхъ побѣдъ.

Дѣйствительность не обманула Бонапарта. Республиканская идея, которая въ рукахъ термидоріанцевъ сдѣлалась знаменемъ личныхъ выгодъ и партійнаго карьеризма, уже не вызывала всеобщаго энтузіазма. Преданность ей ослабѣвала, потому что порывались нити, привязывающія ее къ интересамъ разныхъ группъ общества. Чтобы представить себѣ вполнѣ ясно какъ этотъ процессъ, такъ и сопровождающій его процессъ роста контръ-республиканскихъ вожделѣній, подготовлявшихъ переворотъ въ силу внутреннихъ отношеній, нужно оглянуться на послѣдній моментъ въ жизни Конвента.

Послѣ того, какъ термидоріанцы укрѣпились во власти[1]), сокрушивъ якобинцевъ; послѣ того, какъ они почувствовали всѣ выгоды своего положенія, имъ естественно пришла въ голову мысль—сохранить эти выгоды и при новомъ порядкѣ, который должна была ввести конституція III года. Такъ какъ въ Конвентѣ у нихъ было большинство, то они безъ труда провели постановленіе (авг. 1795 г.), что двѣ трети будущихъ законодательныхъ собраній: совѣта пятисотъ и совѣта старѣйшинъ, будетъ избрано среди членовъ Конвента. Когда умѣренная часть парижскихъ избирателей возстала съ оружіемъ противъ этого рѣшенія, уничтожавшаго свободу выборовъ, Конвентъ раздавилъ возстаніе 13 вандемьера (5 окт. 1795 г.)[2]), отдавъ начальство надъ войсками Бонапарту. Послѣ этого Конвентъ спокойно разошелся. Состоялись выборы. Вмѣсто Комитета Общественнаго Блага явилась Директорія, а значительная часть членовъ Конвента снова разсѣлась въ обоихъ совѣтахъ, лишь перемѣнивъ прежній скромный костюмъ на новый, яркій и театральный.

Постановленіе о двухъ третяхъ на два года отдало Францію въ руки термидоріанцевъ. У нихъ было большинство въ собраніяхъ, было большинство и въ Директоріи[3]). Выборы 1797 г. измѣнили все. Термидоріанцы потеряли большинство въ собраніяхъ. Въ Директоріи Летурнера смѣнилъ Бартелеми. Теперь, несмотря на перевѣсъ голосовъ, Карно и Бартелеми, организаторъ побѣды и главный дѣятель Базельскаго мира, безъ труда побивали сво-

---

[1]) См. выше „Революція и Европа“.

[2]) Офиціозной версіей была та, что возстаніе поднято роялистами. Она имѣла основаніе, ибо къ парижскимъ секціямъ дѣйствительно примыкала группа роялистовъ.

[3]) Изъ пяти директоровъ Баррасъ и Рейбель были лидерами термидоріанцевъ, Ларевельеръ-Лепо, жирондистъ, примыкалъ къ нимъ; Карно и Летурнеръ продолжали оставаться по-старому якобинцами и патріотами.

имъ нравственнымъ авторитетомъ проходимцевъ, забравшихъ въ руки власть. Поэтому собранія рѣзко пошли противъ Директоріи. Законъ за закономъ принимался вопреки Директоріи, и «тріумвиры» начали чувствовать, что почва уходитъ у нихъ изъ-подъ ногъ. Тогда, по соглашеніи съ Бонапартомъ, который былъ въ ореолѣ своихъ итальянскихъ побѣдъ, Баррасъ, Рейбель и Ларевельеръ замыслили новый ударъ противъ конституціи. Бонапартъ прислалъ имъ на этотъ предметъ самаго недалекаго и самаго отважнаго изъ своихъ генераловъ, Ожеро, и съ его помощью Баррасъ съ Рейбелемъ устроились наилучшимъ способомъ. Зданіе парламента было занято войсками, члены оппозиціи въ количествѣ пятидесяти трехъ, предсѣдатель пятисотъ, ген. Пишегрю, директоръ Бартелеми были арестованы, судимы и сосланы въ Гвіану. Карно бѣжалъ. Около сотни депутатовъ были просто выброшены изъ состава обѣихъ палатъ. Одновременно были арестованы и приговорены къ ссылкѣ много роялистовъ, чтобы придать всему дѣлу видъ борьбы съ эмигрантскимъ заговоромъ. Директорами сдѣлались завзятые термидоріанцы: Мерленъ изъ Дуэ и Трельяръ. Это случилось 18 фрюктидора (4 сент. 1797 г.), а восемь мѣсяцевъ спустя 22 флореаля (11 мая 1798 года) была произведена новая чистка собраній, уже не съ помощью штыковъ, а съ помощью провѣрки полномочій. Такъ какъ умѣренныхъ уже не было, то на этотъ разъ подъ «разъясненіе» попали лѣвые, якобинцы. Почва укрѣпилась вновь подъ ногами Барраса и его товарищей. Теперь они могли послѣдовательно проводить ту политику, которой они держались у власти: политику войнъ, съ цѣлью довести Францію до ея естественныхъ границъ, до границъ Цезаревой Галліи, т.-е. ту политику, которая подкапывала республику внутри и дѣлала ее непрочной вовнѣ.

Сіэсъ (портр. Бонневиля).

Совершенно ясно, почему лозунгъ «естественныя границы» подкапывалъ республику. Директорія, занятая войнами, не могла заняться ни умиротвореніемъ страны ни работою надъ подъемомъ ея производительныхъ силъ. Начиная съ самаго вступленія во власть Директоріи, безпорядки и анархія въ странѣ все растутъ и растутъ. Еще не угомонились окончательно якобинцы въ провинціи, съ упоеніемъ вспоминающіе золотыя времена Кутона и Карье. Съ каждымъ днемъ увеличиваются организованные разбои, чинимые роялистами. Они держатъ въ осадѣ большія дороги, гнѣздятся въ неприступныхъ скалахъ, презираютъ опереточную жандармерію республики и планомѣрно, послѣдовательно несутъ дезорганизацію во всѣ области жизни. Роялисты отлично понимаютъ, что правительство

не въ силахъ дать обществу защиту, и предвидятъ, что это безсиліе правительства будетъ отнесено обывателемъ на счетъ республики, какъ таковой. Культура разрушена. Школъ нѣтъ. Въ религіозной области продолжаетъ господствовать худшій видъ фанатизма: фанатизмъ людей, презирающихъ религію. Преслѣдованія продолжаютъ сыпаться на священниковъ. Хозяйство въ полномъ разстройствѣ. Настоящая производительная дѣятельность едва-едва держится. Низы нищаютъ, хотя хорошо уже то, что ихъ положеніе не становится хуже. Богатство льется только въ руки паразитовъ: поставщиковъ арміи, подрядчиковъ, крупныхъ рантье. Оттого въ верхнихъ слояхъ буржуазіи свирѣпствуетъ такая звѣрская, ни на что не похожая, безсмысленная роскошь. Оттого тамъ царитъ такая дикая, безудержная, не признающая никакихъ предѣловъ распущенность. Даже полиція, которая, какъ извѣстно, ни передъ чѣмъ не теряется, пришла въ большое смущеніе отъ того, что ей приходится наблюдать, и въ полномъ недоумѣніи, что ей дѣлать [1]). Общество утратило представленіе о моральныхъ идеалахъ и живетъ ощущеніями, какъ послѣдніе дикари дикой Патагоніи.

18 брюмера (9 ноября 1799 г.). Рис. Bonchot.

Все - таки, пока Гошъ и Бонапартъ били непріятеля, это презираемое всѣми правительство держалось очень крѣпко. Но Гошъ умеръ, Бонапартъ, оставивъ въ Раштатѣ уполномоченныхъ, пріѣхалъ не надолго въ Парижъ и потомъ повезъ въ Египетъ цвѣтъ французскихъ войскъ навстрѣчу славѣ и бѣдствіямъ. Изъ рукъ республики выпали сразу двѣ ея лучшихъ шпаги. Враги ея снова набрались храбрости. Въ Раштатѣ австрійскіе гусары убили французскихъ уполномоченныхъ. Австрія выслала въ

[1]) Въ ея донесеніяхъ нетрудно видѣть эту растерянность. „Испорченность нравовъ дошла до послѣднихъ границъ,—читаемъ мы въ одномъ изъ этихъ донесеній,—и безпорядочная жизнь новаго поколѣнія грозитъ неисчислимыми бѣдствіями поколѣнію будущему. Содомскій грѣхъ и лесбійская любовь стали такъ же наглы, какъ и проституція, и дѣлаютъ прискорбные успѣхи“.

На Аркольскомъ мосту 1796 г. (Скульптура).

поле новыя войска. На югѣ и на сѣверѣ появились англичане, а изъ русскихъ снѣговъ выросла армія чудо-богатырей Суворова, окруженная въ глазахъ французовъ какой-то зловѣщей легендарной славой. Началась полоса пораженій, а съ ней пришелъ финансовый крахъ. Директорія въ довершеніе всего очутилась въ когтяхъ у поставщиковъ и капиталистовъ и явно вела страну къ полному банкротству. Тогда въ самой средѣ фрюктидорскаго большинства возникла оппозиція, поставившая себѣ цѣлью оздоровить правительство и вырвать власть изъ рукъ завладѣвшей ею шайки проходимцевъ. Эта оппозиція называла себя ново-умѣренной партіей и уже не боялась, что это имя можетъ вызвать опасные вандемьерскіе призраки. Она знала, что законнымъ путемъ нельзя быстро измѣнить конституцію и прогнать Директорію, но она и не думала серьезно о законныхъ путяхъ. Вандемьеръ, фрюктидоръ и преріаль успѣли научить французовъ той истинѣ, что самое вѣрное средство реформъ—не законъ, а хорошая генеральская шпага. Все дѣло заключалось въ томъ, чтобы эту шпагу найти. И партія принялась за поиски. Во главѣ ея сталъ Сіэсъ, который послѣ комитета III года успѣлъ уже побывать въ берлинскомъ посольствѣ и теперь вновь возвращался къ активной дѣятельности. Эгоистической интригѣ Барраса онъ противопоставилъ интригу, опирающуюся на принципы, и такъ какъ Директорія была уже совершенно дискредитирована, то побѣда далась бывшему аббату безъ большого труда. Первымъ его шагомъ было вступленіе въ Директорію. Когда изъ нея по жребію вышелъ Рейбель, болье другихъ ненавистный обществу за свою жадность, Баррасъ попробовалъ было провести на его мѣсто своего человѣчка. Но новое большинство выбрало Сіэса (17 мая 1799). Баррасъ сейчасъ же понялъ, что новый директоръ будетъ взрывать Директорію изнутри и что ему грозитъ катастрофа, если онъ не приметъ мѣръ. Ничтоже сумняшеся, онъ пе-

решелъ на сторону Сіэса и предалъ своихъ товарищей. Тогда дѣло пошло совсѣмъ гладко. Выборы Трельяра заднимъ числомъ были кассированы, а Ларевельеръ и Мерленъ, видя, что на нихъ однихъ валятъ всѣ грѣхи Директоріи, вынуждены были подать въ отставку. На мѣсто ушедшихъ вошли люди, не скомпрометированные, но ничтожные: Рожеръ Дюко, Гойе и ген. Муленъ. Теперь скипетръ Директоріи былъ въ рукахъ Сіэса.

Однако борьба партій вслѣдствіе этого бутафорскаго coup d'Etat не сдѣлалась спокойнѣе. Якобинцы въ послѣдній разъ попробовали захватить власть въ свои руки. Они явочнымъ порядкомъ заняли Манежъ и оттуда пытались протянуть на Парижъ нити своего вліянія. Роялисты осмѣлѣли и устроили свой штабъ въ самомъ Пале-Роялѣ, гдѣ еще витали славныя тѣни Демулена и его друзей. На правительство и на его большинство опять шелъ натискъ съ двухъ сторонъ, а такъ какъ оно попрежнему не умѣло ни организовать побѣду ни успокоить страну, то общество не оказывало Директоріи никакой поддержки. Тогда Сіэсъ окончательно рѣшилъ пустить въ ходъ генеральскую шпагу. Генераловъ было много, но выборъ былъ не легокъ. Нужно было, чтобы генералъ не былъ якобинцемъ. Поэтому не годились ни Журданъ ни Бернадотъ. Нужно было, чтобы въ немъ сидѣлъ духъ интриги. Поэтому мало подходилъ Моро. Послѣ долгихъ колебаній Сіэсъ остановился на молодомъ Жуберѣ, который уже давно подавалъ блестящія надежды и который еще недавно выдвинулся въ Италіи. Но Жуберъ былъ неудобенъ тѣмъ, что за нимъ числилось мало подвиговъ. Тогда, чтобы открыть ему арену для подвиговъ, Сіэсъ рѣшилъ поставить его во главѣ итальянской арміи и послать на Суворова, въ помощь изнемогавшему Макдональду. Въ случаѣ побѣды Жуберъ долженъ былъ вернуться въ Парижъ, разогнать оба совѣта и Директорію и помочь провести новую конституцію, проектъ которой у Сіэса былъ заготовленъ давно.

Битва при Риволи (1797 г.).

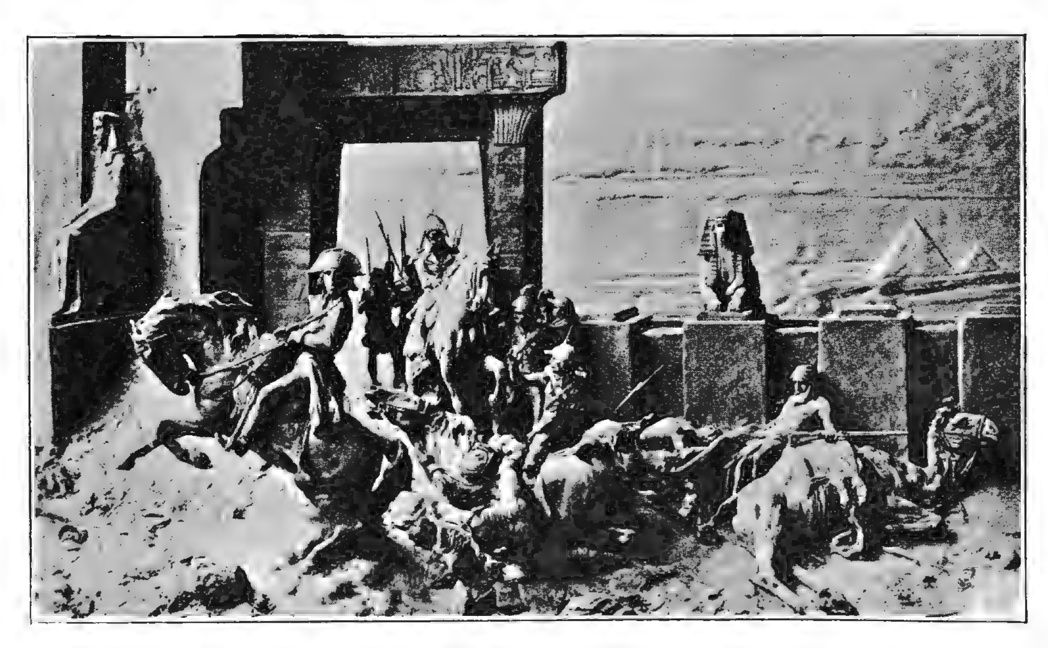

Битва при Риволи (карт. Филиппоте).

Осторожно спрошенный насчетъ всей этой комбинаціи, Жуберъ не отказался. Дѣло было слажено. Но пока Жуберъ собирался, формировалъ армію, справлялъ свою свадьбу, выступалъ въ походъ,—въ странѣ разбушевалась настоящая революція. Она вспыхнула сразу съ четырехъ концовъ: на западѣ, на югѣ, на юго-западѣ, въ центрѣ. Первое время размѣры ея были невелики, но все говорило, что въ близкомъ будущемъ она разыграется въ нѣчто очень серьезное. Фуше, вновь появившійся на сценѣ и поставленный во главѣ полиціи, напрягалъ всѣ силы, но провинція была строптива и упорна. Съ Парижемъ только, да и то съ трудомъ, справлялся Фуше. Все зависѣло отъ того, какъ пойдутъ дѣла у Жубера. Сіэсъ съ тревогой переносился мыслью за Альпы, гдѣ его избранникъ долженъ былъ встрѣтиться со страшнымъ Суворовымъ. И вотъ пришла вѣсть, что 15 августа 1799 г. Жуберъ разбитъ на голову у Нови и палъ на полѣ сраженія. У республики не оставалось больше войска въ Италіи, и путь черезъ Савойю былъ открытъ для непріятеля. Да и въ Швейцаріи армія Массены представляла, какъ думали, лишь слабый за-

слонъ противъ вторженія черезъ Франшъ-Конте. Положеніе Директоріи стало невыносимымъ. Роялисты напрягали всѣ усилія. Еще немного, и крики «да здравствуетъ король!», которые раздавались понемногу отовсюду, понеслись бы по всей Франціи изъ конца въ конецъ. Узелъ осложненій затянулся до такой степени, что только мечомъ диктатора можно было надѣяться разрубить его. Сіэсъ это понималъ. Но положеніе было таково, что даже онъ терялъ голову. Господа момента ищутъ повелителя. Къ Бонапарту, отрѣзанному отъ Франціи морями и пустынями, посылаютъ вѣстника, вѣстника отчаянія. Въ Парижѣ стараются отдѣлаться отъ вождей якобинства и выталкиваютъ въ отставку Бернадота, бывшаго военнымъ министромъ. Но зато съ еще большей силою напираютъ роялисты, и Сіэсъ одинъ моментъ какъ будто склоняется въ пользу кандидатуры герцога Орлеанскаго.

Казалось, богиня счастья навсегда отвернула свое лицо отъ Франціи, когда въ сентябрѣ начали приходить одно за другимъ, какъ во времена Гоша, какъ во времена итальянскихъ подвиговъ Бонапарта, извѣстія о побѣдахъ. Брюнъ разбилъ англо-русскую армію въ Голландіи, подъ Бергеномъ, Массена разгромилъ русскую армію Корсакова подъ Цюрихомъ. Суворовъ, покинутый и обманутый австрійцами, затравленный въ альпійскихъ ущельяхъ Лекурбомъ, Массеной и Молиторомъ, дѣлалъ геройскія попытки, чтобы пробиться къ Хуру, и во всякомъ случаѣ уже не представлялъ опасности. Изъ Египта пришелъ запоздалый бюллетень Бонапарта о побѣдѣ надъ турками подъ Абукиромъ. Потомъ Брюнъ прислалъ вѣсть о новой, рѣшительной побѣдѣ при Гастрикумѣ, потомъ Ней сообщалъ о томъ, что на Рейнѣ онъ оттѣснилъ австрійцевъ. Все перемѣнилось сразу. Якобинцы присмирѣли. Роялисты пришли въ уныніе. Никто не кричалъ больше «да здравствуетъ король!» Всѣ снова вѣрили въ

Битва при пирамидахъ (1798 г.) (барельефъ Mertraieuni).

Битва при пирамидахъ. (Лубокъ).

республику. Сіэсъ рѣшилъ, что пора дѣйствовать. Когда Моро пріѣхалъ изъ Италіи за новыми инструкціями, Сіэсъ немедленно вызвалъ его къ себѣ, чтобы уговорить стать во главѣ переворота. Но пока онъ ждалъ Моро, ему принесли депешу о томъ, что Бонапартъ высадился во Фрежюсѣ. И самъ Моро, когда пришелъ и узналъ о томъ, что Бонапартъ во Франціи, сказалъ Сіэсу: «Вотъ тотъ; кто вамъ нуженъ. Онъ устроитъ вамъ переворотъ получше, чѣмъ я». Сіэсу не нужно было, чтобы ему подсказывали такую простую мысль. Онъ сейчасъ же оставилъ Моро въ покоѣ. Теперь переворотъ былъ у него въ рукахъ: нужная ему шпага уже сверкала въ рукахъ героя, популярность котораго съ каждымъ днемъ казалась все болѣе и болѣе сокрушительной.

Въ обществѣ сразу поднялось упавшее революціонное настроеніе. Побѣды отовсюду и пріѣздъ Бонапарта воскресили вѣру въ старые революціонные лозунги, въ революцію. Всѣ какъ будто успокоились и съ упованіемъ стали ждать, что предприметъ Бонапартъ. Повидимому, диктатура не входила сколько-нибудь существеннымъ элементомъ въ эти упованія. Общество совсѣмъ не было одушевлено идеей цезаризма. Оно хотѣло только одного—мира. Оно боялось только одного—вражьяго нашествія. Оно теперь твердо вѣрило, что разъ Бонапартъ во Франціи, врагамъ не видѣть французской границы. Вспышки роялизма не имѣли корней ни въ одной изъ двухъ крупныхъ группъ третьяго сословія, ни въ буржуазіи, ни въ крестьянствѣ, потому что первая боялась реставраціи режима политической и административной безотвѣтственности, а второе — реставраціи феодальной

и отобранія купленныхъ изъ фонда національныхъ имуществъ участковъ. Сіэсъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы серьезно замышлять возстановленіе королевства. Но онъ зналъ, что идею диктатуры можно провести въ сознаніе общества путемъ простой логической операціи. Диктатура—это прежде всего власть счастливаго полководца, побѣдоноснаго — и только побѣдоноснаго — генерала. Общество хочетъ мира. Счастливый полководецъ приведетъ его къ миру черезъ тріумфальныя ворота побѣды. Общество будетъ пользоваться миромъ, и не просто миромъ, а такимъ, при которомъ за нимъ будутъ закрѣплены всѣ политическія и соціальныя пріобрѣтенія революціи. Выборъ, казалось, былъ не очень труденъ. Старый режимъ конституціи III года съ растеряннымъ и презираемымъ правительствомъ, не умѣвшимъ никогда обезпечить спокойную жизнь и увѣренную

Переходъ черезъ С.-Бернаръ (1800 г.).

въ завтрашнемъ днѣ хозяйственную дѣятельность, безсильнымъ дать, наконецъ, долго желанный миръ — или новый режимъ съ диктаторомъ во главѣ, который, получивъ возможность властно распоряжаться всѣми рессурсами государства, желѣзной рукою сокрушитъ враговъ и прольетъ на страну всѣ блага, связанныя съ миромъ.

Таковы были дѣйствительныя и возможныя настроенія, на которыя спекулировалъ Сіэсъ и на которыхъ сталъ строить свои расчеты Бонапартъ. Успѣхъ плана зависѣлъ отъ того, сумѣютъ ли столковаться между собою фактическій глава Директоріи и генералъ. Вся вторая половина октября ушла на совѣщанія, въ которыхъ очень помогали обоимъ Талейранъ и Редереръ. И когда они столковались, явилась другая задача: устроить такъ, чтобы у переворота не было сильныхъ противниковъ. Несмотря на всѣ благопріятныя обстоятельства, задача была вовсе не такъ проста. Нужно было прежде всего обезпечить себя въ Директоріи. Рожеръ Дюко

примкнулъ къ перевороту съ самаго начала. Отъ Гойе и Мулена, извѣстныхъ своимъ прямолинейнымъ республиканизмомъ, рѣшено просто отдѣлаться. Но Баррасъ представлялъ собою орѣшекъ, довольно крѣпкій,— съ нимъ нельзя было ничего дѣлать просто. Нужна была интрига и притомъ искусная. И Барраса начали морочить посулами, ничего толкомъ не обѣщая, но давая понять, что онъ получитъ много, если будетъ держать себя, какъ слѣдуетъ. И старая лисица попалась на эту удочку. Затѣмъ нужно было обработывать министровъ. Камбасересъ, какъ самый вліятельный, Фуше, какъ самый нужный, были завоеваны прежде всего и безъ большого труда. Первый потянулъ за собою Робера Ленде. Но самымъ существеннымъ вопросомъ былъ вопросъ о генералахъ. Тѣ, которые пріѣхали съ Бонапартомъ изъ Египта, были преданы ему душою и тѣломъ: Бертье, Мюратъ, Ланнъ, Мормонъ, Андреосси; къ нимъ присоединились родственники: юный Евгеній Богарне, сынъ Жозефины, и Леклеркъ, мужъ Полины. Изъ старыхъ друзей Бонапартъ нашелъ въ Парижѣ Серрюрье, Себастьяни и Макдональда. Но всѣ они не стоили одного Моро. Если бы Моро бросилъ свой авторитетъ въ сторону противниковъ переворота, дѣло должно было очень осложниться. И Бонапартъ, который раньше не встрѣчался съ Моро, не пожалѣлъ ни усилій, ни лести, ни ласкъ, чтобы привлечь его къ себѣ. Когда ухаживанія оказались удачны, онъ успокоился. Прямыхъ якобинцевъ: Журдана, Бернадота, Ожеро, не пытались притягивать съ самаго начала. Надѣялись, и, какъ оказалось, не безъ оснований, что мѣшать они не будутъ и присоединятся потомъ сами. Оставалось, чтобы обезпечить финансовую сторону переворота, заручиться содѣйствіемъ нѣкоторыхъ банкировъ, что уже было сущей бездѣлицей. Финансовые тузы только и мечтали о такомъ режимѣ, который сдѣлаетъ невозможнымъ и

Битва при Маренго (1800 г.).

соціальную революцію со стороны голодныхъ якобинцевъ и реставрацію—со стороны ограбленныхъ роялистовъ.

Такъ настало 18 брюмера. Бонапарту понадобился мѣсяцъ, чтобы произвести coup d'Etat, ибо онъ высадился 17 вандемьера. То, что было сдѣлано 18 и 19 брюмера (9 и 10 ноября 1799 г.), было самымъ важнымъ этапомъ на пути его къ господству. Нужно было, впрочемъ, чтобы оглушительнымъ военнымъ подвигомъ онъ доказалъ, что не тщетны возлагаемыя на него патріотическія надежды: Маренго будетъ такимъ подвигомъ. Головокружительный переходъ черезъ Сенъ-Бернаръ и разгромъ австрійцевъ на аренѣ недавнихъ побѣдъ Суворова укрѣпятъ плоды брюмерскаго дерзанія. Все остальное не потребуетъ уже серьезныхъ усилій. Конституція VIII года, пожизненное консульство, самое провозглашеніе имперіи—все это уже логически вытекало изъ завоеванія 18 брюмера. Выбросить за бортъ Сіэса, какъ выжатый лимонъ, сдѣлать боевыхъ товарищей и друзей подчиненными, прельстить обѣщаніями страну Бонапарту ничего не стоило. Ибо скипетръ его господства былъ таковъ, что имъ удовлетворялись или обѣщали удовлетвориться всѣ интересы. «Бонапартъ,—говоритъ Сорель, выясняя его положеніе въ 1797 году,—завоюетъ крестьянъ и буржуазію, давъ имъ обезпеченіе труда, гарантію порядка, ненарушимое пользованіе національными имуществами, давъ имъ гражданскій кодексъ, бдительную администрацію, равный для всѣхъ судъ. Онъ будетъ держать въ рукахъ прежнихъ якобинцевъ призракомъ контръ-революціи, онъ привлечетъ ихъ къ себѣ, пріобщивъ къ тому, что они любятъ больше всего, къ власти. Онъ примиритъ съ собою прежнихъ дворянъ, давъ имъ счастье, котораго они давно не знаютъ — счастье жить въ своемъ домѣ, найти свою семью, возстановить свое благосостояніе. Армію онъ возьметъ перспективою громкой славы, богатствъ, побѣднаго хмеля, наслажденій мира; всѣхъ вообще — иллюзіей торжествующаго мира и Франціи, благоденствующей въ границахъ цезаревой Галліи».

Наполеонъ на С.-Бернарѣ (Делароша).

Въ 1799 году Франція и французы были увѣрены въ томъ, что Бонапартъ сумѣетъ обезпечить всѣ эти блага, и признали его своимъ повелителемъ. Когда оказалось, что онъ не сумѣлъ, рушился тронъ императора Наполеона, погребая подъ своими обломками самыя славныя иллюзіи французскаго народа.

А. Дживелеговъ.

Ларошжакленъ (одинъ изъ вождей Вандеи).
(Illus. français. 1832 г.).

III. Соціально-экономическій строй Франціи при Наполеонѣ I.

В. П. Волгина.

Возникновеніе на развалинахъ старой монархіи Бурбоновъ новой деспотіи Наполеона не можетъ быть правильно понято безъ изученія тѣхъ измѣненій, которыя произвела революція въ экономическомъ и соціальномъ строѣ Франціи. Только это изученіе можетъ объяснить намъ, почему французское общество, столь свободолюбивое и миролюбивое, повидимому, въ 1789 г., черезъ 10 лѣтъ безпрекословно подчиняется выскочкѣ — генералу и мирится съ его непрерывными военными предпріятіями. Мало того: какъ ни далеко отстоитъ, на первый взглядъ, военная дѣятельность Наполеона, въ частности его войны съ Россіей, отъ мирной сферы промышленнаго и сельско-хозяйственнаго труда, въ числѣ мотивовъ его внѣшнихъ предпріятій мотивы экономическаго свойства занимаютъ отнюдь не послѣднее мѣсто. Вполнѣ ясна связь военныхъ и таможенныхъ мѣръ, направленныхъ противъ Англіи, съ насущными интересами французской буржуазіи, мечтавшей о вытѣсненіи съ континентальнаго рынка своего единственнаго въ то время опаснаго конкурента; не менѣе очевидна связь войны 12 года съ тѣмъ недовольствомъ, которое было вызвано во Франціи недостаточно

строгимъ примѣненіемъ въ Россіи континентальной системы и русскими таможенными тарифами. Словомъ, всѣ крупные факты военной и политической исторіи наполеоновскаго времени соединены болѣе или менѣе замѣтными нитями съ фактами исторіи экономической. Для всесторонняго пониманія эпохи 12 года знакомство съ послѣдними необходимо.

Крупнѣйшимъ явленіемъ эпохи французской революціи въ области соціально-экономической, несомнѣнно, приходится признать то грандіозное перераспредѣленіе земельной собственности, которое явилось результатомъ продажи такъ называемыхъ національныхъ имуществъ, т.-е. земель духовенства и эмигрировавшаго дворянства. Это перераспредѣленіе не слѣдуетъ, впрочемъ, считать чѣмъ-то неожиданнымъ и экономически не мотивированнымъ. Наоборотъ, оно было лишь послѣднимъ звеномъ въ длинной цѣпи экономическихъ явленій, общій смыслъ которыхъ можетъ быть охарактеризованъ, какъ ликвидація привилегированнаго землевладѣнія.

Исходный пунктъ этого процесса трудно отмѣтить точно. Вѣроятно, съ тѣми или иными колебаніями и остановками онъ происходилъ уже нѣсколько столѣтій. Какъ бы то ни было, ко времени французской революціи на ряду съ землевладѣніемъ дворянскимъ, значительно за XVIII вѣкъ сократившимся, и землями церкви, недоступными для лицъ другихъ сословій въ виду ихъ неотчуждаемости, мы видимъ уже массу свободныхъ земельныхъ владѣній, принадлежащихъ непривилегированнымъ. Точныхъ данныхъ по этому вопросу не существуетъ, но есть полное основаніе предполагать, что къ началу революціи въ рукахъ привилегированныхъ сословій оставалось лишь отъ $^1/_3$ до $^1/_2$ территоріи Франціи. Разумѣется, и это не малая доля, не малая экономическая сила; но, съ другой стороны, сосредоточеніе $^1/_2$ или даже большинства земель въ рукахъ третьяго сословія свидѣтельствуетъ о томъ, что эта сила все больше таяла въ процессѣ разложенія феодальныхъ формъ жизни. Что становилось на ея мѣсто? Иными словами, къ кому переходила земля? Въ большинствѣ случаевъ, вѣроятно, къ крестьянству, въ меньшинствѣ—къ горожанамъ. Тяга къ землѣ была сильна какъ у крестьянъ, такъ и у крупныхъ капиталистовъ. Первые всегда видѣли въ землѣ источникъ своего существованія и всегда стремились къ тому, чтобы закрѣпить ее за собой по возможности прочнѣе, а сельско-хозяйственный подъемъ второй половины XVIII в. далъ многимъ изъ нихъ возможность осуществить это исконное желаніе. Вторые, въ поискахъ за выгоднымъ помѣщеніемъ капитала, должны были неизбѣжно обращаться къ землѣ всякій разъ, какъ повышалась доходность сельско-хозяйственнаго производства или предвидѣлась возможность ее повысить. Предложеніе земли со стороны бѣднѣющаго, безсильнаго въ хозяйственномъ отношеніи, но въ то же время привыкшаго роскошно жить и бездѣльничать, дворянства было велико, но очевидно, спросъ очень превышалъ предложеніе. Это доказывается тѣмъ успѣхомъ, какой имѣла продажа національныхъ имуществъ. Не ясно ли, что операція не могла бы итти такъ блестяще, если бы пріобрѣтеніе земли третьимъ сословіемъ не было искусственно задерживаемо общими условіями стараго порядка.

Непосредственнымъ мотивомъ къ продажѣ была нужда правительства, т.-е. побѣдившей революціи, въ деньгахъ. Но этотъ актъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ неизбѣженъ. Побѣда третьяго сословія была бы не полна и

не прочна, если бы ее не закрѣпило перемѣщенiе собственности изъ рукъ привилегированныхъ въ руки буржуазiи и крестьянства, а существованiе собственности мертвой руки (какъ назывались неотчуждаемыя имущества духовенства и другихъ корпорацiй) стояло въ слишкомъ рѣзкомъ противорѣчiи какъ со всей церковной политикой революцiи, такъ и съ основными принципами буржуазнаго общественнаго строя. А вѣдь провозглашенiе этихъ принциповъ и проведенiе ихъ въ жизнь было главнымъ мотивомъ наиболѣе сознательной и дѣеспособной части французскаго общества, возставшаго противъ стараго порядка. Къ этому необходимо еще добавить, что покупка нацiональныхъ имуществъ въ извѣстной мѣрѣ давала выходъ крестьянской тягѣ къ землѣ, умиротворяла крестьянина и связывала съ буржуазiей этого ея не совсѣмъ спокойнаго и удобнаго союзника.

Такимъ образомъ, утвержденiе старыхъ писателей, будто бы революцiя **создала** во Францiи мелкую крестьянскую собственность, должно быть признано неточнымъ. Во-первыхъ, эта собственность существовала и до революцiи. Во-вторыхъ, и въ эпоху революцiи, какъ и до нея, значительная часть земель, уходящихъ изъ рукъ привилегированныхъ сословiй, переходила не въ руки крестьянства, а въ руки новыхъ крупныхъ же владѣльцевъ, главнымъ образомъ, изъ буржуазной среды. Но революцiя безусловно очень **упрочила** мелкую земельную собственность, увеличила число мелкихъ собственниковъ и раздробила массу старинныхъ крупныхъ владѣнiй. И она сдѣлала это не только продажей нацiональныхъ имуществъ, но и отмѣной феодальныхъ правъ и повинностей, которая превратила крестьянина изъ зависимаго держателя земли въ ея собственника, которая дала ему впервые возможность распоряжаться своимъ участкомъ свободно, въ зависимости отъ собственныхъ экономическихъ соображенiй.

Какъ перемѣщенiе земли изъ рукъ старыхъ владѣльческихъ классовъ въ руки крестьянъ и буржуазiи, такъ и освобожденiе земли отъ феодаль-

Нападенiе на Тюйльери (20 iюля 1792 г.).

ныхъ узъ не могли не отразиться на способѣ сельско-хозяйственнаго производства. Извѣстно, въ какой ужасъ приводило англійскаго путешественника второй половины XVIII вѣка — Юнга сельское хозяйство Франціи, насколько варварскимъ казалось оно ему по сравненію съ англійскими порядками. Правда, мы знаемъ теперь, что и въ этомъ отношеніи нѣкоторый прогрессъ былъ замѣтенъ и до революціи. Мы знаемъ о существованіи сельско-хозяйственныхъ обществъ, о горячемъ интересѣ къ техническимъ вопросамъ сельскаго хозяйства, о культурныхъ новшествахъ, вводимыхъ на земляхъ какъ буржуазіи, такъ и дворянъ, знаемъ, что они отражались косвеннымъ образомъ и на крестьянскихъ хозяйствахъ. Но все это движеніе въ пользу сельско-хозяйственнаго прогресса захватывало лишь незначительный слой сельскихъ хозяевъ, при условіяхъ стараго порядка оно неизбѣжно должно было оставаться поверхностнымъ. Конечно, революція и эпоха Наполеона создали новыя препятствія этому прогрессу: чтобы не входить въ детали, достаточно указать на фактъ, наиболѣе бросающійся въ глаза — почти непрерывныя войны 1792—1814 гг. и вызываемый ими отливъ въ армію наиболѣе энергичныхъ элементовъ сельскаго населенія. Тѣмъ не менѣе, успѣхи сельско-хозяйственной культуры во Франціи за этотъ періодъ очень значительны. Правда, мы имѣемъ по этому вопросу почти исключительно офиціальныя данныя, но въ виду отсутствія указаній противоположнаго характера и въ виду ихъ общей правдоподобности приходится признать ихъ заслуживающими довѣрія.

Вотъ, напримѣръ, заявленіе министра внутреннихъ дѣлъ графа Монталивэ (1810 г.). «Никто не сможетъ отрицать прогресса агрикультуры во Франціи за послѣднія 30 лѣтъ; довольство распространилось въ деревняхъ болѣе широко, чѣмъ въ прежніе годы; деревенскій житель почти повсюду превратился въ собственника; ему трудно было раньше добывать себѣ хлѣбъ насущный, теперь онъ знаетъ роскошь; травосѣяніе, меліораціи, увеличеніе удобренія, измѣненіе сѣвооборота, культура многихъ масличныхъ растеній, распространеніе мериносовъ — все это вмѣстѣ обогатило Францію». Нѣсколько позже Шапталь почти буквально его повторяетъ: «Культура травосѣянія сдѣлала громадные успѣхи и обогатила сельское хозяйство; травосѣяніе доставляетъ обильный кормъ скоту, позволяя увеличивать стада и тѣмъ самымъ усиливать унаваживаніе... Громадное количество перемѣщеній собственности и созданіе бо́льшаго числа собственниковъ содѣйствовали прогрессу сельскаго хозяйства: новый собственникъ съ жаромъ занимается обработкой земли. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ владѣнія огромныхъ размѣровъ едва могли прокормить одну семью, событія заставили произвести раздѣлъ, вся земля пошла въ обработку, и доходы удесятерились».

Оба автора, какъ мы видимъ, вполнѣ согласны и въ своей характеристикѣ сельско-хозяйственнаго прогресса и въ томъ объясненіи, которое они этому прогрессу даютъ: оба видятъ его причину въ перемѣщеніи собственности — въ ея дробленіи. Получается даже такое впечатлѣніе, какъ будто они приписываютъ всю заслугу въ дѣлѣ культурныхъ новшествъ исключительно мелкой собственности, т.-е. крестьянину. Но это, конечно, не вѣрно. Новые буржуазные владѣльцы земли не отставали въ этомъ отношеніи отъ крестьянъ, а иногда даже служили имъ образцомъ. Такъ

Ночь 4 августа. (Рис. Monnet).

было, вѣроятно, при переходѣ къ болѣе интенсивному сѣвообороту. Напримѣръ, въ Дордони, странѣ мелкой культуры, господствуетъ еще двухполье. И первымъ переходитъ къ плодосмѣнной системѣ крупный владѣлецъ, нѣкто Jumilhac: «Вмѣсто обычнаго сѣвооборота, который состоитъ въ томъ, что рожь слѣдуетъ за паромъ и паръ—за рожью, онъ вводитъ новый, основанный на принципахъ здравой теоріи, подтвержденной на практикѣ: паръ совершенно изгоняется. Сѣвооборотъ Jumilhac'а состоитъ изъ десяти полей, которыя слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: 1) рожь, 2) рѣпа, 3) овесъ съ клеверомъ, 4) 5) 6) клеверъ, 7) одинъ изъ хлѣбныхъ злаковъ, 8) картофель, 9) пшеница или рожь, 10) овощи. Такимъ образомъ, хлѣбные злаки культивируются ежегодно на $^4/_{10}$ земли; но прочія $^6/_{10}$, пять изъ которыхъ были до сихъ поръ непроизводительны, даютъ корнеплоды, овощи и клеверъ. Среди преимуществъ этого сѣвооборота должно отмѣтить, что поля, которыя всегда производили только рожь, приносятъ теперь Jumilhac'у прекрасные сборы пшеницы».

Травосѣяніе, интенсивный сѣвооборотъ, улучшеніе породы и увеличеніе количества скота, лучшее удобреніе—таковы признаки сельско-хозяйственнаго прогресса, указанные въ приведенныхъ нами цитатахъ. Для полноты картины мы должны еще обратить вниманіе на судьбу культуръ нѣкоторыхъ растеній, пользовавшихся особымъ покровительствомъ имперіи. Эти привилегированныя растенія—свекла, шелковица, хлопчатникъ. Причина ихъ особаго положенія заключается въ стремленіи правительства,

войной съ Англіей изолировавшаго Францію, отрѣзавшаго ее отъ подвоза сырыхъ матеріаловъ изъ внѣ-европейскихъ странъ, создать эти необходимые для страны матеріалы въ предѣлахъ ея территоріи.

Свекла до эпохи Наполеона не пользовалась совершенно своей теперешней извѣстностью. Общераспространеннымъ сахаромъ былъ сахаръ изъ сахарнаго тростника. Но прекращеніе его подвоза заставило умы усиленно работать надъ разрѣшеніемъ проблемы добыванія сахара изъ другихъ растеній. Понятно, съ какимъ интересомъ было встрѣчено изобрѣтеніе сахароваренія изъ свеклы; понятно также, что новая отрасль промышленности попала сразу въ фаворъ къ правительству. Такъ какъ свекла—растеніе не особенно прихотливое, а спросъ на сахаръ далеко превышалъ предложеніе, то и свеклосахарное производство и культура свеклы распространились во Франціи очень быстро.

Далеко нельзя сказать того же о культурѣ хлопчатника. Несмотря на правительственныя преміи, на организацію въ южной Франціи двухъ спеціальныхъ школъ, дѣло не пошло, такъ какъ климатъ оказался недостаточно жаркимъ и постояннымъ. Зато шелководство преуспѣвало: въ 1812 г. въ двѣнадцати департаментахъ было собрано количество коконовъ, изъ котораго можно получить 5½ милліоновъ килограммовъ шелка на сумму 15½ милл. франковъ. Эти цифры показываютъ, что культура шелковицы вышла уже изъ стадіи эксперимента и превратилась въ доходную отрасль хозяйства.

Итакъ, новые хозяева земли по всѣмъ видимостямъ преуспѣвали. Съ другой стороны, старые владѣльцы еще отнюдь не забыли о своихъ священныхъ правахъ, отнюдь не были склонны отъ нихъ отказаться. Ихъ объединяющими центрами были эмигрантскіе кружки за границей, главнымъ ихъ средствомъ дѣйствія—иноземное вмѣшательство во французскія дѣла. Это своеобразное положеніе должно считать однимъ изъ немаловажныхъ основаній наполеоновскаго деспотизма. Какъ мелкіе, такъ и крупные пріобрѣтатели національныхъ имуществъ (вмѣстѣ составлявшіе и по своей численности и по представляемому ими капиталу огромный процентъ населенія Франціи) склонны были считать революцію законченной въ тотъ самый моментъ, какъ земля попала въ ихъ руки. Въ самомъ дѣлѣ, для настоящаго использованія своей новой собственности они нуждались всего болѣе во внутреннемъ спокойствіи страны, въ «порядкѣ»; якобинское правленіе, правда, какъ будто давало порядокъ, но это былъ порядокъ рискованный: извѣстно, какъ относились якобинцы къ богатству, какой страхъ нагнали они на всѣ имущіе классы своей политикой принудительныхъ займовъ, реквизицій, закономъ о maximum'ѣ заработной платы, закономъ противъ барышничества и т. п. Конечно, на словахъ якобинцы всячески открещивались отъ «аграрнаго закона», но всѣ знали, что ихъ дѣла далеко не всегда согласуются со словами. Если до эпохи Робеспьера и миссіонеровъ Конвента новые собственники чувствовали себя удовлетворенными революціей, то послѣ этого періода они были уже ею напуганы. И напуганные, они неизбѣжно должны были мечтать о такой твердой власти, которая, опираясь на какую-либо солидную силу, санкціонировала ихъ пріобрѣтенія и въ то же время оградила ихъ отъ эксцессовъ революціи, отъ дальнѣйшихъ эгалитаристскихъ покушеній. Такой властью не могла быть старая

монархія, ибо она слишкомъ связала свои интересы съ интересами старыхъ владѣльческихъ слоевъ; ея возвращеніе было бы, безъ сомнѣнія, возвращеніемъ эмигрантовъ, т.-е. претендентовъ на землю, за которую и буржуазные и большинство крестьянскихъ покупателей уже заплатили сполна. Итакъ, нужно было созданіе новой власти. А такъ какъ власть должна была располагать и силой, то единственнымъ претендентомъ на нее являлся, конечно, человѣкъ, располагавшій единственной дисциплинированной силой того времени — побѣдоносной арміей.

Вполнѣ естественно, что новые собственники земли привѣтствовали новый режимъ консульства и имперіи. Къ концу имперіи, впрочемъ, сельское населеніе начинаетъ уже освобождаться отъ этого гипноза, и, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ непосильной тяжести, которую возлагали на него непрерывныя войны. Наборы, слѣдующіе одинъ за другимъ ежегодно, громадныя жертвы людьми (въ одной Испаніи погибло до 300.000) начали возбуждать всеобщее недовольство, которое проявлялось пока лишь пассивно—въ уклоненіи отъ воинской службы.

Слишкомъ поздно. Изъ войны въ Вандеѣ (карт. Дюваля).

Революція не успѣла закончить этой операціи распродажи національныхъ имуществъ. Значительная часть земель осталась еще не проданной къ моменту вступленія во власть Наполеона. Отношеніе Наполеона къ этой сложной проблемѣ весьма характерно и представляетъ значительный интересъ.

Само собой разумѣется, что новое правительство не могло, по самымъ условіямъ своего возникновенія, нарушать созданнаго революціей права новыхъ владѣльцевъ земли. Вѣдь оно само выросло на почвѣ, подготовленной революціей, основнымъ мотивомъ его существованія было закрѣпленіе и упорядоченіе ея соціальныхъ результатовъ. Не удивительно, что однимъ изъ первыхъ его актовъ было признаніе неприкосновенности всѣхъ законнымъ путемъ совершонныхъ покупокъ національныхъ имуществъ. Даже за попытку запугивать пріобрѣтателя національнаго имущества оно грозитъ строгой карой.

Но, съ другой стороны, зарождающаяся монархія вполнѣ основательно не довѣряла долговѣчности той поддержки, которую пока оказывали ей

демократическіе элементы населенія. Ея прочной опорой были средніе классы–торгово-промышленная и землевладѣльческая буржуазія. Такое положеніе было чревато опасностями. Въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ можно было предвидѣть борьбу на два фронта—съ реакціей и демократіей. Стремленіе къ примиренію съ силами реакціи—духовенствомъ и дворянствомъ—было въ этихъ условіяхъ естественно, тѣмъ болѣе, что оно чувствовалось и въ средѣ самой буржуазіи, очень напуганной демократіей. Этимъ стремленіемъ и объясняется цѣлый рядъ мѣропріятій эпохи консульства и имперіи. Такъ, примиреніе съ католицизмомъ ведетъ за собою возвращеніе клиру еще не проданныхъ земель, предназначавшихся на содержаніе церквей; амнистія эмигрантамъ, объявленная 6 флореаля X года, обѣщаетъ вернуть имъ ихъ земли (за исключеніемъ лѣсовъ, объявленныхъ государственной собственностью), поскольку, разумѣется, эти земли не перешли въ другія руки.

Въ связи съ этими попытками примирить съ новой властью верхніе слои стараго общества, необходимо упомянуть еще объ одномъ актѣ имперіи—о созданіи новаго дворянства. Ряды старыхъ дворянскихъ родовъ за время революціи очень порѣдѣли. Да и изъ оставшихся далеко не всѣ, и не самые видные дворяне, вняли призыву Наполеона. Чтобы, съ одной стороны, пополнить кадры дворянской знати, съ другой—тѣсно связать съ собой, со своими личными интересами тщеславіе и корыстолюбіе новыхъ людей, выдвинутыхъ революціей и войнами, Наполеону пришлось вернуться къ принципамъ стараго порядка, казалось, всецѣло отвергнутымъ Франціей въ эпоху революціи. Мы не можемъ входить въ детали этого вопроса. Для нашей задачи важно отмѣтить лишь одну его сторону—соціально-экономическую.

Всѣ дворянскія привилегіи, титулы и т. п. имѣютъ реальное значеніе лишь тогда, когда они опираются на дѣйствительную силу. Сила дворянства всегда была связана съ его землевладѣніемъ. Такъ какъ Наполеонъ это прекрасно понималъ, то онъ могъ дѣйствовать двояко: или давать дворянство людямъ, уже обладавшимъ крупными земельными владѣніями, т.-е. представителямъ буржуазнаго землевладѣнія, или дарить своимъ приближеннымъ, возводимымъ въ дворянское достоинство, земли, составлявшія національную собственность.

По своему происхожденію эти земли составляли часть еще не распроданныхъ національныхъ имуществъ. Такимъ образомъ, земли, отобранныя революціей у старой аристократіи, начали служить при Наполеонѣ фондомъ для образованія аристократіи новой. Понятно, что при аристократической тенденціи правительства дальнѣйшее дробленіе земель было ему совершенно нежелательно. Поэтому почти всѣ постановленія, облегчавшія мелкому люду покупку земли, были при Наполеонѣ отмѣнены, а оставшіяся въ силѣ не примѣнялись; поэтому же было объявлено, что всѣ, не уплатившіе въ срокъ слѣдуемой доли покупной суммы (т.-е. бѣднѣйшіе покупатели), лишаются навсегда правъ на уже пріобрѣтенную ими землю. Въ крестьянскомъ вопросѣ Наполеонъ всецѣло отказывается отъ традицій Національнаго собранія, какъ ни были онѣ сами по себѣ умѣренны. «Крестьянофильство» для него лишь революціонная «идеологія», заслуживающая такого же презрѣнія, какъ и всѣ прочія «идеологіи».

Несмотря на многочисленныя препятствія, стоявшія на пути промышленнаго прогресса, дореволюціонная Франція была уже въ значительной степени страной капиталистической. Очевидно, ни цеховая регламентація, ни многочисленныя раздѣлявшія страну таможенныя перегородки, ни общія политическія условія стараго порядка не могли задержать естественнаго хода вещей. Не только отдѣльные предприниматели находили возможность обходить суровые средневѣковые регламенты, ихъ вынуждено было во многихъ случаяхъ нарушать и само правительство. Первые при этомъ могли широко пользоваться тѣмъ обстоятельствомъ, что сѣть цеховой организаціи не распространялась на всю Францію (нѣкоторыя провинціи были совсѣмъ свободны отъ цеховъ); второе дѣйствовало двояко: или выдавало особыя привилегіи, разрѣшающія основаніе мануфактуръ и освобождающія ихъ отъ корпоративной опеки, или просто игнорировало возникновеніе новыхъ отраслей индустріи, не торопилось подчинить ихъ не удобной для нихъ регламентаціи. Такъ или иначе, но наканунѣ революціи существовали уже крупныя капиталистическія мануфактуры. Въ Лангедокѣ, въ Севеннахъ были суконныя мануфактуры, въ Нормандіи — фабрики шерстяныхъ и хлопчатобумажныхъ матерій, въ долинѣ Луары, въ Турѣ, Руанѣ, Ліонѣ — фабрики шелковыхъ издѣлій, въ Арденнахъ — металлургическіе заводы, въ Артуа — каменноугольныя копи, въ Бордо — сахарные заводы и кораблестроительныя верфи и т. д. и т. д.

Патріотическій прессъ (совр. карик.).

Разумѣется, крупное предпріятіе не было еще господствующимъ типомъ. На ряду съ нимъ и часто въ зависимости отъ него существовала масса цеховыхъ и нецеховыхъ мелкихъ производителей, работавшихъ у себя на дому. Но они въ большинствѣ случаевъ уже потеряли свою самостоятельность и были всецѣло въ рукахъ скупщика-торговца или владѣльца сосѣдней мануфактуры. Отъ него они получали сырой матеріалъ и ему же сбывали продукты своего труда, получая за него довольно скудную заработную плату.

Параллельно съ развитіемъ индустріи шло и развитіе торговли. По расчетамъ конца XVIII вѣка за періодъ 1715—1792 гг. внѣшняя торговля Франціи увеличилась въ четыре раза. Франція поддерживала правильныя торговыя сношенія со всѣми странами Европы. Въ одинъ Гамбургъ, напр., она отпускала ежегодно на 40 милліоновъ сахарнаго песку. Сырые матеріалы для французской промышленности—сырой сахаръ, хлопчатая бумага, кожи и т. п.—ввозились изъ колоній. При этомъ большая часть ввезеннаго послѣ переработки снова уходила изъ страны. Такъ, въ 1789 г. изъ колоній было ввезено товаровъ на 218 милліоновъ, при чемъ во Франціи было потреблено лишь на 71 милліонъ.

Центромъ колоніальной торговли былъ Бордо. Центромъ восточнаго вывоза, т.-е. средиземноморской торговли, послѣ Утрехтскаго мира становится Марсель. Крупную торговлю велъ также Ліонъ: онъ ввозилъ изъ Леванта, Италіи и Дальняго Востока 8—9.000 тюковъ шелка-сырца и не менѣе четверти своего продукта сбывалъ на иностранные рынки.

Такъ обстояло дѣло передъ революціей, такъ преуспѣвалъ капитализмъ при неблагопріятныхъ для него условіяхъ стараго порядка. Естественно, что дѣятели Учредительнаго собранія, представители поднявшейся къ власти буржуазіи, отнюдь не склонны были сохранять въ неприкосновенности эти условія. Уничтоживъ сословіе цеховыхъ присяжныхъ и званіе мастера, они провозгласили абсолютную свободу труда, т.-е., говоря точнѣе, абсолютную свободу капиталистическаго предпріятія. Послѣ всего сказаннаго выше, мы, конечно, не можемъ придавать этому акту всеобщаго значенія. Это была мѣра исторически-неизбѣжная и для промышленнаго развитія страны очень важная, особенно, если ее разсматривать въ связи съ общей ликвидаціей остатковъ средневѣковаго строя, но все же она для многихъ, и притомъ наиболѣе прогрессивныхъ, отраслей промышленности лишь санкціонировала уже совершившійся фактъ.

Il faut avoir le coeur à l'ouvrage (соврем. гравюра).

Какъ бы то ни было, до сихъ поръ промышленная свобода была исключеніемъ, теперь она стала закономъ. Само собой разумѣется, этотъ законъ долженъ былъ отразиться губительно на благосостояніи старой привилегированной цеховой аристократіи. Зато его горячо привѣтствовали всѣ живые и жизнеспособные элементы французской буржуазіи.

Періодъ демократической диктатуры якобинцевъ, при всей ихъ враждебности къ богатымъ, не внесъ существенныхъ перемѣнъ въ судьбы французской буржуазіи. Правда, многіе ея представители серьезно пострадали отъ отдѣльныхъ актовъ нарушенія собственности, отъ принудительныхъ займовъ, реквизицій и т. п. Правда, военное положеніе, застой въ дѣлахъ, законъ о maximum'ѣ вызвали массу банкротствъ. Но зато въ тотъ же періодъ многимъ удалось составить себѣ цѣлыя состоянія, путемъ покупки и перепродажи національныхъ имуществъ, путемъ всевозможныхъ темныхъ финансовыхъ операцій, поставокъ на армію и т. п. На ряду со старыми капиталистами появились новые, такъ называемые nouveaux riches, по размѣрамъ капиталовъ часто далеко оставлявшіе за собой старыхъ.

Если, такимъ образомъ, накопленіе капиталовъ продолжалось, и притомъ усиленно, даже въ эпоху Конвента, то тѣмъ болѣе должно это сказать про періодъ реакціи. Существенное различіе лишь въ томъ, что капиталисты, при Робеспьерѣ всячески скрывавшіе свои деньги отъ зоркаго правительственнаго ока, при Директоріи смѣло выступили на авансцену, какъ настоящіе хозяева Франціи.

Ко времени вступленія во власть Наполеона буржуазія, освобожденная Учредительнымъ собраніемъ, оттѣснившая на задній планъ старое дворянство, пережившая болѣе или менѣе благополучно страшное для нея время Конвента, щедро вознаградившая себя за пережитое униженіе матеріальными благами, представляла собою господствующій классъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Какъ же отразилась эта перемѣна въ ея положеніи на ея экономической дѣятельности? Какъ воспользовалась она своими новыми капиталами при новыхъ условіяхъ промышленной свободы?

Офиціальныя данныя эпохи консульства и имперіи свидѣтельствуютъ о непрерывномъ прогрессѣ индустріи. Въ этихъ данныхъ есть нѣкоторыя преувеличенія: въ дѣйствительности «непрерывный прогрессъ» довольно часто, напр., въ 1806 и 1811 гг., прерывался серьезными кризисами; въ очень многочисленныхъ отрасляхъ индустріи вообще прогрессъ мало замѣтенъ. Но въ общемъ за время правленія Наполеона, главнымъ образомъ, за его первые годы, французская промышленность, несомнѣнно, сдѣлала крупный шагъ впередъ. Періодъ 1800—1806 гг. представляетъ одну изъ яркихъ страницъ ея исторіи.

Три сословія: Cette fois je crois, que nous sommes d'accord (соврем. гравюра).

Особенно преуспѣвало хлопчатобумажное производство. Въ началѣ столѣтія во Франціи совсѣмъ не существовало производство муслина, въ 1806 г. въ одномъ округѣ С.-Кентэна было уже 8.000 станковъ, изготовлявшихъ канифасъ, муслинъ, перкаль и коленкоръ; этотъ округъ производилъ 300.000 кусковъ въ годъ. Французскій коленкоръ шелъ уже наравнѣ съ англійскимъ. Быстро развивалось ситценабивное дѣло: одинъ изъ ситцевыхъ королей эпохи консульства Оберкампфъ, основавшій свою мастерскую съ 600 франковъ въ карманѣ, въ короткій промежутокъ времени завоевалъ рынокъ для своихъ indiennes и довелъ производство ситца до громадныхъ размѣровъ. Наконецъ повсюду возникали фабрики нанки и бумажнаго бархата.

Тотъ же Оберкампфъ основалъ первую бумагопрядильню. До 1789 г. механическое бумагопряденіе было вовсе неизвѣстно во Франціи. Теперь же самопрялка исчезаетъ, замѣняясь новѣйшими машинами англійскаго образца, и уже черезъ нѣсколько лѣтъ прекращается совершенно спросъ на англійскую бумажную пряжу, за исключеніемъ самыхъ тонкихъ сортовъ.

Эта побѣда французскаго бумагопряденія свидѣтельствуетъ о большой энергіи капиталистовъ.

Наиболѣе трудно было бороться съ англійской конкуренціей въ области шерстяного и суконнаго производства. Главное преимущество Англіи состояло въ высшемъ типѣ употребляемыхъ въ дѣлѣ машинъ. Чтобы поддержать французскихъ промышленниковъ, изъ Англіи былъ выписанъ извѣстный машиностроитель Дугласъ, снабдившій французскія мануфактуры большимъ числомъ новыхъ машинъ. На выставкѣ 1806 г. были уже выставлены девять новыхъ типовъ машинъ, а общее ихъ число достигло 340.

Металлургія была еще въ зачаточномъ состояніи. Правда, во Франціи было до 150 желѣзодѣлательныхъ заводовъ, разсѣянныхъ по всей территоріи, и число сталелитейныхъ все возрастало. Но лишь на одномъ заводѣ въ Крёзо пользовались каменнымъ углемъ.

Зато стеклянные заводы, гончарное дѣло, производство фарфора непрерывно развивались. Въ этомъ отношеніи Франція не имѣла конкурентовъ.

Паровыхъ машинъ еще почти не было. Въ 1810 г. существовала лишь одна машина высокаго давленія и одна—низкаго, употреблявшіяся въ водокачкахъ. Въ бумагопряденіи паровой моторъ былъ примѣненъ впервые въ 1812 г. Тѣмъ не менѣе, французская промышленность вступила уже вполнѣ опредѣленно въ стадію машиннаго производства. И мы можемъ даже констатировать въ изучаемый періодъ соціальныя послѣдствія этого факта: замѣну мастерской—фабрикой, соединеніе нѣкогда изолированныхъ работниковъ въ казармахъ крупнаго капиталиста, образованіе резервной рабочей арміи. Министръ имперіи Шапталь со скорбію отмѣчаетъ, что вслѣдствіе примѣненія машинъ заработная плата понижается, масса рабочихъ лишается труда, все большая часть населенія группируется вокругъ фабричныхъ зданій. Его скорбь объясняется, впрочемъ, не сочувствіемъ къ рабочимъ, но боязнью безпорядковъ съ ихъ стороны.

Вмѣстѣ съ машиннымъ производствомъ Франція узнала и промышленные кризисы. Впрочемъ, при объясненіи кризисовъ наполеоновской эпохи, помимо обычныхъ факторовъ, слѣдуетъ принимать во вниманіе еще и специфическія условія, о которыхъ будетъ сказано ниже. Какъ бы то ни было, вторая половина правленія Наполеона въ экономическомъ отношеніи далеко не такъ благополучна, какъ первая. Начиная съ 1806 г., мы уже слышимъ жалобы промышленниковъ то въ той, то въ другой отрасли индустріи, а къ 1811 г. кризисъ принимаетъ всеобщій характеръ.

Онъ охватилъ самыя разнообразныя мѣстности и самыя разнообразныя отрасли производства. И нужно еще добавить, что онъ отнюдь не былъ скоропреходящимъ: о застоѣ въ дѣлахъ и безработицѣ говорятъ офиціальные доклады и 1812 и 1813 гг.

Должны ли мы признать, на основаніи этихъ данныхъ, что французская промышленность въ періодъ 1806—1813 гг. регрессировала?—Разумѣется, нѣтъ. Кризисы—неизбѣжная принадлежность капиталистическаго строя. Благодаря особымъ условіямъ кризисъ 1811 г. былъ чрезвычайно тяжелъ. Но все же и въ техническомъ отношеніи, и по количеству вложенныхъ въ индустрію капиталовъ, и по числу занятыхъ рабочихъ рукъ Франція 1812 г. ушла далеко отъ Франціи 1800 г.

Хлопчатобумажная промышленность продолжала быстро расти вплоть до кризиса: въ 1812 г. число веретенъ превосходитъ милліонъ, и общее количество продукта достигаетъ $10^1/_2$ милл. килограммовъ. Насчитываютъ болѣе 100 механическихъ бумагопрядиленъ, 70.000 ткацкихъ станковъ, валовой доходъ производства равенъ приблизительно 190 милл. франковъ. Производство шерстяныхъ матерій занимаетъ громадное число рабочихъ: въ Седанѣ 18.000 при 1.550 станкахъ, въ Каркассонѣ 9.000 при 290, въ Реймсѣ 20.000 при 6.265. Фабрикація льняныхъ тканей, наоборотъ, падаетъ, уступая мѣсто тонкимъ бумажнымъ тканямъ. Въ С.-Кентэнѣ въ этой отрасли промышленности занято 40.000, въ Дофинэ—17.000 рабочихъ. Производство шелка пережило за изучаемый періодъ техническій переворотъ, благодаря изобрѣтенію Вокансономъ сучильной и тростильной машинъ, а также нѣкоторымъ болѣе мелкимъ усовершенствованіямъ; цѣна шелка значительно понизилась. Въ Ліонѣ въ 1812 г. было 15.500 ткачей при 10.700 станкахъ противъ 5.800 ткачей и 3.500 станковъ въ 1800 г., въ Нимѣ 13.700 при 5.000 противъ 3.450 и 1.200, въ департаментѣ Луары въ производствѣ шелковыхъ лентъ занято 15.400 рабочихъ. Въ производствѣ шелковыхъ тканей въ Лиллѣ занято 52.000 рабочихъ въ 1812 г. противъ 26.000 въ 1800 г. Металлургія развивалась гораздо медленнѣе: въ 1812 г. считалось 230 доменныхъ печей, производившихъ 99.000 тоннъ чугуна противъ 61.500 тоннъ въ 1787 г. Потребленіе каменнаго угля возросло съ 25.000 до 92.900 тоннъ.

Бонапартъ на Аркольскомъ мосту (картина Gros).

Приведенныя данныя принадлежатъ уже упоминавшемуся нами Шапталю. Можно предположить, что цифры нѣсколько преувеличены, особенно, если относить ихъ къ 1812 г.—году, непосредственно слѣдующему за

кризисомъ 1811 г. Наиболѣе вѣроятно, что онѣ соотвѣтствуютъ положенію промышленности передъ кризисомъ, въ моментъ ея наивысшаго подъема. Какъ бы то ни было, у насъ нѣтъ основаній признать ихъ чистой выдумкой Шапталя.

Мы уже отмѣчали тотъ фактъ, что зарожденіе наполеоновской монархіи привѣтствовалось и сельской буржуазіей и сельской демократіей, поскольку послѣдняя была удовлетворена въ своемъ стремленіи къ землѣ. То же можно сказать и о городскомъ населеніи: индустріальная буржуазія, напуганная революціей, видѣла въ Наполеонѣ олицетвореніе идеи «порядка», а демократическіе элементы городовъ, утомленные политикой и разочарованные въ ней, рады были наступленію внутренняго мира, который долженъ былъ усилить спросъ на ихъ трудъ и дать болѣе прочное обезпеченіе ихъ экономической дѣятельности. Конечно экономическая политика правительства не была въ состояніи отвѣчать одновременно интересамъ столь различныхъ группъ. Къ тому же удѣльный вѣсъ буржуазіи послѣ разгрома дворянства и пораженія демократіи былъ такъ великъ, что въ выборѣ Наполеона не могло быть и сомнѣнія. Чтобы упрочить свое положеніе, онъ долженъ былъ искать поддержки въ самомъ сильномъ въ данный моментъ классѣ общества, долженъ былъ служить его интересамъ. И дѣйствительно, экономическая политика консульства и имперіи носитъ опредѣленно буржуазный характеръ.

Революція освободила промышленность, но она не дала ей соотвѣтствующей новымъ нуждамъ организаціи. Между тѣмъ буржуазія несомнѣнно, испытывала потребность въ нѣкоторыхъ объединяющихъ органахъ, которые давали бы ей возможность обсуждать коллективно вопросы экономической политики и оказывать коллективное же давленіе на правительство. Такіе органы и были созданы Наполеономъ въ XI г. въ видѣ промышленныхъ и торговыхъ палатъ. Онѣ состояли изъ представителей, избранныхъ наиболѣе видными лицами торгово-промышленнаго класса, подъ предсѣдательствомъ должностного лица. Ихъ рѣшенія передавались въ министерство внутреннихъ дѣлъ, при которомъ былъ учрежденъ особый генеральный совѣтъ торговли, концентрировавшій и обсуждавшій всѣ предложенія и требованія буржуазнаго міра. Все это зданіе представительства буржуазныхъ интересовъ было завершено въ XII году организаціей особой торговой секціи въ одномъ изъ высшихъ государственныхъ учрежденій—въ государственномъ совѣтѣ.

Описанная система организовала буржуазію; въ томъ же XI г. Наполеонъ далъ извѣстную организацію и пролетаріату, разумѣется, въ нѣсколько иномъ духѣ. Введеніемъ обязательной рабочей книжки и цѣлымъ рядомъ относящихся къ ея примѣненію постановленій пролетаріатъ былъ отданъ подъ двойной и при томъ очень суровый надзоръ—полиціи и нанимателей. Одновременно былъ исправленъ революціонный законъ о коалиціяхъ. Какъ извѣстно, онъ каралъ за коалицію одинаково какъ капиталистовъ, такъ и рабочихъ; правительство консульства нашло это несправедливымъ и установило высшую норму наказанія для первыхъ въ мѣсяцъ тюрьмы, для вторыхъ—въ 3 мѣсяца. Къ тому же коалиція первыхъ по новому закону считается преступной лишь въ случаѣ ихъ стремленія къ несправедливому пониженію рабочей платы, стремленіе вторыхъ къ повышенію платы

признается всегда преступнымъ. Законодательствомъ Наполеона буржуазія и пролетаріатъ были впервые ясно и определенно противопоставлены другъ другу, какъ две неравноценныя и неравноправныя категоріи гражданъ.

Не менее ярко сказываются буржуазныя тенденціи въ таможенной политике Наполеона. Ея характеръ вполне определяется двумя тесно связанными между собой идеалами. Эти идеалы — завоеваніе внешняго рынка для продуктовъ французской промышленности и вытесненіе англійской конкуренціи; средства къ ихъ достиженію — доведенный до крайности протекціонизмъ (система континентальной блокады[1]) и военное принужденіе. Что касается целей, то оне, безспорно, были намечены правильно, т.-е. въ полномъ согласіи съ реальными интересами французской буржуазіи. Но событія показали, что принятыя къ ихъ достиженію меры не только не привели къ желаемому результату, но, наоборотъ, въ конечномъ итоге оказали чрезвычайно вредное вліяніе на развитіе индустріи и торговли. Еще до объявленія континентальной блокады, во время обсужденія вопроса о таможенныхъ тарифахъ въ государственномъ совете, обнаружилось, что среди французской буржуазіи не существуетъ на этотъ счетъ единогласія. Та часть промышленниковъ, которая нуждалась во ввозе сырыхъ матеріаловъ, горячо протестовала какъ противъ запрещенія ихъ ввоза, такъ и противъ обложенія ихъ высокой пошлиной. Такъ, напр., уже известный намъ владелецъ ситценабивной фабрики Оберкампфъ не согласенъ на запрещеніе англійскихъ бумажныхъ тканей; обладатель шести бумагопрядиленъ Ришаръ-Ленуаръ выступаетъ въ этомъ пункте противъ Оберкампфа, но зато самъ возражаетъ противъ запрещенія ввоза хлопка, и т. д. и т. д. Темъ не менее, циркуляръ императора по поводу континентальной блокады, разосланный торговымъ камерамъ, былъ въ большинстве ихъ встреченъ съ энтузіазмомъ.

Этотъ энтузіазмъ долженъ былъ скоро испариться. Дело въ томъ, что разрывъ торговыхъ сношеній съ Англіей повелъ къ прекращенію не только ввоза англійскихъ продуктовъ, но и вообще морской торговли Франціи. Англійскій флотъ изолировалъ Францію отъ колоній, которыя были фактически ею потеряны. Сношенія съ Востокомъ были тоже затруднены. Съ другой стороны, принужденіе континентальныхъ государствъ къ блокаде имело для ихъ экономическаго благосостоянія пагубныя последствія: медленно завязывающіяся торговыя сношенія нельзя перестроить повеленіемъ деспота, какъ бы силенъ онъ ни былъ. Въ результате общей депрессіи спросъ на продукты французской промышленности не только не возросъ, но, наоборотъ, упалъ. Въ 1806 г. французскій вывозъ былъ равенъ 456 милл., въ 1812 г.—383 милл.

Въ 1811 г. ближайшіе итоги наполеоновской политики, въ виде общаго кризиса, были уже вполне ясны для французской буржуазіи. Въ отчетахъ о положеніи промышленности за 1811 г., составленныхъ безусловно на основаніи заявленій промышленниковъ, причины кризиса указаны определенно: недостатокъ сырыхъ матеріаловъ вследствіе прекращенія морскихъ сношеній и сокращеніе рынка, особенно заграничнаго.

---

[1] О континентальной блокаде см. статью К. А. Военскаго.

Эти печальные итоги сразу значительно охладили отношеніе буржуазіи къ императорскому режиму. И ни субсидіи, ни преміи, ни казенные заказы не могли уже возстановить прежняго энтузіазма. Буржуазіи былъ нуженъ миръ во что бы то ни стало и возстановленіе торговыхъ сношеній. Если Наполеонъ мѣшалъ этому, то они ничего не имѣли противъ того, чтобы дать ему расчетъ, какъ даютъ расчетъ неумѣлому приказчику.

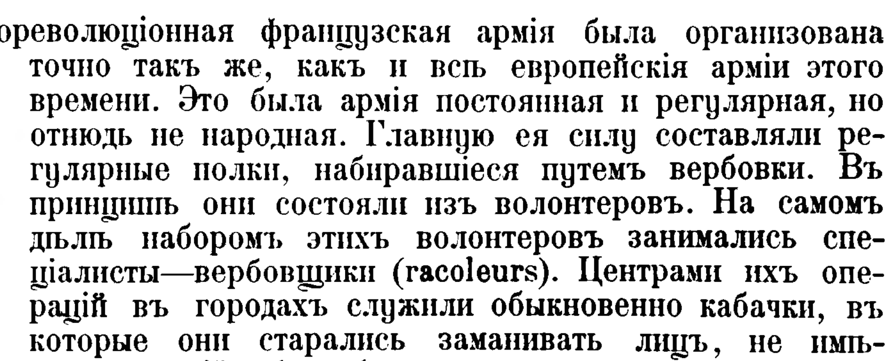
Вяч. Волгинъ.

Голландская кампанія (1795 г.).

IV. Реформа французской арміи при революціи и Наполеонѣ.

Прив.-доц. В. А. Бутенко.

ореволюціонная французская армія была организована точно такъ же, какъ и всѣ европейскія арміи этого времени. Это была армія постоянная и регулярная, но отнюдь не народная. Главную ея силу составляли регулярные полки, набиравшіеся путемъ вербовки. Въ принципѣ они состояли изъ волонтеровъ. На самомъ дѣлѣ наборомъ этихъ волонтеровъ занимались спеціалисты—вербовщики (racoleurs). Центрами ихъ операцій въ городахъ служили обыкновенно кабачки, въ которые они старались заманивать лицъ, не имѣющихъ опредѣленныхъ занятій, безработныхъ, прислугу, потерявшую мѣсто, бродягъ, даже преступниковъ, спаивали ихъ, навязывали имъ

деньги и заставляли часто въ пьяномъ видѣ подписывать обязательство служить въ арміи. Такія же сцены разыгрывались и въ деревняхъ. Но большинство волонтеровъ комплектовалось изъ низшихъ элементовъ городского населенія. Набранные такимъ образомъ волонтеры распредѣлялись по полкамъ, подвергались соотвѣтственной выучкѣ и при посредствѣ суровыхъ наказаній и строгой дисциплины мало-по-малу превращались въ настоящихъ солдатъ. Конечно, большая часть такихъ волонтеровъ была французами, хотя національному принципу въ арміи не придавалось никакого значенія. Вербовали и французовъ и иностранцевъ, и въ самой Франціи и за ея предѣлами, напр., въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Мало того, кромѣ французскихъ полковъ, въ армію входило еще нѣсколько полковъ иностранныхъ. Особенно много было на французской службѣ швейцарцевъ, служившихъ цѣлыми корпусами и въ арміи и въ

Французская армія при старомъ порядкѣ (Racinet).

королевской гвардіи (maison du roi). Кромѣ регулярной арміи, со времени Людовика XIV существовала еще милиція (milices), комплектовавшаяся изъ крестьянъ путемъ рекрутскаго набора, по жребію. Милиціонеры содержались на счетъ своихъ приходовъ и составляли резервъ, который, однако, часто призывался къ участію въ военныхъ дѣйствіяхъ, чтобы пополнять убыль въ регулярныхъ полкахъ. Служба въ милиціи была не менѣе тяжела, чѣмъ въ дѣйствующей арміи. Что касается офицерскаго корпуса, то онъ состоялъ почти исключительно изъ дворянства. Должности полковниковъ и капитановъ продавались и составляли обыкновенно достояніе знатныхъ фамилій. Хотя принципіально доступъ къ другимъ офицерскимъ чинамъ не былъ закрытъ для лицъ не дворянскаго происхожденія, фактически подобнаго рода исключенія бывали чрезвычайно рѣдки, и правительство, ревниво отстранявшее дворянство отъ участія въ дѣлахъ управленія,

охотно оставляло для его честолюбія военную карьеру. Такой порядокъ устройства арміи, при которомъ главный контингентъ солдатъ набирался изъ подонковъ городского населенія, а офицерство состояло изъ одного дворянства, приводилъ къ массѣ затрудненій. Армія могла отличаться храбростью, могла быть прекрасно обучена въ техническомъ отношеніи, но ей нельзя было придать той моральной силы, того духа патріотизма, которымъ должны отличаться настоящія народныя арміи, и войны, которыя велись въ XVII и XVIII вв., по своей жестокости, насиліямъ, грабежамъ ничѣмъ не отличались отъ войнъ кондотьеровъ XV в. Лучшіе военные министры прекрасно понимали крупные недостатки такой системы. Лувуа при Людовикѣ XIV, Сенъ-Жерменъ при Людовикѣ XVI старались бороться съ этимъ порядкомъ и внесли въ него частичныя улучшенія, но уничтожить главное зло устройства арміи—вербовку и сословное неравенство—и превратить ее въ настоящую національную армію они не рѣшались, и порядки, установившіеся въ XVII вѣкѣ, дожили безъ серьезныхъ измѣненій до самой революціи.

Когда старый порядокъ палъ подъ ударами революціи, и Учредительное собраніе занялось передѣлкой всего государственнаго и общественнаго устройства Франціи, то его преобразованія коснулись и арміи.

12 декабря 1789 года одинъ изъ депутатовъ Учредительнаго собранія Дюбуа-Крансэ указалъ въ своей рѣчи основной принципъ, на которомъ должна покоиться военная служба у свободнаго народа: «Я считаю аксіомой,—сказалъ онъ,—что во Франціи всякій гражданинъ долженъ быть солдатомъ и всякій солдатъ—гражданиномъ, иначе у насъ никогда не будетъ конституціи». Онъ бичевалъ возмутительные пріемы, къ которымъ прибѣгали вербовщики для того, чтобы заманивать волонтеровъ, возмущался принципами замѣстительства, такъ какъ въ такомъ случаѣ воинская повинность падаетъ исключительно на низшіе классы, и предлагалъ Учредительному собранію создать армію въ полномъ смыслѣ слова національную, которая бы представляла собой не что иное, какъ вооруженный народъ. Но идеи Дюбуа-Крансэ не встрѣтили сочувственнаго отклика въ рядахъ собранія. Всеобщая обязательная служба показалась ему нарушеніемъ индивидуальной свободы, и оно сохранило старый способъ комплектованія арміи. А чтобы устранить главные недостатки этой вопіющей системы,

Артиллерія при Людовикѣ XVI (Racinet).

оно приняло рядъ законодательныхъ мѣръ, каравшихъ суровыми наказаніями злоупотребленія вербовщиковъ.

Наиболѣе національнымъ элементомъ старой арміи была милиція. Но крестьяне въ своихъ наказахъ, данныхъ депутатамъ, такъ громко жаловались на тяжесть службы въ ней, что Учредительное собраніе и не задумалось декретировать ея отмѣну и единственнымъ способомъ комплектованія арміи признать наборъ волонтеровъ.

Зато въ вопросѣ объ офицерскомъ составѣ оно произвело радикальное преобразованіе. Вѣрное принципу демократическаго равенства, оно уничтожило дворянскія привилегіи и открыло доступъ къ офицерскимъ должностямъ для всѣхъ. Порядокъ повышенія по службѣ былъ установленъ крайне сложный. Не довѣряя королю, котораго, однако, невозможно было лишить верховнаго командованія арміей, Учредительное собраніе почти повсюду ввело принципы замѣщенія высшихъ чиновъ низшими по старшинству, предоставивъ королевскому усмотрѣнію очень небольшой просторъ. Общій контингентъ дѣйствующей арміи былъ опредѣленъ всего въ 110.000 человѣкъ, и только, когда въ срединѣ 1791 г. стали грозить серьезныя осложненія въ отношеніяхъ къ Австріи и Пруссіи, былъ изданъ декретъ о призывѣ еще 100.000. Кромѣ того, Учредительное собраніе декретомъ того же 1791 г. регулировало устройство національной гвардіи, которая возникла по всей Франціи совершенно самопроизвольно, по собственному почину населенія, для охраны порядка, еще лѣтомъ 1789 г. Къ участію въ ней были призваны всѣ граждане, пользовавшіеся избирательными правами. Всѣ офицерскія должности въ національной гвардіи замѣщались по избранію самихъ гвардейцевъ.

Французская армія въ XVIII в.

И Учредительное собраніе и послѣдовавшее за нимъ Законодательное въ общемъ обратили очень мало вниманія на улучшеніе арміи, и когда въ апрѣлѣ 1792 года началась война революціонной Франціи съ европейской коалиціей,—война, которой суждено было почти безъ перерыва тянуться до 1815 года, французская армія оказалась въ самомъ жалкомъ положеніи. Въ дѣйствительности подъ ружьемъ было всего 82.000 человѣкъ, которые вдобавокъ были сильно дезорганизованы. На 9.000 офицеровъ около 6.000 эмигрировало. Оставшіеся не пользовались, какъ дворяне, уваженіемъ среди солдатъ, которые были сильно затронуты революціоннымъ движеніемъ и охотно посѣщали политическіе клубы. Немудрено поэтому,

что начало военныхъ дѣйствій было очень неудачно для Франціи, и союзная австро-прусская армія перешла почти безъ препятствій французскую границу, взяла рядъ крѣпостей и стала подвигаться прямо по направленію къ Парижу (августъ 1792 г.).

Въ виду грозной опасности со стороны непріятеля, Законодательное собраніе торжественно объявило отечество въ опасности (11 іюля 1792 г.) и обратилось къ населенію съ призывомъ поступать волонтерами въ армію для спасенія отечества. Призывъ былъ встрѣченъ съ горячимъ сочувствіемъ, городская и деревенская молодежь въ порывѣ революціоннаго энтузіазма охотно записывалась въ ряды войска, и въ самый короткій промежутокъ времени было организовано до 200 батальоновъ волонтеровъ, проникнутыхъ пылкимъ патріотизмомъ и готовыхъ до послѣдней капли крови сражаться за родину и завоеванія революціи. Новый главнокомандующій Дюмурье укомплектовалъ волонтерами старую армію, и конецъ 1792 г. ознаменовался рядомъ побѣдъ, благодаря которымъ непріятель былъ отбитъ, армія перешла въ наступленіе и завоевала рядъ областей, сдѣлавъ границами Франціи завѣтныя «естественныя» границы — Рейнъ и Альпы.

Шампіонне (Рис. Point).

Но пополненіе арміи волонтерами, соотвѣтствовавшее идеѣ свободнаго выбора службы, скоро привело къ серьезнымъ затрудненіямъ. Далеко не всегда такъ легко набирались волонтеры, какъ это было въ первыя минуты патріотическаго экстаза. Многія области отнеслись къ задачѣ, возложенной на нихъ правительствомъ, съ недостаточной энергіей и выставили незначительные контингенты. Кромѣ того, надо имѣть въ виду, что волонтерамъ было предоставлено право выбирать своихъ офицеровъ. Вслѣдствіе этого въ офицеры часто попадали клубные ораторы, не обладавшіе никакими военными способностями и дезорганизовавшіе и безъ того плохо организованное дѣло. Наконецъ волонтеры были призваны только до 1 декабря, и ихъ военный пылъ въ значительной степени обусловливался увѣренностью, что они немедленно вернутся домой, какъ только отразятъ непріятеля. Поэтому въ концѣ 1792 года, когда непріятельское нашествіе было отражено, армія стала таять со дня на день. Всѣ дороги, ведущія во Францію изъ Бельгіи и отъ береговъ Рейна, буквально полны были возвращавшимися домой волонтерами, и подъ ружьемъ оставалось не болѣе 200.000 человѣкъ.

Между тѣмъ наступилъ грозный 1793 годъ. Провозглашеніе республики и казнь Людовика XVI вооружили противъ Франціи всю Европу, и

къ коалиціи Австріи и Пруссіи примкнули Англія, Испанія, всѣ нѣмецкія и итальянскія государства. Дюмурье былъ разбитъ при Неервинденѣ и бѣжалъ за границу, завоеванія были потеряны, и Франціи снова грозило вторженіе на всѣхъ ея границахъ. Одновременно вспыхнуло возстаніе въ Вандеѣ, а нѣсколько времени спустя, послѣ побѣды якобинцевъ надъ жирондистами разразилась настоящая междоусобная война почти во всей странѣ. Франціи, повидимому, грозила неизбѣжная гибель и нужна была совершенно исключительная энергія для того, чтобы спасти страну отъ внутреннихъ раздоровъ и внѣшней опасности. Національный Конвентъ, собравшійся въ сентябрѣ 1792 года, и посвятилъ свои силы осуществленію этой задачи. Организовавъ цѣлую систему террора и расправляясь съ безпощадной жестокостью со всякой попыткой неповиновенія или сопротивленія внутри государства, онъ въ то же время обратилъ усиленное вниманіе на устройство вооруженныхъ силъ. Главную роль въ этомъ дѣлѣ играли знаменитый Карно, прозванный «организаторомъ побѣды», Пріэръ и уже извѣстный намъ Дюбуа-Крансэ.

Марсо.

Конвентъ прежде всего долженъ былъ оставить мечту о «свободной» арміи изъ добровольцевъ и заняться осуществленіемъ идей Дюбуа-Крансэ о всеобщей воинской повинности. Декретомъ 24 февраля 1793 года онъ постановилъ произвести немедленный наборъ 300.000 рекрутовъ изъ рядовъ національной гвардіи и разослалъ во всѣ департаменты особыхъ комиссаровъ изъ числа своихъ членовъ съ верховными полномочіями для исполненія своего декрета. Но такъ какъ декретъ въ то же время разрѣшалъ замѣстительство, то наборъ не далъ обѣщанной цифры, а нужда въ солдатахъ становилась все сильнѣе. Тогда декретомъ 16—23 августа 1793 г. Конвентъ осуществилъ «всеобщій призывъ» (levée en masse) и объявилъ, что всякій французъ въ возрастѣ отъ 18 до 40 лѣтъ считается находящимся въ постоянномъ призывѣ (en requisition permanente). Въ первую очередь были призваны всѣ холостые или вдовые и бездѣтные молодые люди въ возрастѣ отъ 18 до 25 лѣтъ. Въ виду страшной опасности, грозившей родинѣ, этотъ законъ былъ встрѣченъ самымъ горячимъ сочувствіемъ, и призванные молодые люди стали подъ ружье съ неменьшимъ патріотическимъ пыломъ, чѣмъ волонтеры предыдущаго года. Первый наборъ далъ 450.000 новобранцевъ. По мѣрѣ того, какъ вновь формиру-

емыя арміи двигались къ границамъ, къ оружію призывались новыя группы населенія. Черезъ годъ на границахъ Франціи сражались уже 14 армій съ численностью въ 1.200.000 человѣкъ.

Но одного патріотическаго пыла и революціоннаго энтузіазма было недостаточно для того, чтобы создать настоящую армію. Надо было дисциплинировать и обучить призванныхъ новобранцевъ, пріучить ихъ къ тягостямъ военной службы, преобразовать ихъ въ настоящихъ солдатъ. Для этого необходимъ былъ кадръ опытныхъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ. По счастью, старая регулярная армія, несмотря на эмиграцію, сохранила еще достаточный запасъ такихъ элементовъ, и по настоянію Карно и Дюбуа-Крансе Конвентъ декретировалъ такъ называемую «амальгаму», т.-е. сліяніе старой арміи съ батальонами новаго призыва. Къ каждому батальону старой арміи присоединялись два баталіона новобранцевъ и образовывали такимъ образомъ тактическую единицу—полубригаду (новый терминъ вмѣсто полка). «Амальгама» прошла не безъ осложненій и не безъ столкновеній между старыми солдатами и новыми рекрутами, но правительство настойчиво преслѣдовало свою цѣль, и къ срединѣ 1794 года всякіе слѣды «амальгамы» уже исчезли, и французская армія представляла собой единое цѣлое. Представить выборъ офицеровъ самимъ солдатамъ, какъ это практиковалось относительно волонтеровъ, было слишкомъ рискованно, и Конвентъ позволилъ замѣщать по выбору только одну треть офицерскихъ должностей. Другая треть замѣщалась по старшинству, третья—по назначенію. Назначеніе генераловъ Конвентъ сохранилъ за собой, щедро производя въ генералы офицеровъ и даже унтеръ-офицеровъ, если они проявляли соотвѣтственные военные таланты, и безпощадно отсылая ихъ на эшафотъ за военныя неудачи. Для того, чтобы снабдить такую многочисленную армію всѣмъ необходимымъ, принимались самыя рѣшительныя мѣры, организована была система продовольствія при помощи реквизицій, при содѣйствіи группы выдающихся ученыхъ основана масса заводовъ для выдѣлки оружія и пороха, созданы спеціальныя военныя училища и т. д. Чтобы поддержать повсюду строжайшую дисциплину, осуществить съ возможной быстротой всѣ необходимыя мѣры и вдохнуть въ армію духъ неукротимой энергіи, Конвентъ посылалъ въ департаменты и къ отдѣльнымъ корпусамъ своихъ представителей (représentants en mission) съ неограниченными полномочіями. И дѣло организаціи въ значительной степени было обязано своимъ успѣхомъ исключительной энергіи большинства этихъ комиссаровъ.

Карно. (Медальонъ Давида Агера.)

Результатъ всѣхъ этихъ мѣропріятій Конвента былъ самый блестящій. Пораженія опять смѣнились побѣдами. На смѣну старымъ полководцамъ, не пользовавшимся довѣріемъ солдатъ за свое аристократическое происхожденіе, большей частью погибшимъ на эшафотѣ, выдвинулась цѣлая плеяда новыхъ, быстро выслужившихся изъ солдатъ или низшихъ офицерскихъ чиновъ и олицетворявшихъ собой типъ настоящихъ республиканскихъ генераловъ (Журданъ, Моро, Пишегрю, Гошъ, Марсо, Шампіонпэ, Дезэ, позднѣе Лекурбъ, Наполеонъ Бонапартъ, Массена и др.). Непріятельскія войска были скоро отброшены съ французской территоріи, снова завоеваны Бельгія и лѣвый берегъ Рейна, а вслѣдъ за тѣмъ побѣдоносная республика перешла въ наступленіе противъ монархической Европы.

Солдаты революціи. (Raffet).

Въ то время, какъ внутренняя жизнь французской республики представляла собой самую ужасную картину, когда повсюду свирѣпствовалъ терроръ и боровшіяся за власти партіи отправляли своихъ побѣжденныхъ противниковъ па эшафотъ, когда гибли одинъ за другимъ выдающіеся дѣятели эпохи, французская армія представляла собой единственное отрадное явленіе въ жизни Франціи. Туда шло теперь все, что оставалось выдающагося во Франціи, шло, влекомое самыми разнообразными мотивами — и чистымъ патріотизмомъ, и страхомъ передъ терроромъ, и надеждой на блестящую карьеру. Эта новая армія представляла собой удивительный феноменъ. Плохо одѣтая, полуголодная, она оказывалась непобѣдимой, и регулярныя арміи европейской коалиціи терпѣли пораженіе за пораженіемъ. Угроза союзниковъ возстановить старый порядокъ въ случаѣ побѣды придавала офицерамъ и солдатамъ особый пылъ. Каждый изъ нихъ сражался не только за свободу родины, но и за собственную свободу и равенство. И никогда ни раньше ни позже французская армія не

была въ такой степени проникнута гражданскими чувствами, какъ именно въ этомъ періодѣ 1792—1795 гг. Вотъ какъ, напримѣръ, описываетъ свои впечатлѣнія отъ кампаніи 1794—95 гг. будущій маршалъ Сультъ: «Офицеры подавали примѣръ преданности. Съ мѣшкомъ на спинѣ, не получая жалованья, они принимали участіе въ раздачѣ хлѣба вмѣстѣ съ солдатами. Имъ раздавали квитанціи на полученіе новаго платья или пары сапогъ. И однако никто не жаловался на нищету и не бросалъ службы, которая была единственнымъ занятіемъ и предметомъ соревнованія. Повсюду проявлялась одна и та же ревность, одно и то же стремленіе сдѣлать даже больше, чѣмъ требовалъ долгъ. Это былъ періодъ моей службы, когда я работалъ больше всего, и когда начальство было наиболѣе требовательно. Среди солдатъ можно было видѣть ту же преданность, ту же самоотверженность. Завоеватели Голландіи переходили замерзшіе рѣки и заливы при 17° мороза, почти голыми. Они находились въ самой богатой странѣ Европы, передъ ихъ глазами были всевозможные соблазны. Но дисциплина не терпѣла ни малѣйшаго нарушенія. Никогда армія не была ни болѣе послушной, ни болѣе воодушевленной; это былъ періодъ войны, когда войско отличалось наибольшими добродѣтелями».

Но война съ европейской коалиціей безпрерывно продолжалась и правительство Директоріи не только должно было сохранять подъ ружьемъ старыхъ солдатъ, но и дѣлать новые призывы. Эта безконечная война не замедлила оказать свое дѣйствіе на армію, и мало-по-малу духъ этой арміи сталъ замѣтно мѣняться. Волонтеры и рекруты первыхъ лѣтъ республики послѣ цѣлаго ряда походовъ превращаются въ постоянныхъ солдатъ, которые уже не мечтаютъ о возвращеніи домой и привыкаютъ къ войнѣ, какъ постоянному ремеслу. Тотъ республиканскій энтузіазмъ, которымъ сопровождались первыя встрѣчи съ непріятелемъ, остываетъ или, вѣрнѣе сказать, уступаетъ мѣсто другому виду энтузіазма, чисто военному. Война изъ священной оборонительной войны давно уже превратилась въ обыкновенную завоевательную, сопровождающуюся всѣми чертами, характеризующими такія войны—суровой расправой съ побѣжденными, реквизиціями и контрибуціями. Правда, еще сохранились кое-какіе слѣды республиканскаго «крестоваго похода» первыхъ лѣтъ, и французскія арміи попрежнему уничтожаютъ старый порядокъ въ завоеванныхъ областяхъ и учреждаютъ тамъ республики. Но эти республики находятся подъ французскимъ протекторатомъ и существуютъ только поддержкой французскихъ штыковъ. Самые идеалы войска измѣнились. Мѣсто «свободы, равенства и братства» заняли теперь «честь, слава и богатство». Прежняя самоотверженность уступаетъ мѣсто честолюбію, желанію сдѣлать карьеру, стремленію нажить богатство. Извѣстно первое воззваніе къ солдатамъ Наполеона Бонапарта, когда онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ итальянской арміей, гдѣ онъ прямо говорилъ солдатамъ: «Я васъ поведу въ самыя плодородныя на свѣтѣ равнины. Въ вашей власти будутъ богатыя провинціи, большіе города. Вы тамъ найдете честь, славу и богатство». Эту прокламацію обыкновенно разсматриваютъ, какъ начало новой эры во французской арміи, но въ сущности въ данномъ случаѣ Наполеонъ только опредѣленно формулировалъ то, что уже дѣлалось повсюду, и грабежъ побѣжденныхъ давно уже являлся нормальнымъ результатомъ французскихъ побѣдъ.

Уже въ послѣдніе годы Директоріи армія перестала быть тѣмъ «вооруженнымъ народомъ», которымъ она была въ эпоху «всеобщаго призыва». Разъ война изъ оборонительной сдѣлалась наступательной, то нельзя было уже требовать отъ народа поголовнаго участія въ арміи и надо было регулировать болѣе точно военную повинность. Этой потребности удовлетворилъ законъ 1798 года, изданный по иниціативѣ генерала Журдана. Воинская повинность въ принципѣ продолжала быть всеобщей, и каждый французъ долженъ былъ ее отбывать въ возрастѣ отъ 20 до 25 лѣтъ. Призываемые дѣлились на классы по возрасту, и государство сохраняло за собой право призывать къ оружію одинъ или нѣсколько классовъ сразу. Наполеонъ внесъ въ этотъ порядокъ дальнѣйшія измѣненія. Не придавая особаго значенія тому, чтобы служба была непремѣнно всеобщей, и цѣня гораздо больше испытанныхъ ветерановъ, чѣмъ рекрутовъ-новичковъ, онъ ввелъ систему замѣстительства (1800 г.), а затѣмъ жребій (1804). Благодаря этому, на службу призывался теперь не весь классъ даннаго года, а только тѣ, на кого подалъ жребій. Кромѣ того, всякій призываемый могъ выставить вмѣсто себя замѣстителя. Найти замѣстителей среди отслужившихъ свой срокъ солдатъ было не трудно, и люди обезпеченныхъ классовъ широко пользовались этимъ правомъ, благодаря чему армія опять стала превращаться въ армію солдатъ-профессіоналовъ. Революція уничтожила въ арміи какія бы то ни было привилегіи. Наполеонъ, сдѣлавшись императоромъ, сталъ ихъ возстанавливать. Уже въ эпоху консульства была учреждена особая консульская гвардія. Съ установленіемъ имперіи она превратилась въ императорскую гвардію и стала быстро расти въ своемъ числѣ, къ концу царствованія она достигала уже 92.000 человѣкъ. Гвардія представляла собой отборный корпусъ, попасть въ который считалось особенною честью. Она получала повышенное жалованье и лучшую пищу, чѣмъ остальная армія. Въ дѣло она вступала обыкновенно только въ рѣшительную минуту въ качествѣ резерва и пользовалась привилегіей сражаться на глазахъ самого императора. Состояла она большею частью изъ старыхъ испытанныхъ солдатъ—«ворчуновъ» (grognards), какъ ихъ звали, которые обожали своего «маленькаго капрала», и которымъ Наполеонъ позволялъ даже говорить себѣ «ты». Мы видѣли уже, что прежній республиканскій патріотизмъ арміи давно уже уступилъ мѣсто патріотизму чисто военному. Наполеонъ старался всѣми силами разжигать это чувство въ своей арміи, прививать ей понятіе чисто военной чести, пропитывать ее духомъ завоевательнаго шовинизма и пріучать къ презрѣнію всего нефранцузскаго. Самъ не вѣря въ высокіе идеалы,

Пишегрю (грав. де-Тошъ).

Наполеонъ старается дѣйствовать на слабости человѣческія. Онъ возбуждаетъ соревнованіе каждой группы, каждаго полка, каждаго солдата. Онъ придумываетъ въ качествѣ награды сначала почетное оружіе, а затѣмъ создаетъ орденъ Почетнаго Легіона, удостоиться котораго становится завѣтной мечтой каждаго француза. На первый планъ теперь повсюду въ арміи выдвигается стремленіе выдвинуться, отличиться, поразить своихъ соперниковъ. Карьера открывается передъ каждымъ воиномъ блестящая. Наполеонъ привлекаетъ усиленно въ свою армію возвращающихся изъ эмиграціи дворянъ, но эгалитарный принципъ остается въ силѣ, и каждый солдатъ можетъ разсчитывать добраться до верхнихъ ступеней военной іерархіи, каждый солдатъ «носитъ въ своемъ ранцѣ маршальскій жезлъ». Развѣ не изъ низшихъ слоевъ населенія выдвинулись ближайшіе соратники императора, блестящая плеяда маршаловъ и генераловъ, щедро вознаграждаемыхъ герцогскими титулами и всевозможными почестями. Двое изъ нихъ попадаютъ даже на престолы (Мюратъ и Бернадотъ) или, какъ выражались солдаты, «производятся въ короли» (passent rois). На ряду съ почестями военная слава сулитъ и богатства. Съ невѣроятной щедростью Наполеонъ раздаетъ своимъ генераламъ деньги, земли, пенсіи и т. д. Маршалъ Ней, напр., получаетъ 600.000 фр. годового дохода, Даву—900.000, Массена и Бертье—свыше милліона. Въ вечеръ битвы при Эйлау каждый изъ маршаловъ, приглашенныхъ къ ужину съ Наполеономъ, находитъ подъ своей салфеткой билетъ въ 1000 франковъ. Послѣдній слѣдъ «республиканскаго» устройства арміи—замѣщеніе части офицерскихъ должностей путемъ выбора—скоро исчезъ. Всѣ должности замѣщаются по старшинству или по назначенію. Но зато попрежнему каждому открыта блестящая будущность, стоитъ только отличиться. И невѣроятная сказочная карьера самого императора и его ближайшихъ товарищей заставляетъ кружиться головы и наполняетъ сердца какимъ-то ненормальнымъ честолюбіемъ. Армія особенно горда этимъ чувствомъ равенства, которое всѣмъ сулитъ одинаковую будущность, и въ чувствѣ равенства одинъ изъ главныхъ движущихъ ею мотивовъ. Она исключительно предана своему императору, но она не перестала быть арміей демократической. Она не потеряла еще воспоминаній о героическомъ періодѣ революціонныхъ войнъ и чувствуетъ себя попрежнему представительницей идей свободы и равенства. Она не только завоевываетъ Европу, она разрушаетъ на своемъ побѣдоносномъ пути аристократическіе порядки, устанавливаетъ повсюду безсословный строй и продолжаетъ быть для старой Европы живымъ воплощеніемъ принциповъ революціи. Въ этомъ своеобразномъ завоевательно-демократическомъ духѣ кроется одна изъ главныхъ причинъ ея непрерывныхъ успѣховъ. Вотъ нѣсколько любопытныхъ строкъ изъ письма, найденнаго на груди нѣмецкаго офицера, убитаго въ сраженіи при Іенѣ: «Если бы вопросъ заключался только въ физической силѣ, мы скоро оказались бы побѣдителями. Французы малы ростомъ, тщедушны: одинъ нѣмецъ сможетъ одолѣть четырехъ изъ нихъ. Но въ огнѣ они становятся сверхъестественными существами. Ими овладѣваетъ неподдающаяся описанію ярость, которой и слѣда не найти въ нашихъ солдатахъ. Да и что можно сдѣлать съ крестьянами, которые находятся подъ командой дворянъ и которые дѣлятъ со своими офицерами опасности, но отнюдь не награды?»

Отечество въ опасности. Волонтеры 1792 г. (карт. Couder).

Со времени революціи, съ возникновенiемъ демократической арміи установились и новые тактическіе пріемы. Полководцы стали дѣйствовать крупными массами, не жалѣя людей и двигая всѣ свои силы, чтобы нанести одинъ рѣшительный ударъ. Безпрерывная война и новая тактика приводятъ къ невѣроятно быстрой убыли въ арміи, и Наполеонъ призываетъ подъ оружіе новые и новые классы рекрутовъ. Съ 1806 года обычной нормы призыва ему уже не хватаетъ. Онъ начинаетъ вопреки принципу жребія призывать тѣхъ молодыхъ людей предшествовавшихъ классовъ, которые не попали въ очередь. Кромѣ того, онъ призываетъ подъ оружіе рекрутовъ слѣдующихъ годовъ, т.-е. 19 и 18-лѣтнихъ юношей, и удерживаетъ въ арміи солдатъ предшествовавшихъ классовъ, уже выслужившихъ свой срокъ. Когда и этихъ солдатъ оказывается недостаточно, онъ добивается отъ сената разрѣшенія призвать въ армію всѣхъ лицъ, зачисленныхъ въ національную гвардію или потому, что они были единственными сыновьями, или потому, что они были слишкомъ слабы по сложенію. Благодаря такимъ безпрерывнымъ наборамъ, уклониться отъ военной службы часто было почти невозможно, и дѣло доходило до того, что въ нѣкоторыхъ деревняхъ Франціи можно было встрѣтить только или стариковъ, или дѣтей, а кое-гдѣ (въ окрестностяхъ Ліона, напр.) всѣ сельскія работы производились уже женщинами. Но для политики Наполеона послѣ того, какъ онъ сдѣлался господиномъ всей Европы, даже и этихъ контингентовъ, которые ему безпрерывно поставляла Франція, становится мало. Отъ каждой изъ странъ, присоеди-

ненныхъ къ Франціи или попавшихъ отъ нея въ вассальную зависимость, онъ требуетъ вспомогательныхъ отрядовъ. Такимъ образомъ въ рядахъ французской арміи сражаются значительные отряды швейцарцевъ, итальянцевъ, испанцевъ, ганноверцевъ, баварцевъ, саксонцевъ, поляковъ, кроатовъ и иллирійцевъ и т. д. Съ 1809 г. французская армія какъ бы теряетъ свой національный обликъ.

Въ ней говорятъ на всевозможныхъ языкахъ, и половину ея, а иногда и больше составляютъ иностранцы. Высчитано, что за время съ 1800 по 1815 г. Наполеонъ призвалъ во Франціи на военную службу 3.153.000 рекрутовъ. По меньшей мѣрѣ такое же число призвалъ онъ подъ оружіе въ подчиненныхъ его власти иностранныхъ государствахъ.

При безпрерывныхъ войнахъ и наборахъ духъ арміи невольно подвергается перемѣнѣ. Солдаты уже не надѣются на скорый миръ и на возвращеніе домой. Они знаютъ, что имъ суждена скорая смерть на полѣ сраженія или въ больницѣ, и они утѣшаются грабежами и пьянствомъ. Дисциплина начинаетъ быстро падать. Населеніе старается всѣми силами избѣжать военной службы. Наполеонъ придумываетъ строгія наказанія, которымъ подвергаетъ не только рекрутовъ, но даже лицъ, помогающихъ имъ укрыться, посылаетъ за укрывающимися цѣлые отряды на розыски, но ничто не помогаетъ, и въ 1813 г., напримѣръ, во Франціи считаютъ до 80.000 скрывающихся отъ службы. Не лучше картина и въ самой арміи. Солдаты предаются грабежу въ странахъ, по которымъ они проходятъ, и Наполеонъ безсиленъ что бы то ни было сдѣлать, такъ какъ первый примѣръ подаютъ его маршалы. Въ поискахъ за съѣстными припасами или за наживой солдаты постоянно покидаютъ свои ряды и занимаются мародерствомъ. Въ 1807 г. послѣ сраженія при Эйлау, напримѣръ, въ арміи всего 80.000 чел., годныхъ къ бою. Сверхъ того—15.000 раненыхъ, 30.000 больныхъ и 30.000 отсталыхъ и мародеровъ. Въ 1811 г. въ Испаніи образовываются даже цѣлые отряды мародеровъ, живущихъ грабежами въ населеніи. Дисциплина настолько расшатывается, что иногда приходится командировать цѣлые отряды для преслѣдованія бѣглецовъ. Въ арміи начинаетъ чувствоваться вдобавокъ усталость; особенно среди генераловъ и офицеровъ, которые вполнѣ удовлетворены полученными почестями, мечтаютъ о мирѣ и въ глубинѣ души проклинаютъ ненасытное властолюбіе императора, увлекающее его въ новыя и новыя авантюры. Правда, и въ 1811—12 гг. французская армія представляетъ изъ себя грозную силу, гордую своими безчисленными побѣдами и полную преклоненія предъ геніемъ своего вождя, но это уже не та блестящая армія ветерановъ, которая одерживала побѣды при Аустерлицѣ и Іенѣ. Новая армія состоитъ на половину изъ новобранцевъ, на половину изъ иностранныхъ отрядовъ, и не въ силахъ будетъ вынести тѣхъ испытаній, на которыя была способна прежняя армія [1]).

В. Бутенко.

---

[1]) Портреты маршаловъ Наполеона будутъ даны во II т.

Гравюра по поводу восшествія на престолъ Александра I.

ФРАНКО-РУССКІЯ ВОЙНЫ ДО 1812 г.

I. Первое столкновеніе Россіи съ революціей. Походъ Суворова въ 1799 году.

Заслуж. проф. Воен. Акад. ген. Н. П. Михневича.

Политическая обстановка.— Русская армія.— Суворовъ.

Россія не участвовала въ первой коалиціи европейскихъ державъ противъ Французской республики. Императрица Екатерина находила, что новый порядокъ, создавшійся во Франціи, не затрогивалъ интересовъ Россіи, но послѣ мира при Кампо-Форміо самовластіе побѣдоносной республики вынудило императрицу отказаться отъ занятаго ею положенія и вступить въ назрѣвшую тогда въ Западной Европѣ вторую коалицію противъ Франціи. Смерть помѣшала императрицѣ Екатеринѣ II привести въ исполненіе это ея намѣреніе.

Императоръ Павелъ, по вступленіи на престолъ, отказался отъ участія въ коалиціи и даже началъ искать сближенія съ Франціей, но вскорѣ

долженъ былъ измѣнить свое намѣреніе, такъ какъ Франція начала угрожать интересамъ Россіи въ Польшѣ и Турціи и стремилась къ расширенію своихъ владѣній, угрожая европейскому равновѣсію. Кромѣ того, захватомъ острова Мальты было нанесено личное оскорбленіе императору Павлу, какъ офиціальному покровителю рыцарскаго ордена Іоанна Іерусалимскаго.

У императора Павла постепенно складывалось убѣжденіе, что только силою можно заставить Францію отказаться отъ способа ея дѣйствій, и вслѣдствіе этого начались приготовленія къ войнѣ: въ іюнѣ 1798 года отправлены двѣ эскадры для содѣйствія Англіи, а въ іюлѣ того же года 20-тысячный корпусъ Розенберга и обсерваціонная армія сосредоточены на границѣ Пруссіи.

Послѣ захвата французами острова Мальты корпусъ Розенберга, по соглашенію съ римскимъ императоромъ, былъ направленъ въ Австрію по пути на Краковъ, Брюнъ и Кремсъ. Въ декабрѣ 1798 года Россія заключила союзъ съ Англіей, Турціей и Неаполемъ, чтобы совмѣстными силами покарать державу, въ которой, какъ выразился императоръ Павелъ, «развратныя правила и буйственное воспаленіе разсудка» попрали законъ Божій и повиновеніе установленнымъ властямъ.

Австрія еще колебалась вступить въ коалицію, но быстрая расправа Французской республики съ Неаполемъ разрушила мечты Австріи о расширеніи ея владѣній въ Италіи, а ультиматумъ о выводѣ въ двухнедѣльный срокъ изъ ея предѣловъ корпуса Розенберга, находившагося уже въ Кремсѣ, положили конецъ ея колебаніямъ. Франція открыла военныя дѣйствія, и тогда Австрія примкнула ко второй коалиціи.

Всѣ члены коалиціи преслѣдовали въ предстоявшей войнѣ съ Франціей опредѣленныя матеріальныя цѣли, и только Россія стремилась «принудить Францію войти въ прежнія границы и тѣмъ возстановить въ Европѣ прочный миръ и политическое равновѣсіе».

Предстоящая война имѣла огромное значеніе для русской арміи, послѣ семилѣтней войны не появлявшейся на поляхъ сраженій средней Европы. Въ славную Екатерининскую эпоху была произведена въ ней большая преобразовательная дѣятельность на почвѣ истинно русскихъ основъ, благодаря работѣ многихъ, но особенно Румянцева, Потемкина и Суворова. Русская армія была одѣта, обучена и воспитана совершенно своеобразно. Выработанныя въ ней тактическія формы и способы веденія боя значительно были выше европейскихъ, гдѣ всѣ еще держались, отжившихъ свое время, идей и формъ Фридриховской эпохи. Высокій духъ, воспитанный на постоянныхъ побѣдахъ, сознательная дисциплина и смѣлый починъ начальниковъ всѣхъ степеней дѣлали изъ нея страшнаго противника. Вдобавокъ, во главѣ ея появились многіе талантливые начальники и въ особенности Суворовъ—высшій выразитель русскаго воинскаго духа и военнаго таланта.

Суворовъ фанатикъ военнаго дѣла, глубоко его понимавшій, мысли котораго и до сихъ поръ служатъ основными при рѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ войны, пользовавшійся нескончаемымъ обаяніемъ среди войскъ, былъ въ то же время однимъ изъ образованнѣйшихъ военныхъ людей своего времени. Успѣхъ никогда не покидалъ его на войнѣ, при самыхъ трудныхъ условіяхъ.

Современный намъ австрійскій военный писатель Биндеръ фонъ-Криглштейнъ въ сочиненіи «Духъ и матерія на войнѣ», на основаніи войны 1799 года, и особенно швейцарскаго похода, преклоняется передъ образованностью Суворова, передъ его знаніемъ военнаго дѣла, а главное — восторгается его изумительной энергіей, преодолѣвшей всѣ препятствія со стороны противника, со стороны союзниковъ (австрійцевъ) и со стороны природы; боевую энергію Суворова авторъ ставитъ выше энергіи Наполеона, проявленной имъ въ его лучшихъ безсмертныхъ образцахъ военнаго искусства. Онъ высказываетъ: «Мы вполнѣ понимаемъ то фанатическое почитаніе, какимъ до сихъ поръ пользуется память Суворова въ рядахъ русской арміи, и мы смѣло и съ полнымъ убѣжденіемъ признаемъ въ этомъ величественномъ отпрыскѣ славянскаго племени величайшаго полководца на ряду съ Фридрихомъ и Наполеономъ».

А. В. Суворовъ (портр. Шмидта, лит. Прохорова).

Австрійцы въ турецкой войнѣ, дѣйствуя рядомъ съ русскими, въ сраженіи при Рымникѣ увидѣли, каковы русскія войска и каковъ предводившій ими Суворовъ. И вотъ, послѣ многихъ лѣтъ тяжелыхъ испытаній и пораженій со стороны высоко воодушевленныхъ войскъ республиканской Франціи, не находя въ себѣ ни энергіи ни тѣхъ духовныхъ силъ, которыми только и можно было сломить вновь появившуюся на европейскихъ поляхъ сраженія новую силу, рѣшились обратиться за содѣйствіемъ русскихъ войскъ и ихъ геніальнаго вождя Суворова. Императоръ Павелъ согласился на просьбу римскаго императора, и русскія войска, съ 70-лѣтнимъ фельдмаршаломъ Суворовымъ во главѣ, совмѣстно съ австрійцами должны были вступить въ борьбу съ французскими войсками въ Италіи.

Но это была уже не вполнѣ Екатерининская армія. Императоръ Павелъ — страстный поклонникъ Фридриховскаго военнаго искусства, стре-

мился съ корнемъ вырвать все то, что выработалось въ нашей арміи въ славную эпоху его матери. О воспитаніи войскъ, о значеніи нравственнаго элемента въ войскахъ было забыто; русскую армію начали истязать по правиламъ нѣмецкой муштры. Грубость и униженіе личности стали обычнымъ явленіемъ. Требовалось только механическое исполненіе; всякій личный починъ былъ убитъ. Въ дѣлѣ обученія водворился педантизмъ, внутреннее содержаніе угасло; все ушло на внѣшнюю сторону. «Военные почти все время проводятъ исключительно на парадѣ», писалъ наслѣдникъ Александръ Павловичъ Лагарпу.

Суворовъ попробовалъ было протестовать противъ новыхъ порядковъ, но былъ исключенъ изъ службы и сосланъ на житье въ с. Кончанское, гдѣ продолжалъ слѣдить за тѣмъ, что дѣлается въ Европѣ.

Онъ уже оцѣнилъ новыя боевыя формы, которыми республиканскія войска побѣждали европейскія арміи, и уже въ своемъ геніальномъ поученіи солдатамъ говорилъ: «Есть безбожные, вѣтреные, сумасбродные французишки, они воюютъ на нѣмцевъ и иныхъ колоннами! Если бы намъ случилось противъ нихъ, то надобно намъ ихъ бить колоннами же!»

Не пришлось великому полководцу осуществить это на дѣлѣ: въ Италіи онъ велъ русскія и австрійскія войска, обученныя по принципамъ уже отжившей тактики Фридриха Великаго, основанной на вытягиваніи войскъ въ тонкія линіи и огнѣ залпами изъ сомкнутаго строя.

И съ этими-то деревянными формами старику фельдмаршалу пришлось бороться противъ войскъ превосходныхъ по духу, на пересѣченной мѣстности сѣверной Италіи, гдѣ разсыпной строй и колонны французскихъ войскъ имѣли громаднѣйшее превосходство.

Суворовъ сумѣлъ возбудить въ своихъ войскахъ удивительную энергію и съ невѣроятною смѣлостью направлялъ ихъ для атаки противника.

Тотъ же Биндеръ фонъ-Криглштейнъ, о которомъ мы упоминали выше, пишетъ по этому поводу слѣдующее:

«Невѣроятно смѣло! Да! И въ этомъ заключается величіе Суворова. Онъ чувствовалъ, или, если угодно, зналъ, что энергія составляетъ все на войнѣ, и онъ довелъ ее до крайнихъ предѣловъ. Въ 1799 г. Суворову удалось уравновѣсить неслыханной энергіей невыгоды старой линейной тактики въ борьбѣ съ преимуществами элементарнаго боя французскихъ войскъ, и что достигается при помощи очень чувствительныхъ жертвъ. Суворову удалось превосходству французской пѣхоты съ успѣхомъ противопоставить старыя тактическія формы при помощи своей высокой энергіи въ веденіи боя—примѣръ причудливой многосторонности войны. Успѣхи Суворова способствовали болѣе, чѣмъ то обыкновенно думаютъ, сохраненію старой линейной тактики даже въ то время, когда Суворовъ почилъ уже вѣчнымъ сномъ».

Отпуская Суворова къ арміи, императоръ Павелъ, вопреки своимъ взглядамъ и принципамъ, сказалъ ему: «Веди войну по своему, какъ умѣешь». Чтобы не ставить австрійскія войска въ подчиненіе русскому генералу, Суворовъ былъ зачисленъ на службу въ австрійскія войска фельдмаршаломъ.

Быстро поскакалъ Суворовъ въ Вѣну, поторопилъ русскія войска и самъ отправился на театръ войны, въ Верону.

Верона.—Переправа черезъ Адду.—Миланъ.—Туринъ.

До прибытія Суворова въ Италіи произошло слѣдующее: французы выставили на театръ войны двѣ арміи — въ сѣверной Италіи, между рѣками Кіезой и Минчіо, 50—60.000 Шерера и въ Неаполитанскихъ владѣніяхъ 30—40.000 Макдональда, около 30—40.000 составляли гарнизоны крѣпостей. Кромѣ того, въ Швейцаріи дѣйствовала Гельветическая армія Массены въ 30—40.000 человѣкъ.

Австрійцы, временно подъ начальствомъ Края, имѣли 55.000 на рѣкѣ Эчѣ; вскорѣ къ нимъ долженъ былъ присоединиться Суворовъ съ 30.000 русскихъ войскъ; гарнизонами въ Каринтіи и Крайнѣ было 23.000 чел.

Корпусъ Римскаго-Корсакова 30.000 русскихъ войскъ направлялся въ Швейцарію. Край не намѣревался открывать военныя дѣйствія ранѣе прибытія русскихъ войскъ и Суворова, но французы сами перешли въ наступленіе. Они сдѣлали ошибку: вмѣсто того, чтобы сначала соединить обѣ арміи—Шерера и Макдональда, республиканское правительство предписало Шереру немедленно наступать. Шереръ двинулся къ Эчу нѣсколькими колоннами, но былъ неожиданно атакованъ, перешедшимъ тоже въ наступленіе, генераломъ Краемъ. 5 апрѣля разыгралось сраженіе при Маньяно, въ которомъ Шереръ потерялъ 8.000 чел. и 18 орудій, а австрійцы—около 6.000 человѣкъ.

Суворовъ ведетъ русскія войска для борьбы противъ Франціи (карик. 1799 г.).

6 и 7 апрѣля Шереръ отступилъ за Минчіо, а потомъ и за Оліо, усиливъ гарнизоны Пескіеры и Мантуи. У него оставалось налицо всего 28.000 чел.; за Оліо онъ думалъ выждать присоединенія неаполитанской арміи Макдональда.

Австрійцы не преслѣдовали. 15 апрѣля въ Валеджіо прибылъ Суворовъ и вступилъ въ командованіе австро-русскою арміей.

Отдавши превосходный приказъ по арміи, въ которомъ объявлялись основныя начала тактики Суворова, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приказалъ русскимъ инструкторамъ обучать австрійскія войска штыковому бою. Это вызвало съ ихъ стороны нѣкоторое неудовольствіе, но на выраженіе его не было и времени, такъ какъ черезъ 4 дня Суворовъ началъ наступленіе. На предложеніе генералъ-квартермистра Шателера произвести рекогносци-

ровку, Суворовъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ, говоря, что рекогносцировки служатъ только для открытія нашихъ собственныхъ намѣреній; «колонны, штыки, натискъ: вотъ мои рекогносцировки!»

Между тѣмъ, угрожаемый обходомъ съ фланговъ, Шереръ отступилъ за рѣку Адду и разбросалъ свои войска 28.000 чел. на 100 верстъ, отъ озера Комо до рѣки По, занявши всѣ переправы.

19 (8) апрѣля Суворовъ двинулся къ рѣкѣ Оліо, овладѣлъ Брешіею, оставилъ 20.000 съ генераломъ Краемъ для осады Пескіеры и Мантуи и рѣшилъ немедленно атаковать противника за рѣкой Аддой. Вслѣдствіе непогоды и испортившихся дорогъ движеніе было крайне затруднительно; австрійскій генералъ Меласъ самопроизвольно далъ своимъ войскамъ на рѣкѣ Меллѣ дневку, за что получилъ выговоръ Суворова.

(Карик. 1799).

Поразила австрійцевъ и быстрота марша Суворова и его требованіе «непріятеля вездѣ атаковать». Что это за стратегія? говорили они, пожимая плечами[1]). Вскорѣ дѣло разъяснилось: по прежнему на рѣкѣ Аддѣ была бы возня въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, Суворовъ рѣшилъ дѣло въ два дня.

Онъ сосредоточилъ 40.000 между Тревиліо и Каприно, на прямой дорогѣ къ Милану, а къ флангамъ двинулъ небольшія силы: Багратіона вправо, на Лекко, и Гогенцоллерна влѣво, на Кремону. 26 (15) Багратіонъ ведетъ демонстративный бой у Лекко, притягиваетъ туда вниманіе противника, и хотя въ этотъ день Шереръ былъ замѣщенъ новымъ главнокомандующимъ генераломъ Моро, который сдѣлалъ распоряженіе, чтобы сосредоточить войска къ Вапріо и Кассано, но не успѣлъ въ этомъ, такъ какъ за ночь Суворову удалось переправить у с. Джервазіо и Бривіо три дивизіи пѣхоты и утромъ атаковать съ 24.500 чел. всего 10.500, которыхъ подтянулъ Моро къ мѣсту боя. Французы съ большими потерями отступили частію къ Милану, частію—къ Меленьяно. 28 (17) апрѣля союзники двинулись къ Милану, причемъ у Вердеріо взяли въ плѣнъ 3.000 отрядъ Серрюрье.

Уронъ французовъ въ бояхъ 26, 27 и 28 апрѣля: убитыми и ранеными 2.500 чел., плѣнными 5.000 и 27 орудій. Союзники потеряли около 2.000 человѣкъ.

Союзники заняли Миланъ и объявили Цизальпинскую республику упраздненной.

---

[1]) Лакошъ: «den Feind überall angreiffen». Was ist das für eine Strategie?

Моро сначала отвелъ свои войска за рѣку Тичино, а потомъ—къ Александріи, гдѣ на высотахъ С.-Сальвадоре занялъ сильную позицію, прикрытую слѣва рѣкой По, а съ фронта—Танаро и Бормидою. Отсюда онъ имѣлъ сообщеніе на Асти, къ Турину, въ Генуезскую Ривіеру и къ Ниццѣ.

Для дальнѣйшаго наступленія Суворовъ долженъ былъ оставить въ тылу 23.000 войскъ, такъ какъ ему не разрѣшили употребить для этой цѣли войска генерала Края. 1 мая, послѣ трехдневнаго отдыха въ Миланѣ, Суворовъ двинулся двумя колоннами на Мецано-Корти и Піаченцу, въ долину рѣки По. Къ арміи прибылъ со вторымъ эшелономъ корпуса Розенберга великій князь Константинъ Павловичъ.

Суворовъ нѣкоторое время продержался у Александріи; его безпокоило отсутствіе точныхъ свѣдѣній объ арміи Макдональда; но когда узналъ, что Макдональдъ надолго задержанъ въ средней Италіи, онъ рѣшилъ движеніемъ въ глубь Пьемонта и угрозою Турину выманить Моро изъ сильной позиціи подъ Александріей.

16 (5) мая Суворовъ приступилъ къ выполненію этого плана, арьергардъ его помѣшалъ Моро овладѣть дорогою на Геную, почему послѣдній и отступилъ въ Ривьеру, гдѣ и расположился между Лоано и Сарцано.

Оставивъ 11.000 для наблюденія за Моро и блокады Тортонской цитадели, Суворовъ быстро двинулся къ Турину и занялъ его 26 (15) мая; жители открыли ворота города, а французскій гарнизонъ Фіорелли отступилъ въ цитадель. Въ крѣпости взято около 400 орудій, 20.000 ружей и множество разныхъ запасовъ.

GENERAL SWARROW, towing the French Directory into RUSSIA!!

Суворовъ тащитъ на веревкѣ пятерыхъ членовъ Директоріи (кар. 1799).

Въ пять недѣль Суворовъ завоевалъ почти всю Ломбардію, прошелъ болье 400 верстъ, занялъ столицу Пьемонта и стоялъ въ какихъ-нибудь 100 верстахъ отъ французской границы!

Дѣйствія противъ арміи Макдональда.—Сраженіе на рр. Тидоне и Треббіи.

Занявши Туринъ, Суворовъ готовилъ планъ наступленія итальянской арміи въ Швейцарію, дабы соединенными силами съ австрійскими войсками, дѣйствовавшими въ Швейцаріи и на Рейнѣ (Готце, Бельгардъ и эрцъгерцогъ Карлъ), предпринять дальнѣйшее наступленіе во Францію. Къ великому горю Суворова, императоръ Францъ отклонилъ этотъ планъ,

приказавъ обезпечить владѣніе Италіей занятіемъ всѣхъ крѣпостей. Пришлось стоять въ Туринѣ въ ожиданіи исхода безконечныхъ осадъ. Это было не въ характерѣ Суворова. Даже такой значительной крѣпости, какъ Мантуя, онъ не придавалъ теперь большого значенія; его больше занимали остатки арміи Моро и неаполитанская армія Макдональда. Въ письмѣ къ графу Толстому Суворовъ говоритъ: «Мантуя—сначала главная моя цѣль, но драгоцѣнность ея не стоила лучшаго потерянія времени кампаніи, субсистенція ея уменьшилась. Теперь отъ Нордовой черты приступили тверже къ иной, наполнивъ героями край, пора помышлять о Зюйдовой чертѣ: недорубленный лѣсъ опять выростаетъ». Однако, по настоянію гофкригсрата, пришлось возиться съ осадами крѣпостей.

Выполняя нелѣпыя предписанія гофкригсрата, Суворовъ горько жаловался на его предсѣдателя стараго систематика барона Тугута, про котораго онъ писалъ Разумовскому: «Эта старая сова не съ ума ли сошла? или вовсе его не имѣла?» Императоръ Павелъ былъ тоже недоволенъ австрійцами за Суворова, но просилъ старика фельдмаршала исполнять желанія императора Франца.

Пришлось стоять на мѣстѣ и давать противникамъ время исправить свое положеніе, а между тѣмъ они окружали его съ трехъ сторонъ: со стороны Швейцаріи, южной Франціи и изъ Ривьеры, да еще изъ средней Италіи ожидалась армія Макдональда, которая могла окончательно перерѣзать всѣ его сообщенія.

Имѣя всего 114.000 человѣкъ, Суворовъ долженъ былъ осаждать крѣпости, охранять тылъ длиною въ 400 верстъ и наблюдать за противникомъ во всѣ стороны. И все это онъ выполнилъ въ высшей степени искусно и сгруппировалъ свои войска такъ, что имѣлъ возможность временно задержать противника, откуда бы онъ ни появился, а затѣмъ къ любому пункту черезъ нѣсколько дней могъ сосредоточить почти двѣ трети своихъ силъ. Это—высочайшій образецъ стратегическаго искусства, до сихъ поръ не превзойденный никѣмъ изъ полководцевъ.

Суворовъ, пожирающій французовъ (англійская карик. по поводу побѣды на Треббіи).

Между тѣмъ французскія арміи дѣйствительно рѣшили соединиться и совокупными силами атаковать Суворова. Макдональдъ прибылъ съ арміею въ Тосканскія владѣнія и уговорился съ Моро соединиться у Тортоны. Это рѣшеніе было рискованно, такъ какъ Тортона была въ рукахъ Суворова. Для вы-

полненія условленнаго плана Моро отступилъ въ Ривьеру: Суворовъ хотѣлъ немедленно броситься за нимъ, но одновременно получилъ донесеніе о наступленіи противника со стороны Швейцаріи и южной Франціи, что къ Моро подвезены моремъ значительныя подкрѣпленія и что войска Макдональда тоже моремъ перевозятся въ Геную. Слѣдовало ожидать наступленія Моро или на Туринъ или къ Александріи, поэтому Суворовъ занялъ выжидательное положеніе у Турина. Только 29 мая (9 іюня) выяснилось, что Моро движется къ Александріи; тогда Суворовъ, оставивъ 8.000 Кайма и 3.000 пьемонтскихъ ополченій для осады Туринской цитадели, на слѣдующій день быстро двигается къ Александріи, куда и прибываетъ 1 (12) іюня, сдѣлавши по дурнымъ дорогамъ въ два съ половиной дня 100 верстъ! Здѣсь онъ сосредоточилъ 34.000 человѣкъ, но предполагалъ довести свои силы до 50.000 чел., присоединивши Края, осаждавшаго Мантую, которому и послалъ соотвѣтствующее приказаніе. Но Край приказанія не исполнилъ, такъ какъ имѣлъ особую, тайную отъ Суворова, инструкцію отъ гофкригсрата, исключительно заниматься осадою Мантуи и никуда отъ нея не удаляться. Это — лучшая характеристика того, насколько связанъ былъ въ своихъ распоряженіяхъ Суворовъ.

А. В. Суворовъ (съ оригинала Крейцингера 1799).

Прибывъ къ Александріи, Суворовъ вскорѣ выяснилъ, что со стороны Генуи противникъ, повидимому, ничего не предпринимаетъ, но что у Модены и Пармы появились сильныя колонны непріятеля и 12 (1) іюня разбили отрядъ Кленау. Становилось яснымъ, что Макдональдъ перешелъ Апенины и что въ этотъ моментъ главная опасность угрожала ему не со стороны Генуи, а съ востока, отъ Модены.

Суворовъ рѣшаетъ броситься навстрѣчу Макдональду съ 24.000 чел., оставилъ 14.500 Бельгарда у Александріи, приказавъ ему выслать сильные авангарды въ горы; у Валенцы и Бассиньяно построить предмостныя укрѣпленія; крѣпости Павію и Піччигетоне вооружить орудіями изъ Турина. Постройка мостовъ черезъ Танаро и Бормиду задержала Суворова подъ Александріей на 2 дня.

15 (4) іюня, въ 10 ч. вечера быстро двинулись войска навстрѣчу Макдональду, при чемъ главныя силы сдѣлали въ сутки 45 верстъ, а авангардъ—60. Утромъ 17 (6) іюня главныя силы должны были дойти до Сенъ-Джіованни, а авангардъ—до рѣки Треббіи.

Макдональдъ уже тѣснилъ передъ собой 6.000 ген. Отта, который наканунѣ (16—5 іюня) отступилъ за рѣку Тидоне.

Обѣ стороны были сильно растянуты въ глубину: войска Суворова на 30 верстъ, а Макдональда почти на 100.

На берегу рр. Тидоне и Треббіи 17, 18 и 19 (6, 7 и 8) іюня разыгралось сраженіе, въ которомъ армія Макдональда была разбита.

На этомъ мѣстѣ, прославленномъ за 2.000 лѣтъ передъ тѣмъ побѣдою Аннибала надъ завоевателями древняго міра, на этомъ самомъ мѣстѣ суждено было и Суворову побѣдить войска народа, домогавшагося владычества надъ всею Европою. Здѣсь столкнулись побѣдоносные воины Рымника, побѣдители Очакова, Измаила, Праги, увѣнчанные свѣжими лаврами Италіи, съ побѣдителями при Лоди, Арколе, Риволи; силы обѣихъ сторонъ были одинаковы, даже нѣкоторое численное превосходство было на сторонѣ французовъ; они же превосходили союзниковъ въ тактикѣ, болѣе отвѣчающей характеру мѣстности на полѣ сраженія. Побѣда на сторону союзниковъ могла склониться только при огромномъ нравственномъ превосходствѣ, которое сумѣлъ создать геніальный Суворовъ.

17 (6) іюня Макдональдъ успѣлъ оттѣснить Отта до Сенъ-Джіованни; Суворовъ, получивши объ этомъ донесеніе, быстро двинулся впередъ и около 4 часовъ дня съ передовыми войсками энергично атаковалъ побѣдоносныхъ французовъ: сперва кавалеріей, а потомъ и подоспѣвшей пѣхотой.

Когда на приказаніе Суворова атаковать, Багратіонъ доложилъ фельдмаршалу на ухо, что войска истомлены, много отсталыхъ, въ ротахъ не болѣе 20 рядовъ, то онъ сказалъ, указывая на французскія войска:

— Голубчикъ, атакуй: у него и того меньше!

Неудержимая атака «чудо-богатырей» Суворова дала ему побѣду. Французы отступили, имѣя 19.000 чел. противъ 14.000 союзниковъ.

18 (7) іюня въ 10 ч. утра войска Суворова тремя колоннами двинулись въ долину рѣки Треббіи; правая колонна, въ которую входили всѣ русскія войска, была сильнѣе другихъ, здѣсь возможно было ожидать прибытія подкрѣпленій отъ арміи Моро. Войскамъ объявленъ отзывъ «Коллинъ», въ воспоминаніе одержанной въ этотъ день австрійцами побѣды. Несмотря на то, что къ Макдональду подтянулись еще двѣ его дивизіи—Оливье и Монришара, день былъ нерѣшительный. Рѣка Треббія раздѣляла обѣ арміи на ночлегѣ.

19 (8) іюня Суворовъ успѣлъ подтянуть къ мѣсту боя 3 баталіона и 6 эскадроновъ; Макдональдъ подтянулъ дивизію Ватреня и ожидалъ прибытія отряда Лапоипа и подкрѣпленій Моро. Опять бой начался съ 10 ч. утра, при чемъ на сторонѣ Макдональда было уже превосходство въ силахъ, и онъ охватилъ оба фланга Суворова. Былъ даже критическій моментъ, когда часть войскъ Розенберга была окружена. Прискакалъ адъютантъ къ Суворову съ донесеніемъ, что придется отступать. Фельдмаршалъ въ одной рубашкѣ лежалъ около большого камня и, обратившись къ посланному, спросилъ:

— Можешь свернуть этотъ камень?

— Не могу,—было отвѣтомъ.

— Ну, и Суворовъ не можетъ отступать.

Прискакалъ обожаемый полководецъ къ войскамъ, и непріятель былъ опрокинутъ.

Въ тотъ же день австрійцы присылали спросить — куда отступать. «Въ Піаченцу», т.-е. на 5 верстъ впередъ, былъ отвѣтъ Суворова. Съ большимъ трудомъ всѣ атаки французовъ были отбиты, и войска заночевали на полѣ сраженія. Снова день нерѣшительный.

Семидесятилѣтній полководецъ еле держался на ногахъ. Несмотря на это, онъ весело поздравлялъ собравшихся вечеромъ генераловъ «съ третьею побѣдой» и сказалъ:

— Завтра дадимъ четвертый урокъ Макдональду!

Въ 5 ч. утра было приказано быть готовымъ для новой атаки.

Потери сторонъ за три дня боя были: французовъ болѣе 14.000 убитыхъ и раненыхъ и плѣнныхъ, а союзниковъ 6.000 (3.600 русскихъ и 2.400 австрійцевъ).

Макдональдъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ было принято рѣшеніе отступать, такъ какъ запасовъ нѣтъ, потери огромны, многіе генералы ранены (Макдональдъ, Викторъ, Руска, Сальмъ и Оливье); о Лапоипѣ и Моро свѣдѣній нѣтъ, въ тылу же снова появились отряды союзниковъ — Гогенцоллерна и Кленау.

А. М. Римскій-Корсаковъ. (Пис. Варнекъ).

Ночью началось отступленіе арміи Макдональда, которое было обнаружено союзниками только къ утру. Вечеромъ Суворовъ получилъ тоже непріятную вѣсть о появленіи отрядовъ Моро у Вогеры и Кастеджіо, т.-е. у него въ тылу.

Съ утра 20 (9) іюня Суворовъ двинулъ свои войска двумя колоннами для преслѣдованія французовъ и въ два дня проходитъ 38 верстъ до рѣки Арды, уничтоживъ арьергардъ Виктора и захвативши массу плѣнныхъ (12.000 съ 4 генералами, въ числѣ которыхъ были Оливье и Руска). Затѣмъ Суворовъ бросается назадъ, противъ Моро.

Моро, шедшій на соединеніе съ Макдональдомъ, дѣйствовалъ медленно: 20 (9) іюня онъ опрокинулъ Бельгарда у Кассина-Гросса и, выставивши противъ него заслонъ, двинулся было къ Піаченцѣ съ тѣмъ, чтобы выйти въ тылъ Суворову, но, узнавъ о разгромѣ арміи Макдональда, поспѣшилъ отступить въ Ривьеру.

Вся операція противъ Макдональда продолжалась 11 дней, въ теченіе которыхъ союзная армія сдѣлала 220 верстъ, вела трехдневный бой противъ въ полтора раза сильнѣйшаго противника и разгромила его, заставивши потерять болѣе половины своего состава, 8 знаменъ, 7 пушекъ, массу плѣнныхъ и обозовъ, и заставила другую непріятельскую армію отказаться отъ своихъ боевыхъ задачъ, едва только приступивъ къ ихъ вы-

полненію. Такіе результаты достигнуты геніемъ Суворова и русскимъ штыкомъ!

За побѣду при Треббіи императоръ Павелъ пожаловалъ Суворову свой портретъ, оправленный въ брилліанты, при рескриптѣ, въ которомъ было сказано: «Портретъ мой на груди вашей да проявитъ всѣмъ и каждому признательность государя къ великимъ дѣламъ своего подданнаго—имъ же прославляется царствованіе наше».

Дѣйствія Суворова противъ Моро и Жубера.—Побѣда при Нови.

Остатки арміи Макдональда изъ Тосканы двинулись въ Генуезскую Ривьеру, гдѣ и примкнули къ войскамъ Моро, составивъ его правое крыло, подъ начальствомъ генерала С.-Сира; Макдональдъ же уѣхалъ въ Парижъ.

Суворовъ хотѣлъ наступать противъ Моро до соединенія его съ Макдональдомъ, но вѣнскій кабинетъ слышать не хотѣлъ о какомъ-либо наступленіи раньше овладѣнія крѣпостями. Суворовъ долженъ былъ подчиниться. Болѣе 55.000 чел. были заняты осадами, а остальныя, доведенныя до 50.000 подкрѣпленіями, прибывшими изъ Швейцаріи и Россіи, должны были прикрывать эти осады отъ покушеній Макдональда, Моро или со стороны Альпъ.

Послѣ побѣдъ Суворова крѣпости быстро сдавались союзникамъ: 21 (10) іюля сдалась Александрія, а 28 (17)—Мантуя.

Французы составили новый планъ дѣйствій: изъ Швейцаріи и южной Франціи произвести сильную диверсію, а для спасенія Мантуи 50.000 итальянской арміи Жубера наступать къ Александріи и дать генеральное сраженіе. Моро получилъ назначеніе командовать арміей на Рейнѣ, но, по просьбѣ Жубера, согласился временно оставаться при итальянской арміи.

Не зная, что Мантуя уже сдалась, Жуберъ 9 августа двинулся изъ Ривьеры и 14 (3) сосредоточилъ свои войска на высотахъ у г. Нови, командовавшихъ лагеремъ Суворова, у котораго было 54.000 пѣхоты и 9.000 кавалеріи.

Въ арміи Жубера было около 35.000 чел. Она занимала очень сильную позицію на высотахъ, покрытыхъ садами и виноградниками, длиною около 6 верстъ; въ центрѣ ея былъ городъ Нови. Пути отступленія отходили отъ фланговъ: отъ лѣваго на Гави, а отъ праваго, болѣе удобный, по долинѣ рѣки Скривіи.

Достигнувъ Нови, Жуберъ узналъ о паденіи Мантуи и присоединеніи войскъ генерала Края къ Суворову. Слѣдовало отступить, что и высказали генералы на военномъ совѣтѣ, но Жуберъ не могъ на это рѣшиться послѣ обѣщаній, данныхъ въ Парижѣ [1]). Отпустивши генераловъ къ войскамъ, онъ до утра не присылалъ диспозиціи и войска ночевали, совершенно не подготовившись къ бою.

---

[1] См. статью „Революція и Бонапартъ“.

Битва при Цюрихѣ 26 сент. 1799 г. (карт. Bouchot).

Между тѣмъ Суворовъ уже рѣшилъ утромъ 15 (4) августа атаковать Жубера. Планъ состоялъ въ томъ, чтобы, поведя демонстрацію противъ лѣваго фланга позиціи французовъ, съ цѣлью притянуть туда ихъ резервы, съ фронта вести задерживающій бой, а окончательный ударъ въ концѣ произвести на правомъ флангѣ позиціи противника.

Такъ сраженіе и разыгралось. Съ разсвѣтомъ Край и Бельгардъ съ 27.000 чел. ведутъ атаку на лѣвое крыло арміи Жубера почти неожиданно; на этотъ бой прискакиваетъ Жуберъ и убитъ; его замѣщаетъ генералъ Моро. Подтянувши резервы, французамъ удается отбить атаку и принудить Края отступить на равнину. Тогда Край проситъ Багратіона поддержать его, но онъ необычно медлитъ. Суворовъ сообщилъ своему другу, князю Петру, сущность задуманнаго имъ плана сраженія: для боя на фронтѣ, который долженъ былъ составить второй послѣдующій актъ, Суворовъ предназначалъ войска Багратіона, Милорадовича и Дерфельдена, которыя должны были подобно молоту давать послѣдовательные удары по трудно доступной позиціи противника.

Лишь въ 9 часу утра Суворовъ выѣхалъ къ войскамъ русскаго авангарда, велѣлъ Багратіону атаковать Нови, Милорадовичу—поддержать Багратіона, Дерфельдену—итти отъ Ривальты къ Нови, а Краю—возобновить атаку на лѣвый флангъ противника.

Въ тылу, въ видѣ общаго резерва оставались войска Меласа и Розенберга.

Закипѣлъ горячій бой по всей позиціи французовъ. Багратіонъ былъ отбитъ, но при поддержкѣ атаки Милорадовича снова повелъ атаку на Нови и имѣлъ уже успѣхъ, когда былъ атакованъ, прибывшей съ праваго фланга, свѣжей дивизіей Ватреня и вторично долженъ былъ отступать: съ прибытіемъ же Дерфельдена былъ произведенъ третій ударъ; французы отступили съ равнины, но держались еще на высотахъ.

Уже 8 часовъ продолжался бой, а между тѣмъ ни одинъ изъ противниковъ не достигъ еще рѣшительнаго успѣха. Въ ожиданіи прибытія Меласа, которому Суворовъ послалъ приказаніе спѣшить къ полю сраженія, атаки русскихъ прекратились и бой затихъ по всей линіи.

Въ 4 часу пополудни подошелъ Меласъ и Суворовъ приказалъ всѣмъ войскамъ одновременно атаковать французовъ. Снова загорѣлся упорный бой, на этотъ разъ съ полнымъ успѣхомъ для союзниковъ; Нови было взято; войска Груши, Периньона и Колли на лѣвомъ флангѣ французовъ были окружены и взяты въ плѣнъ; остальныя войска отступали въ страшномъ безпорядкѣ, прикрываясь частью войскъ С.-Сира, кое-какъ удерживавшаго натискъ союзниковъ на правое крыло. Въ 8 ч. вечера сраженіе окончилось.

Суворовъ подъ ударами Массены изрыгаетъ проглоченныхъ французовъ, а вмѣстѣ съ ними ордена и медали.

Въ сраженіи при Нови французы потеряли 6.500 убитыми и ранеными, 4.600 плѣнными и нѣсколько тысячъ разбѣжавшимися. Такимъ образомъ была уничтожена половина арміи Моро. Союзники потеряли 8.000 чел. убитыми и ранеными. Взято трофеевъ: 4 знамени, 39 орудій, т.-е. вся французская артиллерія, и множество обоза.

Преслѣдованіе на слѣдующій день производилъ Розенбергъ до Гави, а потомъ оно было пріостановлено, такъ какъ австрійское комиссаріатское управленіе заявило, что при войскахъ всего только на 2 дня продовольствія; а муловъ и запасовъ для похода въ горы не заготовлено, въ Ривьерѣ же найти запасовъ невозможно. Снова Суворовъ не можетъ двинуться впередъ!

За побѣду при Нови, императоръ Павелъ повелѣлъ войскамъ, даже въ присутствіи государя, отдавать Суворову воинскія почести, слѣдуемыя по уставу только особѣ императора.

Сраженіе при Нови есть необыкновенное творчество генія Суворова: при линейныхъ формахъ и линейной тактикѣ того времени, онъ ведетъ его въ духѣ современной намъ глубокой тактики. Замѣнивъ глубокую форму построенія расположеніемъ нѣсколькихъ частей одна за другою, хотя и построенныхъ въ линейныхъ формахъ, пріучивъ войска къ стремительной атакѣ, онъ замѣняетъ этимъ колонны глубокой тактики.

Самое руководство сраженіемъ есть высочайшій образецъ искусства, но и оно не въ духѣ линейной тактики. Это было нѣчто неожиданное, небывалое, почему Суворовъ былъ правъ, воскликнувъ въ день сраженія при Нови:

«Ужъ и будутъ меня за сегодняшній день бранить тактики!».

Жуберъ.

Швейцарскій походъ Суворова.

Получивъ извѣстіе, что отъ М. Женевра и Малаго С.-Бернара появились войска арміи Шампіоннэ, Суворовъ перешелъ къ Асти. Здѣсь 27 (16) августа онъ узналъ о новомъ планѣ союзниковъ, по которому Суворовъ долженъ былъ увести русскія войска изъ Италіи въ Швейцарію, соединиться тамъ съ корпусомъ Римскаго-Корсакова и оттуда, черезъ Францъ-Конте, вторгнуться во Францію, имѣя на флангахъ австрійскія арміи: эрцгерцога Карла и итальянскую Меласа.

8 сентября (28 августа) Суворовъ двинулся къ Валенцѣ и Хераско, но получивъ свѣдѣніе, что Моро выступилъ изъ Ривьеры для деблокады Тортоны, вернулся назадъ. Моро отступилъ. Черезъ три дня цитадель сдалась, и Суворовъ, въ одной колоннѣ, двинулся къ Белинцонѣ.

Римскій-Корсаковъ прибылъ въ Швейцарію съ 27.000 войскъ въ началѣ августа. Изъ Вѣны было дано приказаніе немедленно вывести оттуда австрійскія войска, возложивъ на русскихъ невыполнимую и опасную задачу: 27.000 войскъ охранять въ горной странѣ пространство въ 200 верстъ, имѣя передъ собою 80.000-ю армію съ талантливымъ Массеною во главѣ.

Чтобы облегчить положеніе русскихъ офицеровъ, эрц. Карлъ временно оставилъ въ Швейцаріи войска Готце 21.500 ч., да еще противъ швейцарскихъ проходовъ въ сѣверной Италіи стояли отряды Штрауха и Гад-

вика 12.000 чел. Всего, противъ 80.000 Массены, у союзниковъ было 60.500 челов.

Свѣдѣній о расположеніи французовъ не имѣлось; Суворовъ, впрочемъ, предполагалъ, что они расположены «въ видѣ запятой, жирная часть которой находится противъ Римскаго-Корсакова, а хвостъ поставленъ подъ удары изъ Италіи черезъ С.-Готардъ, по свѣдѣніямъ, проходимый для войскъ». Суворовъ рѣшилъ двинуться прямо на С.-Готардъ и атаковать правый флангъ французовъ, а австрійцевъ просилъ занимать ихъ съ фронта; потомъ онъ намѣревался двинуться на соединеніе съ австрійцами къ Гларису, а оттуда, по соединеніи съ корпусомъ Римскаго-Корсакова, атаковать главныя силы французовъ.

Суворовъ, не зная мѣстныхъ условій, не рискнулъ привести свой планъ въ исполненіе, не посовѣтовавшись съ австрійскими генералами, Штраухомъ, Линкеномъ и Готце, которые уже долгое время находились въ Швейцаріи и должны были хорошо знать мѣстныя условія. Они измѣнили пунктъ соединенія, избравши, вмѣсто Глариса, Швицъ, но не предупредили Суворова, что путь, идущій черезъ С.-Готардъ, у Альторфа упирается въ Фирвальдштетское озеро, и чтобы отсюда попасть въ Швицъ, нужно итти по западную сторону озера, слѣдуя на Люцернъ.

Суворовъ одобрилъ этотъ планъ и предполагалъ 17 сентября (6) подойти къ С.-Готарду, а 19 (8) уже атаковать его. Сдѣлавши въ 6 дней 150 верстъ, наши войска прибыли 15 (4) сентября въ Таверну и принуждены были стоять четыре дня въ ожиданіи муловъ для вьючнаго обоза, которыхъ австрійцы по обыкновенію не выставили. Суворовъ спѣшилъ 1.500 казаковъ и ихъ лошадей обратилъ подъ вьюки.

Сраженіе при Нови, 4 августа 1799 г. (карт. Коцебу).

Переходъ Суворова черезъ Паниксъ (карт. Коцебу).

19 (8) сентября Розенбергъ двинутъ въ Белинцону, гдѣ и оставался до полученія приказаній, а черезъ два дня выступилъ изъ Таверны къ С.-Готарду съ главными силами и Суворовъ. Римскому-Корсакову и Готце послано предложеніе содѣйствовать ему въ его операціяхъ, какъ сами признаютъ лучшимъ.

Подъ проливнымъ дождемъ и при холодномъ вѣтрѣ войска сдѣлали въ 3 дня 58 верстъ до Даціо; Розенбергъ въ это время двинулся черезъ гору Лукманіеръ къ Диссентису и Тавечу въ долину верхняго Рейна. Ро-

зенбергъ ночевалъ на перевалѣ въ 8.000 ф., не имѣя даже хвороста для бивачныхъ огней.

24 (13) сентября Суворовъ назначилъ атаку С.-Готарда: съ фронта главными силами, а въ тылъ французамъ долженъ былъ выйти, перевалившп еще разъ черезъ горы, изъ долины верхняго Рейна къ Урзерну, Розенбергъ.

Атаковать приходилось по узкой вьючной тропинкѣ, нѣсколько разъ пересѣченной глубокими обрывистыми оврагами. На вершинѣ перевала былъ монастырь-пріютъ, а по сторонамъ тропинки высились крутыя, острыя скалы, движеніе по которымъ считалось невозможнымъ.

Для обороны перевала изъ дивизіи Лекурба была выдѣлена бригада Гюденя въ 4.300 ч. Но позиціи были таковы, что горсть храбрецовъ на каждомъ шагу могла задержать цѣлую армію. Шедшій въ авангардѣ Багратіонъ на Айроло сбилъ противника съ двухъ позицій; онъ отошелъ на перевалъ. Суворовъ рѣшилъ атаковать съ фронта главными силами, а Багратіона послалъ въ обходъ лѣваго фланга позиціи противника, куда онъ долженъ былъ карабкаться по скалѣ. Два раза суворовскіе «чудо-богатыри» атаковали французовъ и оба раза неудачно.

О Розенбергѣ извѣстій не было. Къ вечеру Суворовъ повелъ атаку снова, но въ это время показался на вершинахъ скалъ Багратіонъ, и противникъ былъ сбитъ. Розенбергъ тоже выполнилъ задачу, занялъ въ тылу противника Урзернъ, такъ что французы отступили безъ дороги въ горы.

На утро 25 (14) сентября предстояла не менѣе трудная задача: въ верстѣ отъ д. Урзернъ, дорога, ведущая долиною Рейссы, входитъ въ тоннель длиною около 80 шаговъ (Урзернская щель), а за нимъ на 400 шаговъ тянется по карнизу у подошвы отвѣсныхъ скалъ и потомъ круто поворачиваетъ на мостъ, въ видѣ арки перекинутый черезъ бушующую водопадомъ рѣку (Чортовъ мостъ).

Здѣсь французы заняли позицію, но снова наши смѣльчаки забрались на скалы, другіе бросились въ водопадъ р. Рейссы и съ страшными усиліями и потерями сбили противника; разрушенная арка моста была покрыта стволами деревьевъ, связанными офицерскими шарфами, и переправа была возстановлена.

Во время боя у Чортова моста австрійскій отрядъ Ауфенберга, спустившись съ горъ, появился въ тылу французовъ у Амштега. Лекурбъ съ главными силами отбросилъ австрійцевъ и проложилъ себѣ дорогу къ Альторфу.

На слѣдующій день 26 (15) сентября съ постояннымъ боемъ, тѣсня передъ собою противника, Суворовъ дошелъ до д. Альторфъ и здѣсь увидѣлъ то ужасное положеніе, въ которое его поставили австрійскіе совѣтчики; дороги на Швицъ по правому берегу Фирвальдштетскаго озера не было, а по лѣвому была кружная, но преграждалась Лекурбомъ. Итти назадъ или въ долину верхняго Рейна — значило отступать и отказаться отъ принятаго плана соединенія у Швица. Къ Швицу вела черезъ гору Росштокъ тропинка, по которой иногда ходили самые отважные альпійскіе охотники. По этой-то дорогѣ рѣшился Суворовъ вести свои войска! Багратіонъ шелъ въ авангардѣ, Розенбергъ долженъ былъ подбирать вьюки и отбиваться отъ Лекурба.

Сраженіе у Чортова моста 14 сентября 1799 г. (карт. Коцебу).

Въ 5 ч. утра 27 (16) сентября потянулись войска черезъ Росштокъ въ Муттенскую долину. Чѣмъ выше они поднимались, тѣмъ движеніе становилось труднѣе; мѣстами тропинка исчезала на голыхъ скалахъ и въ снѣгу, покрывавшемъ вершину хребта. Двое сутокъ длился этотъ ужасный переходъ 16 верстъ. Великій князь Константинъ Павловичъ сдѣлалъ его пѣшкомъ, наравнѣ съ солдатами. Старый фельдмаршалъ, полубольной, изнуренный, своими остротами и шутками поддерживалъ упавшія силы сол-

дать. Видя, что они пріуныли, онъ затянулъ пѣсню: «Что дѣвушкѣ сдѣлалось, что красной приключилося?»

Громкій смѣхъ раздался въ рядахъ солдатъ, всѣ пріободрились, и усталости какъ не бывало.

Прибывши въ Муттенскую долину, опоздавши всего на два дня противъ условленнаго времени, 17 сент., вмѣсто 15, Суворовъ съ ужасомъ узналъ, что 14 и 15 сентября Римскій-Корсаковъ разбитъ Массеной и отступилъ къ Шафгаузену, что Готце 15-го разбитъ на р. Линтѣ и отступилъ за Рейнъ, разрушивъ мосты, что Елачичъ и Линкенъ тоже отступили. Развѣдка казаковъ выяснила, что Клентальская долина и Гларисъ заняты французами. Жители сообщали, что главныя силы Массены сосредоточиваются къ Швицу [1]).

Суворовъ одинъ и окруженъ! Войска его утомлены и истощены; одежда превратилась въ рубище, продовольствія никакого; заряды и патроны на исходѣ, лошади обезножены и истощены безкормицей.

Суворовъ рѣшилъ пробиться, но передъ этимъ утромъ 29 (18) сентября собралъ военный совѣтъ, передъ которымъ очертилъ всю трудность положенія, въ которомъ они очутились... «Помощи намъ ждать не отъ кого... Мы на краю гибели... Теперь одна остается надежда на всемогущаго Бога да на храбрость и самоотверженіе моихъ войскъ. Мы русскіе. Съ нами Богъ!.. Спасите честь Россіи и Государя. Спасите сына нашего Императора!..»

Съ этими словами фельдмаршалъ, обливаясь слезами, бросился къ ногамъ великаго князя.

Великій князь со слезами поднялъ Суворова, обнималъ и покрывалъ поцѣлуями, а Дерфельденъ, какъ старшій, отъ лица всѣхъ начальниковъ ручался за войска, готовыя итти всюду, куда ихъ поведетъ великій полководецъ. Суворовъ оживился и съ увѣренностью сказалъ: «Да, мы русскіе, съ помощію Божіей мы все одолѣемъ».

Тутъ же Суворовъ продиктовалъ диспозицію, по которой войска должны были выступить въ тотъ же вечеръ 18 сентября: въ авангардѣ Ауфенбергъ, за нимъ Багратіонъ и Швейковскій, а Розенбергъ и Ферстеръ оставались въ Муттенской долинѣ, пока главныя силы и вьюки перейдутъ гору Брагель.

Розенбергу, какъ начальнику аріергарда, приказано было держаться упорно, не подаваться ни шагу назадъ; гнать же непріятеля не далѣе Швица.

19 и 20 сентября суворовскіе «чудо-богатыри» вели бой и въ Клентальской и въ Муттенской долинѣ; ничто не могло устоять противъ отчаянной храбрости штыковъ русскихъ. Побѣдоносныя войска Массены два раза бѣжали подъ штыками Розенберга до Швица. На 20-е вечеромъ онъ получилъ разрѣшеніе слѣдовать за арміей Суворова въ Гларисъ, гдѣ сосредоточились всѣ войска Суворова 23 сентября.

---

[1]) Ко времени прибытія Суворова въ долину Муотты, Римскій-Корсаковъ былъ на голову разбитъ Массеною подъ Цюрихомъ, въ упорномъ сраженіи, длившемся два дня, 14 и 15 сентября, а австрійцы одновременно разбиты Сультомъ на р. Линтѣ. Это блестящее комбинированное нападеніе Массены, собственно говоря, рѣшило судьбу швейцарской кампаніи. Она была проиграна союзниками безповоротно. Стратегическій планъ, вторженіе во Францію черезъ Франшъ-Конте, долженъ былъ уже считаться неудавшимся. Республика еще разъ избавилась отъ нашествія, которое, казалось, угрожало ей неминуемо. Титаническій подвигъ Суворова поэтому не имѣлъ уже никакого стратегическаго значенія.

Ред.

На военномъ совѣтѣ въ Гларисѣ рѣшено черезъ Шванденъ, Эльмъ и снѣжный хребетъ Паниксъ отойти въ долину Рейна, къ Иланцу. Въ ночь съ 23-го на 24-е вся армія тихо снялась съ позиціи и двинулась къ Эльму. Багратіонъ прикрывалъ движеніе и отбилъ всѣ атаки втрое сильнѣйшаго противника. Посреди страшныхъ лишеній особенно тяжелъ былъ переходъ черезъ хребетъ Паниксъ. Много людей и до 300 вьюковъ погибло, сорвавшись въ бездну; бывшія при арміи орудія пришлось бросить, по невозможности везти ихъ.

Ночь пришлось провести на голомъ снѣгу, камняхъ или прислонившись къ скалѣ. Отъ сильной стужи многіе солдаты замерзли на вершинѣ горы. Къ полудню 26 сентября всѣ войска собрались къ дер. Паниксу и въ тотъ же день дошли до г. Иланца. Здѣсь только они вышли изъ опасности и могли спокойно отдохнуть и подкрѣпиться.

Памятникъ Суворову въ Швейцаріи.

1 октября русскія войска достигли Фельдкирха, потомъ перешли къ Аугсбургу, гдѣ и простояли всю зиму на квартирахъ; весною, по приказанію императора Павла, они двинулись обратно въ Россію.

За мѣсяцъ Швейцарскаго похода армія Суворова потеряла 100 офицеровъ и 3.700 нижнихъ чиновъ, т.-е. шестую часть арміи.

Швейцарскій походъ Суворова произвелъ на современниковъ сильное впечатлѣніе. Даже Массена, талантливый его противникъ, сказалъ: «Я отдалъ бы всѣ свои двадцать походовъ за одинъ Швейцарскій походъ Суворова!»

Императоръ Павелъ пожаловалъ Суворову званіе генералиссимуса и въ рескриптѣ отъ 29 октября писалъ Суворову: «Побѣждая повсюду и во всю жизнь вашу враговъ отечества, недоставало вамъ одного рода славы — преодолѣть и самую природу. Но вы и надъ ней одержали нынѣ верхъ».

Швейцарскій походъ Суворова, хотя и не приведшій къ желанному концу, представляетъ высочайшій классическій образецъ дѣйствій въ горной странѣ. Въ немъ русская армія, подъ предводительствомъ великаго полководца, проявила высочайшую доблесть и способность вести войну при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Вотъ почему имя Суворова до сихъ поръ еще живетъ въ преданіяхъ швейцарцевъ, обратившись въ легенду, и на картахъ Швейцаріи путь, по которому шелъ съ арміей Суворовъ въ 1799 г., до сихъ поръ обозначается краткой, но много говорящей надписью: «путь Суворова».

Н. П. Михневичъ.

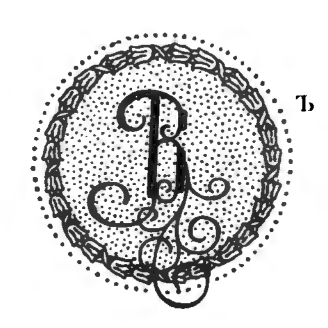

Коронованіе Наполеона. (Давида).

II. Международная политика Россіи въ началѣ царствованія Александра I (до 1807 г.).

Прив.-доц. В. И. Пичета.

Въ моментъ смерти Павла Россія находилась въ дружескихъ отношеніяхъ съ Франціей и въ войнѣ съ Англіей [1]). Все измѣнилось съ вступленіемъ на престолъ его сына.

Новое правительство прекрасно понимало, какой вредъ экономическимъ интересамъ страны наносился разрывомъ съ Англіей. Поэтому немедленно, по вступленіи на престолъ, Александръ I поспѣшилъ ликвидировать враждебныя отношенія съ Англіей. Спустя два дня послѣ трагическаго конца Павла, графъ Паленъ писалъ русскому посланнику въ Англіи, С. М. Воронцову, что «правительство желаетъ возстановленія добраго согласія между обоими государствами и готово содѣйствовать тому всѣми средствами, при условіи присоединенія Англіи къ морской конвенціи, которая не нарушаетъ интересовъ Англіи». Военныя дѣйствія англійскаго флота, прорвавшагося черезъ Зундъ, осада Копенгагена и намѣреніе захватить ревельскій портъ, задержали веденіе переговоровъ.

Русское правительство заявило с.-джемскому кабинету, что переговоры могутъ возобновиться при условіи немедленнаго ухода флота изъ терри-

[1]) См. „Павелъ и Франція".

торіальныхъ водъ. Когда флотъ удалился, 6 мая послѣдовалъ указъ объ отмѣнѣ распоряженія Павла I о наложеніи секвестра на англійское имущество и амбарго на суда. Начавшіеся вслѣдъ за этимъ переговоры привели къ соглашенію, и 5 (17) іюня 1801 года между Россіей и Англіей была заключена конвенція о взаимной дружбѣ.

Конвенція отвергла основные принципы второго вооруженнаго нейтралитета. Правда, Англіи пришлось отказаться отъ притязанія объявлять гавани состоящими въ блокадѣ для прекращенія къ нимъ доступа нейтральныхъ судовъ, но зато она добилась согласія Россіи на слѣдующія выдвинутыя ею статьи: а) нейтральный флагъ не прикрываетъ товара и б) право осмотра торговыхъ судовъ сохраняется и въ томъ случаѣ, когда они плывутъ подъ прикрытіемъ военныхъ кораблей.

Гр. А. И. Морковъ. (Пис. Изабэ).

Конвенція съ Англіей не могла не вызвать неудовольствія въ шведскомъ и датскомъ правительствахъ, но имъ въ сущности ничего не оставалось, какъ присоединиться къ ней.

Одновременно съ переговорами съ Англіей русское правительство вступило въ такого же рода сношенія и съ Франціей. Наполеоновское правительство принципіально желало въ данное время мира съ Россіей и даже заключенія съ ней союза для совмѣстной борьбы съ Англіей, но послѣдняя не входила въ планы русскаго правительства, и Наполеону пришлось считаться съ этимъ нежеланіемъ. Когда въ Петербургъ прибылъ генералъ Дюрокъ привѣтствовать Александра I съ вступленіемъ на престолъ, онъ встрѣтилъ при дворѣ весьма сердечный пріемъ. Бесѣды съ государемъ выяснили точку зрѣнія, которой русское правительство было намѣрено держаться во внѣшнихъ сношеніяхъ. Россія не стремится къ завоеваніямъ и не намѣрена вмѣшиваться во внутреннія дѣла государствъ: всякій имѣетъ право избрать себѣ такое правительство, которое ему нравится. Въ этихъ словахъ было кое-что недоговоренное, и уже въ инструкціи, данной 5 (17) іюля 1801 года представителямъ Россіи въ Лондонѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ, въ которой были повторены только что приведенныя мысли, между прочимъ, было сказано: «Мнѣ нѣтъ нужды, какую бы форму правленія ни установили у себя народы, пусть только и въ отношеніи къ моей имперіи руководствуются тѣмъ же духомъ терпимости, какимъ руководствуюсь я, и мы останемся въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ». Эти слова уже составляли въ нѣкоторомъ отношеніи угрозу, и съ ней, ко-

нечно, приходилось считаться. Международная политика Россіи обсуждалась неоднократно и въ засѣданіяхъ неофиціальнаго комитета: такъ объ этомъ шла рѣчь въ засѣданіи 10 (22) іюля 1801 года.

Общій тонъ былъ таковъ, что не слѣдуетъ пока заключать никакихъ договоровъ, связанныхъ съ выполненіемъ тѣхъ или другихъ обязательствъ, но слѣдуетъ быть искренними въ иностранной политикѣ. Впрочемъ, политика миролюбія исключалась по отношенію къ Франціи—въ данномъ случаѣ приходилось «искать возможности наложить узду на ея властолюбіе, не компрометируя, однако, себя». Это уже были слова опредѣленнаго содержанія, идущія немного въ разрѣзъ съ политикой невмѣшательства и миролюбія. Въ августовскомъ засѣданіи негласнаго комитета по существу говорили тоже о принципахъ международной политики Россіи; правда, у Россіи есть естественные враги—Швеція и Турція, но за слабостью они не могутъ быть опасны. Зато у нея есть и естественные союзники, которыхъ можно использовать съ наибольшей для себя выгодой—это Австрія и Пруссія. По словамъ Кочубея, «оба государства, постоянно враждебныя между собою, будутъ искать союза съ нами для достиженія своихъ видовъ, и намъ остается, соблюдая нейтралитетъ, отклониться отъ него въ пользу одной изъ сихъ державъ только лишь тогда, когда того потребуютъ собственныя выгоды».

Вотъ какихъ принципіальныхъ взглядовъ держалось правительство Александра I на задачи внѣшней политики, когда Россія и Франція вели между собою переговоры объ условіяхъ мира.

Переговоры велись долго и въ общемъ малоуспѣшно. Слишкомъ были различны точки зрѣнія, которыхъ держались оба правительства во время переговоровъ. Россія не желала вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи, но поведеніе французскаго правительства она считала угрожающимъ европейскому миру. Поэтому установленіе мирныхъ отношеній Россіи и Франціи могло состояться лишь въ томъ случаѣ, если Наполеономъ будутъ приняты статьи, могущія служить къ водворенію общаго мира, а благодаря Люневильскому миру (9 февраля 1801 года) отношенія Франціи вообще къ европейскимъ державамъ и, въ частности, къ Германіи были очень натянутыми.

Замиреніе Европы фактически было бы невозможно, пока не были рѣшены вопросы о вознагражденіи германскихъ владѣльцевъ, вслѣдствіе присоединенія лѣваго берега Рейна къ Франціи, и о возвращеніи Піемонта сардинскому королю. Точка зрѣнія французскаго правительства совершенно иная. Правительство Франціи настаивало только на заключеніи мира съ Россіей, «не задерживая его столь второстепенными соображеніями, каковыми должны быть для императора Александра участіе, принимаемое имъ въ сардинскомъ царькѣ». Въ концѣ-концовъ русскому представителю Моркову удалось сговориться съ Талейраномъ, и 8 октября н. с. 1801 года былъ подписанъ мирный договоръ съ Франціей. На основаніи заключеннаго договора оба государства обязывались съ обоюднаго согласія распредѣлить земли, коими будутъ вознаграждены по Люневильскому трактату князья, потерявшіе владѣнія на лѣвомъ берегу Рейна, устроить дѣла въ Италіи, примирить Францію съ Турціей, вознаградить короля сардинскаго, курфюрста баварскаго, герцога вюртем-

бергскаго и маркграфа баденскаго. Къ этому трактату была присоединена еще и секретная конвенція отъ 11 октября 1801 года, по которой обѣ державы обѣщались употребить всѣ усилія къ тому, чтобы водворить общій миръ на условіяхъ трактата отъ 8 октября 1801 года, обѣщая при этомъ дѣйствовать согласно, убѣжденіями и силою для блага человѣчества, спокойствія общаго и независимости державъ.

Теоретическія условія мирнаго трактата и секретной конвенціи вполнѣ соотвѣтствовали планамъ русскаго правительства, имѣвшаго полное основаніе гордиться достигнутымъ дипломатическимъ соглашеніемъ, благодаря которому водворялось въ Европѣ нѣкоторое политическое равновѣсіе. На самомъ дѣлѣ правительство Наполеона и не думало о какихъ бы то ни было уступкахъ, считая условія мира только соглашеніемъ, которое можно и не приводить въ исполненіе. Это и почувствовалъ во время хода переговоровъ представитель Россіи—Морковъ. Да и нѣкоторая неопредѣленность условій трактата и конвенціи только могла дать поводъ къ нарушенію его, а, слѣдовательно, и спокойствія въ Европѣ.

А. Б. Куракинъ.

Мирнымъ договоромъ съ Франціей были недовольны и въ Россіи и въ Европѣ. Англійская партія въ Россіи находила условія мира несоотвѣтствующими достоинству Россіи, считая миръ съ Франціей преждевременнымъ; не были довольны мирнымъ трактатомъ и въ Англіи, гдѣ разсчитывали на сближеніе Россіи и Англіи противъ Франціи. Англійское правительство знало о характерѣ переговоровъ между Россіей и Франціей и съ своей стороны, не желая остаться изолированнымъ, приступило къ переговорамъ о мирѣ. Нельзя сказать, чтобы министерство Аддингтона, смѣнившее воинственнаго Питта, вело переговоры осмотрительно и съ должнымъ мужествомъ отстаивало національные интересы. Заключенный 15 (27) марта 1802 года Амьенскій договоръ былъ невыгоденъ для Англіи: ей пришлось сдѣлать значительныя уступки Франціи, но зато, выговаривая возвращеніе Египта Турціи, Англія выступила посредницей между Франціей и Турціей, не допуская возможности заключенія между двумя названными державами особаго сепаратнаго соглашенія. Это положеніе англійскаго правительства шло въ разрѣзъ съ планами русскаго правительства—быть посредникомъ между двумя заинтересованными правительствами. Оно и не скрывало своего раздраженія, и отношенія его къ Англіи стали довольно холодными. Къ тому же Амьенскій договоръ былъ заклю-

ченъ безъ участія въ немъ Россіи, и въ его статьяхъ даже не было рѣчи о Россіи. Она упоминается только въ той статьѣ мирнаго трактата, въ которой говорится о гарантіи со стороны шести державъ возвращенія Мальты Малтійскому ордену. Поэтому, когда англійское правительство, съ согласія Наполеона, обратилось къ Александру I съ просьбою принять подъ свое покровительство, государь справедливо отказался, а между тѣмъ малтійскій вопросъ могъ стать поводомъ для новаго вооруженнаго столкновенія между Франціей и Англіей.

Общественное мнѣніе Англіи было недовольно условіями Амьенскаго трактата. По мнѣнію крайнихъ націоналистовъ, «Амьенскій договоръ представляетъ собою прелиминаріи смертнаго приговора Англіи». Уступая общественному мнѣнію, правительство не торопилось выполненіемъ статей трактата, удерживая Мальту и не очищая мыса Доброй Надежды и Александріи. Для Англіи было крайне важно, чтобы Мальта и другіе острова остались въ ея рукахъ. Владѣніе островами на Средиземномъ давало ей возможность удержать за собой господство на морѣ. Франція стремилась къ тому же. Вполнѣ понятно поэтому возникшее недоразумѣніе между Франціей и Англіей изъ-за Мальты.

Англійское правительство, чувствуя близость разрыва съ Франціей, предложило Россіи союзъ съ Англіей въ цѣляхъ «гарантировать обоюдныя свои владѣнія противъ Франціи». Русское правительство отнеслось къ союзу отрицательно, находя, «что интересы Россіи и Англіи столько имѣютъ между собою общаго, что и безъ постановленія на бумагѣ они другъ другу союзниками считаться могутъ».

Поведеніе Англіи естественно раздражало Наполеона. Рѣзкое обращеніе Наполеона съ англійскимъ посломъ Витвортомъ, неоднократно дѣланныя рѣзкія заявленія—«Мальта или война»—фактически предрѣшали разрывъ дипломатическихъ сношеній съ Англіей.

Международное положеніе осложнялось еще тѣмъ, что Наполеонъ, какъ и слѣдовало предполагать, не имѣлъ никакого желанія слѣдовать условіямъ трактата 8 октября 1801 года. Наполеонъ нарушилъ первую статью секретной конвенціи, по которой удовлетвореніе владѣтелей, потерявшихъ земли, должно производиться съ обоюднаго согласія Россіи и Франціи. Наполеонъ въ распредѣленіи вознагражденія обошелся безъ Россіи, да и сами германскіе владѣтельные князья предпочитали подобный образъ дѣйствій, вступая съ Наполеономъ въ сепаратныя соглашенія. Правда, пока правительство Александра I не имѣло прямыхъ причинъ уклониться въ сторону отъ ранѣе заявленныхъ принциповъ международной политики, но поведеніе Наполеона считалось серьезной угрозой европейскому миру и вызвало вполнѣ законныя нареканія Россіи. Къ тому же между русскимъ и французскимъ правительствомъ возникли недоразумѣнія изъ-за восточнаго вопроса. Александръ I считалъ сохраненіе единства и нераздѣльности Турціи однимъ изъ основаній своей политической системы—«стремленіе поддерживать всѣми силами государство, слабость и дурная администрація котораго служатъ драгоцѣннымъ ручательствомъ безопасности». Между тѣмъ Морковъ сообщалъ, что Наполеонъ постоянно заводитъ разговоръ о близкомъ распаденіи Турціи, и русскому правительству была поставлена серьезная дилемма—пристать ли къ державамъ, со-

бирающимся совершить международный грабежъ, или какъ-нибудь предотвратить раздѣлъ Оттоманской имперіи. Въ неофиціальномъ комитетѣ преобладало послѣднее мнѣніе. Графъ Строгановъ полагалъ, что пора положить преграду властолюбивымъ планамъ Франціи, по отношенію же къ Турціи стремиться къ тому, чтобы она всегда оставалась въ теперешнемъ положеніи, и не допускать ея ни усилиться, ни подвергнуться окончательному распаденію. Кочубей указывалъ, что Франція угнетаетъ государства Европы, и это можетъ повести къ войнѣ, и тогда Россіи придется стать во главѣ европейскихъ державъ. Такъ впервые раздались въ комитетѣ голоса о близости и своевременности коалиціоннаго выступленія державъ противъ Наполеона, а пока русское правительство рѣшительнымъ тономъ заявило Наполеону, что императоръ Александръ никакъ не намѣренъ принять участіе ни въ какомъ проектѣ, враждебномъ Турціи. Рѣшительное заявленіе русскаго правительства прекратило дальнѣйшіе разговоры о цѣлесообразности раздѣла Турціи, но отношенія Россіи и Франціи не стали лучше. Нетактичное, рѣзкое, а подчасъ и совершенно грубое обращеніе съ русскимъ посломъ, угрозы по адресу русскаго правительства — все это показало призрачность миролюбивой политики Наполеона и близость разрыва съ Россіей.

Бар. А. Я. Будбергъ.

Международное положеніе дѣлъ сильно осложнилось благодаря возникшей войнѣ Англіи съ Франціей. Соотношеніе силъ стало неопредѣленнымъ. Россія и Австрія не находила своевременнымъ вмѣшаться въ эту борьбу, хотя и относилась къ ней сочувственно, считая господство Англіи на морѣ менѣе тягостнымъ, чѣмъ преобладаніе Франціи на сушѣ. Самъ Александръ рѣзко измѣнилъ свое отношеніе къ Наполеону, не перестававшему всѣми средствами оказывать ему свое вниманіе. Впрочемъ, и съ Англіей отношенія нѣсколько обострились. Русское правительство не было довольно дѣйствіями англійскихъ каперовъ, захватившихъ и русскія суда, а также блокадой устья Эльбы. Правда, англичане оправдывались необходимостью, но это было грубое нарушеніе конвенціи Россіи съ Англіей. И политика Англіи въ Турціи считалась подозрительной. Русскіе дипломаты сообщали, что англійскій представитель идетъ во всемъ въ разрѣзъ съ желаніями русскаго правительства; англичане предлагали Турціи занять Александрію и Египетъ для защиты страны отъ Наполеона. Защита Англіей поведенія турецкаго правительства по отношенію къ христіанскимъ народностямъ тоже была источникомъ охлажденія Россіи и

Англіи. Однако оно было непродолжительнымъ. Поведеніе Наполеона становилось слишкомъ вызывающимъ, и убійство герцога Энгіенскаго, переполнило чашу терпѣнія и опредѣлило необходимость сближенія Россіи съ Англіей и образованія новой коалиціи противъ Наполеона. Русское правительство наложило трауръ при дворѣ. Высшее общество откровенно заявило о своемъ нерасположеніи къ Франціи, игнорируя на вечерахъ жену французскаго посла. Русскій повѣренный въ дѣлахъ Убри передалъ Талейрану ноту, въ которой выражалась скорбь о судьбѣ, постигшей герцога Энгіенскаго, и высказывалась надежда, что первый консулъ «почувствуетъ необходимость употребить самыя дѣйствительныя средства, чтобы успокоить всѣ правительства относительно только что внушенныхъ имъ опасеній и содѣйствовать прекращенію порядка вещей въ Европѣ, слишкомъ тревожнаго для ихъ безопасности и независимости, на которыя они имѣютъ неоспоримое право».

А въ нотѣ, переданной въ Регенсбургѣ германскому сейму, Россія приглашала всѣ нѣмецкія державы протестовать по поводу нарушенія неприкосновенности Германіи и требовать отъ французскаго правительства мѣръ, диктуемыхъ оскорбленнымъ достоинствомъ имперіи. Одна нота дополняла другую. Правительство Наполеона отвѣтило нотой, опредѣлившей дальнѣйшую линію поведенія русскаго правительства. Въ нотѣ указывалось, что русское правительство дѣйствуетъ по внушеніямъ непріятелей Франціи, указывалось на желаніе русскаго правительства образовать коалицію, и что предыдущая политика Россіи — ея стремленіе объ успокоеніи германскихъ державъ на счетъ ихъ безопасности и независимости—только предлогъ для образованія коалиціи. По словамъ ноты, нарушительницей безопасности державъ является собственно Россія тѣмъ, что въ Дрезденѣ и Римѣ покровительствуетъ и содержитъ заговорщиковъ, употребляющихъ во зло присвоенныя имъ права и волнующихъ сосѣднія страны; тѣмъ, что русскіе резиденты хотятъ распространить покровительство народнаго права на уроженцевъ государствъ, при дворахъ коихъ они аккредитованы. Дальше указывалось, что Германія и Франція взаимно обязались не давать убѣжища никому изъ тѣхъ, кои могли бы нарушить спокойствіе сосѣдней державы... Мы требуемъ, чтобы эмигранты, состоящіе въ русской службѣ въ то время, когда велась война между Россіей и Франціей, были удалены изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они извѣстны своими происками противъ нашего правительства, а Россія упорно содержитъ ихъ тамъ. Затѣмъ въ нотѣ наносилось личное оскорбленіе Александру вмѣстѣ съ намеками на некорректные поступки англійскаго правительства (la plainte qu'elle (la Russie) élève aujourd'hui conduit à demander si lorsque l'Angleterre médita l'assassinat de Paul I-er, on eut en connaissance que les auteurs du complot se trouvaient à une lieue des frontières on n'eut pas été empressé de les faire saisir). Нота заканчивалась изъявленіемъ надежды, что русское правительство со временемъ замѣтитъ коварство людей, стремящихся къ войнѣ, выгодной только для Англіи, а также и угрозой по адресу Россіи: первый консулъ не искалъ войны, но всегда готовъ скорѣе вести ее, нежели позволить кому-либо оскорбить достоинство Франціи. И какъ онъ не присваиваетъ себѣ никакого преобладанія и не вмѣшивается въ дѣйствія Россійскаго кабинета, то и требуетъ, чтобы въ отношеніи къ нему поступали такъ же. Послѣ

подобнаго отвѣта французскаго правительства, естественно послѣдовалъ разрывъ дипломатическихъ сношеній. Отвѣтная нота Наполеона и провозглашеніе его императоромъ заставили русское правительство предпринять быстрые рѣшительные шаги къ заключенію коалиціи. Естественными ея членами, кромѣ Россіи, являлись Австрія, Пруссія и Англія, но достигнуть соглашенія было очень трудно. Австрія не желала немедленнаго разрыва съ Наполеономъ, находя себя малоподготовленной къ войнѣ и боясь захвата со стороны Пруссіи ея владѣній, если она откажется по тѣмъ или другимъ соображеніямъ присоединиться къ коалиціи. Что касается Пруссіи, то, несмотря на Мемельское свиданіе прусскаго и русскаго государей съ взаимными увѣреніями въ дружбѣ и преданности, Пруссія тоже боялась разрыва и не могла предпринять шагъ, враждебный Наполеону. Легче было сговориться съ Англіей. Общіе экономическіе и политическіе интересы убѣдительно говорили въ пользу забвенія всякаго рода недоразумѣній и скорѣйшаго координированія совмѣстныхъ дѣйствій. Участіе Англіи въ коалиціи было необходимо; она владѣла флотомъ и господствовала на морѣ, и, какъ наиболѣе богатая страна, она могла субсидировать континентальныя державы. Слѣдовало также привлечь къ коалиціи и Швецію, чтобы обезопасить столицу съ этой стороны.

Король и королева прусскіе; Александръ и Константинъ.

Радикальная перемѣна, происшедшая въ направленіи русской внѣшней политики, вызвала отставку государственнаго канцлера А. Р. Воронцова и передачу Министерства Иностранныхъ дѣлъ кн. Адаму Чарторижскому. Онъ былъ за скорѣйшее образованіе коалиціи для борьбы съ Наполеономъ, считая данный моментъ наиболѣе удобнымъ для возстановленія польскаго королевства и въ возвращеніи ему тѣхъ областей, которыя во время польскихъ раздѣловъ отошли къ Австріи и Пруссіи. По мнѣнію Чарторижскаго, возстановленіе польскаго королевства — одно изъ главныхъ средствъ для борьбы съ Наполеономъ. Противопоставленіе политикѣ силы и насилія принципа справедливости и законности — вотъ то знамя, съ которымъ возможно побѣдить Наполеона.

Чарторижскій не скрывалъ трудностей выполненія своего плана. Больше всего онъ опасался противодѣйствія со стороны Пруссіи, война съ которой была необходима для удачи его плановъ. Но Александръ какъ разъ по отношенію къ Пруссіи намѣренъ былъ держаться другой тактики — сближенія и постепеннаго втягиванія Фридриха-Вильгельма III въ коалицію.

Патріотическіе замыслы руководителя иностранной политики окончились полной неудачей. Моментъ, переживаемый Европой, былъ слишкомъ напряженъ, чтобы можно было думать о какихъ-то отдаленныхъ и неопредѣленныхъ мечтаніяхъ. Приходилось скорѣе думать о заключеніи союзныхъ договоровъ. Скорѣе всего удалось это выполнить по отношенію къ Швеціи. 2 января (14) 1806 года договоръ между Россіей и Швеціей подписанъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ русскому послу въ Берлинѣ Алопеусу была сообщена инструкція и проектъ письма, заключавшаго въ себѣ условія секретнаго оборонительнаго союза противъ общаго врага. Русское правительство обѣщало выставить 100-тысячную армію. Въ проектѣ подробно перечислялись тѣ обстоятельства, при которыхъ Россія и Пруссія должны были вооружиться и координировать свои дѣйствія. Пруссія оставалась глухой къ предложеніямъ русскаго правительства — содѣйствовать благой цѣли водворенію прочнаго мира и политическаго равновѣсія въ Европѣ, отказываясь отъ заключенія оборонительнаго союза съ Россіей.

Республиканскіе шампиньоны.
1. Король Пруссіи: «Dieu comme ça pousse: c'est effrayant». 2. Импер. русск.: «Ça serait bien agréable à manger». 3. Импер. Австріи: «N'y touchez pas, confrère, c'est vénéneux».

Одновременно велись также переговоры и съ Англіей, участіе которой въ коалиціи признавалось необходимымъ. Правда, русскіе дипломаты довольно оптимистически смотрѣли на морское могущество Англіи и преувеличивали значеніе моря въ борьбѣ съ Наполеономъ, но зато Англія могла оказать коалиціи серьезную матеріальную поддержку.

Для веденія переговоровъ въ Англію спеціально былъ посланъ Новосильцевъ, снабженный и особыми полномочіями, и инструкціей, отражающей въ себѣ взгляды русскаго правительства на международное положеніе Европы въ цѣляхъ ея скорѣйшаго и полнаго умиротворенія. Достиженіе послѣдняго возможно при условіи союза съ Англіей. Вотъ почему Новосильцеву, человѣку, пользующемуся неограниченной довѣренностью государя и знающему всѣ его мысли, «поручалось устроить такой союзъ между Россіей и Англіей, который былъ бы на самомъ дѣлѣ полезенъ и благодѣтеленъ». Заключеніе такого союза вполнѣ возможно, такъ какъ Россія и Англія—единственныя державы въ Европѣ, интересамъ которыхъ негдѣ было сталкиваться. Союзныя дѣйствія Россіи и Англіи, въ конечномъ счетѣ, должны привести къ крушенію политики Наполеона и реставраціи прежнихъ государствъ. При этомъ, принимая во вниманіе, что, по общему мнѣнію, политика французовъ есть дѣло свободы и благосостоянія государствъ, оба правительства соглашаются въ странахъ, освобожденныхъ отъ ига Наполеона, «не возстанавливать прежнихъ злоупотребленій и такого положенія дѣлъ, къ которому народы, испытавшіе формы независимости, при-

мѣниться не могутъ; напротивъ, надобно постараться упрочить имъ свободу, установленную на своихъ настоящихъ основаніяхъ». Поэтому, Россія и Англія приняли на себя слѣдующія обязательства, выполненіе которыхъ было существенно необходимо при возстановленіи политическаго равновѣсія Европы: a) возстановленіе и расширеніе владѣній сардинскаго короля, который въ то же время долженъ былъ даровать либеральную и мудрую конституцію; b) предоставить Швейцаріи устроить правительственный порядокъ, основанный на особенностяхъ страны и на волѣ народонаселенія; c) Голландіи организовать правительство, сходное съ желаніями и характеромъ народа; d) Франціи слѣдовало бы объявить, что война ведется не противъ нея, а противъ ея правительства, столько же демократическаго, сколько и опаснаго для всей Европы. Ей дается свободный выборъ образа правленія. Подобная политика должна была повлечь за собою полное умиротвореніе Европы и утвержденіе мира на прочныхъ основаніяхъ, для чего необходимо заключить, подобно Вестфальскому, общій договоръ. Затѣмъ, между Россіей и Англіей необходимо заключить соглашеніе относительно судьбы Оттоманской имперіи, такъ какъ ея безпорядочное внутреннее состояніе постоянно угрожало спокойствію Европы.

Фридрихъ Вильгельмъ III.

Англійское правительство отнеслось въ высшей степени сочувственно къ теоретическимъ планамъ русскаго правительства. Реализація ихъ должна была укрѣпить экономическую связь между Россіей и Англіей и разъ навсегда установить господство Англіи на морѣ. Но были и пункты разногласія—въ особенности въ восточномъ вопросѣ: тутъ интересы договаривавшихся державъ расходились. Министерство Питта видѣло въ предложеніяхъ Россіи относительно Оттоманской имперіи скрытое желаніе расширить свою территорію на счетъ Турціи. Это предположеніе сильно тормозило ходъ переговоровъ. Въ отвѣтъ на вопросы Питта относительно Турціи, Новосильцевъ старался отдѣлаться дружескимъ замѣчаніемъ, что въ Англіи слишкомъ подозрительно относятся къ русскимъ намѣреніямъ относительно Порты. Англійское же правительство находило, что въ такой критическій моментъ, какой переживала Европа, нѣсколько несвоевременно заниматься планами насчетъ Турціи. Предложеніе Питта сводилось къ слѣдующему: Россія должна устроить коалицію противъ Наполеона, Англія будетъ пла-

тить деньги. Переговоры съ Англіей были приведены къ желательному концу, и 30 марта (11 апрѣля) 1805 года былъ подписанъ договоръ Россіи съ Англіей.

Обѣ державы постановили принять «самыя скорыя и дѣйствительныя мѣры для образованія общаго союза европейскихъ державъ и для соединенія съ помянутой цѣлью вооруженныхъ силъ, въ числѣ 500 т. человѣкъ налицо, независимо отъ тѣхъ, которыя будутъ выставлены Англіей, и дѣйствовать ими энергически, чтобы побудить французское правительство къ согласію на возстановленіе мира и политическаго равновѣсія въ Европѣ». Установленіе послѣдняго невозможно безъ очищенія Ганновера отъ французскихъ войскъ, признаніе независимости голландской и швейцарской республикъ, возстановленія сардинскаго короля въ Пьемонтѣ, обезпеченія неаполитанскаго королевства и полнаго очищенія Италіи со включеніемъ острова Эльбы. Англійское правительство обязывалось выдавать союзнымъ державамъ субсидии на каждые 100.000 человѣкъ по 1.250.000 ф. стерл. въ годъ. Наконецъ въ договорѣ обусловливалась возможность заключенія мира съ Франціей не иначе, какъ съ общаго согласія всѣхъ союзныхъ державъ.

Этотъ союзный трактатъ въ общемъ соотвѣтствовалъ планамъ и задачамъ русскаго правительства, рѣшившагося на агрессивный путь дѣйствій въ области внѣшней политики. При заключеніи договора, русскому представителю пришлось отказаться только отъ слѣдующаго предложенія: русское правительство предлагало занятіе Мальты русскимъ гарнизономъ, противъ чего усиленно протестовалъ Питтъ. Удержаніе Мальты необходимо для экономическихъ интересовъ Англіи, въ противномъ случаѣ она потеряетъ господство на Средиземномъ морѣ и разстроитъ свою восточную торговлю.

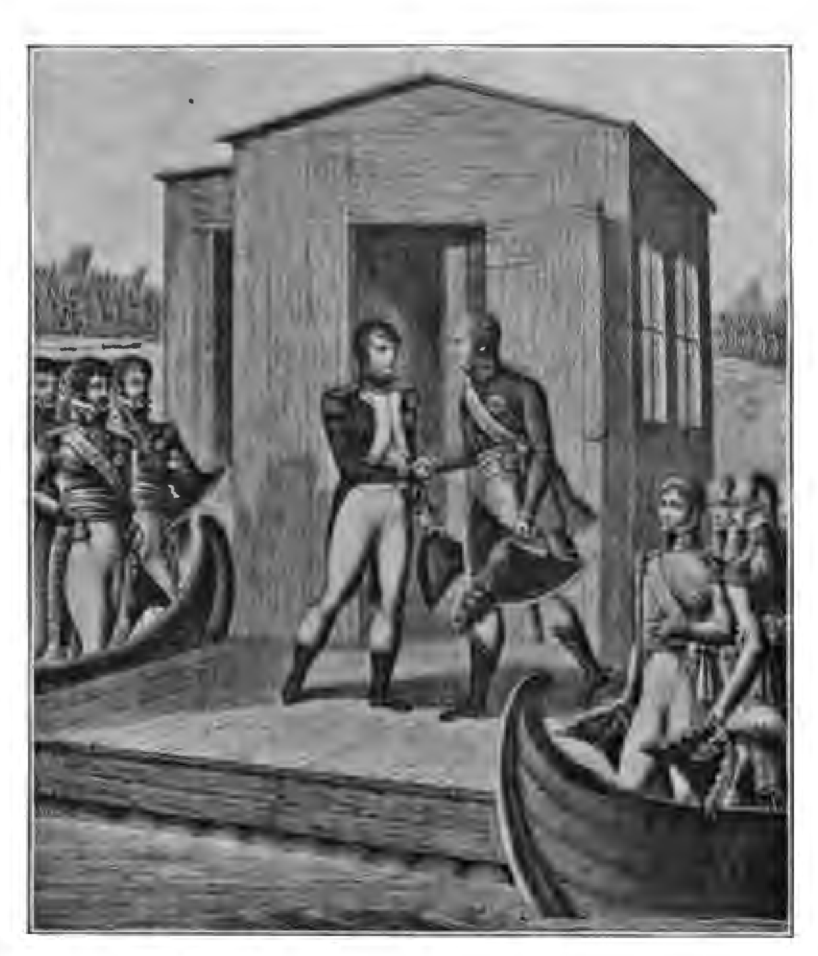
Русское правительство давно побуждало Австрію къ болье рѣшительнымъ дѣйствіямъ по отношенію къ Франціи. Австрія подъ разными предлогами все отказывалась, ссылаясь то на свою неподготовленность для немедленнаго начала военныхъ дѣйствій, то на свое затруднительное матеріальное положеніе. Въ извѣстномъ смыслѣ, оба довода были справедливы. Опасалась также Австрія и активныхъ дѣйствій со стороны Пруссіи: безъ сохраненія нейтралитета со стороны послѣдней, Австрія никоимъ образомъ не могла присоединиться къ коалиціи.

Однако положеніе дѣлъ складывалось не въ пользу Австріи. Послѣдняя могла опасаться новыхъ рѣшительныхъ дѣйствій Наполеона въ Италіи. Въ случаѣ успѣшныхъ его дѣйствій исчезала всякая надежда на возможность расширенія австрійскаго владычества въ Италіи. Непреклонное заявленіе Англіи объ удержаніи за собой острова Мальты и согласіе на это русскаго правительства затрогивали экономическіе и политическіе интересы Австріи на востокѣ. Этимъ самымъ австрійскому правительству стала очевидной необходимость скорѣйшаго присоединенія къ коалиціи. Это уже отчасти предрѣшалось конвенціей отъ 25 октября (6 ноября) 1804 года, заключенной между Россіей и Австріей, по которой Австрія и Россія обязывались въ случаѣ какихъ бы то ни было покушеній Франціи на независимость Италіи выставить 365.000 солдатъ, при чемъ на долю Австріи приходилось 250.000 чел. Кромѣ того, русское правительство обя-

зывалось поставить на границахъ Австріи и Пруссіи особый наблюдательный корпусъ.

Переговоры съ французскимъ правительствомъ наглядно показывали, что оно не имѣло намѣренія оставить Италію въ покоѣ и предоставить ее самой себѣ. Принятіе же французскимъ императоромъ титула короля Италіи раскрывало планы его насчетъ Италіи.

Дѣйствительно, 4 іюня н. с. 1805 г. Генуя присоединилась къ французской имперіи, а Лукка была отдана во владѣніе сестрѣ Наполеона. Медлить дальше съ присоединеніемъ къ коалиціи было нельзя, да и опасно было оставить Австрію изолированной отъ прочихъ государствъ. Особой деклараціей отъ 28 іюля (9 августа) 1805 года Австрія приступила къ союзному договору Россіи съ Англіей.

Наполеонъ и Александръ на Нѣманѣ (соврем. гравюра).

Союзныя державы стремились втянуть въ коалицію и Пруссію для ея полноты, но выполненіе этого плана по отношенію къ ней было очень труднымъ. Пруссія боялась возобновленія борьбы съ Наполеономъ, предпочитая путемъ уступокъ и уклончивыхъ отвѣтовъ оставаться въ мирѣ съ Франціей. Въ этомъ отношеніи на Фридриха-Вильгельма III не вліяли даже письма Александра I, убѣждавшаго принять короля «самое дѣятельное участіе въ славѣ возстановленія политическаго равновѣсія Европы». Вмѣшательство Александра I въ шведско-прусскій конфликтъ, конечно, явилось серьезнымъ тормозомъ къ присоединенію Пруссіи къ коалиціи въ данный моментъ, тѣмъ болѣе, что Наполеонъ, по вполнѣ понятнымъ политическимъ соображеніямъ, не стѣснялся въ разнаго рода заманчивыхъ обѣщаніяхъ Пруссіи, настаивая на заключеніи союза съ Франціей, какъ болѣе соотвѣтствующаго прусскимъ интересамъ, и въ качествѣ компенсаціи предлагая Пруссіи Ганноверъ. Наполеонъ указывалъ, что въ

Большая охота въ честь Александра и Наполеона 6 окт. 1808 г. въ Эттерсбергѣ у герц. Саксенъ-Веймарскаго (грав. Швердгебурта).

случаѣ союза Пруссіи съ Франціей союзники никогда не рѣшатся начать военныхъ дѣйствій, и миръ такимъ образомъ будетъ обезпеченъ. При заключеніи же мира, англійскихъ представителей не составитъ большого труда убѣдить возвратить Ганноверъ Пруссіи. Съ своей стороны, Пруссія должна санкціонировать существующій порядокъ въ Италіи. Конечно, такого рода заманчивыя предложенія могли заставить поколебаться правительство, и болѣе твердо державшееся своихъ принциповъ въ политикѣ. Такимъ образомъ, неприсоединеніе Пруссіи къ коалиціи было обезпечено; но и союзъ съ Франціей противъ коалиціи тоже былъ рискованнымъ шагомъ со стороны Пруссіи, такъ какъ ея территорія могла бы немедленно стать ареною военныхъ дѣйствій со стороны русскихъ войскъ. Поэтому руководители прусской внѣшней политики рекомендовали сохраненіе полнаго нейтралитета на обѣ стороны. Съ другой стороны, въ Пруссіи была сильна патріотическая партія, во главѣ съ королевой Луизой, считавшая униженіемъ для Пруссіи молчаливое примиреніе съ захватами Наполеона. Временно она оставалась въ тѣни, и ея выступленію содѣйствовалъ самъ Наполеонъ, нарушивъ нейтралитетъ Пруссіи проведеніемъ войскъ черезъ ея владѣнія. Патріоты подняли голову, указывая на оскорбленіе, нанесенное Пруссіи, и даже извинительное письмо Наполеона не уменьшило негодованія, охватившаго часть населенія. Сторонники союза съ Россіей считали себя побѣдителями.

Настроеніе, охватившее прусское общество, обезпечило Александру I восторженный пріемъ въ Берлинѣ, и такимъ образомъ дружба двухъ монарховъ, заключенная въ 1802 году у гроба Фридриха II, была снова возобновлена. Затѣмъ въ Потсдамѣ былъ подписанъ договоръ Пруссіи съ Россіей, къ которому немедленно присоединилась и Австрія.

Правда, Пруссія не входила въ составъ коалиціи. Она лишь предлагала свое посредничество союзнымъ державамъ для заключенія мира съ

Франціей, при условіи оставленія за Франціей всего того, что ей слѣдовало по Люневильскому миру, за исключеніемъ Пьемонта и Нидерландовъ. Въ случаѣ же, если предложенія, сдѣланныя со стороны Пруссіи, будутъ отвергнуты, Пруссія обѣщала свое активное участіе въ коалиціи съ обязательствомъ выставить 180 т. солдатъ. Но планы этой коалиціи потерпѣли вскорѣ полное крушеніе. Ульмъ и Аустерлицъ показали союзникамъ, что сладить съ Наполеономъ не такъ просто.

Луиза (Richter).

Разбитая Австрія поспѣшила заключить унизительный для себя Пресбургскій миръ (26 декабря 1806 года). Отчасти виноватъ въ этомъ Александръ I, не пожелавшій послѣдовать совѣту кн. Чарторижскаго заключить миръ съ Франціей совмѣстно съ Австріей, чтобы послѣдней были предложены менѣе стѣснительныя и унизительныя условія. По Пресбургскому миру Австрія уступала Франціи Венецію со включеніемъ Истріи и Далмаціи, но безъ Тріеста. Кромѣ того, Австрія признавала Наполеона королемъ Италіи. Французскій императоръ отказывался отъ всякихъ феодальныхъ правъ въ Баваріи, Вюртембергѣ и Баденѣ. Австрія въ пользу Баваріи отказывалась отъ Тироля и Форарльберга. Вюртембергъ и Баденъ получили также значительное приращеніе своей территоріи. Баварія присоединяла вольный городъ Аугсбургъ, но зато Зальцбургъ переходилъ къ Австріи. Кюрфюрсты баварскій и вюртембергскій получили титулъ королей и принимали на себя обязанность содѣйствовать Франціи во всѣхъ ея войнахъ. Съ своей стороны, Наполеонъ обязывался оружіемъ поддерживать неприкосновенность ихъ владѣній. Въ общемъ, Австрія потеряла до 3 милл. подданныхъ въ Италіи и Германіи и заплатила до 85 милл. франковъ.

Пресбургскій миръ свелъ Австрію на положеніе второстепенной державы. Онъ окончательно лишилъ Австрію первенствующаго положенія въ Германіи. Австрійскому императору пришлось отказаться отъ титула императора Священно-Римской имперіи и удовольствоваться только однимъ титуломъ императора австрійскаго, такъ какъ вскорѣ въ западной части Германіи былъ образованъ Рейнскій союзъ, направленный противъ Австріи и Пруссіи. Россія же, хотя и потерпѣла рѣшительное пораженіе при Аустерлицѣ, разстроившее ея военную организацію, однако о мирѣ пока и не думала. Новое измѣненіе политической карты Европы и на этотъ разъ произошло безъ участія Александра.

Наполеонъ одержалъ не только дипломатическую побѣду въ Пресбургѣ. Одновременно съ переговорами, происходившими съ Австріей, Наполеонъ поставилъ ультиматумъ Гаугвицу, представителю Пруссіи, предлагая или немедленный союзъ съ Франціей или занятіе войсками Силезіи. Гаугвицъ уступилъ и 3 (16) декабря въ Шенбрунѣ отъ имени Пруссіи заключилъ оборонительный и союзный договоръ съ Франціей. Кромѣ того, Пруссія уступала Франціи герцогство Клевское, маркграфство Аншпахское и княжество Невшательское, но въ вознагражденіе получила Ганноверъ. Пруссія должна была санкціонировать всѣ перемѣны, связанныя съ перемѣной карты Европы, и гарантировать неприкосновенность Турціи[1]).

Прусскій король не соглашался на ратификацію договора въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ заключенъ въ Шенбрунѣ. Король былъ противъ оборонительнаго союза съ Франціей, да и отдача родовыхъ владѣній Пруссіи взамѣнъ Ганновера, принадлежащаго Англіи, казалась сдѣлкой мало выгодной. Гаугвицу пришлось снова поѣхать въ Парижъ, гдѣ онъ убѣдился въ полной готовности Франціи къ войнѣ. По пріѣздѣ въ Берлинъ, ему пришлось долго убѣждать короля дать согласіе на ратификацію договора, столь невыгоднаго для Пруссіи. Смерть давнишняго врага Франціи — Питта и переходъ власти къ мирно-настроенному Фоксу говорили за необходимость ратификаціи договора. Послѣдній былъ ратифицированъ, и Пруссіи пришлось занять своими войсками Ганноверъ и удалить въ отставку постояннаго антагониста Наполеона—Гарденберга, замѣнивъ его Гаугвицомъ.

Союзъ Пруссіи съ Франціей, конечно, былъ нарушеніемъ Потсдамскаго трактата и пораженіемъ партіи патріотовъ во главѣ съ воинственно-настроенной королевой Луизой. Прусскій король первоначально предполагалъ, что союзъ съ Франціей никоимъ образомъ не можетъ отразиться на ея отношеніяхъ къ Россіи, но, конечно, Наполеонъ былъ иного мнѣнія и стремился къ изоляціи Россіи. Вскорѣ послѣ ратификаціи договора, по требованію короля, былъ отозванъ Алопеусъ—виновникъ Потсдамскаго договора.

Занятіе Ганновера прусскими войсками вызвало объявленіе войны Пруссіи со стороны Англіи: около 100 прусскихъ кораблей были въ блокадѣ: «Пруссія становится соучастницей бонапартовскихъ притѣсненій. Нельзя смотрѣть на такіе обмѣны иначе, какъ на воровство. Другое дѣло завоевать, и другое дѣло овладѣть безъ сопротивленія».

---

[1]) Послѣднее условіе было направлено противъ Россіи въ надеждѣ черезъ Турцію перессорить Пруссію съ ея сосѣдкой.

Аустерлицкое пораженіе произвело ошеломляющее впечатлѣніе на общественное мнѣніе Россіи, въ особенности въ высшемъ кругу общества, гдѣ безъ всякаго стѣсненія, открыто порицали поведеніе государя во время Аустерлицкаго сраженія, тѣмъ болѣе, что создавшіяся политическія отношенія грозили серьезными послѣдствіями для государства и угрожали его экономическимъ и политическимъ интересамъ. Разгромъ Австріи и наладившіяся отношенія Пруссіи и Франціи совершенно нарушили систему политическаго равновѣсія, которое русское правительство пыталось установить въ Европѣ. Выдвигалась нежелательная возможность для Россіи возстановленія Польши и всякаго рода осложненій на Ближнемъ Востокѣ, такъ какъ Наполеонъ не скрывалъ своего намѣренія овладѣть восточными берегами Адріатики, стать сосѣдомъ Турціи, чтобы перехватить у англичанъ ихъ восточные торговые пути.

Луиза, королева прусская.

И польскій и восточный вопросы, выдвинутые Наполеономъ, конечно, должны были озабочивать въ той или другой степени русское правительство. Возстановленіе Польши— при удачномъ стеченіи обстоятельствъ — могло повлечь за собой потерю Россіей всѣхъ земель, присоединенныхъ къ ней послѣ трехъ польскихъ раздѣловъ. Сближеніе съ Турціей и усиленіе французскаго вліянія на Балканскомъ полуостровѣ подорвало бы авторитетъ правительства и его вліяніе среди славянства. Положеніе дѣлъ было слишкомъ серьезно и щекотливо и требовало осторожнаго, но внимательнаго анализа сложившейся политической конъюнктуры.

Въ концѣ января 1806 года Александръ предложилъ Государственному Совѣту «обсудить положеніе дѣлъ въ Европѣ». По существу — это обсужденіе на внѣшнюю политику Россіи не имѣло никакого вліянія, такъ какъ продолженіе войны съ Наполеономъ въ принципѣ было предрѣшено Александромъ. Обмѣнъ мнѣній въ Государственномъ Совѣтѣ по вопросу о ближайшемъ направленіи внѣшней политики Россіи министръ иностранныхъ дѣлъ Чарторижскій резюмировалъ слѣдующимъ образомъ: 1) Россія не должна опасаться послѣдствій отъ возмущенія Польши, особенно по уходѣ

французовъ изъ австрійскихъ владѣній; 2) Франція пріобрѣтеніемъ Далмаціи получила полную возможность измѣнить отношенія между Россіей и Турціей и привести въ исполненіе свои виды на Турцію; 3) для противодѣйствія этому надо быть въ союзѣ съ Англіей, сохранять довѣренность Турціи и войти въ сношеніе съ славянскими народностями и греками, подвластными Турціи; 4) воспрепятствовать Пруссіи вступить въ тѣсную связь съ Франціей и, въ случаѣ надобности, предложить ей помощь; 5) принять мѣры къ разузнанію намѣреній Наполеона относительно Россіи; 6) держать наготовѣ сухопутныя и морскія силы, чтобы ихъ можно было бы немедленно употребить, особенно въ Молдавіи и Валахіи, въ случаѣ движенія туда Австріи и въ случаѣ войны Франціи съ Портой. Теоретически Александръ согласился съ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, и отъ 12 февраля 1806 года въ рескриптѣ Разумовскому, послу при вѣнскомъ дворѣ, говорилъ: «Моя система будетъ состоять преимущественно въ защитѣ моихъ владѣній и государствъ, которыя потребуютъ моей помощи или которыхъ существованіе будетъ необходимо для моей безопасности». Послѣднія слова допускали, конечно, самое широкое толкованіе, и, конечно, имѣлась здѣсь въ виду сосѣдняя Пруссія, хотя заключеніе ею союза съ Франціей стало въ это время фактомъ.

Побѣдитель.
Resultat de la journée dite des Trois Empereurs, gagnée par Sa Majesté Napoleon le jour du premier anniversaire de son couraunement.

Новый руководитель иностранной политики въ Пруссіи—Гаугвицъ, занявшій мѣсто Гарденберга, противника франко-прусскаго союза, далъ совѣтъ своему монарху, Фридриху-Вильгельму, выступить съ предложеніемъ русскому правительству заключить секретный миръ съ Франціей, такъ какъ при этомъ условіи Пруссія развязывала себѣ руки по отношенію къ Россіи и ликвидировала установившіяся ненормальныя политическія отношенія между Россіей и Пруссіей. Прусскій король согласился съ предложеніемъ своего министра и послалъ въ Петербургъ герцога Брауншвейгскаго, пріѣхавшаго тогда, когда въ столицѣ уже знали о ратификаціи Парижскаго договора. Герцога встрѣтили очень любезно, но холодно. Ему не давали никакихъ опредѣленныхъ обѣщаній, но для русскаго правительства стала очевидной необходимость заключенія мира съ Франціей, тѣмъ болѣе, что и Наполеонъ тоже былъ не прочь заключить миръ съ Россіей и Англіей. Къ тому же въ томъ же направленіи раздался и авторитетный голосъ Государственнаго Совѣта.

Новый руководитель русской иностранной политики, баронъ А. Л. Будбергъ, смѣнившій Чарторижскаго, былъ также сторонникомъ возобновленія переговоровъ съ Франціей, куда еще при его предшественникѣ былъ посланъ Убри съ полномочіями, подъ предлогомъ облегченія участи русскихъ военноплѣнныхъ. Одновременно также при помощи Алопеуса и Гарденберга заключили съ Пруссіей секретный договоръ, который долженъ былъ успокоить Россію и укрѣпить трактатъ 1800 года. Гаугвицу не было сообщено объ этомъ секретномъ договорѣ. Прусскій король въ силу новаго трактата обязался: 1) что союзъ Пруссіи съ Франціей не вредитъ прусско-русскому трактату 1800 года; 2) Пруссія ни въ какомъ случаѣ не соединится съ Франціей противъ Россіи; 3) Пруссія совмѣстно съ Россіей гарантируетъ независимость и цѣлость Турціи, владѣній Австрійскаго дома, какъ они опредѣлены Пресбургскимъ договоромъ, сѣверной Германіи и Даніи. Въ другихъ статьяхъ Пруссія гарантировала неприкосновенность владѣній шведскаго короля и обязывалась употребить всѣ усилія, чтобы французскія войска какъ можно скорѣе вышли изъ Пруссіи. Обязательства со стороны Россіи были далеко не платоническаго свойства: 1) правительство обязывалось употреблять постоянно бо́льшую часть своихъ силъ на защиту Европы и всѣ свои силы на поддержаніе независимости и цѣлости государства прусскаго; 2) продолжать систему безкорыстія относительно всѣхъ государствъ Европы; 3) сохранять въ глубокой тайнѣ обязательства, принятыя прусскимъ королемъ. Обязательство русскаго правительства совпадало съ словами рескрипта Разумовскому. Уже въ нихъ была предрѣшена возможность новой войны, такъ какъ никто не сомнѣвался, что Франція не замедлитъ нарушить въ той или другой степени парижскую конвенцію.

П. Я. Убри. (Пис. Крюгеръ).

Французское правительство встрѣтило Убри дружелюбно и довольно скоро вступило съ нимъ въ переговоры. Переговоры шли медленнымъ темпомъ, такъ какъ инструкція, которой былъ снабженъ Убри, въ нѣкоторыхъ статьяхъ существенно задѣвала интересы Франціи. При ея составленіи все вниманіе Россіи было обращено на отношенія Франціи къ Турціи, въ цѣляхъ помѣшать ихъ сближенію. Отсюда идутъ требованія Россіи о возстановленіи неаполитанскаго короля, очищеніи Далмаціи и образованіи независимыхъ владѣній между Портой и Италіей. Чтобы парализовать парижскую конвенцію Франціи съ Пруссіей, Убри запрещалось подписывать условія, которыя бы признавали обмѣнъ владѣній между Франціей и Пруссіей въ ущербъ Ганноверскому курфюрству. Договоръ могъ быть

заключенъ только совмѣстно съ Англіей, а отдѣльно только въ томъ случаѣ, если онъ представлялъ для Россіи какія-нибудь существенныя выгоды.

Переговоры велись не особенно успѣшно. Убри не желалъ отступать отъ данной инструкціи. Французскій уполномоченный считалъ требованія русскаго правительства оскорбительными для побѣдоносной Франціи. Въ концѣ-концовъ, Убри пошелъ на уступки и 8 (20) іюля подписалъ мирный договоръ. Новый трактатъ—полная дипломатическая побѣда Франціи. Русскій уполномоченный отступилъ отъ принциповъ инструкціи и добился только одного—гарантіи независимости и цѣлости владѣній Турціи. Впрочемъ, договоръ нуждался въ согласіи Александра. Къ моменту возвращенія Убри уже была заключена секретная конвенція съ Пруссіей, и это значительно измѣняло политическую конъюнктуру и дало возможность русскому правительству не утвердить договоръ, подписанный Убри, подъ предлогомъ, что условія трактата противорѣчили данной ему инструкціи. И Государственный Совѣтъ, «вдохновляемый сознаніемъ народной славы и всѣмъ извѣстной высокой честности монарха», привѣтствовалъ рѣшеніе государя.

По поводу несостоявшагося мира съ Франціей Александромъ былъ выпущенъ манифестъ, въ которомъ, съ одной стороны, выражалась увѣренность, что вѣрные его подданные соединятъ усилія свои съ нимъ, какъ скоро безопасность Россіи, гласъ славы и велѣнія наши призовутъ ихъ дѣйствовать въ пользу общую, а съ другой стороны, объявлялось, что принципъ безкорыстія, какъ основного начала политики Александра, остается по-старому основнымъ стимуломъ русской внѣшней политики. «Во всѣхъ нашихъ предпріятіяхъ,—говорилось въ манифестѣ,—не расширеніе нашихъ предѣловъ и не тщетной славы преходящихъ побѣдъ мы ищемъ, но желаемъ и дѣйствуемъ въ утвержденіе общей безопасности, въ охраненіе нашихъ союзовъ и въ огражденіе достоинства имперіи нашей».

Одновременно Францію постигла неудача и въ переговорахъ съ Англіей, такъ какъ условія, предложенныя лорду Ярмуту французскими уполномоченными, были слишкомъ унизительными для національнаго достоинства Англіи, какъ морской и торговой державы.

Ко времени окончанія неудачныхъ переговоровъ Россіи и Англіи съ Франціей и отношенія къ послѣдней Пруссіи радикально измѣнились. Политика Наполеона въ Германіи открыла глаза Фридриху-Вильгельму на дѣйствительное отношеніе Наполеона къ Пруссіи. Такъ, во время переговоровъ съ Англіей французскіе уполномоченные предложили вернуть Ганноверъ англійскому королю, не сговорясь предварительно съ Гаугвицемъ и не увѣдомивъ даже объ этомъ прусскаго посла въ Парижѣ—Луккезини. Затѣмъ Наполеонъ, пользуясь разгромомъ Австріи и нѣкоторой нерѣшительностью Россіи и Англіи, приступилъ къ образованію Рейнскаго союза, въ составъ котораго вошли западныя нѣмецкія владѣнія, за исключеніемъ Австріи и Пруссіи[1]). Союзъ явно былъ направленъ противъ двухъ этихъ государствъ. Дѣлами союза завѣдывалъ сеймъ въ Франкфуртѣ. Помимо этого, при образованіи Вестфальскаго королевства у Пруссіи была отнята часть владѣній. Эта политика Наполеона и заставила Пруссію немедленно готовиться къ войнѣ, скрывая по возможности военныя приго-

[1]) Съ образованіемъ Рейнскаго союза перестала существовать прежняя Германская имперія.

товленія отъ императора французовъ. Кромѣ того, какъ бы въ противовѣсъ Рейнскому союзу, Пруссія придумала организовать Сѣверный союзъ, но въ Германіи его встрѣтили несочувственно. Второстепенныя княжества боялись гегемоніи Пруссіи и обратились къ защитѣ Александра, а вольные города обратились даже къ Франціи съ просьбой о заступничествѣ. Тогда Наполеонъ объявилъ Пруссіи, что не допуститъ насильственнаго включенія въ союзъ того или другого государства.

Въ связи со всѣмъ этимъ, прусскій король, получивъ отъ Александра увѣреніе въ помощи, послалъ Наполеону ультиматумъ, въ которомъ требовалъ немедленнаго удаленія всѣхъ войскъ изъ Германіи и обязательства не препятствовать образованію Сѣвернаго союза изъ всѣхъ государствъ, не вошедшихъ въ Рейнскій союзъ.

Отвѣтомъ Наполеона на ультиматумъ былъ разгромъ прусской арміи при Іенѣ и Ауэрштетѣ и занятіе Берлина. Прусскій король удалился въ Кёнигсбергъ, лишившись почти всѣхъ своихъ владѣній, такъ какъ крѣпости по Эльбѣ, Одеру почти безъ боя сдавались на милость побѣдителя. Разгромъ Пруссіи былъ полный.

Ш. Уитвортъ.

Разгромъ Пруссіи обязывалъ Александра помочь ей не только въ силу однихъ союзническихъ отношеній. Ослабленіе Пруссіи и чрезмѣрная близость Наполеона къ Россіи были нежелательны для правительства, съ точки зрѣнія его взглядовъ на задачи и цѣли внѣшней политики, неоднократно провозглашаемыя Александромъ I. Это и опредѣлило возобновленіе военныхъ дѣйствій съ Наполеономъ, тѣмъ болѣе, что и Англія, не желая усиленія Франціи на сѣверѣ Европы и закрытія портовъ для англійскихъ кораблей, была готова вступить въ коалицію противъ Наполеона.

Возобновились военныя дѣйствія. Послѣ сраженія при Прейсишъ-Эйлау, союзники заключили 26 апрѣля въ Бартенштейнѣ новую конвенцію. Пруссія получаетъ свои старыя владѣнія или соотвѣтствующую компенсацію. Австріи и Англіи въ случаѣ присоединенія къ союзу обѣщано территоріальное расширеніе. Россія не получала ничего, а одной статьей конвенціи провозглашалась независимость и цѣлость Порты. Бартенштейнская конвенція не встрѣтила сочувствія въ другихъ державахъ, и такимъ образомъ не имѣла никакого практическаго значенія, хотя Англія и обѣщала вступить въ союзъ съ платой Пруссіи опредѣленной военной субсидіи.

Пораженіе русской арміи при Фридландѣ и отсутствіе союзниковъ говорило о безполезности дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій и цѣлесообразности мирныхъ переговоровъ. Къ тому же и Наполеонъ желалъ того

же. Сначала было заключено предварительное перемиріе между воюющими сторонами, а затѣмъ приступили и къ переговорамъ. Съ Пруссіей перемиріе было заключено отдѣльно.

Мирные переговоры велись, конечно, не при равныхъ условіяхъ. Побѣжденный Александръ не могъ быть такъ настойчивъ въ своихъ предложеніяхъ, какъ Наполеонъ.

Во время хода мирныхъ переговоровъ и Наполеонъ и Талейранъ были очень внимательны къ русскимъ уполномоченнымъ, князю Л. Б. Куракину и князю Лобанову-Ростовскому и довольно скоро соглашались на второстепенныя предложенія русскихъ уполномоченныхъ. Заключая миръ съ Александромъ, Наполеонъ хотѣлъ въ его лицѣ пріобрѣсти вѣрнаго союзника, съ помощью котораго ему, быть-можетъ, удастся нанести рѣшительный ударъ Англіи и ея торговому могуществу. Мирный трактатъ былъ подписанъ 7 іюля (н. с.) и ратификованъ (9 іюля н. с.) 1807 г. Сущность его заключалась въ слѣдующемъ. Наполеонъ, изъ уваженія къ императору всероссійскому и въ изъявленіе своего искренняго желанія соединить обѣ націи узами довѣренности и непоколебимой дружбы, возвращалъ «прусскому королю, союзнику Его Величества, Императора Всероссійскаго, всѣ завоеванныя страны, города и земли». Согласно трактату, прусскій король получалъ только часть прежней территоріи.

Изъ польскихъ областей, принадлежащихъ Пруссіи, было составлено Варшавское герцогство и отдано саксонскому королю. Городъ Данцигъ объявлялся вольнымъ городомъ. Къ Россіи присоединялась Бѣлостокская область. Александръ признавалъ всѣ измѣненія, произведенныя Наполеономъ въ политической картѣ Европы. Россія обязывалась заключить перемиріе съ Портой и очистить Молдавію и Валахію отъ войскъ, но турки не могутъ занимать этихъ областей до заключенія мира между Россіей и Турціей. Наконецъ Александръ долженъ былъ выступить въ качествѣ посредника между Англіей и Франціей. Оба императора взаимно ручались за цѣлость своихъ владѣній и владѣній державъ, упомянутыхъ въ договорѣ. Кромѣ того, еще былъ заключенъ дополнительный секретный договоръ. На его основаніи между Россіей и Франціей заключался оборонительный и наступательный союзъ. Оба императора обязывались дѣйствовать заодно, на сушѣ и на морѣ, во всякой войнѣ, которую Россія или Франція будутъ вести противъ какой-либо державы. Военныя дѣйствія ведутся по взаимному соглашенію и сообща заключается миръ. Въ случаѣ, если Англія откажется отъ посредничества Россіи, не признаетъ независимости всѣхъ морскихъ державъ и не возвратитъ Франціи ея колоніи, завоеванныя Англіей съ 1805 года, то дипломатическія сношенія между Россіей и Англіей должны быть прерваны. Къ тѣмъ же дѣйствіямъ будутъ приглашены копенгагенскій, стокгольмскій и лиссабонскій дворы. И Россія и указанныя государства запираютъ гавани для англійскихъ кораблей. Таковы основныя статьи секретнаго договора.

Тильзитскій миръ былъ большой дипломатической побѣдой Наполеона. Впрочемъ, при данныхъ обстоятельствахъ другого нельзя было ожидать. Помимо того, что Россія обязывалась приступить къ континентальной системѣ, столь тяжело отразившейся на нашихъ финансахъ, разрывался старинный союзъ съ Англіей, начиналось возстановленіе Польши.

Правда, образованіе великаго герцогства Варшавскаго было сдѣлано съ согласія Александра, постоянно мечтавшаго о возстановленіи Польши, и должно было отчасти удовлетворить Александра, но, по существу, и эта политическая комбинація была вредна для интересовъ Россіи. Давая согласіе на образованіе Варшавскаго герцогства, Наполеонъ имѣлъ въ виду создать на Вислѣ удобную базу противъ Александра I, если онъ отклонится въ сторону отъ тильзитскихъ соглашеній и станетъ на сторону враговъ Франціи. Наконецъ измѣненная Наполеономъ карта Европы закрѣплялась на будущія времена согласіемъ Александра. Всей горечи договора не могло искупить и присоединеніе къ Россіи Бѣлостокской области.

Зато Тильзитскій миръ развязывалъ руки правительства по отношенію къ Швеціи. Правительство еще въ XVIII вѣкѣ было намѣрено присоединить остатки шведской Финляндіи къ Россіи, но шведская война при Екатеринѣ кончилась ничьѣмъ: каждая изъ воюющихъ сторонъ сохраняла status quo ante bellum. Самъ Наполеонъ предложилъ Александру обратить вниманіе на Швецію и лишеніемъ ея Финляндіи наказать ее за враждебное отношеніе къ нему. Завоеваніе Финляндіи, по словамъ Наполеона, должно было служить «вознагражденіемъ за веденіе войны... Шведскій государь... непріятель географическій. Петербургъ слишкомъ близокъ къ финляндской границѣ...» Война Россіи съ Швеціей была тѣмъ болѣе въ интересахъ Наполеона, такъ какъ, по ея объявленіи, послѣдовалъ бы немедленно разрывъ Россіи и Англіи. Александръ вскорѣ воспользовался предложеніемъ Наполеона.

Наполеонъ встрѣчаетъ прусскую королеву въ Тильзитѣ. (Рис. Госсо).

Тильзитскій миръ поставилъ Россію съ глазу на глазъ съ Франціей. Онъ ослабилъ Россію, лишивъ ее прежняго престижа среди европейскихъ державъ и оторвавъ ее отъ ея союзниковъ. Никто не сомнѣвался въ кратковременности союза съ Франціей, встрѣченнаго въ Россіи съ большой нелюбовью и принесшаго странѣ не мало экономическаго и финансоваго разстройства. Его условія опредѣляли дальнѣйшее направленіе внѣшней политики Александра I. Въ нихъ заключались причины будущей войны, единоборства Россіи и Франціи, которое должно было возвратить Россіи прежнее политическое значеніе.

Вл. Пичета.

Въ булонскомъ лагерѣ 1804 г. (Русселя).

III. Походы 1805—07 года.

Подполк. В. П. Өедорова.

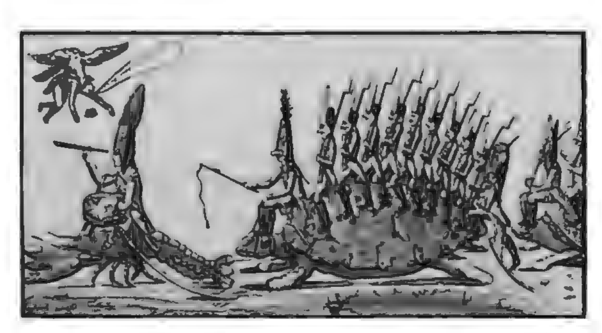
1805 годъ.

Приступая къ описанію дѣйствій [1]) союзниковъ противъ Наполеона, я считаю необходимымъ оговориться, что цѣль статьи: показать первоначальныя столкновенія русскихъ съ французами и ихъ дѣйствія противъ французовъ, а потому дѣйствія австрійцевъ и французовъ будутъ показаны возможно короче, въ предѣлахъ крайней необходимости.

Численное соотношеніе армій враждующихъ сторонъ было таково: Австрійская армія—373.435 человѣкъ, раздѣленная на три части подъ начальствомъ эрцъгерцоговъ Карла,

[1]) Дипломатическія отношенія, обусловливавшія военныя дѣйствія, изображенныя въ статьѣ, составляютъ предметъ предшествующей статьи В. И. Пичета.

Іоанна и Фердинанда,—номинально, а фактически подъ начальствомъ генералъ-квартирмейстеровъ Мейера, Цаха и Макка; первая армія была расположена на границѣ съ Италійскимъ королевствомъ, вторая — въ Тиролѣ и третья въ Ульмѣ (Баварія); къ этой послѣдней арміи должна была присоединиться русская армія Кутузова—50.000 человѣкъ и совмѣстно принять на себя удары Наполеона, который велъ армію свыше 500 тысячъ человѣкъ. Сосредоточеніе арміи Кутузова совершено было у Радзивиллова съ Высочайшимъ указаніемъ подчиняться непосредственно императору Францу. Выступленіе Кутузова въ походъ состоялось 13 августа 1805 года, при чемъ ему повелѣно было итти черезъ Тешенъ, Брюннъ, Крелăсъ и Браунау къ Ульму. Началъ походъ былъ отлично: войска шли спокойно, по маршруту, радушно встрѣчаемыя населеніемъ. Но это продолжалось только до 10 сентября, когда вѣнскій дворъ узналъ о быстромъ наступленіи Наполеона къ среднему Рейну. Около Тешена Кутузовъ получилъ просьбу ускорить маршъ, воспользовавшись для облегченія движенія массою предоставленныхъ подводъ. Маршъ былъ распоряженъ такимъ образомъ: половину переходовъ пѣхота шла пѣшкомъ безъ ранцевъ и шинелей, сложенныхъ на подводахъ, а другую половину ѣхали на подводахъ; дѣлали въ день 45—60 верстъ; офицеры ѣхали въ почтовыхъ колясахъ. Кавалерія получала усиленный фуражъ. Артиллерію везли на подставныхъ лошадяхъ, а наши лошади получали двойную порцію фуража. Однако весь этотъ форсированный маршъ оказался безполезнымъ: Наполеонъ разбилъ австрійскую армію и взялъ Ульмъ раньше, чѣмъ подоспѣла русская армія, а затѣмъ всѣми силами обрушился на нее. Дойдя до Браунау, Кутузовъ остановилъ армію, занявъ Браунау авангардомъ подъ начальствомъ Багратіона, и приказалъ, разставивъ передовые посты по р. Инну, собрать свѣдѣнія о непріятелѣ, въ виду полученныхъ имъ смутныхъ извѣстій о происходившихъ неблагопріятныхъ операціяхъ подъ Ульмомъ. Положительныя свѣдѣнія принесли ему австрійскіе генералы Кинмейеръ и графъ Ностицъ, отрѣзанные Наполеономъ отъ Ульма; они сообщили ему, что Наполеонъ взялъ Ульмъ 8 октября, Маккъ сдался на капитуляцію и Наполеонъ пошелъ къ Мюнхену. Печально оказалось положеніе русской арміи: сосредоточеніе ея у Браунау еще не закончилось; подходили усиленными маршами послѣднія колонны; солдаты были изнуренные, частью босые; наступившее осеннее ненастное время давало себя знать,—до 6.000 человѣкъ больныхъ оставлено было въ пути, а между тѣмъ надо было предпринимать рѣшительныя дѣйствія въ томъ или другомъ направленіи противъ надвигающагося сильнѣйшаго противника. Въ это время умъ и осторожность Кутузова выказаны были во всей силѣ. Онъ послалъ письмо императору Францу съ просьбой разрѣшить передвиженіе арміи къ Ламбаху, а оттуда къ Линцу или Энсу, смотря по вновь

Быстрый маршъ русской арміи на помощь Пруссіи. (Совр. карик.).

образующимся моментамъ стратегическаго расположенія противника, и при этомъ доносилъ, что такъ какъ между Браунау и Вѣной нѣтъ другихъ войскъ, кромѣ его арміи, то онъ «безъ воли Его Величества не обнажитъ отъ войскъ дороги въ Вѣну и не предастъ ее во власть французамъ», а въ ожиданіи отвѣта и развитія предпріятій Наполеона онъ неторопливо приказалъ вывозить изъ Браунау больныхъ, австрійскіе парки и артиллерію, ломать мосты по Инну, оставивъ на лѣвомъ берегу наблюдательные отряды. При общемъ уныніи онъ одинъ былъ хладнокровенъ и старался поднять общій духъ даже съ помощью устраиваемыхъ увеселеній. Наполеонъ также имѣлъ свѣдѣнія о положеніи союзниковъ; зналъ, что армія графа Буксгевдена была на маршѣ отъ Троппау къ Ольмюцу, армія Беннигсена у Варшавы, гвардія русская только что выступаетъ изъ Бреста и Кутузовъ у Браунау стоитъ среди разрозненныхъ армій безъ надежды на скорую помощь, такъ какъ противъ австрійскихъ корпусовъ въ Италіи и Тиролѣ Наполеонъ послалъ съ превосходными силами Ожеро и Нея, и они на выручку къ Кутузову не придутъ, а потому рѣшилъ разгромить Кутузова, выступивъ изъ Мюнхена по направленію къ Инну 15 октября, но... Кутузовъ не дремалъ! 17 октября онъ приказалъ отступить: русскимъ—отъ Браунау къ Ламбаху, Кинмейеру отъ Зальцбурга, держась на высотѣ нашего лѣваго фланга, Ностицу—изъ Пассау къ Линцу. Аріергардъ былъ порученъ Багратіону, конница въ немъ—Витгенштейну, артиллерія—Ермолову, между арміею и аріергардомъ резервный отрядъ—Милорадовичу...

Первая встрѣча русскихъ войскъ съ французами произошла у Вельса. Противники, не знавшіе до того времени пораженій, сошлись при слѣдующихъ обстоятельствахъ: Мюратъ насѣлъ на четыре австрійскихъ батальона, шедшихъ между Кутузовымъ и Кинмейеромъ; запросили помощи; Багратіонъ, стоявшій въ Ламбахѣ, послалъ эскадронъ Павлоградскихъ гусаръ, 6 и 8 егерскіе полки и роту артиллеріи. Пять часовъ ничего не могъ подѣлать съ этимъ отрядомъ Мюратъ. Егеря наши ходили два раза въ штыки. Часть 8 егерскаго полка, лишившись шефа своего графа Головкина, смертельно раненаго, была приведена въ безпорядокъ лишь на нѣсколько минутъ и вновь устроена графомъ Тизенгаузеномъ. Русскіе потеряли только 152 человѣка и одно орудіе подбитымъ. Съ честью выйдя изъ перваго боя съ сильнѣйшимъ противникомъ, Кутузовъ велѣлъ истребить мосты на Траунѣ и пошелъ къ Энсу, направивъ корпусъ Кинмейера къ Штейеру. На маршѣ присоединилъ къ себѣ отрядъ графа Ностица, отступавшій изъ Пассау, приказалъ ему уничтожить мостъ у Линца (на Дунаѣ) и 23 октября перешелъ черезъ быструю рѣку Энсъ съ главными силами у гор. Энса. Аріергардъ Багратіона сдѣлалъ весь путь подъ безуспѣшнымъ напоромъ кавалеріи Мюрата; въ послѣднемъ усиліи Мюратъ хотѣлъ отрѣзать Багратіона у моста на Энсѣ, но спѣшившійся отрядъ Павлоградскихъ гусаръ подъ командою полковника графа Орурка зажегъ мостъ подъ картечью непріятеля. Перейдя рѣку, Кутузовъ съ русскими войсками расположился при впаденіи Энса въ Дунай, а австрійцамъ подъ главнымъ начальствомъ графа Мерфельда приказалъ занять оборонительную линію вдоль берега рѣки и даже построить укрѣпленія, разсчитывая удержаться здѣсь согласно волѣ императора Франца, но эта надежда оказалась не-

сбыточной: Наполеонъ отбросилъ австрійцевъ и перешелъ Энсъ, — Кутузову пришлось отступать. Онъ пошелъ къ Амштетену и прибылъ туда 24 октября. Неотступно преслѣдовавшій Мюратъ снова насѣлъ на русскихъ у Амштетена. Первый ударъ былъ на Багратіона. Дѣло завязалось жаркое, горячность французовъ долго разбивалась о стойкость русскихъ, но превосходство силъ взяло свое: Багратіону пришлось отступить; тогда Кутузовъ выдвинулъ новую силу: отрядъ Милорадовича—гренадеръ, которымъ Милорадовичъ напомнилъ, какъ Суворовъ училъ ихъ дѣйствовать штыкомъ, и запретилъ заряжать ружья. Они сошлись грудь съ грудью съ гренадерами Удино; схватка произошла ожесточеннѣйшая, бились до истощенія силъ, раненые спѣшили въ строй послѣ перевязки и, въ концѣ-концовъ, смяли французовъ, которые отступили въ безпорядкѣ, преслѣдуемые охотниками. Сознавая невозможность держаться противъ всей силы Наполеона, сколько бы частныхъ боевъ не было выиграно, Кутузовъ повелъ отступленіе дальше: черезъ Мелькъ къ Санктъ-Пельтену. У Мелька Мюратъ снова ударилъ на аріергардъ, шедшій уже подъ начальствомъ Милорадовича. Снова жарко было обоимъ противникамъ, но результатомъ остались довольны обѣ стороны: русскіе — тѣмъ, что, давши отпоръ, отступили въ порядкѣ, а французы—тѣмъ, что подвинулись впередъ.

Проводникъ (Мейссонье).

Наполеонъ обдумалъ въ это время планъ: пройдя Мелькъ, окружить Кутузова и припереть его къ Дунаю. Для этого былъ переправленъ немедленно на лѣвый берегъ Дуная корпусъ Мортье, чтобы отрѣзать пути отступленія Кутузову. И этотъ планъ постигла неудача; не дался Кутузовъ въ руки Наполеону: какъ только получилъ свѣдѣніе о появленіи Мортье на лѣвомъ берегу, тотчасъ разгадалъ планъ Наполеона, повелъ армію къ Кремсу, перешелъ тамъ Дунай и велѣлъ Милорадовичу истребить мостъ, что и было исполнено подъ выстрѣлами французовъ. Непріятно былъ пораженъ Наполеонъ, лишившись цѣли своихъ соображеній и увидя въ опасности

отдѣленный рѣкою корпусъ Мортье. Тотчасъ остановилъ онъ общее наступленіе, послалъ Мортье приказаніе быть осторожнѣе и подкрѣпленіе, которое опоздало: Мортье съ другомъ удалось пробиться къ Дирнштейну. Дѣйствія русскихъ получили справедливую, хотя своеобразную оцѣнку одного изъ лучшихъ французскихъ генераловъ—Дюпона: «твердость русскихъ равнялась мужеству французовъ», пишетъ онъ. Въ теченіе двухъ дней послѣ этого боя французы совершенно очистили лѣвый берегъ Дуная. Кремское сраженіе дало полную свободу дѣйствій Кутузову: ждать Буксгевдена въ Кремсѣ, или спокойно итти ему навстрѣчу, или итти къ Вѣнѣ; кромѣ того, оно имѣло огромное нравственное вліяніе въ Европѣ. Всѣ бывшія отъ Браунау до Кремса аріергардныя дѣла доказывали, что прошла, наконецъ, Наполеону пора дешевыхъ побѣдъ и онъ встрѣтилъ соперниковъ, оставляющихъ поля битвъ не по принужденію непріятеля, а по волѣ своихъ начальниковъ. Гнѣву Наполеона отъ этой первой неудачи его оружія среди блистательнаго похода не было границъ. Спокойно отдыхалъ Кутузовъ съ своими войсками у Кремса послѣ тяжкой страды непрерывныхъ маршей и битвъ въ теченіе двухъ недѣль и надѣялся также спокойно дождаться у Кремса Буксгевдена, принимая во вниманіе, что для перехода Наполеоновской арміи на лѣвый берегъ Дуная имѣется лишь мостъ противъ Вѣны, который австрійцы должны сумѣть отстоять, но и на этотъ разъ союзники разочаровали Кутузова: мостъ, подготовленный къ взрыву, былъ взятъ французами безъ боя съ помощью обмана; къ мосту подскакали Мюратъ и Ланнъ, махая бѣлыми платками; начальникъ отряда князь Ауэрспергъ встрѣтилъ ихъ на мосту; они начали переговоры якобы о перемиріи, а въ это время приблизились французскія колонны и перебѣжали мостъ. Дѣло было испорчено, и Кутузовъ рѣшилъ отходить на Брюннъ для соединенія съ Буксгевденомъ, Наполеонъ же стремился не допустить этого соединенія. Чтобы достичь цѣли, Кутузову надлежало пройти по Цнаймской дорогѣ до Погорлицъ, откуда отступленіе до Брюнна было уже обезпечено. Это понималъ и Наполеонъ, который направилъ противъ Кутузова лучшихъ своихъ генераловъ. Кутузовъ же противопоставилъ имъ отрядъ одного Багратіона, передвинутый изъ Кремса въ Эберсбруннъ форсированнымъ маршемъ ночью по непролазной грязи и къ тому же не успѣвшій даже поужинать. Позиція у Эберсбрунна не была признана Багратіономъ удобною для обороны, почему онъ перешелъ къ мѣстечку Шенграбенъ и боемъ подъ нимъ съ французами заслужилъ отряду наименованіе «дружины героевъ», ухитрившись въ заключеніе уйти отъ французовъ обманомъ подъ прикрытіемъ ночи, но въ порядкѣ и съ трофеями: плѣннымъ полковникомъ, 2 офицерами, 50 рядовыми и знаменемъ французскимъ. Придя къ Погорлицу, онъ соединился съ Кутузовымъ, не надѣявшимся уже увидѣть его въ живыхъ, и вмѣстѣ пошли къ Брюнну, куда прибыли 6 ноября. Здѣсь присоединились къ нему войска бывшаго вѣнскаго гарнизона подъ командою графа Лихтенштейна, а 8 ноября подъ Вишау, куда отодвинулся Кутузовъ, присоединился и корпусъ Буксгевдена. Наполеонъ, который занялъ Брюннъ, расположилъ армію свою на кантониръ-квартиры и сталъ обдумывать дальнѣйшія дѣйствія.

Арміи союзниковъ собрались въ это время въ Ольмюцѣ (70 верстъ отъ Брюнна). Здѣсь были оба союзные императора, которые рѣшили

Взятіе Вѣны. Наполеонъ принимаетъ ключи отъ Вѣны (Girodet).

остаться въ Ольмюцѣ, чтобы дать заслуженный и необходимый отдыхъ войскамъ. Кутузовъ былъ назначенъ главнокомандующимъ надъ соединенными въ Моравіи русскими и австрійскими войсками. Во время стоянки подошла гвардія и другія подкрѣпленія, такъ что образовалась внушительная сила въ 82 съ половиной тысячи человѣкъ, расположенная на крѣпкой позиціи.

Что же думалъ Наполеонъ? Несмотря на успѣхи и занятіе Вѣны, положеніе его было опасное; увлеченный далеко отъ Франціи въ глубину Моравіи, онъ стоялъ въ виду русской арміи, показавшей ему на 400-верстномъ отступленіи, какихъ упорныхъ битвъ долженъ онъ ожидать впереди. Онъ началъ переговоры о мирѣ, но въ это время судьба помогла ему: въ Ольмюцѣ почувствовался недостатокъ продовольствія, и военный совѣтъ рѣшилъ подвинуться на два—три перехода впередъ. Рѣшеніе это было противно мнѣнію Кутузова, который говорилъ, что въ этомъ случаѣ Наполеонъ перейдетъ въ наступленіе, а столкновеніе съ нимъ несвоевременно. Его не послушались и дождались… разгрома подъ Аустерлицемъ, гдѣ были погребены труды всѣхъ предшествовавшихъ дѣйствій Кутузова. Передвинувшись впередъ до Вишау, союзники не стали ждать нападенія Наполеона, а сами ударили на него 17 ноября авангардомъ Багратіона и принудили французовъ оставить городъ. Это авангардное незначительное дѣло интересно для русской исторіи лишь тѣмъ, что въ немъ впервые императоръ Александръ I находился въ огнѣ и въ виду Наполеона. 18 ноября союзники подвинулись еще на 12 верстъ. Между Брюнномъ и Аустерлицемъ, роковымъ пунктомъ, избралъ Наполеонъ мѣсто для сраженія. 80.000 человѣкъ союзной арміи (изъ нихъ лишь 14.000 австрійцевъ) стояли противъ 90.000 человѣкъ

Наполеона. Размѣры статьи не даютъ возможности помѣстить подробное, спеціальное обслѣдованіе этого замѣчательнаго сраженія; приходится говорить о немъ кратко: союзники были разбиты, но честь русскаго оружія посрамлена не была. Виновниками пораженія указываетъ исторія: неумѣло составленную диспозицію (распоряженія о расположеніи войскъ на полѣ сраженія), растянутость позиціи, трудность общаго руководительства по этому случаю, несвоевременное (слишкомъ раннее) начатіе боя. Геній Наполеона использовалъ всѣ эти недостатки, использовалъ своевременно полученныя свѣдѣнія объ окончательномъ расположеніи противника и, начавъ сраженіе въ 8 часовъ утра 20 ноября, блистательно завершилъ его къ ночи побѣдою. Дѣйствія русскихъ войскъ кратко и, надо полагать, наиболѣе справедливо оцѣнены были спустя нѣсколько лѣтъ слѣдующими словами Наполеона: «Подъ Аустерлицемъ русскіе оказали болѣе мужества, нежели въ другихъ битвахъ со мною».

Первая раздача ордена Почетнаго Легіона (Дебре).

21 ноября войска собрались къ Чейчу, а оттуда двинулись на Гедингъ, перешли черезъ Мархү и стали у Голича. Начались переговоры о перемиріи. Сдѣлано было распоряженіе о возвращеніи русской арміи на родину. Пруссія заключила договоръ съ Наполеономъ, и Австрія, оставшись безпомощною, заключила Пресбургскій миръ. Этимъ было завершено **первое** столкновеніе Россіи съ Наполеономъ на поляхъ брани.

1806 годъ.

Получивъ прусскій ультиматумъ, Наполеонъ прибылъ въ Бамбергъ, главную квартиру французскихъ войскъ въ Германіи, взявъ въ свои руки руководство кампаніей. Къ сожалѣнію, духъ прусскаго короля былъ сильнѣе, чѣмъ его армія, давно не работавшая на поляхъ битвъ, имѣвшая во главѣ старыхъ генераловъ, не подготовленныхъ къ борьбѣ съ такимъ противникомъ и не имѣвшихъ въ рукахъ даже достаточнаго числа картъ театра предстоящихъ военныхъ дѣйствій. Пока стали судить да рядить, Наполеонъ съ обычнымъ его быстрымъ натискомъ выдвинулся впередъ, отрѣзалъ пруссаковъ отъ Эльбы и Берлина, разбилъ у Зальцбурга и Зальцфельда и погналъ къ Іенѣ. Подъ Іеной (Наполеонъ) и Ауэрштедтомъ (Даву) были разгромлены въ одинъ и тотъ же день двѣ прусскія арміи, и французы двинулись побѣдоносно далѣе. Крѣпости прусскія (Эрфуртъ и семь другихъ) съ гарнизономъ въ общей сложности до 59.000 человѣкъ позорно сдавались безъ боя. Безъ боя же былъ отданъ и Берлинъ. Уничтоживъ съ такою легкостью Пруссію, Наполеонъ отправился 13 ноября

въ Познань. Здѣсь быстро опредѣлилъ главное складочное мѣсто для провіанта, снарядовъ и амуниціи, а затѣмъ прибылъ къ арміи, сосредоточившейся на Вислѣ, и объявилъ приказомъ по арміи о началѣ войны съ Россіею.—Такимъ образомъ, во второй разъ стать лицомъ къ лицу съ французами и ихъ геніальнымъ вождемъ пришлось Россіи не при наступательномъ, а при оборонительномъ положеніи, и вмѣсто того, чтобы прогнать Наполеона за Рейнъ, пришлось помышлять о защитѣ своихъ границъ.

Въ силу Высочайшаго повелѣнія Беннигсенъ перешелъ 22 октября 1806 года границу у Гродно, къ 1 ноября расположился у Остроленки и ожидалъ указаній короля прусскаго. Король подчинилъ ему находящійся на правомъ берегу Вислы единственный уцѣлѣвшій послѣ разгрома кор-

Встрѣча Наполеона и Франца послѣ Аустерлица (Гро).

пусъ Лестока (14.000 человѣкъ) и предложилъ итти на защиту старой Пруссіи. На это Беннигсенъ вынужденъ былъ отвѣтить, что, двинувшись туда, онъ дастъ возможность непріятельской колоннѣ, идущей къ Варшавѣ, угрожать границамъ Россіи, которыя онъ не въ правѣ обнажать отъ войскъ, и что онъ проситъ разрѣшенія стать при Пултускѣ, имѣя на Вислѣ авангарды, и ожидать развитія дѣйствій Наполеона, а также прибытія свѣжихъ войскъ изъ Россіи. Разрѣшено было дѣйствовать по усмотрѣнію.

Наполеонъ двинулъ впередъ свою армію по тремъ направленіямъ: на Торкъ, Плоцкъ и Варшаву. 14 ноября положено было дѣйствительное начало войны атакой французскаго авангарда на русскій при Блонѣ. Русскіе уклонились отъ неравнаго боя и перешли на правый берегъ Вислы—въ Прагу. За ними послѣдовалъ прусскій гарнизонъ Варшавы и

сжегъ за собою мостъ. Два дня только оставался русскій авангардъ въ Прагѣ и отошелъ къ Пултуску, куда 20 ноября отступила и вся армія Беннигсена, но, видя, что французы не преслѣдуютъ, Беннигсенъ черезъ четыре дня снова выдвинулся къ Пултуску, и въ это время совершилось важное обстоятельство, много повредившее ходу дѣлъ до конца 1806 г.: былъ назначенъ главнокомандующимъ «заграничною» арміею фельдмаршалъ графъ Каменскій, человѣкъ неподготовленный для борьбы съ такимъ противникомъ и притомъ съ полуразрушеннымъ организмомъ. Расположеніе армій, котораго Каменскій не нарушилъ, было въ это время таково: Беннигсенъ у Пултуска, графъ Буксгевденъ у Остроленки, Эссенъ I-й у Бреста и Лестокъ у Страсбурга; авангарды: графа Остермана у Чарнова, Барклая-де-Толли у Сохочина и Колозомба и Багговута у Зегрже.

Первое жаркое дѣло было у Сохочина и Колозомба, гдѣ Наполеонъ рѣшилъ перейти рѣку Вкру. Жестоко оборонялись нѣсколько батальоновъ Барклая, удерживавшихъ нападеніе нѣсколькихъ корпусовъ французскихъ. Въ то же время графъ Остерманъ у Чарнова неустанно и безстрашно отбивалъ пять непрерывныхъ атакъ сильнѣйшаго противника, добившись, что русскіе удержались на мѣстѣ, а Наполеонъ прекратилъ бой. Великой чести заслужили русскіе военачальники обоихъ этихъ авангардныхъ боевъ, такъ какъ важныя послѣдствія дали геройскіе ихъ подвиги: удержавъ французовъ на переправѣ болѣе десяти часовъ, они лишили Наполеона возможности предупредить Беннигсена у Пултуска и отрѣзать его отъ переправы черезъ Наревъ. Это было 11 декабря 1806 года, а 12 декабря застало русскую армію при такомъ положеніи: корпусъ Беннигсена у Стрегочина, дивизія Дохтурова въ Голиминѣ, Тучкова въ Маковѣ, Анрепъ и Эссенъ у Попова между Наревомъ и Бугомъ. Французы, перейдя Вкру и Наревъ, спѣшили занять Пултускъ, но онъ былъ уже занятъ отрядомъ Багговута, который выдержалъ жаркій бой съ авангардомъ Ланна, но Пултуска не отдалъ. Въ это время фельдмаршалъ Каменскій началъ маневрированіе частями всей арміи, чтобы сосредоточить ее у Пултуска. Маневрированіе это было такъ безпорядочно, что донесенія о нихъ поставили даже прозорливаго Наполеона въ недоумѣніе, и онъ 13 декабря простоялъ подъ Насельскомъ съ своею гвардіею и резервной конницей, ожидая выясненія положенія. Въ ночь съ 13 на 14 декабря Каменскій вовсе расхворался и, отдавъ Беннигсену повелѣніе подчиниться графу Буксгевдену, оставилъ армію. Однако Беннигсенъ удержалъ командованіе въ своихъ рукахъ и 14 декабря принялъ бой у Пултуска. Этотъ бой замѣчателенъ единодушнымъ дѣйствіемъ и взаимоподдержкой всѣхъ начальниковъ. Багговутъ, Барклай, Остерманъ, Сакенъ и Беннигсенъ такъ горячо и дружно вели дѣло, что значительно превышавшіе числомъ французы не только не взяли ни пяди у русскихъ, но еще вынуждены были и отступить во мракѣ морознаго декабрьскаго вечера. Беннигсенъ воздержался отъ преслѣдованія отходившаго Ланна лишь благодаря темнотѣ и вьюгѣ, а на зарѣ 15 числа сталъ отходить черезъ Рожанъ къ Остроленкѣ. 14 же декабря отряды князя Голицына и Дохтурова, шедшіе къ Пултуску черезъ Маковъ и Голиминъ, выдержали упорнѣйшій бой съ маршалами Ожеро и Даву у Голимина; численно малосильные отряды отбивались цѣ-

лый день артиллерійскимъ огнемъ, а ночью завершили дѣло рукопашнымъ боемъ. Благодаря неудачамъ въ этихъ двухъ пунктахъ, разрушились предположенія Наполеона, съ которыми онъ двигался на Пултускъ: отрѣзать нашей арміи пути отступленія въ Россію. Мало этого: первыя четыре встрѣчи Наполеона съ русскими въ 1806 году, окончившіяся неудачами для него, оказали сильное нравственное вліяніе на воевавшія арміи.

Послѣ операціи Пултускъ-Голиминъ погода совершенно испортилась; всѣ дороги и окрестности утопали въ грязи, «пятой стихіи»—по опредѣленію Наполеона. Никакія боевыя дѣйствія не были возможны, и русскія арміи Беннигсена и графа Буксгевдена стали съ великимъ трудомъ, но тихо и покойно, отходить сначала на Новгродъ, а потомъ на Тыкочинъ, гдѣ и соединились. Наполеонъ до 18 декабря двигался за ними, а въ этотъ день пріостановилъ всѣ движенія и, давши указанія по расположенію на кантониръ-квартиры, самъ уѣхалъ въ Варшаву. Послѣдніе дни русской арміи были проведены на маршѣ къ Іоганнисбургу, «чтобы не пускать непріятеля къ нашимъ границамъ черезъ сѣверную Пруссію, лишить его въ этой области продовольствія и остановить наступательныя дѣйствія Наполеона».

Колонна въ честь Великой Арміи въ память Аустерлица (въ Парижѣ).

1807 годъ.

1 января 1807 г. русская армія стояла уже въ Біялѣ, и здѣсь Беннигсенъ вступилъ согласно Высочайшаго рескрипта въ должность главнокомандующаго. Вступленіе свое онъ не замедлилъ ознаменовать объявленіемъ наступательнаго плана, выработаннаго имъ съ цѣлью не допустить Наполеона занять Кёнигсбергъ и Пиллау, обладаніе которыми давало ему возможность пресѣчь наше сухопутное сообщеніе съ Данцигомъ и господствовать надъ берегомъ Балтійскаго моря между этими крѣпостями: отдѣльному корпусу Эссена I выступить изъ Бреста въ Брянскъ и защищать границы Россіи отъ Бреста до Гродно; арміи двинуться въ два перехода впередъ,—до Ариса, а затѣмъ до Рейна, прикрываясь двумя авангардами—Маркова, Барклая-де-Толли и Багговута. Выступленіе изъ Біялы совершилось 4 января среди снѣговъ и мятелей. Пять дней похода до Бишофштейна прошли незамѣтно, безъ стычекъ съ непріятелемъ, но уже 10 ян-

варя Беннигсенъ приблизился къ линіи расположенія французской арміи (Гутштатъ-Алленштейнъ), и съ подходомъ 11 января къ Гейльсбергу, а затѣмъ Вормидту, близость эта сказалась. Авангардный отрядъ подъ начальствомъ Маркова, пройдя Либистатъ и слѣдуя къ Морунгену, получилъ свѣдѣніе, что Морунгенъ занятъ французами корпуса Бернадота. Не успѣлъ Марковъ подвинуться немного впередъ до селенія Георгенталь, какъ Бернадотъ, желая остановить его, завязалъ съ нимъ бой. Съ перемѣннымъ счастьемъ шелъ бой; были шансы, что французы возьмутъ многолюдствомъ, но въ это время Бернадотъ получилъ извѣстіе, что русскіе обрушились на Морунгенъ и взяли его. Бернадотъ помчался туда, но оказалось, что отрядъ князя Голицына быстро со всѣмъ управился: разгромилъ и разогналъ защитниковъ, увезъ съ собою весь обозъ, такъ что у самого Бернадота осталось лишь то платье, которое было на немъ. Впрочемъ, Беннигсенъ на другой день любезно вернулъ Бернадоту его личное имущество. 14 января, послѣ Морунгенскаго дѣла, Беннигсенъ, придя въ Либистатъ, сдѣлалъ новое расписаніе арміи и выступилъ къ Морунгену, желая атаковать Бернадота, но тотъ уже отступилъ къ Торну. Узнавъ о наступленіи Беннигсена, Наполеонъ заключилъ, что онъ идетъ къ Вислѣ, и рѣшилъ, не закрывая ему пути, обойти его съ фланговъ, но благопріятствующая судьба отдала въ руки русскихъ разъѣздовъ курьеровъ съ разсылаемымъ планомъ Наполеона. Беннигсенъ пріостановилъ наступательное движеніе, и Наполеонъ, полагавшій русскую армію на маршѣ къ Вислѣ, нашелъ ее, къ удивленію и досадѣ своей, на позиціи у Янкова, готовой отражать его нападеніе. Наполеонъ не задумался атаковать русскихъ 22 января, но—увы!—безуспѣшно: до поздней ночи бросались французы на русскіе штыки, но ничего не добились, а темной ночью Беннигсенъ увелъ армію черезъ Вольсдорфъ на кёнигсбергскую дорогу, и поднявшійся утромъ Наполеонъ снова увидѣлъ свои соображенія разстроенными. Тяжело досталось русскимъ отступленіе отъ Янкова. Итти пришлось по глубокому снѣгу, узкими дорогами и лѣсами, прорубая просѣки, стоя по поясъ въ снѣгу, протаскивая артиллерію и обозы. Наполеонъ въ это время тоже не дремалъ: на протяженіи трехдневнаго марша наши аріергарды, предводимые Марковымъ, Багговутомъ и Барклаемъ, непрерывно почти отбивались отъ насѣдавшихъ французовъ; только при Гофѣ, 25 января, удалось Наполеону сломить страшнымъ усиліемъ русскіе аріер-

Газдача орловъ Наполеономъ (Давида).

гарды, но въ это время Беннигсенъ успѣлъ уже устроить армію для боя подъ Прейсишъ-Эйлау.

Плохо спалось полководцамъ русскому и французскому въ ночь съ 26 на 27 января 1807 года: Беннигсенъ думалъ, удастся ли ему соединиться съ Лестокомъ и защитить Кёнигсбергъ? Наполеонъ волновался отъ мысли, примутъ ли русскіе бой и удастся ли ему разгромить ихъ. Оба не были увѣрены, «что день грядущій имъ готовитъ»... Тревога Наполеона была не напрасна: сраженіе въ первую половину дня закончилось невиданной въ исторіи рукопашной схваткой; болѣе 20.000 человѣкъ съ обѣихъ сторонъ бились безпощадно грудь съ грудью, и, въ концѣ-концовъ, русскіе штыки опрокинули корпусъ Ожеро и погнали его; нѣсколько знаменъ было отбито у французовъ; русскіе рвались впередъ неудержимо: увлекшись погонею, одинъ русскій батальонъ очутился въ 100 шагахъ отъ Наполеона, спасеннаго отъ плѣна полкомъ старой гвардіи и конницы, конвоировавшихъ его; не худшіе результаты далъ русскимъ и бой второй половины дня, когда всѣ французскіе отряды, бросаемые на русскихъ Наполеономъ, были отбрасываемы и, наконецъ, совершенно разгромлены артиллерійскимъ огнемъ. Къ ночи подоспѣли къ русскимъ и свѣжія силы — корпусъ Лестока. Съ его помощью слѣдовало бы Беннигсену продолжить бой, который, по свидѣтельству французовъ, имѣлъ бы для Наполеона пагубныя послѣдствія, но изъ-за ночной тьмы онъ пріостановилъ дѣйствія, а на ночномъ военномъ совѣтѣ рѣшили отойти къ Кёнигсбергу. Эйлаускою битвою Наполеонъ не пріобрѣлъ ни малѣйшей существенной выгоды, потерялъ знамена, не отбивъ ни одного, и вынужденъ былъ стоять нѣсколько дней на одномъ мѣстѣ. Эйлауское сраженіе было самое упорное и кровопролитное изъ битвъ того времени и надолго оставило глубокое впечатлѣніе во французахъ. Девять дней прошло въ затишьи. Русская армія въ Кёнигсбергѣ вполнѣ отдохнула и оправилась, воспользовавшись охотно предлагаемыми услугами плотниковъ, слесарей, портныхъ, а главное — врачей; замѣнила обувь; пополнила продовольствіе. Наполеонъ же остался подъ Эйлау въ тяжеломъ раздумьи: твердость русскихъ войскъ поколебала его; изъ всѣхъ бывшихъ съ начала похода дѣлъ и сраженій онъ удостовѣрился въ трудности сломить русскихъ, въ безнадежности на дешевыя побѣды и началъ уже желать прекращенія войны. Находясь подъ Эйлау послѣ сраженія, Наполеонъ предложилъ Беннигсену заключить перемиріе. Беннигсенъ не

Въѣздъ Наполеона въ Берлинъ (Дебре).

согласился и посовѣтовалъ королю прусскому не соглашаться на мирныя предложенія Наполеона. Донесъ объ этомъ мнѣніи своемъ и государю. Боевыя дѣйствія должны были продолжаться. 5 февраля Наполеонъ отступилъ черезъ Ландсбергъ, Мельзанъ и Вормидтъ, на лѣвый берегъ Пассарги и отступилъ торопливо, что свидѣтельствовали брошенные обозы, умирающіе страдальцы-солдаты безъ покрова и одежды и издыхавшія лошади. Бóльшая часть французской арміи расположена была за Пассаргой съ главной квартирой въ Остероде, а на правомъ берегу былъ оставленъ у Гутштата корпусъ Нея. 17 февраля, когда подморозило и стало легче итти, Беннигсенъ предпринялъ наступательный маршъ Ландсбергъ-Лаунау и 20 поставилъ армію свою у Гейльсберга съ главной квартирой въ Бартенштейнѣ. 2 апрѣля прибылъ сюда и императоръ Александръ, а къ 14 апрѣля и король прусскій. Здѣсь они заключили договоръ, имѣвшій цѣлью «упрочить Европѣ твердый и общій миръ, обезпеченный ручательствомъ всѣхъ державъ». Съ наступленіемъ весны и началомъ военныхъ дѣйствій судьба-насмѣшница перевернула все вверхъ дномъ однимъ ударомъ, и не только проектъ союзниковъ предложить Наполеону условія мира остался не продиктованнымъ, но имъ самимъ пришлось подчиниться условіямъ, которыя диктовалъ Наполеонъ, овладѣвшій всей Пруссіей. Это было при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Во время вынужденнаго бездѣйствія на одномъ театрѣ войны Наполеонъ оперировалъ, однако, своими войсками на другомъ: маршалъ Лефевръ взялъ крѣпость Данцигъ, защищаемую смѣшаннымъ гарнизономъ—прусскимъ и русскимъ, при чемъ послѣдній былъ въ меньшинствѣ. По отношенію къ русскимъ и здѣсь французы не достигли цѣли: Лефевръ хотѣлъ, чтобы актъ о капитуляціи подписалъ и русскій генералъ князь Щербатовъ, но онъ отказался.

Весеннія дѣйствія на театрѣ войны близъ Тильзита между Беннигсеномъ и Наполеономъ едва не начались 1 мая: предположено было атаковать въ присутствіи государя корпусъ Нея, слишкомъ выдвинувшагося впередъ, но по полученному свѣдѣнію, которое потомъ оказалось ложнымъ, что Наполеонъ со всею арміею идетъ на помощь, атака была отмѣ-

Битва при Эйлау (Гро).

Битва при Фридландѣ (карт. Вернэ).

нена, и государь уѣхалъ въ Тильзитъ. Затѣмъ Беннигсенъ предполагалъ дать бой Наполеону у Гутштата, но снова перемѣнилъ намѣреніе и избралъ позиціи у Гейльсберга. Во время маневрированія для приведенія въ исполненіе перваго плана не обошлось безъ жестокихъ стычекъ: 1) у Альткирха—Багратіонъ и Сакенъ понудили Нея отступить такъ поспѣшно, что брошены были двѣ пушки и его собственный экипажъ; 2) у Олшевоборки Витгенштейнъ опрокинулъ отрядъ Клапареда, взялъ въ плѣнъ двухъ офицеровъ, 28 рядовыхъ и непріятельскій лагерь и 3) у Клейненфельда Раевскій разбилъ бригаду Гюо, при чемъ генералъ этотъ былъ убитъ. Съ 10 часовъ утра до 11 часовъ ночи 29 мая снова шелъ большой, по составу армій, и кровавый бой подъ Гейльсбергомъ. Счастье окончательно измѣнило Наполеону: въ большинствѣ столкновеній мелкихъ отрядовъ арміи взяли перевѣсъ русскіе, и общимъ результатомъ сраженія было то, что Наполеонъ приказалъ ударить отбой и отвелъ свою армію назадъ за рѣчку Спибахъ, подъ ударами преслѣдующихъ русскихъ. Наполеонъ приписывалъ удачу русскихъ хорошему укрѣпленію позицій, а потому на другой день, хотя къ нему прибыли свѣжія силы, онъ рѣшилъ не переходить въ наступленіе, а выманить русскую армію съ Гейльсбергской позиціи. Предпринятыя съ этою цѣлью передвиженія не привели ни къ чему, но и подъ Гейльсбергомъ Беннигсенъ не остался: посовѣтовавшись съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ, Беннигсенъ рѣшилъ передвиженіе въ Фридландъ, а цесаревичъ поѣхалъ въ Тильзитъ объяснить государю положеніе дѣлъ. Шли форсированнымъ маршемъ, съ однимъ отдыхомъ у Шиппенбейля, чтобы предупредить заня-

тіе Наполеономъ позицій подъ Фридландомъ, гдѣ предполагалось дать сраженіе, долженствовавшее по волѣ судьбы рѣшить исходъ войны. Если бы переходъ былъ совершенъ не такъ быстро, то французы опередили бы; и то ихъ небольшой авангардный отрядъ кавалеріи успѣлъ занять Фридландъ, но былъ выбитъ изъ города послѣ упорной схватки нашимъ эскадрономъ. Сраженіе началось на зарѣ 2 іюня. Беннигсенъ не ожидалъ, что Наполеонъ успѣетъ сосредоточить противъ него всю армію, но это случилось, и сильный перевѣсъ въ людяхъ и орудіяхъ сыгралъ свою роль: несмотря на то, что русскіе дрались, какъ львы, сраженіе было проиграно. Безпристрастный очевидецъ сраженія лордъ Гутчинсонъ, бывшій при главной квартирѣ Беннигсена, донесъ англійскому правительству: «мнѣ не достаетъ словъ описать храбрость русскихъ войскъ; они побѣдили бы, если бы только одно мужество могло доставить побѣду». Такая оцѣнка— гордость арміи. Беннигсенъ сталъ отходить черезъ Велау на Тильзитъ, оставивъ Кёнигсбергъ на жертву Наполеону. 6 іюня русская армія перешла Нѣманъ, и все прусское королевство было во власти Наполеона. Отмѣтить что-либо замѣчательное на отступательномъ маршѣ нельзя. Была одна интересная сшибка, гдѣ противъ французской кавалеріи, шедшей по пятамъ, выступили только что прибывшіе къ арміи двѣ башкирскія пятисотенныя команды и Ставропольскій калмыцкій полкъ, пустившіе нѣсколько сотъ стрѣлъ въ непріятеля, изумленнаго невиданнымъ оружіемъ. Перейдя за Прегель, Беннигсенъ остановился и донесъ государю о необходимости заключенія перемирія. 12 іюня ратификовано было перемиріе, а 25 іюня былъ подписанъ Тильзитскій договоръ о мирѣ.

В. Өедоровъ.

Наполеонъ, раненый при Регенсбургѣ въ 1809 г. (Готеро).

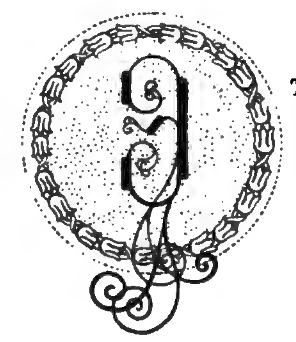

Романово, гр. Кинскаго. Грав. Тейбертъ. («Старые годы»).

IV. Великое герцогство Варшавское.

И. С. Рябинина.

Vous êtes Varsoviens...

тими словами, согласно разсказу министра юстиціи въ великомъ герцогствѣ Варшавскомъ Феликса Лубенскаго, встрѣтилъ Наполеонъ депутацію отъ всѣхъ воеводствъ прусской Польши, явившуюся къ нему съ привѣтствіемъ послѣ рѣшительной его побѣды надъ прусскимъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III. Депутаты, полагавшіе, что Наполеонъ ошибочно считаетъ ихъ представителями одного только города Варшавы, возразили, что они являются отъ всей прусской Польши, но императоръ еще разъ съ удареніемъ повторилъ: Vous êtes Varsoviens [1]). Значеніе этихъ словъ выяснилось въ іюлѣ 1807 г., когда изъ отвоеванныхъ у Пруссіи польскихъ земель, доставшихся ей по второму и третьему раздѣламъ Рѣчи Посполитой, было образовано новое польское государство со страннымъ названіемъ великаго герцогства Варшавскаго.

Варшавское герцогство—результатъ сложной дипломатической работы. Оно должно было и удовлетворять видамъ Наполеона и вознаградить поляковъ за кровь, пролитую ими подъ французскими знаменами, и не возбуждать въ участницахъ польскимъ раздѣловъ, Австріи и Россіи, тревоги за цѣлость ихъ польскихъ владѣній.

По Тильзитскому договору отъ 25 іюня (7 іюля) 1807 г. на престолъ вновь образованнаго великаго герцогства Варшавскаго былъ воз-

---

[1]) См. Falkowski. Księstwo Warszawskie. T. I. Warszawa. 1906, pag. 5.

веденъ саксонскій король Фридрихъ-Августъ. Новый варшавскій герцогъ былъ до нѣкоторой степени связанъ съ поляками узами политическаго родства; еще конституція 3 мая 1791 г. провозглашала его наслѣдникомъ короля Станислава Понятовскаго, поэтому передача герцогской короны давнишнему польскому избраннику являлась какъ бы доказательствомъ вниманія къ пожеланіямъ польскаго народа. Съ другой стороны, Фридрихъ-Августъ, въ качествѣ саксонскаго короля, былъ членомъ Рейнскаго союза государствъ, образованнаго Наполеономъ подъ своимъ протекторатомъ. Вѣрный союзникъ французскаго императора, «малёванный» король, какъ называютъ его поляки, не рѣшавшійся считать себя даже императорскимъ намѣстникомъ, Фридрихъ-Августъ вполнѣ удовлетворялъ требованіямъ, которыя Наполеонъ предъявлялъ къ главѣ вновь образованнаго польскаго государства. Воля Наполеона была для него священна, и въ точномъ исполненіи этой воли онъ видѣлъ исполненіе своихъ обязанностей въ отношеніи польскаго народа. При его молчаливомъ согласіи новое польское государство постепенно превратилось во французскую префектуру, поставлявшую Франціи провіантъ и «пушечное мясо». Цѣль, которую поставилъ себѣ Наполеонъ, теперь была имъ достигнута: созданіемъ Варшавскаго герцогства онъ ослабилъ Пруссію и лишилъ ее значительной территоріи, пріобрѣлъ удобный базисъ для дѣйствій своей арміи въ случаѣ войны съ Россіей и Австріей и получилъ въ свое распоряженіе военную дорогу, ведшую къ самымъ границамъ названныхъ державъ.

Аллегорическое изображеніе раздѣла Польши.

Государству, созданному изъ коренныхъ польскихъ областей, Наполеонъ далъ, чуждо звучавшее въ ушахъ поляковъ, названіе Варшавскаго герцогства. Онъ тщательно избѣгалъ во всѣхъ офиціальныхъ актахъ словъ «полякъ» и «польскій», дабы разсѣять опасенія Россіи и Австріи за цѣлость присвоенныхъ ими польскихъ земель и убѣдить эти державы въ томъ, что образованіе герцогства отнюдь не служитъ началомъ возстановленія Польши въ ея историческихъ границахъ. Давая 22 іюля 1807 г. конституцію «населенію Варшавы и Великой Польши», Наполеонъ обязался «согласовать ее со спокойствіемъ сосѣднихъ государствъ», т.-е. не включать въ нее ничего такого, что могло бы служить признаніемъ

правъ поляковъ на польскія земли, конфискованныя этими государствами. До какой степени новое государство утратило свой польскій характеръ, можно судить по слѣдующему факту: въ концѣ 1807 года министръ юстиціи герцогства, опираясь на актъ конституціи, въ которомъ Наполеонъ употребилъ терминъ «Великая Польша» (Grande Pologne), внесъ на разсмотрѣніе самого государственнаго совѣта вопросъ о законности выраженія: «полякъ изъ Варшавскаго герцогства»...

Фридрихъ-Августъ.

Конституція, которую получило герцогство, была такъ же призрачна, какъ всѣ конституціи, данныя Наполеономъ созданнымъ имъ государствамъ; по справедливому замѣчанію историка великаго герцогства Варшавскаго гр. Фридриха Скарбка, она вводила абсолютизмъ, прикрытый конституціонными формами.

Королю, сосредоточивавшему въ своихъ рукахъ исполнительную власть, принадлежала и законодательная инициатива. Подъ его предсѣдательствомъ состоялъ государственный совѣтъ, вырабатывавшій проекты законовъ, вносимыхъ въ сеймъ; этотъ совѣтъ, составленный изъ шести министровъ и четырехъ референдаріевъ, назначаемыхъ королемъ, имѣлъ лишь совѣщательное значеніе; всѣ его постановленія требовали утвержденія короля. Король назначалъ не только министровъ, но и всѣхъ свѣтскихъ и духовныхъ сановниковъ. Ему же, какъ предсѣдателю государственнаго совѣта, принадлежалъ высшій надзоръ за судебными мѣстами. Онъ могъ самовольно измѣнять и дополнять конституцію. Во избѣжаніе противоправительственныхъ движеній ему было предоставлено право выводить изъ герцогства въ Саксонію часть 30.000 польской арміи и замѣнять ее такимъ же числомъ саксонскаго войска.

Сеймъ состоялъ изъ двухъ палатъ: сенаторской и посольской. Въ первой засѣдало 6 епископовъ, 6 воеводъ и 6 каштеляновъ, назначаемыхъ королемъ, но въ составъ сената, въ случаѣ непринятія имъ пред-

ложеннаго правительствомъ закона, могли быть введены и новыя лица; принятый посольской избой законъ король могъ санкціонировать, несмотря на противодѣйствіе сената. Въ посольской избѣ преобладалъ шляхетскій элементъ; изъ ста членовъ, ее составлявшихъ, 60 избиралось отъ шляхты, а 40 отъ городовъ и гминъ [1]). Посольская изба, лишенная законодательной инціативы — эта инціатива, какъ сказано выше, принадлежала королю — не могла въ полномъ своемъ составѣ и обсуждать законы. Она лишь избирала на каждую сессію особыя комиссіи для разсмотрѣнія проектовъ, составленныхъ государственнымъ совѣтомъ, и только члены этихъ комиссій и государственнаго совѣта могли произносить въ пленарныхъ засѣданіяхъ рѣчи въ пользу или противъ даннаго законопроекта, палата же ограничивалась его принятіемъ и отверженіемъ. Въ каждый моментъ она могла быть распущена королемъ. Этотъ «нѣмой» сеймъ собирался каждые два года лишь на 15 дней.

Уже отмѣченными сторонами — сосредоточеніемъ правительственной власти въ рукахъ короля и подчиненіемъ ему власти законодательной—конституція герцогства живо напоминаетъ свой прототипъ — французскую конституцію VIII года, вводившую единовластіе подъ республиканскими формами. Разсматривая административную организацію Варшавскаго герцогства, мы и въ ней замѣчаемъ наполеоновскій принципъ централизаціи при полномъ подавленіи началъ самоуправленія. По конституціи 1807 г. вновь образованное польское государство было раздѣлено на департаменты (6) и повѣты (60), управляемые префектами, назначаемыми королемъ; король же назначалъ бургомистровъ, стоявшихъ во главѣ городовъ; въ департаментахъ, повѣтахъ и городахъ находились соотвѣтственные совѣты, члены которыхъ избирались жителями и пользовались совѣщательнымъ голосомъ при рѣшеніи административныхъ вопросовъ.

Гр. Фр. Скарбекъ.

Въ великомъ герцогствѣ Варшавскомъ, подчиненномъ почти неограниченной власти саксонскаго короля, исполнявшаго, въ свою очередь, велѣнія французскаго императора, не могло быть мѣста и для гражданскихъ свободъ; дѣйствительно, въ конституціонной хартіи 22 іюля 1807 г. нѣтъ никакого намека ни на предоставленіе «населенію Варшавы и Великой Польши» свободы слова, печати, собраній и союзовъ, ни на обезпеченіе за ними личной и имущественной неприкосновенности.

Въ противоположность шляхетской конституціи 3 мая 1791 года, конституція 1807 года отличалась всесословнымъ характеромъ. Она признавала всѣхъ гражданъ равными передъ закономъ, допускала мѣ-

[1]) По конституція 1807 г. все Варшавское герцогство было раздѣлено на 60 повѣтовъ и 40 гминныхъ округовъ. Повѣтовыя собранія, или сеймики, избирали 60 пословъ отъ шляхты, а гминныя собранія—40 депутатовъ отъ остального населенія. Однако въ „Спискѣ пословъ и депутатовъ" на сеймы 1809 и 1811 гг. нерѣдко встрѣчаются среди депутатовъ шляхетскія фамиліи, иногда съ титулами „ясновельможныхъ".

щанъ къ участію въ сеймѣ и вводила личную свободу крестьянъ. Но предоставленіе крестьянамъ личной свободы могло бы принести положительные результаты единственно при одновременномъ улучшеніи ихъ экономическаго быта, между тѣмъ конституція Варшавскаго герцогства совершенно не поднимала вопроса о томъ, кому должны принадлежать земельные участки, обрабатываемые крестьянами. По удачному выраженію одного польскаго писателя, крестьянамъ Варшавскаго герцогства была дарована свобода птицы, которую можно согнать съ дерева на дерево, съ крыши на крышу. Изданные въ дополненіе къ конституціи королевскіе декреты провели пагубный принципъ: «крестьянамъ — личная свобода, а шляхтѣ — земля»; они предоставили помѣщику право по истеченіи годичнаго срока аренды устранять землепашца съ занимаемаго имъ участка, при чемъ крестьянинъ, покидавшій землю, долженъ былъ оставить въ пользу помѣщика инвентарь и посѣвы. Если помѣщику было выгодно замѣнить крестьянскую бѣдноту предпріимчивыми и зажиточными нѣмецкими колонистами, платившими болѣе высокій чиншъ, то для крестьянина - землепашца, выбитаго изъ своей обычной колеи и не имѣвшаго средствъ на покупку земли въ другомъ мѣстѣ, дарованная ему свобода переселенія превратилась въ свободу стать безпріютнымъ бродягой, а нерѣдко и преступникомъ. Такимъ образомъ, землевладѣльческая шляхта, пользуясь своимъ преобладаніемъ въ сеймѣ, рѣшила крестьянскій вопросъ въ свою собственную пользу, съ полнымъ пренебреженіемъ къ интересамъ землепашцевъ — крестьянъ.

Дарованіе Наполеономъ конституціи Великому Герцогству Варшавскому въ Дрезденѣ (карт. Бачіарелли 1811 г.).

Справа отъ Наполеона — Талейранъ и гр. Марэ. Во главѣ польской депутаціи Станиславъ Малоховичъ и др. члены временнаго правительства.

Провозглашенное конституціей равенство гражданъ передъ закономъ осталось лишь теоріей и по отношенію къ евреямъ Варшавскаго гер-

цогства. Королевскіе декреты отъ 17 октября и 19 ноября 1808 года ограничили евреевъ въ пользованіи политическими правами и запретили имъ пріобрѣтать сельскія недвижимыя имущества, а декретъ 1809 года лишилъ ихъ права селиться на нѣкоторыхъ улицахъ Варшавы.

1 мая 1808 года состоялось торжественное объявленіе кодекса Наполеона гражданскимъ уложеніемъ герцогства. Въ этотъ день по улицамъ Варшавы двигалась окруженная войсками процессія съ министромъ юстиціи во главѣ, несшая на пышной подушкѣ, словно святыню, богато переплетенный экземпляръ новаго кодекса. По свидѣтельству гр. Скарбка, поляки видѣли въ этомъ торжествѣ лишь «обрядъ погребенія своихъ родныхъ установленій». Наполеоновскій кодексъ, несмотря на его многочисленныя положительныя стороны, былъ чуждъ духу польскаго народа. Его демократическія начала противорѣчили аристократическимъ преданіямъ поляковъ, а правила, провозглашавшія бракъ простымъ гражданскимъ договоромъ, допускавшія разводъ и устранявшія церковныя обрядности при рожденіи и погребеніи, оскорбляли религіозныя чувства населенія.

Но если Наполеонъ питалъ мало довѣрія къ общественнымъ силамъ польскаго народа, если онъ не допускалъ его къ самостоятельности и самодѣятельности и отмѣрялъ ему свободу лишь въ тѣхъ границахъ, какія согласовались съ видами Франціи, то, съ другой стороны, онъ далекъ былъ отъ намѣренія продолжать въ земляхъ, входившихъ въ составъ Варшавскаго герцогства, политику прусскаго правительства. Эта политика тогда, какъ и нынѣ, была направлена къ истребленію польской національности и насажденію въ польскихъ провинціяхъ германизма. Для Наполеона же было ясно, что новое польское государство можетъ принести ему дѣйствительную пользу лишь въ томъ случаѣ, если его населеніе будетъ искренно предано Франціи, если создатель герцогства будетъ окруженъ ореоломъ воскресителя польскаго народа. Поэтому ни въ одномъ постановленіи конституціи 1807 г. нельзя замѣтить стремленія денаціонализировать польское племя. Странѣ, стонавшей подъ игомъ прусской бюрократіи, лишенной родной рѣчи въ правительственныхъ учрежденіяхъ, въ судахъ и въ преподаваніи и обреченной на полное онѣмеченіе, Наполеонъ возвратилъ ея администрацію, школы и суды. Статьи 83 и 84 конституціи гласили: «Никто не имѣетъ права занимать духовныя, гражданскія и судебныя должности, если онъ не гражданинъ Варшавскаго герцогства. Всѣ правительственные, законодательные и судебные акты будутъ издаваться на національномъ языкѣ». Образованная въ 1807 г. подъ предсѣдательствомъ Станислава Потоцкаго эдукаціонная палата (izba edukacyjna) въ теченіе короткаго времени покрыла страну сѣтью среднихъ и низшихъ школъ, воспитывавшихъ юношество согласно традиціямъ польскаго народа; она ввела преподаваніе на польскомъ языкѣ и, сохранивши нѣкоторыя благія нововведенія пруссаковъ, реформировала тѣ училища, которыя въ эпоху прусскаго господства были открыты исключительно съ политическими цѣлями онѣмеченія страны.

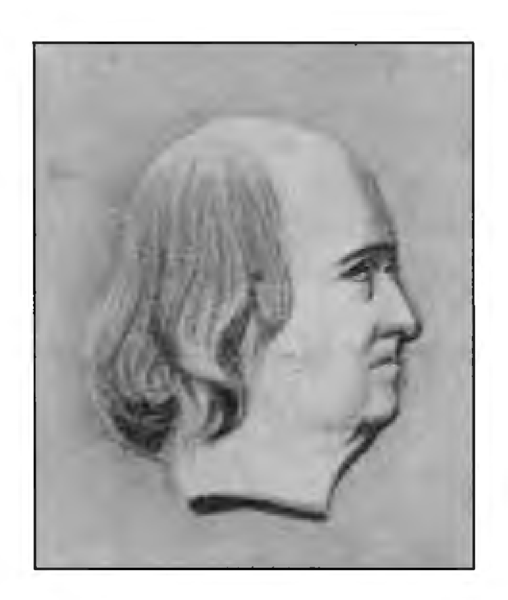
Какъ отнеслись поляки къ учрежденію Варшавскаго герцогства и къ дарованной ему конституціи? Ихъ завѣтной мечтой со времени послѣдняго раздѣла Рѣчи Посполитой было возстановленіе польскаго государства въ

его историческихъ границахъ, возвращеніе Польшѣ утраченной ею независимости. Безсильные сами по себѣ, они обращали свои взоры на побѣдоносную Францію, объявившую войну «за освобожденіе всѣхъ народовъ», и на ея геніальнаго вождя, открыто признававшаго раздѣлы Польши актомъ величайшей несправедливости. Они стремились оказать Франціи поддержку въ ея борьбѣ съ европейскими державами, разсчитывая впослѣдствіи при ея помощи завоевать свободу для собственной родины. Эта надежда поддерживала и польскихъ легіонеровъ, сражавшихся подъ знаменами Наполеона Бонапарта въ 1797—1801 гг., и организованную по его призыву въ 1806 г. польскую армію, мужественно боровшуюся рядомъ съ французами при Пултускѣ, Прейсишъ-Эйлау и Фридландѣ. И хотя услуги, оказанныя поляками Франціи, не были особенно существенны, но образованіе незначительнаго герцогства, насчитывавшаго лишь 2.400.000 жителей, являлось вознагражденіемъ, не соотвѣтствовавшимъ даже этимъ небольшимъ услугамъ. Это признавалъ самъ Наполеонъ. Представившейся ему польской депутаціи онъ указывалъ на подозрительность сосѣдей, стѣснявшихъ его при рѣшеніи польскаго вопроса. Но сложная дипломатическая работа, произведенная въ 1807 г. въ Тильзитѣ, недоступна была пониманію широкихъ слоевъ польскаго общества: оно не отдавало себѣ отчета въ планахъ французскаго императора, искавшаго въ то время сближенія съ Александромъ I и не желавшаго раздражать послѣдняго возстановленіемъ польскаго государства; оно не проводило границы между возможнымъ и невозможнымъ, но оно видѣло, что Наполеонъ, разгромившій на голову исконнаго врага Польши—Пруссію, нанесшій чувствительное пораженіе Россіи и имѣвшій, казалось, возможность диктовать въ Тильзитѣ свои условія, согласился на сохраненіе за прусскимъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III польскихъ земель, доставшихся ему по первому раздѣлу; что онъ распространилъ свою континентальную систему на «великую житницу Польши»—Гданскъ, торговавшій почти исключительно съ Англіей, и этимъ вызвалъ обезцѣненіе всѣхъ польскихъ продуктовъ и вздорожаніе заграничныхъ фабричныхъ издѣлій; что изъ отвоеванныхъ у Пруссіи польскихъ областей онъ сдѣлалъ подарокъ Александру I въ видѣ Бѣлостокской области, желая этимъ наглядно убѣдить своего новаго союзника въ отсутствіи намѣренія возстановить прежнее польское государство.

Гугонъ Коллонтай (портр. Pfeifra).

Эта частица нѣкогда могущественной Польши, получившая обидное для поляковъ названіе Варшавскаго герцогства и превращенная въ самодержавную монархію, напоминавшую прежній строй Рѣчи Посполитой лишь пріятно звучавшими польскими терминами: посолъ, сеймъ, сеймики, не могла не вызвать горькаго разочарованія въ полякахъ, которые еще въ 1796 г. просили Бонапарта позволить имъ раздѣлить съ нимъ опасности, «дабы увѣнчать его новыми лаврами и къ титуламъ, которые онъ пріобрѣлъ, добавить названіе отца угнетенныхъ»[1]). Иронически относясь къ своему новому государству, поляки говорили, что у нихъ «герцогство Варшавское, монета прусская, войско польское, король саксонскій, а кодексъ французскій». Но, сознавая свою полную зависимость отъ Наполеона, они заглушали въ себѣ это естественное чувство недовольства. «Какъ высшіе классы польскаго общества, такъ и низшіе, какъ тѣ, которые всегда руководствуются разсудкомъ, такъ и тѣ, которые въ политикѣ поддаются одному только чувству, были прикованы къ Наполеону,—говоритъ польскій писатель Юліушъ Фальковскій,—тѣмъ, что всѣ одинаково понимали, что судьбы той частицы Польши, которая составляла Варшавское герцогство, и въ которой билось сердце всего народа, роковымъ образомъ связаны съ судьбой великаго завоевателя, связаны болѣе сильно, чѣмъ судьба самой Франціи, такъ какъ Франція могла существовать безъ него, а Варшавское герцогство имъ только жило и въ случаѣ его паденія было обречено на возвращеніе въ могилу раздѣловъ»[1]).

Ю. Нѣмцевичъ (съ медал. Давида).

Наиболѣе заслуженные политическіе и общественные польскіе дѣятели старались укрѣпить въ гражданахъ новаго государства вѣру въ Наполеона и возбудить надежду на лучшее будущее. По мѣрѣ приближенія перваго сейма стало появляться большое количество трактатовъ и статей, содержавшихъ всевозможные совѣты гражданамъ, предостереженія, практическія наблюденія и т. п.; всякій, находившій свою мысль полезной для страны, спѣшилъ сдѣлать ее общественнымъ достояніемъ, дабы внести посильную лепту въ великое дѣло устроенія вновь возвращенной частицы своей родины. Знаменитый публицистъ Гугонъ Коллонтай уже больнымъ старикомъ издалъ брошюру подъ заглавіемъ «Наблюденія надъ теперешнимъ положеніемъ той части польской земли, которую со времени Тильзитскаго мира стали называть Варшавскимъ герцогствомъ» со знаменательнымъ эпиграфомъ: «Nil desperandum»; въ этой брошюрѣ Коллонтай доказывалъ, что Варшавское герцогство не можетъ долго оставаться

[1]) Изъ письма Мих. Огинскаго къ Наполеону Бонапарту отъ 10 авг. 1796 г. изъ Константинополя. Приведено у Корзона: „Kościuszko“ Wyd. 2-ie, Kraków—Warsz., pag. 497—498.
[1]) Falkowski, op. cit., t. I, pag. 68.

въ союзѣ съ Саксоніей, но что оно или будетъ присоединено къ какому-нибудь другому государству или послужитъ началомъ возстановленія прежней Польши; не рѣшаясь категорически высказываться въ пользу послѣдняго мнѣнія, онъ находилъ все-таки, что Франція, проявлявшая много заботы по отношенію къ герцогству, дѣлала это не за тѣмъ, чтобы впослѣдствіи вновь отдать эту страну подъ ярмо прусскаго короля; какъ бы то ни было,—говорилъ Коллонтай,—«у насъ не было земли, которую намъ позволено было бы называть своею, нынѣ же мы получаемъ ее изъ рукъ великаго Наполеона...; докажемъ сначала на этой частицѣ земли, что мы достойны быть великимъ народомъ, и тогда у насъ будетъ право доискиваться намѣреній этого великаго человѣка и судить обо всемъ его твореніи». Юліанъ Нѣмцевичъ, общественный дѣятель, поэтъ и историкъ, призванный послѣ установленія герцогства на родину изъ Сѣв.-Ам. Соединенныхъ Штатовъ и занявшій постъ секретаря сената и члена эдукаціонной палаты, написалъ «Предостереженіе для земляковъ на 1809 годъ»; онъ даетъ здѣсь полякамъ практическіе совѣты и старается примирить ихъ съ конституціей герцогства; доказывая ея благотворное значеніе для Польши, Нѣмцевичъ заходитъ такъ далеко, что признаетъ спасительными даже тѣ постановленія, которыя лишали пословъ права произносить въ палатѣ рѣчи, такъ какъ «эти бурныя пренія были полезны только велерѣчивымъ интриганамъ и лицамъ, состоявшимъ на жалованіи у иностранныхъ дворовъ и мѣстныхъ можновладцевъ». Отмѣтимъ еще небольшой трудъ по статистикѣ Польши Станислава Сташица, въ которомъ этотъ патріархъ польской демократіи признаетъ, что съ образованіемъ герцогства поляки «получили почву для вооруженія и сплоченія силъ»; «весь народъ, — говоритъ Сташицъ,—долженъ дѣйствовать легальными и нелегальными, явными и скрытыми способами, чтобы въ худшемъ случаѣ сохранить если не все свое существо въ цѣломъ, то, по крайней мѣрѣ, народность, законы и учрежденія».

Станиславъ Сташицъ.

Подъ вліяніемъ этихъ увѣщаній стала воскресать поколебавшаяся послѣ Тильзитскаго мира вѣра поляковъ въ Наполеона. Популярный король Фридрихъ-Августъ и призванные имъ къ кормилу правленія министры, преимущественно участники четырехлѣтняго сейма и возстанія Костюшки, съ большимъ рвеніемъ занялись устройствомъ новаго герцогства. Имъ предстояла трудная и сложная задача. На маленькую страну, разоренную недавними переходами французскихъ войскъ и лишившуюся

лучшихъ національныхъ имѣній, которыя Наполеонъ пожаловалъ своимъ маршаламъ и генераламъ, была возложена обязанность содержать на свой счетъ 30.000-ную армію и уплатить французскому императору въ теченіе трехъ лѣтъ 20 милліоновъ франковъ. И польскій народъ, забывшій обо всѣхъ испытанныхъ имъ разочарованіяхъ и считавшій Варшавское герцогство предвѣстникомъ возрождающейся Польши, съ рѣдкою готовностью приносилъ тяжелыя жертвы своему «спасителю и благодѣтелю». Соединяя свою судьбу съ ярко горѣвшей звѣздой Наполеона и посылая своихъ храбрѣйшихъ сыновъ умирать подъ стѣнами Сарагоссы и на поляхъ Бородина, поляки вѣрили, что этимъ путемъ они приближаются къ осуществленію своей мечты о возстановленіи польскаго государства.

И. Рябининъ.

Франція въ XIX в. (Racinet).

V. Первыя войны съ Наполеономъ и русское общество.

Д. А. Жаринова.

Первыя войны съ Наполеономъ—эпоха, когда интересъ къ внѣшней политикѣ успѣлъ уже пріобрѣсти нѣкоторое право гражданства въ Россіи. Достаточно окрѣпли и умножились культурныя и экономическія связи Россіи съ Зап. Европой; самыя западно-европейскія событія, выдвинутыя только что пронесшейся революціей, выпукло и ярко сгруппировались теперь около одной личности—Наполеона. «Съ самаго восшествія на престолъ императора Александра Павловича,—говоритъ современникъ,—политическій горизонтъ былъ покрытъ тучами... Тогда во всѣхъ петербургскихъ обществахъ толковали о политикѣ, и даже мы, мелкіе корнеты, разсуждали о дѣлахъ! Это было въ духѣ времени». Толки о политикѣ волей-неволей

заставляли оглядываться и внутрь Россіи: каковы ея силы? что можетъ обусловить успѣхъ ея или неуспѣхъ въ случаѣ активнаго вмѣшательства въ ходъ событій? Обнаруживаются два направленія: правительственное, офиціально патріотическое — людей довольныхъ существующимъ строемъ, солидарныхъ съ правительствомъ, и оппозиціонное—несогласныхъ съ правительствомъ.

Указъ Сенату отъ 1 сентября 1805 г., объявлявшій рекрутскій наборъ и изъяснявшій причины первой войны съ Наполеономъ, не былъ неожи-

Карнавалъ при первой имперіи (рис. Дебикура).

данностью для русскаго общества. Уже въ 1803 г. въ лучшемъ изъ русскихъ журналовъ, «Вѣстникѣ Европы», слышатся нотки, предостерегающія отъ чрезмѣрнаго увлеченія Наполеономъ. Этотъ великій человѣкъ имѣетъ нѣкоторое право назваться въ исторіи «единственнымъ»: но не случаю ли онъ обязанъ своимъ счастьемъ? «Описаніе обстоятельствъ и прагматическая исторія такихъ великихъ происшествій будетъ дѣломъ потомства». Недовѣріе къ Наполеону смѣняется враждой къ нему послѣ принятія имъ императорскаго титула и казни герцога Энгіенскаго. Извѣстно, что послѣ событія въ Эттенгеймѣ все высшее петербургское общество облеклось въ трауръ, а супруга французскаго посла на вечерѣ у князя Бѣлосельскаго должна была уѣхать за часъ до ужина, такъ какъ съ ней

разговаривала только ея кузина. Журналы и частныя письма пестрятъ уже суровыми отзывами о Бонапартѣ: это «опасный деспотъ», «хищникъ, не уважающій народныхъ правъ», «мѣщанинъ на тронѣ», недостойный титула, который себѣ присвоиваетъ. Объявленіе первой войны было встрѣчено большинствомъ сочувственно. «Весь городъ толкуетъ о войнѣ,—пишетъ про Москву въ сентябрѣ 1805 г. Жихаревъ.—Ненависть къ Бонапарту возрастаетъ, между тѣмъ какъ любовь къ государю доходитъ до обожанія и довѣренности къ нему безпредѣльной». Въ октябрѣ только и разговоровъ, что о войнѣ: ожидаютъ чего-то чрезвычайнаго. Помѣщикъ Перхуровъ такъ расходился въ Англійскомъ клубѣ, что кричалъ на всю залу: «Подавай мнѣ этого мошенника Бонапарта, я его на веревкѣ въ клубъ приведу!» Настроеніе господъ передается крестьянамъ: на пути за границу войска встрѣчаютъ въ деревняхъ радушный пріемъ; современники, по словамъ Михайловскаго-Данилевскаго, должны помнить возгласы: «забросаемъ Бонапарта шапками». Самоувѣренная политика Наполеона могла возмутить русское общество. Но у патріотизма, несомнѣнно, были и другіе менѣе видные, но болѣе вѣскіе источники. Одинъ изъ источниковъ—опасность, которая угрожала со стороны Наполеона экономическимъ связямъ Россіи съ Англіей. Дѣло не обходилось и безъ непосредственной англійской агитаціи въ пользу войны. «Англичане,—говоритъ Булгаринъ,—расплождали различныя оскорбительныя выдумки насчетъ Наполеона, и притомъ почти на всѣхъ языкахъ, чтобы посѣять во всѣхъ народахъ ненависть и презрѣніе къ главѣ французскаго правительства. Множество этихъ пасквилей переведено на русскій языкъ, и въ свое время все это съ жадностью было прочитано». При дворѣ была вліятельная партія сторонниковъ Англіи съ А. Воронцовымъ во главѣ. Уже въ 1804 г. французскій посолъ Эдувиль доноситъ, что англичане распускаютъ слухъ о военныхъ приготовленіяхъ Наполеона противъ Россіи: «нѣтъ нелѣпостей, которыхъ они не распространяли бы каждый день — и всѣ онѣ клонятся къ тому, чтобы поссорить насъ съ Россіей». Въ 1806 г. с.-петербургскому главнокомандующему подкинули анонимное письмо о необходимости продолженія войны—съ эпиграфомъ «Nov (now?) or never»—по стилю, переведенное съ иностраннаго: судя по эпиграфу, авторъ, если не англичанинъ, то во всякомъ случаѣ лицо, не чуждое англійскихъ симпатій. Письмо было передано государю и заслужило его одобреніе. Не мѣшаетъ отмѣтить и другой источникъ: Наполеонъ—исчадіе революціи—и, въ концѣ-концовъ, его успѣхи не могутъ ли еще болѣе усилить и безъ того неспокойное настроеніе русскихъ крѣпостныхъ крестьянъ? Желая уронить въ глазахъ русскаго правительства гр. Моркова и въ то же время нѣсколько напугать Россію, Наполеонъ не нашелъ лучшаго способа, какъ сообщить въ августѣ 1803 г. о слишкомъ будто бы неосторожныхъ толкахъ Моркова по поводу освобожденія крестьянъ. Вопросъ о крестьянахъ становился больнымъ мѣстомъ, незамѣтно связывавшимся съ внѣшней политикой. «О Чарторижскомъ,—пишетъ въ апрѣлѣ 1805 г. Ростопчинъ своему другу Тиціанову,—всѣ заражены мыслію, что онъ скрытый врагъ Россіи и первый пророкъ вольности, коей стращаютъ дворянство».

Громадное большинство за войну и солидарно съ правительствомъ. Оппозиція еще очень слаба и вращается пока въ сферѣ, главнымъ

Манія танцевъ (Дебикура).

образомъ, вопросовъ внѣшней политики—около несогласій съ правительствомъ во взглядахъ на создавшееся международное положеніе, на личность и значеніе Наполеона. Противъ войны министръ юстиціи, графъ Н. П. Румянцевъ, будущій канцлеръ: войну въ защиту Австріи онъ считаетъ несовмѣстимой съ интересами Россіи. Самоувѣренный тонъ русской дипломатіи находитъ себѣ осужденіе и у Вигеля, по словамъ котораго гр. Морковъ въ Парижѣ держалъ себя такъ, какъ будто Россія имѣетъ дѣло не съ Франціей, а съ Польшей. Болѣе рѣзко проявляется оппозиціонное настроеніе у гр. Ростопчина—вельможи павловскаго царствованія, которое, какъ извѣстно, закончилось сближеніемъ Россіи съ Франціей противъ Англіи. Ростопчинъ не поклонникъ Наполеона, но «знаетъ его безпокойную голову»: «въ бѣшенствѣ» онъ «столь много можетъ вреднаго для насъ вздумать; мы сможемъ всегда спасти Англію, а она насъ никогда». Россія, по словамъ Ростопчина, игрушка въ рукахъ Англіи: Питтъ, несомнѣнно, затащитъ въ войну сухія державы, «чтобы изъ нихъ сдѣлать мокрыхъ куръ». Сторонники нейтралитета и мира съ Франціей были, по словамъ Булгарина, и среди молодежи. Но если одними руководили при этомъ соображенія о политическомъ равновѣсіи, то другіе были противъ войны съ Наполеономъ, видя въ послѣднемъ провозвѣстника и поборника революціонныхъ идей, успѣвшихъ себѣ пріобрѣсти сторонниковъ и въ Россіи. Молодежь, даже во время войны, «явно пьетъ здоровье Бонапартево». «Времена были необыкновенныя,—жалуется Вигель,—грубое свободомысліе, которое при Екатеринѣ допустили разойтись по Россіи, притѣсненіями Павла получило нѣкоторую сущность и благостью Александра

думало утвердиться». (Свободомысліе было подмѣчено Вигелемъ даже не въ столицахъ, а въ его родной Пензѣ). Противъ свободомыслія правительство нашло умѣстнымъ возродить «Тайную экспедицію», упраздненную было 25 сентября 1802 г.: 5 сентября 1805 г. состоялось Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи тайнаго комитета для совѣщанія по дѣламъ высшей полиціи—изъ трехъ министровъ: военно-сухопутныхъ силъ, внутреннихъ дѣлъ и юстиціи. Въ руководство комитету дана была секретная инструкція; онъ долженъ былъ сноситься съ дирекціей почтъ, дабы получать немедленныя и скорыя свѣдѣнія о подозрительныхъ перепискахъ. По слабости ли оппозиціи, по неудовлетворительности ли организаціи комитета—онъ не получилъ особаго значенія и вскорѣ былъ закрытъ.

Война началась—общество съ нетерпѣніемъ ждетъ извѣстій съ театра войны. Доходящіе оттуда слухи или скудны, или тревожны. «Вѣсти военныя насъ не веселятъ,—пишетъ преосвященный Евгеній.—Съ часа на часъ ожидаемъ извѣстій о сшибкѣ нашихъ войскъ съ Бонапартіемъ. Газеты иностранныя о насъ что-то скромничаютъ. Новостей изъ Питера никакихъ нѣтъ потому, что три недѣли уже отъ Государя ни одной бумаги ни въ Сенатъ, ни въ Синодъ не приходило. Въ Москвѣ матери начинаютъ тревожиться за судьбу дѣтей. Болѣе солидные и вліятельные люди обращаются за справками къ главнокомандующему, у котораго ежедневно большой съѣздъ». Въ Англійскомъ клубѣ, по словамъ Жихарева, постоянный «воскресный базаръ». Князь Одоевскій нарочно нанялъ себѣ квартиру противъ почтамта, чтобы немедленно получать всѣ новости и разносить ихъ по знакомымъ. Къ государю, со стороны дворянства и другихъ классовъ,—самое трогательное вниманіе, которое вызвало даже благодарственный Высочайшій рескриптъ на имя главнокомандующаго Петербурга, С. К. Вязмитинова, отъ 24 ноября 1805 г. Но, въ концѣ-концовъ, въ отсутствіи или тревожномъ характерѣ извѣстій съ театра войны не могло не находить себѣ новой нити оппозиціонное настроеніе. Отъ осужденія русской дипломатіи Ростопчинъ переходитъ къ нападкамъ на русскихъ командировъ. «Артиллерію Аракчеевъ такъ отдѣлалъ, что въ большой арміи она уже теперь неподвижна, а часть сожжена въ Пулавѣ,—пишетъ онъ.—Войну затѣяли—дай Богъ хорошій конецъ! На командировъ, правду сказать, надѣяться трудно: Кутузовъ, коего нѣмецкіе принцы загоняютъ; Буксгевденъ—дуракъ безчестный, а Беннигсенъ и Михельсонъ на все готовы, а своего дѣла не знаютъ»...

30 ноября 1805 г. Москва была поражена извѣстіемъ объ Аустерлицѣ. Впечатлѣніе было ошеломляющее. Русскіе, по словамъ современниковъ, привыкли къ побѣдамъ: тѣмъ тяжеле была для ихъ національнаго самолюбія вѣсть о пораженіи. «Москва не въ плѣну, однакожъ, Москва уныла, какъ мрачная осенняя ночь,—пишетъ Жихаревъ:—ни одни стихи такъ не были кстати и не выражали лучше настоящаго состоянія Москвы, какъ эти стихи нашего Дмитріева». Подробностей о сраженіи долго не сообщали. Московскому губернатору Беклешову отдано распоряженіе, чтобы разсказчиковъ унимать; одного изъ разсказчиковъ, адъютанта Желтухина, отправили изъ Москвы въ Петербургъ. «Вѣстникъ Европы» еще въ январѣ 1806 г. выражаетъ сомнѣніе насчетъ исхода Аустерлицкой битвы, приписывая всѣ слухи о пораженіи французскимъ газетнымъ статьямъ, не стоя-

щимъ опроверженія. Неизвѣстность, однакожъ, не могла не смѣниться увѣренностью въ дѣйствительности совершившагося факта. Патріотическому настроенію наносится тяжелый ударъ, который, впрочемъ, оно все-таки выдерживаетъ. «Въ теченіе вѣка оглашаемая побѣдами, Россія, — пишетъ Вигель, — содрогнулась, но не поколебалась въ убѣжденіи о храбрости сыновъ своихъ»...

Къ 3 декабря Москва уже дѣйствительно повеселѣла. Купцы снова заговорили, что народу хватитъ у насъ не на одного Бонапарте — «и не нынче, такъ завтра подавится окаянный». Въ Англійскомъ клубѣ утѣшились мыслью, что вѣдь нельзя же Россіи всегда имѣть удачи; находились люди, допускавшіе, что пораженіе даже, можетъ-быть, нужно для Россіи по соображеніямъ высшей политики: государь, конечно, знаетъ самъ лучше всѣхъ, что и для чего дѣлается. Болѣе вдумчивые ищутъ причинъ для пораженія и находятъ ихъ частью въ дѣйствіяхъ нѣмцевъ, частью въ чрезмѣрной уступчивости государю Кутузова; Наполеону притомъ помогъ цѣлый рядъ благопріятныхъ обстоятельствъ — удачный переходъ французскихъ войскъ черезъ нейтральныя земли Гессенъ и Аншпахъ, лукавство Баваріи, корыстолюбіе вюртембергскихъ министровъ, задержка русскихъ въ Пруссіи. «Основанные на всемъ этомъ успѣхи французовъ должны ли, — спрашиваетъ «Вѣстникъ Европы», — приводить кого-либо въ отчаянье? Никакъ». Отличившемуся во время войны Багратіону устроили торжественный обѣдъ въ Англійскомъ клубѣ, съ пѣніемъ спеціально написанной патріотической кантаты. Нѣкоторые молодые люди позволили себѣ по поводу неудачи осуждать правительство. Главнокомандующій распекъ ихъ отечески у себя на дому.

Моды 1803 г. (Московскій Меркурій).

Пресбургскій миръ, по своимъ условіямъ, явно предсказывалъ возможность второй войны. Это сознаетъ и правительство и общество. Вопросъ о второй войнѣ, въ свою очередь, вызываетъ къ себѣ различное отношеніе со стороны лицъ, солидарныхъ съ правительствомъ, и лицъ, настроенныхъ критически. Но и правительственное и оппозиціонное настроеніе получаютъ на этотъ разъ новые оттѣнки. Какъ ни легко примирилось русское общество съ Аустерлицемъ, все-таки первая война послужила до нѣкоторой степени урокомъ. Положеніе оказалось гораздо болѣе труднымъ и сложнымъ, чѣмъ это представлялось на первый взглядъ, требовало къ себѣ болѣе сознательнаго и обдуманнаго отношенія. Въ гораздо большей степени, чѣмъ раньше, политическая мысль не довольствуется одной оцѣнкой внѣшнихъ событій и обращается внутрь Россіи, откуда и черпаетъ аргументы въ защиту своихъ мнѣній. Обнаруживается и еще перемѣна. Первая война затронула русское національное чувство;

даже оппозиціонно настроенные люди нерѣдко теперь стоятъ за войну; но поднимается вопросъ: можетъ ли пойти успѣшно война при внутреннихъ неурядицахъ, которыя правительство частью допускаетъ, частью прямо вызываетъ своими мѣрами? Не слѣдуетъ ли для успѣха войны обратиться къ внутреннимъ реформамъ? Критика становится настойчивѣе и рѣзче—и правительству приходится обратить на нее болѣе серьезное вниманіе.

«Вѣстникъ Европы» — защитникъ правительственныхъ взглядовъ. На страницахъ его мы находимъ въ 1806 г. обстоятельную статью «О состояніи политическихъ дѣлъ Европы въ продолженіе 1805 г. и первыхъ трехъ мѣсяцевъ нынѣшняго» (т.-е. 1806 г.). Статья представляетъ изложеніе французской брошюры графа де-С., вышедшей въ это время и въ русскомъ переводѣ. Цѣль статьи — доказать необходимость новой войны съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ и полную возможность ея успѣха. Напрасно утверждаютъ, что коалиціи созданы только Англіей, въ англійскихъ интересахъ. Наполеонъ самъ вызываетъ войну своей агрессивной политикой, которая необходима ему, какъ основателю новой династіи: «ибо хищникъ не можетъ иначе утвердиться, какъ на развалинахъ». Отъ завоеваній Наполеона въ сѣверной Германіи и Италіи страдаютъ интересы русской торговли. Но дѣло и не въ однихъ матеріальныхъ интересахъ: Франція ставитъ препятствія русской политикѣ въ Зап. Европѣ, оскорбляетъ лицъ, состоящихъ подъ русскимъ покровительствомъ, заключаетъ въ тюрьму русскихъ подданныхъ, покушается оспаривать у Россіи политическую важность, пріобрѣтенную въ знаменитое царствованіе безсмертной Екатерины. «Существенныя силы государствъ не только въ обширности владѣній, во многолюдствѣ, въ богатствѣ, но еще въ причинахъ моральныхъ, даже метафизическихъ, которыя такъ же необходимы для его благосостоянія, какъ и предметы, чувствамъ подлежащіе... Честь націи, слава ея оружія, правота ея политики, твердость въ намѣреніяхъ, благодушіе Монарха суть также основаніе могущества, какъ произведенія земли, торговля, жители»... Война съ Франціей можетъ пойти весьма успѣшно. Конечно, былъ Аустерлицъ, но нѣтъ никакого основанія считать Наполеона непобѣдимымъ. Русскихъ подвела ихъ союзница—Австрія. Наполеонъ дѣятельно готовился къ войнѣ, а въ Вѣнѣ «гнѣздились крамолы, несогласія, безпорядки, нерадѣнія, робость и моральное разстройство». Въ войскахъ распространяются ложныя умствованія, а правительство разсчитываетъ дѣйствовать «на полѣ, какъ на вахтъ-парадѣ, вычисляя препятствія, тогда какъ надобно было побѣждать оныя». И не веди себя такъ дурно Австрія, русскіе не были бы разбиты при Аустерлицѣ. Самое положеніе Наполеона—такъ ли оно прочно? Не зависитъ ли оно всецѣло отъ военной удачи? Но воинственная политика скоро будетъ не подъ силу Франціи, она совершенно разстроитъ ея финансы. Изъ общаго обзора создавшагося въ Европѣ положенія авторъ категорически выводитъ, что Россія не только должна вступить въ войну съ Франціей, но и отнюдь не отчаиваться въ ея успѣхѣ. Такова, несомнѣнно, правительственная точка зрѣнія, которая, въ значительной степени, раздѣляется и обществомъ.

Иначе подходятъ къ вопросу о войнѣ представители оппозиціи. Война — неизбѣжное слѣдствіе создавшагося положенія, ея требуетъ честь Россіи. Но къ войнѣ надо готовиться серьезно, и она можетъ

пойти благополучно лишь при условіи внутренняго благополучія Россіи. А что замѣчается въ этомъ направленіи? «Нѣтъ нужды писать тебѣ объ уныніи, такъ сказать, всей Россіи,—читаемъ мы въ письмѣ Ростопчина Тиціанову еще въ январѣ 1806 г. — Неудача, измѣна нѣмцевъ, неизвѣстность о прошедшемъ, сомнѣніе о будущемъ, а еще больше рекруты другой годъ и пагубная зима — все преисполнило и дворянство и народъ явною печалью. Все молчитъ, одни лишь министры бранятся въ совѣтѣ и пьютъ по домамъ. Господи помилуй! Какъ я ни люблю свое отечество и какъ ни разрываюся, смотря на многое, но теперь очень холодно смотрю на то, что бѣсило; ибо вижу, что, кромѣ Бога, никто помочь не можетъ. Все рушится, все падаетъ и задавитъ лишь Россію. Флота нѣтъ. Въ мирное время, годъ назадъ, 4 милліоновъ дохода не достало; въ арміи генераловъ и офицеровъ нѣтъ, и въ солдатахъ духу много нерусскаго. Соли въ трехъ губерніяхъ нѣтъ, губернаторовъ мужики бьютъ, все крадетъ. До того дошло, что прокуроровъ опредѣляютъ нѣмцевъ, кои русскаго языка не знаютъ, а Государь печется объ общемъ благѣ, и мухѣ, вѣрно, зла не сдѣлалъ!» Въ нападкахъ Ростопчина чувствуется націоналистическая нота: въ доброй половинѣ русскихъ безпорядковъ виноваты «прокуроры-нѣмцы». Эта націоналистическая нота еще рѣзче звучитъ у Ростопчина въ его памфлетахъ и повѣстяхъ «Мысли вслухъ съ Краснаго крыльца», «Письмѣ къ издателю «Русскаго Вѣстника» и «Охъ, французы!» Но интересно, что въ отвѣтъ на эти націоналистическія выступленія появилось у насъ оригинальное произведеніе неизвѣстнаго автора «Нужды и горе Россіи въ 1807 г.». Памфлетъ обращенъ непосредственно къ Силѣ Андреевичу Богатыреву, герою «Мыслей вслухъ». Авторъ хвалитъ Ростопчина за его заботы о Россіи; но заботливость эта направлена нѣсколько не туда, куда нужно; вредны «некрещенные басурманы», но вѣдь есть и «крещенные». Россія полна безпорядковъ, и надо бы открыть государю глаза на все это. «Я лѣтъ пять держалъ мельницу и знаю, что коль скоро валовыя колесы испортятся, шестерня и жорнова разладются и все пойдетъ плохо; такъ-то и тутъ, на большихъ глядя и всѣ хоть брось, а Батюшкѣ Государю гдѣ за всѣмъ приглядѣть, ему худова-то не покажутъ, все шито да крыто, прогнѣвали Господа Бога». «Большія головы» въ Россіи или «близорукія пѣжонки, или бездушные мздоимщики». Въ судахъ нѣтъ никакой правды. За помѣщичьихъ крестьянъ заступаются господа, а казеннымъ ни отъ кого нѣтъ защиты. Исправники и засѣдатели, вмѣсто помощи народу, «въ мутной водѣ рыбу ловятъ да наживаются и больше худа дѣлаютъ, чѣмъ басурмане». А кто виноватъ въ такомъ дурномъ составѣ должностныхъ лицъ?

Моды 1803 г. (Московск. Меркурій).

«Кто жъ, какъ не сами баря: богатымъ служить не хочется, впору зайцевъ да волковъ гонять, да вкарты играть, да заводы заводить»—такъ они «на мѣсто себя выбираютъ бѣзпомѣстныхъ бѣздушниковъ, записываютъ за нихъ душъ до 5 да земли сколько-нибудь, что будто тутошніе дворяне: дѣла такіе судьи не знаютъ, а только набиваютъ карманы». «Кабы я, батюшка Сила Андрѣевичъ,—заключаетъ авторъ,—былъ на твоемъ местѣ, я бы предъ надеждою Государемъ все вывѣлъ на свѣжую воду: написалъ бы ему такую грамотку, чтобъ онъ погодилъ на время управляться съ некрещенными басурманами, а поуправился бы съ крещенными: онѣ внутри больше дѣлаютъ зла, чемъ французы, отъ техъ хоть оборониться можно, а на этихъ и разинуть рта не смѣй; вить и мы люди, терпя терпя и камѣнь треснѣтъ»...

Вторая война вызвала въ обществѣ мысль о необходимости созыва ополченія, которое и было организовано примѣнительно къ проекту Н. Витовтова, представленному государю за два дня до объявленія войны. Подраздѣляя русскія вооруженныя силы на «войско походное» и внутреннее, т.-е. именно ополченіе, Витовтовъ предлагалъ замѣнить послѣднимъ полицію, «подъ игомъ которой народъ стонетъ во всемъ государствѣ». 30 ноября вышелъ указъ объ ополченіи, но безъ передачи послѣднему полицейскихъ функцій. Самая вѣсть объ ополченіи была встрѣчена—особенно въ столицахъ—сочувственно. «Въ исходѣ 1806 г. въ нѣдрахъ Россіи,—пишетъ С. Н. Глинка,—ходило воззваніе о составленіи милиціи или земскихъ войскъ къ отвращенію бури, угрожавшей Россіи. Сильна была скорбь моя, когда на зарѣ жизни я прощался съ роднымъ пепелищемъ, но неизъяснимое чувство взволновало мою душу. Въ то время отечество для меня было новою мечтой, и воображеніе мое горѣло, какъ чувство юноши, согрѣтое первымъ пламенемъ любви». О подобныхъ же возвышенныхъ чувствахъ при вступленіи дворянъ въ ополченіе свидѣтельствуетъ и Вигель.. Старые екатерининскіе генералы, потерявшіе значеніе при Павлѣ, теперь снова находили себѣ дѣятельность, какъ начальники 7 округовъ, на которые по ополченію была распредѣлена Россія; молодежь увлекалась мундиромъ, возможностью пріобщиться къ пользовавшемуся популярностью военному кругу; въ московское ополченіе охотно поступали въ томъ расчетѣ, что сюда не доберется непріятель. Щедро посыпались пожертвованія, при чемъ патріотическое чувство поддерживалось и приказомъ государя—публиковать имена жертвователей въ «С.-Петербургскомъ Журналѣ» и «Московскихъ Вѣдомостяхъ», съ занесеніемъ этихъ именъ и въ дворянскія книги. Пожертвованія очень разнообразны и по размѣрамъ и по содержанію. Извѣстный въ то время благотворитель, ротмистръ Володимировъ жертвуетъ 105.000 р. и 10 пушекъ (за что и получилъ Высочайшій рескриптъ и орденъ Владимира 4-й степени): съ другой стороны, титулярный совѣтникъ Өедоровъ удѣляетъ ежемѣсячно изъ своего жалованья по 5 р. Знатныя дамы жертвуютъ брилліантовыя украшенія: жертвуютъ городскія общества, іерархи, монастыри: пожертвованія ниже рубля встрѣчаются рѣдко, хотя жертвовало немало и бѣдноты, среди которой были и сами ратники. Въ рѣчахъ предводителей дворянства по поводу ополченія слышатся самыя патріотическія ноты, полное довольство существующимъ строемъ. «Въ оградѣ благодѣтельнаго правленія,—говоритъ орловскій предводитель,—мудростью Пре-

державшей власти устроеннаго, мы безмятежно наслаждаемся жизнью и имуществомъ; но когда завистливый врагъ дерзаетъ посягать на потрясеніе священной ограды сей, тогда жизнь и имущество наше не должны ли принесены быть въ жертву для низложенія святотатственнаго его покушенія?» Мысль о томъ, что нападеніе Наполеона грозитъ внутреннему спокойствію Россіи, настоятельно подчеркивается и правительствомъ — въ разъясняющихъ манифестъ 30 ноября, Высочайшей инструкціи и секретномъ циркулярѣ графа Кочубея на имя петербургскаго губернатора отъ 4 и отъ 17 декабря 1806 г. «Цѣль сего вооруженія есть,—читаемъ мы въ инструкціи,—имѣть въ готовности сильный отпоръ противъ такого непріятеля, который пріобыкъ, пользуясь своимъ счастіемъ, дѣйствовать не одною силою оружія, но и всѣми способами обольщенія черни, который, врываясь въ предѣлы воюющихъ съ нимъ державъ, всегда старается прежде всего испровергать всякое повиновеніе внутренней власти, возбуждать поселянъ противъ законныхъ ихъ владѣльцевъ, уничтожать всякое помѣщичье право, истреблять дворянство и, подрывая коренныя основанія государства, похищать законное достояніе и собственность прежнихъ владѣльцевъ». Сочувственно встрѣченная и надлежащимъ образомъ разъясненная, мысль объ ополченіи далеко не оказалась, однакоже, практичной при проведеніи ея въ жизнь. Отъ 31 губерніи должно было поступить 612.000 ратниковъ; масса эта могла до извѣстной степени произвести впечатлѣніе на враговъ Россіи, но на вооруженіе ея не хватало оружія. Согласно инструкціи, крестьянъ, записанныхъ въ ополченіе, нельзя было употреблять на посылки, удаляющія ихъ на нѣсколько дней отъ мѣста жительства, но это было неудобно для помѣщичьяго хозяйства. Въ порывѣ патріотическаго великодушія дворянство нѣкоторыхъ губерній сдѣлало постановленіе о сборахъ на вспомоществованіе тѣмъ дворянамъ-ополченцамъ, которые не могли служить изъ собственныхъ средствъ; но мелкопомѣстныхъ дворянъ было очень много, и постановленіе о вспомоществованіи сильно тяготило болѣе зажиточныхъ. Положеніе ополченцевъ-крестьянъ оказывалось тяжелымъ въ томъ отношеніи, что, кромѣ помѣщиковъ въ селахъ владѣльческихъ и обычныхъ властей въ селахъ казенныхъ, надъ ними становилась еще новая власть въ лицѣ сотенныхъ командировъ и другихъ начальниковъ къ ополченію; этой послѣдней власти, по инструкціи, крестьяне должны были быть послушны, «никакъ не разрывая между тѣмъ тѣхъ отношеній, въ коихъ они, какъ крестьяне, по селеніямъ ихъ состоятъ». Прибѣгая къ помощи народной массы, правительство въ то же время не могло вполнѣ довѣрять ей, въ виду постоянныхъ крестьянскихъ волненій. Оружія крестьяне отнюдь не должны были имѣть въ домахъ, но

М. Θ. Каменскій (грав. Осипова).

единственно въ «сборныхъ мѣстахъ», гдѣ оно и выдавалось на время ученія; самое обученіе должно было состоять «въ однихъ первоначальныхъ и необходимыхъ правилахъ воинскаго дѣла». Крестьяне не понимали цѣли ополченія и неохотно шли въ него. С. Н. Глинка, по дорогѣ изъ Петербурга въ Москву, замѣтилъ близъ Твери какое-то волненіе: крестьяне останавливаютъ проѣзжихъ и спрашиваютъ, что такое милиція?

Въ одномъ селеніи за Тверью «крестьяне какъ будто въ англійской матросской схваткѣ ловили другъ друга, и рука сильнаго связывала и закручивала руки слабаго, для отдачи, какъ они говорили, въ «милицъ». Глинка обратился къ крестьянамъ съ рѣчью и, насколько могъ, успокоилъ ихъ... Но ополченіе, несмотря на всѣ мѣры предосторожности, все-таки вызвало по мѣстамъ волненія. Въ Новороссіи, въ связи съ организаціей милиціи, разнесся слухъ о возобновленіи на Дунаѣ Запорожской Сѣчи: крестьяне взволновались, начались усиленные побѣги въ Молдавію; цѣлыя селенія оставляли мѣста жительства и, вооруженною рукою противясь дѣйствію земской полиціи, прорывались за границу. Впослѣдствіи, въ 1808 г. произошелъ бунтъ въ 3-ей бригадѣ Кіевской милиціи, и по разслѣдованію оказалось, что сами помѣщики, для привлеченія крестьянъ въ милицію, наобѣщали имъ отъ правительства наградъ, которыя народъ, по собственному усмотрѣнію, понялъ, какъ освобожденіе отъ военной службы и крѣпостного права. Вмѣшательство чиновниковъ въ помѣщичью жизнь по поводу ополченія служило источникомъ злоупотребленій. Принимая въ расчетъ эти злоупотребленія, самъ графъ Кочубей въ письмѣ къ герцогу Ришелье отъ 2 февраля 1807 г. долженъ былъ признать, что для дворянства, несомнѣнно, былъ бы предпочтительнѣе дополнительный рекрутскій наборъ, даже при обязанности вооружить и снарядить рекрутъ на счетъ владѣльцевъ. «Государь!—доносилъ въ январѣ 1807 г. И. В. Лопухинъ:— Я жилъ въ Москвѣ, и общій образъ мнѣній извѣстенъ мнѣ. Весьма коротко знакомы мнѣ люди всѣхъ состояній. Нѣтъ никого, кромѣ водимыхъ видами личныхъ выгодъ или легкомысліемъ, кто бы не находилъ учрежденіе милиціи тягостнымъ и могущимъ разстроить общее хозяйство и мирность поселянской жизни». Въ циркулярѣ 9 марта 1807 г. правительство нашло необходимымъ ограничиться вооруженіемъ и движеніемъ только третьей части ополченія. Но ропотъ не прекратился. Внутреннія дѣла настолько запутались, что даже изъ-за одного этого приходилось подумывать о возможно скоромъ окончаніи войны...

Къ воздѣйствію на народъ въ желательномъ направленіи еще съ самаго начала войны была призвана церковь.

Въ 1806 г., при проѣздѣ изъ Москвы въ Петербургъ, Глинка засталъ въ канцеляріи товарища министра юстиціи Н. Н. Новосильцева нѣкоего В—ко съ Апокалипсисомъ въ рукахъ. Въ отвѣтъ на выраженное Глинкой недоумѣніе чиновникъ объяснилъ, что для возбужденія въ народѣ патріотизма очень удобно передѣлать одно мѣсто изъ Апокалипсиса, поставивъ вмѣсто упоминаемаго тамъ царя бездны Аввадона и Аполліона—Наполеона. Глинка отговорилъ чиновника отъ задуманной имъ мѣры. Но въ обращенномъ къ народу воззваніи Святѣйшаго Синода все-таки указывалось, что Наполеонъ грозитъ «потрясеніемъ православной греко-россійской церкви, тщится наважденіемъ дьявольскимъ вовлещи православныхъ въ искушеніе

и погибель», что онъ во время революціи поклонялся истуканамъ, человѣческимъ тварямъ и блудницамъ, въ Египтѣ «проповѣдовалъ Алькоранъ магометовъ», наконецъ, «къ вящшему посрамленію церкви Христовой, задумалъ возстановить синедріонъ, объявить себя Мессіей, собрать евреевъ и вести ихъ на окончательное искорененіе всякой христіанской вѣры». Усиленіе оппозиціоннаго настроенія во всѣхъ классахъ общества вызвало къ жизни новый тайный «комитетъ общей безопасности»—13 января 1807 г. Комитетъ первоначально состоялъ изъ трехъ лицъ — министра юстиціи князя Лопухина, тайныхъ совѣтниковъ Новосильцева и сенатора Макарова; по мѣрѣ надобности, въ него могли быть приглашаемы министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Кочубей и министръ военный Вязмитиновъ, а временами въ немъ присутствовали и другія лица. Комитетъ долженъ былъ прежде всего руководить полиціей по раскрытію преступленій, въ коихъ «подозрѣвается шпіонство и измѣна»; затѣмъ онъ долженъ былъ вѣдать и «вообще всѣ дѣла, касающіяся до измѣны государству и тайныхъ заговоровъ противу общей безопасности, которыя должны быть сохраняемы въ величайшей тайнѣ», какъ «возбужденіе народа слухами о вольности крестьянъ», «о распространяющихъ въ народѣ ложные и вредные слухи по поводу военныхъ событій», «составленіе и распространеніе возмутительныхъ воззваній, вредныхъ сочиненій» и пр. Сначала комитетъ самъ судилъ и назначалъ наказаніе; указомъ 31 января велѣно было, по разслѣдованію, передавать дѣла въ обыкновенные суды. Уже 19 февраля, въ виду обилія присылаемыхъ въ комитетъ «изъ всѣхъ мѣстъ» дѣлъ, при немъ пришлось открыть канцелярію — изъ правителя, секретаря, двухъ переводчиковъ и трехъ писцовъ. Журналъ канцеляріи представлялся на Высочайшее благоусмотрѣніе. Изъ дѣлъ комитета нѣкоторыя заслуживаютъ вниманія. Крестьянинъ Алексѣй Корниловъ, кучѐръ надворнаго совѣтника Тузова, распространилъ слухъ, что Бонапартъ писалъ государю объ освобожденіи всѣхъ крѣпостныхъ людей—«иначе онъ и войны не прекратитъ». Когда пріѣдетъ Бонапартъ, тогда, утверждалъ Корниловъ, онъ будетъ служить Тузову за плату. Въ половинѣ декабря 1806 г. крѣпостной человѣкъ Петра Григорьевича Демидова Иванъ Спировъ, отецъ котораго былъ сосланъ въ Сибирь, писалъ отцу: «Честь имѣю увѣдомить, что я въ скоромъ вре-

Графъ С. К. Вязмитиновъ.

мени располагаю видѣться съ вами черезъ посредство войны. Кажется, у насъ, въ Россіи, будетъ вся несправедливость опровергнута. Въ Лифляндской губерніи латыши поговаривали объ избіеніи нѣмцевъ». Дѣятельность комитета проявлялась въ рядѣ секретныхъ арестовъ, «безъ объясненія причинъ»: такъ подвергалась аресту съ 22 по 26 сентября крестьянская вдова Анна Герасимова и ея свекоръ, доставленные изъ Ораніенбаумскаго уѣзда въ Петербургъ. Волновалось крестьянство, но и интеллигенція доставляла работу комитету. Изъ Москвы въ Петербургъ коллежскій асессоръ Апаринъ привезъ въ 1806 г. листокъ съ такой картиной внутренняго состоянія Россіи:

...Любовь больна простудою,
Честность вышла въ отставку,
Вѣрность осталась на вѣсахъ у аптекаря,
Кротость взята въ дракѣ на съѣзжую,
Законъ на пуговицахъ Сената.
Терпѣнье скоро лопнетъ.
. . . .

Нѣкая Васса Баскакова обратилась къ московскому архіепископу Августину съ письмомъ, въ которомъ доказывала, «что если за необходимость почиталось, какъ въ древнія времена, равно и въ нынѣшнія, каждому народу быть въ зависимости отъ самодержавнѣйшей власти единаго монарха, то и монархъ, въ свою очередь, долженъ быть кроткимъ, попечительнымъ, правосуднымъ и милостивымъ; не для собственнаго своего славолюбія долженъ всходить онъ «на таковую вышнюю степень», но для благополучія народа. Вотъ что должно быть въ характерѣ государя, а не завоеваніе областей, не постройка великолѣпныхъ зданій. Государь долженъ быть примѣромъ для подданныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ лично слѣдить за всѣмъ происходящимъ въ его государствѣ: «каждый бы судья, вѣдавши, что самъ государь имѣетъ смотрѣніе въ судопроизводствѣ и никогда ухо не отвратитъ отъ жалобъ невиннаго, а наказуетъ неправосудіе—всякій бы устрашился не довольно черезъ пребыточество перевѣсить правду, но даже и по неосторожности не вникнувши въ дѣло, сдѣлать какое неправосудіе».

Внезапный отъѣздъ Каменскаго изъ арміи сильно смутилъ общество, но битвы при Пултускѣ и при Прейсишъ-Эйлау вызвали ликованіе патріотовъ. «Темныя силы на этотъ разъ не помогли Наполеону,—читаемъ мы въ «Вѣстникѣ Европы»,—остатки полчищъ вражескихъ понесутъ стыдъ въ отечество мятежей и разврата!» Повышенное настроеніе высказалось въ новыхъ пожертвованіяхъ. Титулярный совѣтникъ Каблуковъ въ г. Тулѣ, несмотря на недостаточность своего состоянія, представилъ въ Приказъ общественнаго призрѣнія сто рублей для выдачи процентовъ съ нихъ одному рядовому лейбъ-гвардіи кирасирскаго полка, участвовавшему въ молодецкой атакѣ трехтысячной непріятельской колонны. Новоладожскій помѣщикъ Сапожниковъ уничтожилъ всѣ акты и долговыя обязательства на его имя, на сумму 1.000 р., подписанные офицерами Тенгинскаго полка во время его пребыванія въ Новой Ладогѣ. Патріотизмъ соединяется, однакожъ, съ болье осторожнымъ, чѣмъ раньше, отношеніемъ къ собы-

тіямъ. Уже на другой день послѣ полученія въ Москвѣ извѣстія о Прейсишъ-Эйлау Жихаревъ заноситъ въ свои записки: «Кажется, надъ нами сбылась народная поговорка: наша взяла, а рыло въ крови». Знакомые Жихарева Родофиникинъ и Дивовъ увѣряютъ, что, по соображеніямъ знающихъ людей, это сраженіе вовсе не оканчиваетъ дѣла и есть только начало другихъ битвъ, что «оно важно лишь въ отношеніи нравственнаго вліянія на духъ нашихъ войскъ»...

За Пултускомъ, Прейсишъ-Эйлау и послѣдовалъ Фридландъ. Въ арміи пробудился ропотъ. «Полковники и офицеры,—пишетъ А. Б. Куракинъ императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ,—жаловались, что имъ не выдано за двѣ трети ихъ скромное жалованье и что у нихъ нѣтъ ни гроша въ карманѣ, чтобы купить кусокъ хлѣба. Не хватаетъ хирурговъ и медикаментовъ. Беннигсенъ, вслѣдствіе своихъ дурныхъ распоряженій, несообразныхъ съ основными правилами военнаго искусства, погубилъ наши лучшія войска»... Послѣ Фридланда не было силъ на продолженіе войны. Волей-неволей надо было заключать миръ.

Гр. Ник. Петр. Румянцевъ (пис. Г. Дау).

«Русскій Богъ бодрствуетъ надъ нами и посылаетъ свое благословеніе на насъ!» писалъ Куракинъ по поводу Тильзита. Но такъ отозвалась на миръ офиціальная Россія. Наиболѣе сознательная часть общества встрѣтила миръ холодно или даже враждебно. Съ замѣчательной непослѣдовательностью правительство измѣнило тѣмъ самымъ утвержденіямъ, съ которыми такъ самоувѣренно выступало въ началѣ войны, объявляя Наполеона врагомъ церкви. Миръ и неожиданный союзъ съ Франціей, принятіе континентальной системы—все это возвращало Россію ко временамъ Павла, ко временамъ столь непріятнаго для русскаго дворянства разрыва съ

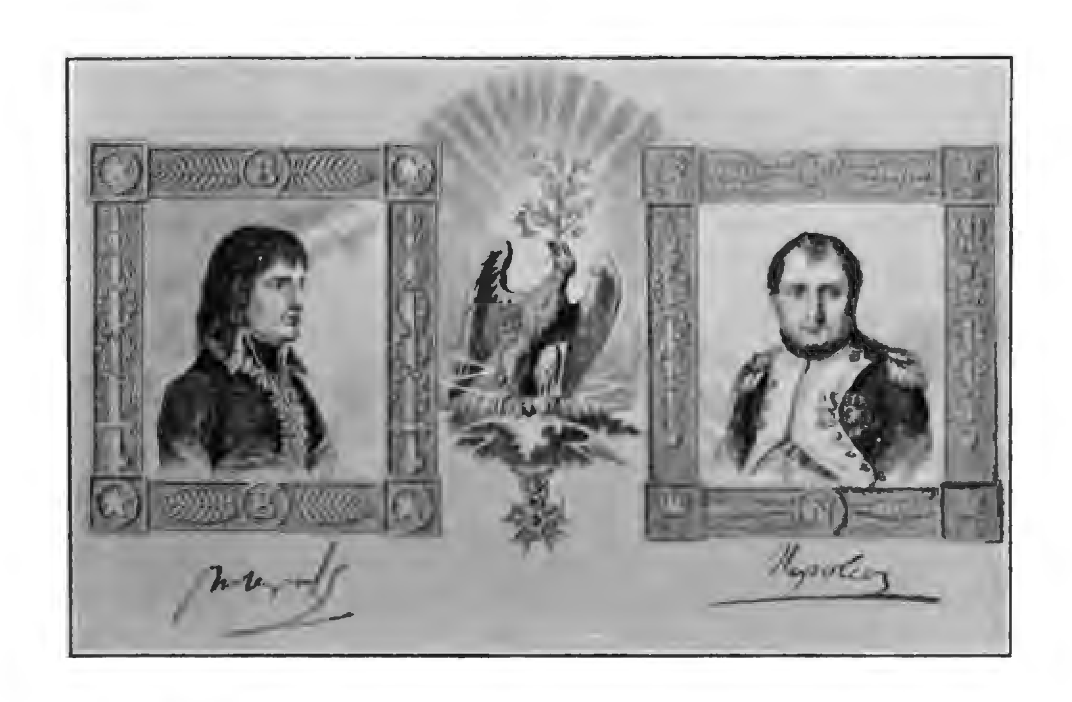
Англіей. «Война съ Англіей,— говоритъ Булгаринъ, — не могла возбудить энтузіазма, не представляя никакихъ пользъ и видовъ и лишая насъ выгодъ торговли. Вотъ что породило общій ропотъ». По словамъ Вигеля на Петербургъ, даже на Москву и на всѣ тѣ мѣста въ Россіи, коихъ просвѣщеніе болѣе коснулось, Тильзитскій миръ произвелъ самое грустное впечатлѣніе: тамъ знали, что союзъ съ Наполеономъ не что иное можетъ быть, какъ порабощеніе ему»... «Эпоха, въ которую нѣжнѣйшая любовь, какую могутъ только имѣть подданные къ своему государю, превратилась вдругъ въ нѣчто хуже вражды, въ чувство какого-то омерзѣнія... Отъ знатнаго царедворца до малограмотнаго писца, отъ генерала до солдата все, повинуясь, роптало съ негодованіемъ»... Иностранные послы свидѣтельствуютъ о тревожномъ настроеніи въ столицахъ, даже о готовящейся революціи, о возможномъ изгнаніи царской фамиліи за исключеніемъ великой княгини Екатерины Павловны, которую будто бы думаютъ возвести на престолъ...

Неудачныя войны съ невыгоднымъ миромъ обостряютъ оппозицію; но, съ другой стороны, немедленно послѣ мира начинаетъ расти и крѣпнуть убѣжденіе, что борьба съ Наполеономъ не кончена, что ея самый важный послѣдній актъ впереди.

Д. Жариновъ.

Садъ любви въ Мальмэзанѣ

ПОСЛѢ ТИЛЬЗИТА.

I. Торговая политика и финансы Англіи въ началѣ XIX в.

Прив.-доц. I. М. Кулишера.

ъ послѣднія десятилѣтія XVIII вѣка въ англійской промышленности наступила эра фабричнаго производства.

Новая фабричная промышленность нуждалась въ рынкѣ; необходимо было найти сбытъ для огромной массы продуктовъ, изготовляемыхъ новыми, усовершенствованными способами производства. Между тѣмъ незадолго до того, въ 70 годахъ XVIII вѣка, Англія потеряла важный рынокъ—свои американскія колоніи, куда она прежде сбывала въ большомъ количествѣ издѣлія промышленности. Когда же въ 1793 году началась война съ Франціей, оказался стѣсненнымъ вывозъ англійскихъ товаровъ и въ европейскія государства. Уже въ предшествующемъ году начался тяжелый промышленный кризисъ; онъ выразился въ рѣзкомъ паденіи цѣнъ, въ виду переполненія рынка промышленными издѣліями, не находившими себѣ сбыта, и въ многочисленныхъ банкротствахъ. Въ февралѣ 1793 года была объявлена война и подъ вліяніемъ этого кризисъ обострился: число банкротствъ достигло въ этомъ году почти двухъ тысячъ, среди нихъ насчитывалось 26 банковъ, прекратившихъ свое существованіе.

Такимъ образомъ производство, благодаря новымъ изобрѣтеніямъ, быстро возростало, напротивъ, внѣшній рынокъ сокращался; обнаруживалось перепроизводство, переполненіе внутренняго рынка. Этими обстоятельствами обусловливается торговая политика Англіи въ періодъ 1793—1812 годовъ. Она выражается въ поискахъ новыхъ рынковъ, въ стремленіи расширить свой сбытъ во что бы то ни стало путемъ пріобрѣтенія новыхъ колоній. Во всѣхъ частяхъ свѣта Англія старается увеличить свои колоніальныя владѣнія, дѣлая это не только на счетъ Франціи и ея союзниковъ, но и на счетъ нейтральныхъ державъ.

Центромъ англійскихъ колоній была Индія; Бонапартъ правильно понялъ, что, взявши Индію, онъ нанесетъ Англіи смертельный ударъ. И сила англичанъ въ Индіи во время войнъ съ Франціей выросла еще болѣе. То, что сдѣлано было въ предшествующія десятилѣтія Клайвомъ, Уорренъ-Гастингсомъ и Корнуэльсомъ, продолжалъ въ 1798—1805 гг. маркизъ Уэльсли. Онъ поставилъ себѣ цѣлью сдѣлать Англію первой державой въ Индіи, и достигъ этой цѣли; вмѣстѣ съ Клайвомъ онъ является создателемъ Британской имперіи въ Остъ-Индіи. Весь южный и восточный Деканъ былъ имъ завоеванъ и такимъ образомъ была установлена связь между англійскими владѣніями на Малабарскомъ и на Коромандельскомъ берегу и связь между Деканомъ и Бенгаліей. Завоевана была и область по Гангу и къ сѣверо-западу отъ него, въ томъ числѣ Дели — владѣнія великаго могола; власть послѣдняго кончалась у стѣнъ его дворца. Еще въ началѣ 90-хъ годовъ велико было вліяніе французовъ въ среднемъ и южномъ Деканѣ; одинъ изъ султановъ, Типу, прямо называлъ себя въ эпоху революціи «гражданиномъ Типу». Это вліяніе было уничтожено англичанами; въ началѣ XIX вѣка Франція въ Остъ-Индіи была совершенно убита въ политическомъ отношеніи.

Но еще большіе убытки нанесла ей Англія въ Вестъ-Индіи, гдѣ находились главныя колоніальныя владѣнія Франціи. Трипададъ и часть Гвіаны англичане захватили уже въ концѣ 90-хъ годовъ и получили ихъ по Аміенскому миру 1802 г. Затѣмъ они отняли у французовъ Тобаго и С. Луціа, которые закрѣплены были за англичанами первымъ парижскимъ миромъ 1815 года. Такимъ образомъ и въ Вестъ-Индіи Англія стала наиболѣе могущественной державой.

Уже въ 1795 и 1796 году Англія захватила рядъ нидерландскихъ колоній—Капландъ, Малакку, Цейлонъ, Молукскіе острова; послѣ уничтоженія французскаго флота въ 1798 году въ битвѣ при Абукирѣ она оказалась владычицей Средиземнаго моря; въ слѣдующемъ году султанъ Типу въ Деканѣ, столь преданный французамъ, лишился и трона и жизни. Эти дѣйствія Англіи производили огромное впечатлѣніе на Европу: свой торговый флотъ, писалъ Шиллеръ, Англія, подобно полипу, распространяетъ во всѣ стороны, страну свободной Амфитриты она намѣрена запереть какъ свой собственный домъ. При заключеніи Аміенскаго мира въ 1802 г. Англія довольствовалась немногимъ — Тринидадомъ и Цейлономъ, вернувъ Франціи и Нидерландамъ всѣ остальныя завоеванныя ею колоніи. Затѣмъ послѣдовалъ захватъ Мальты и новая война съ Франціей, завоеваніе ряда Антильскихъ острововъ, значительной части Индіи, нидерландской Гвіаны и въ 1805 году уничтоженіе французско-испанскаго флота при

Трафальгарѣ, послѣ чего власть Англіи на морѣ была крѣпко и прочно установлена.

Такимъ образомъ Англіи удалось во всѣхъ частяхъ свѣта пріобрѣсти новыя владѣнія и тѣмъ самымъ новые рынки для своихъ товаровъ. За двѣнадцатилѣтній періодъ войнъ 1793—1805 гг. привозъ Англіи увеличился съ 17 до 27 милл. фунт. ст., т.-е. на 60 проц., и еще болѣе повысился вывозъ за это время: съ 18 до 30½ милл. фунт. ст. Возрастаніе торговыхъ оборотовъ приходилось, главнымъ образомъ, на долю торговли съ заокеанскими странами, было вызвано торговлей съ вновь завоеванными колоніями. Но все же во внѣшней торговлѣ Англіи важную роль играла торговля съ европейскими странами: послѣдняя составляла въ 1805 году около 45 проц. всей англійской торговли. Этой торговлѣ былъ нанесенъ сильный ударъ декретами Наполеона, устанавливавшими континентальную систему [1]). Не слѣдуетъ, конечно, предполагать, что эти постановленія выполнялись въ точности и что англійскіе товары совершенно не проникали на континентъ Европы. Еще раньше, въ 1793, 1796 и 1798 гг., во Франціи были изданы однородныя запрещенія относительно англійскихъ товаровъ и судовъ, а также судовъ нейтральныхъ государствъ, посѣтившихъ англійскіе порты. И все же въ 90-хъ годахъ французскіе магазины въ большомъ количествѣ пополнялись англійскими товарами; послѣдніе привозились во Францію подъ именемъ товаровъ, происходящихъ изъ другихъ странъ. Точно такъ же и послѣ объявленія континентальной системы контрабандный ввозъ англійскихъ и колоніальныхъ товаровъ на континенты былъ весьма значителенъ. Въ особенности эти товары «свозились въ русскіе порты, сѣверные (преимущественно Архангельскъ) и южные, чтобъ чрезъ русскія сухопутныя границы проникать въ Пруссію, Австрію, Германію и далѣе, вплоть до Франціи» (И. И. Кауфманъ. «Серебряный рубль въ Россіи», стр. 191).

Георгъ IV. (Муз. Щукина).

Но въ то же время нельзя отрицать, что континентальная система была для Англіи и ея колоній гораздо опаснѣе прежнихъ мѣропріятій, такъ какъ она относилась не къ одной лишь Франціи, но и къ ряду другихъ европейскихъ государствъ, слѣдовательно, стѣсняла торговлю Англіи со всѣми этими странами. Она вызвала въ Англіи новый тяжелый торгово-промышленный кризисъ 1810 года и заставила ее продолжать свою политику расширенія колоніальныхъ владѣній, чтобы наверстать въ торговлѣ

[1]) См. ст. К. А. Военскаго.

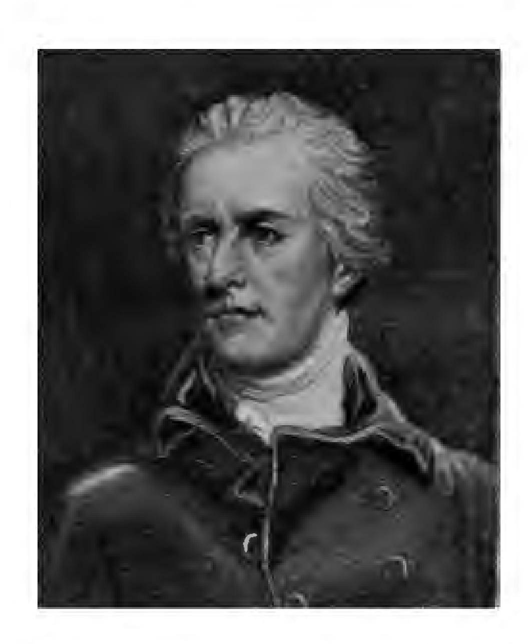
съ заокеанскими странами то, что она теряла на стѣсненіяхъ торговли съ Европой. И когда въ 1815 году былъ заключенъ парижскій миръ, Англія оказалась владычицей всѣхъ морей и чуть ли не единственной крупной колоніальной державой: значеніе въ этой области не только Франціи, но и Нидерландовъ было уничтожено. Цейлонъ, Капландъ и часть Гвіаны были отняты у Нидерландовъ. Присоединивъ къ Гибралтару Мальту, Англія могла захватить въ свои руки торговлю на Средиземномъ морѣ, а островъ Маврикія и Капландъ явились для нея удобными этапами на пути въ завоеванную ею Индію.

Торговая и колоніальная политика Англіи 1794—1812 гг. обусловливалась, однако, не одной лишь необходимостью въ прiисканіи новыхъ рынковъ для продуктовъ вновь возникшей фабричной промышленности, но и соображеніями финансоваго характера. Расходы правительства въ эту эпоху, вслѣдствіе веденія войнъ и выдачи денежныхъ суммъ союзникамъ для того, чтобы они могли продолжать борьбу съ Франціей, достигли огромныхъ, совершенно неслыханныхъ размѣровъ. Добыть необходимыя для этого средства можно было лишь въ странѣ богатой, лишь при условіи выростанія народнаго капитала и народнаго дохода, при успѣшномъ развитіи торговли, промышленности и мореплаванія. Такимъ образомъ торговая политика Англіи въ эпоху войнъ съ Франціей находится въ тѣснѣйшей связи съ ея финансами.

Насколько велики были военные расходы Англіи въ этотъ періодъ, какихъ необычайныхъ размѣровъ они достигали, можно усмотрѣть изъ того факта, что расходы по всѣмъ войнамъ, которыя Англія вела до 1793 года и послѣ 1815 года (считая съ 1688 по 1890 г.) вмѣстѣ составляли лишь 461 милліонъ ф. ст., тогда какъ военные расходы 1793—1815 гг. равнялись 695 милліонамъ ф. ст. (около 4½ милліардовъ рублей), т.-е. послѣдніе были больше на 234 милліона, или на 50 проц. Слѣдовательно, военные расходы Англіи за небольшой періодъ войнъ съ Франціей во время революціи и Наполеона были въ полтора раза больше расходовъ ея, произведенныхъ на всѣ остальныя войны, которыя Англія вела въ теченіе XVIII и XIX столѣтій. Если же возьмемъ случаи особенно крупныхъ военныхъ расходовъ въ другихъ странахъ и сопоставимъ ихъ съ расходами Англіи въ 1793—1815 годахъ, то и тогда послѣдніе окажутся чрезвычайно крупными. Такъ, чрезвычайные расходы Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки во время войны за отмѣну рабства въ 1860-хъ годахъ простирались до 3 милліардовъ рублей, а чрезвычайные расходы Франціи во время войны съ Германіей въ 1870-хъ годахъ, включая уплаченную Германіи контрибуцію, составляли 2 милліарда рублей, такъ что каждая изъ этихъ странъ израсходовала значительно меньше, чѣмъ Англія на войны 1793—1815 гг. (около 4½ милліардовъ руб.).

Какъ же покрывались эти огромные расходы? Двумя способами—заключеніемъ государственныхъ займовъ и введеніемъ новыхъ налоговъ. До половины XVIII ст. Англія весьма умѣренно пользовалась кредитомъ; къ заключенію займовъ прибѣгала мало и старалась при всякой возможности погашать произведенные ранѣе займы. Напротивъ, во второй половинѣ этого столѣтія государственный долгъ Англіи быстро растетъ и въ 1786 г. онъ достигаетъ огромной, неслыханной для того времени цифры въ 240

милл. ф. ст. Такое увеличеніе задолженности государства возбуждало опасенія съ разныхъ сторонъ. Въ Амстердамѣ во время войны Англіи съ американскими колоніями возникалъ вопросъ о томъ, долго ли еще Англія въ состояніи будетъ платить проценты по своимъ долгамъ; а въ восьмидесятыхъ годахъ XVIII вѣка одинъ англійскій писатель утверждалъ, что либо нація должна уничтожить свои долги, либо долги уничтожатъ ее. Между тѣмъ, государственный долгъ въ 240 милл. ф. ст., существовавшій въ 1786 году, вызывавшій такія опасенія современниковъ, является совершенно ничтожнымъ по сравненію съ тѣми займами, которые были заключены Англіей во время революціонныхъ и наполеоновскихъ войнъ. Послѣдствіемъ этихъ займовъ было то, что долгъ Англіи составлялъ въ 1816 году 800 милл. ф: ст., т.-е. въ теченіе 30 лѣтъ онъ увеличился въ 3—3½ раза. Однако, современники этого колоссальнаго роста долговъ уже гораздо менѣе отрицательно относились къ этому явленію, чѣмъ ихъ предшественники къ несравненно болѣе медленному увеличенію долга въ предшествующій періодъ. Джонъ Синклэръ находилъ займы необходимыми для государства, заключеніе ихъ считалъ показателемъ богатства и довѣрія населенія къ правительственной власти. Нельзя отрицать, говоритъ онъ, благотворное значеніе государственнаго кредита во время веденія справедливой и необходимой войны; кредитъ является главнымъ преимуществомъ Англіи по сравненію съ Франціей и другими странами Европы; онъ составляетъ золотую жилу для Англіи.

Питтъ. (Изъ колл. В. М. Соболевскаго).

Въ самомъ дѣлѣ, этотъ огромный долгъ свидѣтельствовалъ и о богатствѣ англійскаго населенія и о довѣріи его къ государству. Никакое другое государство ни въ тѣ времена, ни еще долго впослѣдствіи не могло бы добыть кредита въ столь широкихъ размѣрахъ; оно не получило бы его ни у своихъ подданныхъ, ни за границей. Только Англія уже въ концѣ XVIII вѣка располагала столь крупными свободными капиталами, только ея населеніе настолько вѣрило въ прочность и солидность финансовъ государства, что готово было отдавать въ его распоряженіе всѣ свои сбереженія. И въ то же время безъ этихъ займовъ Англія не въ состояніи была бы продолжать войны съ Франціей и осуществлять свою колоніальную политику.

Но для покрытія военныхъ расходовъ необходимы были и другіе источники: одними займами нельзя было ограничиться. Критики Вилльяма Питта, стоявшаго тогда во главѣ финансоваго управленія Англіи, поступали весьма несправедливо, осуждая его за увлеченіе займами. Они упрекали его за недостаточное пользованье налогами, какъ способомъ покрытія чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ. На самомъ дѣлѣ Питтъ вполнѣ созна-

валъ, что нельзя всѣ чрезвычайные расходы перемѣщать на другія поколѣнія, нельзя покрывать ихъ исключительно путемъ займовъ, которые придется уплачивать и по которымъ необходимо будетъ платить проценты впослѣдствіи, дѣтямъ и внукамъ населенія, заключившаго заемъ. Часть чрезвычайныхъ расходовъ, говорилъ Питтъ, должна быть немедленно покрыта налогами, собранными въ томъ же году, когда расходы производятся.

Однако, проектируя новые налоги, Питтъ находился въ весьма затруднительномъ положеніи. Низшіе классы населенія, классы, жившіе трудомъ, были сильно обременены всякаго рода налогами: таможенными пошлинами, уплачиваемыми при ввозѣ иностранныхъ товаровъ въ Англію, и еще болѣе внутренними акцизами—налогами на всевозможные предметы; облагалось пиво и вино, соль, табакъ, крахмалъ, мыло, кожи, матеріи, стекло, свѣчи и многое другое. Въ виду этого, Питтъ сдѣлалъ попытку распространить обложеніе на имущіе классы—на денежную и поземельную аристократію путемъ установленія налоговъ на роскошь. Такъ, въ 1784 году онъ ввелъ налогъ на лошадей, бѣговыхъ, верховыхъ и упряжныхъ, въ 1785 г. налогъ на перчатки, въ 1795 на лицъ, употребляющихъ пудру для волосъ. Въ слѣдующемъ году къ этому присоединенъ былъ налогъ на собакъ и налогъ на шляпы и часы, а въ 1798 г. налогъ на право выставлять свой гербъ на экипажахъ и въ иныхъ мѣстахъ. Однако всѣ эти нововведенія вызывали среди высшихъ классовъ населенія большое неудовольствіе; послѣдніе считали себя неподлежащими обложенію, находили, что налоги на нихъ не могутъ распространяться и поэтому протестовали противъ новыхъ законовъ. Съ введеніемъ, напр., налога на пудру, герцогъ Норфолькскій, одинъ изъ богатѣйшихъ аристократовъ Англіи, пересталъ, вопреки обычаю, пудриться и запретилъ это дѣлать своимъ слугамъ, желая этимъ выразить протестъ противъ новаго налога; герцогъ Бедфордскій, наоборотъ, приказалъ пудрить хвосты своимъ лошадямъ для его осмѣянія. А инціатора налога на собакъ, члена парламента Дента, противники этого налога прозвали Dog-Dent.

Однако главнымъ недостаткомъ этихъ налоговъ являлась ихъ незначительная доходность; многіе налоги давали всего по нѣсколько десятковъ тысячъ или даже по нѣскольку тысячъ ф. ст. въ годъ. Нужно было искать другихъ, болѣе выгодныхъ источниковъ, привести обложеніе въ связь съ платежеспособностью отдѣльныхъ лицъ. Это могло быть достигнуто путемъ установленія подоходнаго обложенія, т.-е. налога, взимаемаго съ каждаго въ зависимости отъ размѣровъ получаемаго имъ годового дохода. Но въ тѣ времена подоходное обложеніе еще было неизвѣстно, и Питтъ не рѣшался на введеніе такого совершенно новаго налога, который вызвалъ бы, несомнѣнно, самые рѣшительные протесты. Онъ пытался соразмѣрить налогъ съ платежеспособностью населенія инымъ способомъ: не устанавливая новаго налога, онъ повысилъ лишь оклады налоговъ на роскошь, соразмѣрно доходамъ каждаго плательщика. Именно, согласно закону 1798 г., лица, уплачивающія налоги на мужскую прислугу, на кареты, на лошадей, должны платить добавочный налогъ. Если общая сумма этихъ уплачиваемыхъ ими налоговъ ниже 25 ф. ст., то добавочный налогъ равняется ихъ тройному размѣру, если эта сумма 25—30 ф. ст., то доба-

вочный налогъ взимается въ $3^1/_2$ размѣрѣ ея, если сумма обложенія составляетъ 30—40 ф. ст., добавочный налогъ устанавливается въ 4-кратномъ ея размѣрѣ и, наконецъ, при 50 ф. ст. и выше—въ 5-кратномъ размѣрѣ. Подобнымъ же образомъ уплачиваются дополнительные налоги тѣми, кто платилъ налогъ на дома, окна, собакъ, часы. Къ этому присоединялись, однако, весьма важныя дополнительныя правила, исходящія уже изъ размѣровъ дохода каждаго плательщика. Добавочные налоги не должны падать на классы несостоятельные; поэтому они не должны вовсе взиматься съ лицъ, имѣющихъ менѣе 60 ф. ст. годового дохода. Далѣе для лицъ съ доходомъ свыше 60 ф. ст. они не должны превышать извѣстной части дохода. При доходѣ въ 60—65 ф. ст. добавочные налоги не должны превосходить $^1/_{120}$ дохода, при доходѣ въ 65—70 ф. ст. они не должны быть болѣе $^1/_{95}$ дохода, при доходѣ въ 95—100 ф. ст. они не должны превышать $^1/_{45}$ дохода и т. д., наконецъ при доходѣ въ 200 и болѣе ф. ст. они не могутъ превосходить $^1/_{10}$ дохода даннаго лица. Очевидно, для того, чтобы опредѣлить, превышаетъ ли добавочный налогъ извѣстную часть дохода или нѣтъ, необходимо установить размѣръ этого дохода. Поэтому каждый плательщикъ, находящій, что онъ чрезмѣрно обложенъ, т.-е. что добавочные налоги превышаютъ установленную закономъ пропорцію, имѣетъ право заявить объ этомъ, указывая размѣръ своего дохода, за своей подписью и за подписью двухъ свидѣтелей, а по требованію податныхъ органовъ, онъ обязанъ подтвердить свое заявленіе присягой.

Смерть Питта (совр. карик.).

Такимъ образомъ, исходя изъ добавочныхъ налоговъ на предметы роскоши, Питтъ все же имѣлъ въ виду обложить личный доходъ плательщика, установить подоходное обложеніе. Въ 1803 году была произведена реформа этого налога, при чемъ добавочные налоги на роскошь были отмѣнены и остались лишь предѣльныя нормы обложенія. Въ то время, какъ прежде при доходѣ въ 60—65 ф. ст. добавочные налоги не должны были превышать $^1/_{120}$ дохода, при доходѣ въ 65—70 ф. $^1/_{95}$ дохода и т. д., теперь было прямо установлено, что налогъ составляетъ въ первомъ случаѣ $^1/_{120}$, а во второмъ — $^1/_{95}$ дохода и т. д., а при доходѣ въ 200 ф. ст. и болѣе налогъ равняется $^1/_{10}$ всего дохода плательщика. Такимъ образомъ получился уже подоходный налогъ въ чистой формѣ.

Конечно, и въ своей первоначальной формѣ, въ видѣ надбавокъ къ налогамъ на роскошь, а тѣмъ болѣе въ измѣненномъ видѣ онъ встрѣтилъ сильную вражду и при обсужденіи закона въ парламентѣ и при введеніи его въ дѣйствіе. Возражавшіе Питту депутаты заявляли, что этотъ налогъ «разрушитъ частную филантропію и лишитъ родителей возможности воспитывать дѣтей». «Едва ли Питтъ осмѣлится,—говорили они,—послѣ

проведенія своего билля гулять по улицамъ и считать тѣ разрушенія, которыя причинитъ его билль, такъ какъ многіе дома останутся тогда пустыми». Ораторы возражали противъ этого «новаго, необыкновеннаго, инквизиторскаго налога», ссылаясь на то, что въ Англіи прежде никогда не встрѣчался такой налогъ. Особенно же они подчеркивали то обстоятельство, что онъ «уничтожитъ и смѣшаетъ классы общества: никакой актъ французской Директоріи не сдѣлалъ такъ много, чтобы стереть всѣ общественныя различія, какъ сдѣлаетъ эта мѣра».

И среди населенія новый налогъ вызвалъ сильные протесты. Въ петиціяхъ, поданныхъ въ парламентъ, его называли противорѣчащимъ свободному духу конституціи, унизительнымъ для англійскихъ подданныхъ; говорили, что онъ вмѣшивается въ частную жизнь, заставляетъ гражданъ скрывать свои доходы. Это недоброжелательное отношеніе къ налогу со стороны населенія заставило правительство измѣнить его немедленно по окончаніи войнъ съ Наполеономъ, въ 1816 году. Даже документы и книги, въ которыхъ находились записи обложенія, были, по постановленію парламента, сожжены, чтобы ничего не осталось отъ этого ненавистнаго налога.

На кострѣ погибли документы подоходнаго налога; но самая идея не погибла, ее нельзя было уничтожить. Когда въ 40-хъ годахъ XIX вѣка снова оказалось недостаточно поступленій отъ налоговъ, когда вновь финансы потребовали этого, англичане опять обратились къ подоходному налогу. Учрежденный въ 40-хъ годахъ подоходный налогъ, существующій въ своихъ главныхъ основаніяхъ и до сихъ поръ, былъ построенъ по типу того перваго налога, который былъ созданъ Питтомъ. И теперь еще въ англійскомъ подоходномъ обложеніи мы можемъ ясно различить элементы перваго налога, появившагося въ эпоху войнъ съ революціей и Наполеономъ. Такимъ образомъ нужда въ средствахъ, вызванная войнами 1794—1812 гг. произвела на свѣтъ новую, наиболѣе справедливую форму обложенія — подоходный налогъ, создала ее не для одной только Англіи, но и для всего прочаго цивилизованнаго міра.

I. Кулишеръ.

Политическое кафэ (совр. грав.).

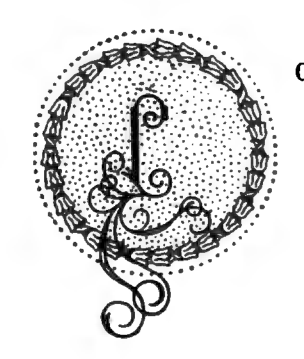

MUTUAL HONORS at TILSIT or the Monkey the Bear and the Eagle

(англ. карик.).

II. Континентальная система.

Н. А. Военскаго.

Современная историческая наука отрицаетъ совершенно случайности въ послѣдовательномъ ходѣ событій. И даже дѣятельность отдѣльныхъ историческихъ личностей объясняетъ не столько волей ихъ, сколько необходимостью, вытекающей изъ обстоятельствъ даннаго времени и болье глубокихъ причинъ, руководящихъ и даже ведущихъ цѣлые народы и ихъ правительства.

Во главѣ этихъ доминирующихъ причинъ стоятъ экономическія отношенія, отъ которыхъ зависятъ благосостояніе страны, торговли и промышленности, а слѣдовательно, и государственной казны.

Историческія событія, окруженныя ореоломъ величія, подвиги личной храбрости, высокій подъемъ національнаго чувства при холодномъ и безпристрастномъ анализѣ оказываются лишь неизбѣжными слѣдствіями экономическаго положенія страны и то, что бросается намъ прежде всего въ глаза и волнуетъ насъ красотой и мощью человѣческихъ поступковъ, въ дѣйствительности является лишь ярко-пестрымъ узоромъ, вышитымъ на прозаической канвѣ матеріальныхъ требованій.

Съ этой точки зрѣнія мы и разсмотримъ тѣ причины, которыя, въ силу исторической неизбѣжности, привели къ столкновенію народовъ въ 1812 г., явившемуся результатомъ великой экономической борьбы Наполеона съ Англіей.

Французская революція и въ первыхъ своихъ проявленіяхъ и въ дальнѣйшемъ развитіи тѣсно связана съ финансовымъ банкротствомъ Франціи, спасти отъ котораго не смогли ее ни Тюрго, ни Неккеръ. Третье сословіе, наиболѣе жизнеспособное, не безосновательно видѣло причину всѣхъ бѣдъ въ феодальномъ строѣ, съ которымъ и вступило въ ожесточенную борьбу, опираясь на голодныя массы народа и всеобщее недовольство. Побѣда демократической буржуазіи была, однако, соединена съ такими глубокими потрясеніями экономической жизни страны, что Франція очутилась на краю гибели. Государственная касса была пуста, правительственные ассигнаты пали до $^1/_{40}$ номинальной стоимости и продолжали падать еще ниже, торговля и промышленность пришли въ полный упадокъ, обнищавшія трудовыя массы сдѣлались уже опасными въ своемъ голодномъ озлобленіи и всегда готовы были возстать во имя соціалистической утопіи, родившейся на перевалѣ двухъ вѣковъ, на почвѣ голода и классовыхъ противоположностей.

Различные проекты высадки французовъ въ Англію.

Помощи извнѣ ждать было неоткуда. Реакціонная Европа съ ужасомъ и негодованіемъ смотрѣла на пылающій очагъ революціи и думала лишь о томъ, чтобы загасить его кровью.

Необходимъ былъ для спасенія человѣкъ, въ которомъ успѣхъ и популярность соединялись бы съ яснымъ, трезвымъ пониманіемъ положенія вещей, который не увлекался бы шумихой фразъ и обладалъ практическимъ умомъ и неизмѣнно твердой волей. Такимъ человѣкомъ явился Наполеонъ.

Трудно рѣшить, что въ немъ было больше: смѣлый полководецъ или геніальный государственный человѣкъ. Съ именемъ Наполеона связываютъ обыкновенно представленіе о безконечныхъ сраженіяхъ и побѣдахъ, о военномъ авантюризмѣ, но часто упускаютъ изъ виду его поистинѣ геніальныя государственныя реформы, изъ которыхъ многія сохранились до сихъ поръ. Болѣе того, Наполеонъ никогда не былъ полководцемъ по призванію, который всю цѣль, весь смыслъ своей жизни видитъ въ походахъ и завоеваніяхъ.

Войны, которыя велись Наполеономъ до консульства, были единственнымъ путемъ для спасенія государства. Знаменитый итальянскій походъ надолго устранилъ возможность нападенія со стороны старыхъ европейскихъ монархій и доказалъ воочію военное могущество Франціи. Но это была и

война - пріобрѣтательница: благодаря ей наполнилась государственная касса, войска одѣлись, обулись и получили жалованье. Наконецъ этимъ славнымъ походомъ въ значительной степени разрѣшался вопросъ о санкюлотахъ, о голодномъ пролетаріатѣ, который угрожалъ безконечными внутренними смутами, но въ рядахъ арміи обратился въ преданныхъ солдатъ, совершавшихъ чудеса храбрости.

Когда Наполеонъ сталъ у власти и получилъ возможность преобразовать государственный строй Франціи, онъ убѣдился, что для мирнаго процвѣтанія страны, для развитія торговли и промышленности необходимъ могучій флотъ, торговый и военный. Какъ человѣкъ грандіозныхъ замысловъ, онъ видѣлъ мысленно Францію, владычествующую надъ океанами и морями, обладающую повсюду богатыми колоніями и держащую въ своихъ рукахъ міровую торговлю. Въ Европѣ, строго говоря, ему нечего было дѣлать. Онъ не только не хотѣлъ разрушать старыхъ монархій, но имѣлъ въ виду сблизиться съ ихъ правительствами, готовый даже на уступки, требуя лишь признанія новой Франціи, какъ европейской державы, а Наполеона Бонапарта, какъ ея владыки.

Но въ попыткахъ осуществить колоніальную политику французы столкнулись съ могущественной соперницей, настойчиво, не брезгуя никакими средствами, добивавшейся міроваго владычества надъ морями— съ Англіей. Еще раньше, въ египетскомъ походѣ французскій флотъ потерпѣлъ страшное пораженіе отъ англичанъ при Абукирѣ.

Наполеонъ у моря.

Если на сушѣ Наполеонъ не зналъ достойнаго себѣ противника, то на морѣ онъ явился въ лицѣ Нельсона. Нападая повсюду на французскій флотъ, захватывая французскія торговыя суда, англичане въ то же время возбуждали европейскія державы продолжать войну съ Наполеономъ и снабжали ихъ огромными денежными субсидіями. Императоръ Александръ I вступилъ также въ союзъ съ Англіей и принялъ участіе въ европейской коалиціи. Внутренній смыслъ всѣхъ послѣдовавшихъ затѣмъ событій заключался не въ войнѣ Франціи съ той или другой державой, а въ борьбѣ Наполеона съ Англіей изъ-за міроваго владычества на морѣ.

Съ своей стороны, Наполеонъ нуждался въ союзникѣ для войны противъ Англіи, но таковаго по весьма понятнымъ причинамъ найти не могъ. Старыя монархіи могли подчиняться силѣ оружія, подписывать унизительные договоры, въ родѣ Кампо-Формійскаго, но ни довѣрія, ни уваженія, ни искренности Наполеону, выскочкѣ, исчадію революціи, ждать было нечего.

Отсюда создалось совершенно особое положеніе для политики Бонапарта: Европа не хочетъ союза съ Франціей, надо ее къ этому принудить.

Единственнымъ, совершенно добровольнымъ союзникомъ противъ Англіи неожиданно оказался императоръ Павелъ I, сразу измѣнившій свой взглядъ на Наполеона-консула благодаря его рыцарскому поступку [1]).

Павелъ I объявилъ даже войну Англіи, хотя Россія совершенно не была готова, и согласился на фантастическій походъ въ Индію, отправивъ въ первую голову Донскихъ казаковъ, которые едва не погибли въ снѣжныхъ степяхъ и были немедленно возвращены при вступленіи на престолъ Александра I.

Эпизодъ этотъ только лишній разъ доказываетъ, что единоличная воля, не опирающаяся на истинные интересы страны и на государственную необходимость, не можетъ создать историческихъ событій по прихоти личной фантазіи.

Къ войнѣ съ Англіей Россія въ то время не имѣла никакихъ основаній, и выходка Павла вызвала еще большее озлобленіе и раздраженіе русскаго общества и гвардіи.

Роковымъ поворотнымъ пунктомъ въ политикѣ Наполеона явилось знаменитое морское сраженіе при Трафальгарѣ (21 октября 1805 г.). Принудивъ Испанію къ союзу съ Франціей, Наполеонъ составилъ могущественную эскадру, которая дожидалась его приказа въ Кадиксѣ. Адмиралъ Вилльнёвъ держался выжидательнаго образа дѣйствій, но это было не по душѣ Бонапарту, привыкшему къ нападенію и натиску. Вилльнёву былъ посланъ въ рѣзкой формѣ упрекъ за бездѣятельность, и франко-испанскій флотъ вышелъ въ бурную погоду искать англичанъ въ Средиземномъ морѣ. Около Трафальгара произошло столкновеніе съ англійской эскадрой. Этотъ ужасный въ своихъ подробностяхъ бой кончился полной побѣдой Нельсона, который самъ, впрочемъ, получилъ смертельную рану. Передъ смертью великій адмиралъ произнесъ: «Наконецъ имъ это удалось».

Но гибель Нельсона не принесла никакой пользы для Франціи: флотъ ея былъ частью истребленъ, частью взятъ въ плѣнъ.

Съ этого историческаго момента Наполеонъ потерялъ возможность бороться съ Англіей на морѣ, гдѣ она стала почти единственной владычицей, безконтрольно и безпрепятственно распоряжавшейся судьбами міровой торговли.

Тогда всѣми помыслами Бонапарта овладѣла одна идея: подорвать торговлю Англіи путемъ закрытія для нея всѣхъ европейскихъ портовъ. Это примѣненіе бойкота въ самомъ широкомъ видѣ и получило названіе континентальной системы.

Но для осуществленія ея на дѣлѣ было необходимо принудить къ тому всю Европу, другими словами, завоевать ее, такъ какъ невозможно было разсчитывать на добровольное согласіе державъ. Всѣ онѣ находились въ значительной экономической зависимости отъ Англіи, державшей въ своихъ рукахъ ввозную и вывозную торговлю.

Благопріятнымъ поводомъ къ континентальной системѣ послужилъ королевскій декретъ 16 мая 1806 г., которымъ Англія объявляла

[1]) Наполеонъ вернулъ Павлу I плѣнныхъ русскихъ солдатъ и офицеровъ, одѣвъ ихъ въ новые мундиры и отправивъ въ Россію за собственный счетъ. Павелъ I, сверхъ того, негодовалъ на англичанъ за оккупацію ими о. Мальты. См. К. Военскій: Бонапартъ и Русскіе плѣнные. Воен. Собрн. 1906 г. № XII.

въ блокадѣ всѣ порты Европы, берега и рѣки на всемъ пространствѣ отъ Эльбы до Бреста.

Наполеонъ отвѣтилъ Берлинскимъ декретомъ отъ 21 ноября 1806 г., въ которомъ излагаются основы континентальной системы, ставшей обязательной для союзныхъ съ Франціей европейскихъ державъ, а послѣ Тильзитскаго договора 9 (27) іюля 1807 г. и для Россіи.

Первая часть текста Берлинскаго декрета носитъ характеръ полемическій. Англія выставляется, какъ держава, не исполняющая договоровъ и не признающая международнаго права [1]); она считаетъ непріятелемъ всякаго подданнаго враждебной страны и признаетъ военноплѣнными не только экипажи военныхъ судовъ, но и торговыхъ; распространяетъ право завладѣнія на частную собственность (каперство); объявляетъ блокаду портовъ, гаваней и устьевъ рѣкъ, не запущенныхъ и не укрѣпленныхъ; объявляетъ мѣстности въ блокадѣ, въ дѣйствительности не осуществляемой.

Далѣе декретъ переходитъ къ оправданію континентальной системы. Англія преслѣдуетъ лишь одну цѣль: на развалинахъ торговли и промышленности континента возвысить британскую торговлю и промышленность. Съ такимъ врагомъ по духу «естественнаго права» (§ 8, droit naturel) разрѣшается борьба тѣмъ же оружіемъ, которымъ пользуется Англія, отвергая всякія идеи справедливости и возвышенныя чувства, этотъ результатъ цивилизаціи между людьми.

Чтеніе извѣстія о взятіи Мадрида первымъ министромъ Англіи королевскому совѣту (совр. кар.).

Поэтому императоръ Наполеонъ рѣшилъ примѣнить къ Англіи обычаи, которые она санкціонировала въ своемъ морскомъ законодательствѣ.

Главнѣйшія постановленія Берлинскаго декрета слѣдующія:

1) Британскіе острова объявляются въ состояніи блокады.

2) Воспрещается всякая торговля и всякая корреспонденція, вслѣдствіе чего не будутъ пересылаемы, а будутъ подлежать аресту письма, бумаги, адресованныя въ Англію англичанину или писанныя на англійскомъ языкѣ.

3) Всякій англичанинъ, каково бы ни было его званіе и положеніе, застигнутый на территоріи, занятой французскими или союзными войсками, будетъ считаться военноплѣннымъ.

4) Всякое имущество, всякая собственность, какого бы рода она ни была, принадлежащія англійскому подданному, будутъ считаться законнымъ призомъ.

5) Ни одинъ корабль, приходящій прямо изъ Англіи или ея колоній, не будетъ допущенъ ни въ одинъ портъ.

[1]) § 1. N'admet point le droit des gens suivi universellement par tous les peuples policés (см. проф. Александренко, „Наполеонъ I и Англія“.

6) Всякій корабль, который посредствомъ ложной деклараціи нарушитъ предшествующее постановленіе, вмѣстѣ съ грузомъ будетъ подлежать конфискаціи, какъ если бы они были англійскою собственностью.

Такимъ образомъ, Берлинскій декретъ въ сущности объявляетъ Англію стоящей внѣ закона, а англійскій флотъ—пиратскимъ. Надо признать, что англичане дѣйствительно не стѣснялись въ своихъ дѣйствіяхъ и на морѣ считали для себя все дозволеннымъ, признавая лишь одну силу.

Континентальная система вызвала со стороны Англіи новый королевскій указъ 7 января 1807 года, которымъ объявляются въ блокадѣ уже всѣ порты Франціи и ея колоній, а также порты, берега и гавани странъ, откуда англійскій флагъ былъ изгнанъ.

Наполеонъ отвѣтилъ на это Миланскимъ декретомъ 17 декабря 1807 г. По смыслу его внѣ закона ставятся суда всѣхъ странъ, допустившія осмотръ со стороны англійскихъ судовъ или уплатившія налогъ въ пользу англійскаго правительства или хотя бы вынужденно посѣтившія англійскіе порты. Всѣ такія суда задерживаются и считаются законнымъ призомъ.

Нельсонъ.

Миланскій декретъ ставилъ условіе, почти невозможное къ исполненію, такъ какъ имъ воспрещалось, подъ угрозой захвата, судамъ всѣхъ національностей заходить въ порты британскихъ острововъ и англійскихъ колоній.

Точное выполненіе этого тяжелаго обязательства было равносильно почти полному прекращенію ввозной и вывозной торговли континента.

Въ 1807 году къ континентальной системѣ примкнули Россія, Пруссія и Данія; въ 1809 году послѣ разгрома имперіи Габсбурговъ и занятія французами Вѣны, согласно Шенбрунскому мирному договору—примкнула Австрія, въ 1810 г.—Швеція.

Осуществленіе континентальной системы было сопряжено съ огромными затрудненіями при отсутствіи военнаго флота. Это сознавалъ и Наполеонъ, и въ 1807 году онъ еще не терялъ надежды напасть непосредственно на морскую силу Англіи. Для этой цѣли Португалія и Данія были предупреждены, что онѣ должны выбирать между войною съ Франціей и войною съ Великобританіею [1]. Въ Португалію былъ посланъ корпусъ подъ командою Жюно, въ Данію—корпусъ Бернадота.

Но Англія, получившая свѣдѣнія о тайныхъ статьяхъ Тильзитскаго договора, касающихся совмѣстныхъ дѣйствій противъ нея Франціи и Россіи, предупредила Наполеона.

Когда послѣ крайне труднаго перехода, сопровождавшагося гибелью многихъ солдатъ вслѣдствіе лишеній и болѣзней, Жюно вступилъ 30 ноября 1807 г. съ остатками своего отряда въ Лиссабонъ, тамъ не оказалось португальскаго флота, удалившагося добровольно по дружескому пред-

[1]) Мэхэнъ, „Вліяніе морской силы на французскую революцію и имперію (1793—1812)“, т. II, стр. 303 и т. д.

ложенію Англіи. Когда же въ лиссабонскій портъ вошла русская средиземная эскадра, подъ начальствомъ адмирала Сенявина, англійскій флотъ блокировалъ Лиссабонъ и одновременно высадилъ значительный дессантъ на сушу. Жюно вынужденъ былъ покинуть столицу Португаліи, а Сенявинъ, эскадра котораго была по Высочайшему повелѣнію предоставлена въ распоряженіе императора французовъ, не вступилъ въ бой съ англичанами и сдался имъ на почетныхъ условіяхъ. Русскія суда были приведены въ Портсмутъ и сданы на храненіе до окончанія войны, а экипажу ихъ было предоставлено право возвратиться въ Россію [1]).

Если въ Португаліи, издавна дружившей съ Англіей, было легко удалить флотъ, то въ Даніи англичане, напротивъ, встрѣтили сильное сопротивленіе. Въ августѣ 1807 г. островъ, на которомъ расположенъ Копенгагенъ, былъ окруженъ 25 линейными англійскими кораблями, конвоировавшими транспорты съ двадцатью семью тысячами войска, которое немедленно высадилось и окружило городъ. Датское правительство получило предложеніе сдать свой флотъ на храненіе Великобританіи до заключенія всеобщаго мира. Предложеніе это датчане отвергли, и съ 2 до 5 сентября Копенгагенъ подвергался бомбардировкѣ, послѣ чего требуемыя условія были приняты.

Н. М. Сенявинъ.

Англичане получили во владѣніе 18 линейныхъ судовъ и множество фрегатовъ, очистили адмиралтейство отъ запасовъ и возвратились въ Англію.

Такимъ образомъ, попытка Наполеона захватить флоты континентальныхъ государствъ закончилась полной неудачей, и Англія безпрепятственно могла хозяйничать на моряхъ. Это обстоятельство окончательно утвердило императора французовъ въ необходимости провести континентальную систему въ самой строгой формѣ, и все его вниманіе сосредоточилось на европейскихъ портахъ и на контролѣ за выполненіемъ бойкота англійскихъ товаровъ.

«Какъ ни велика была власть Наполеона, она прекращалась подобно силѣ нѣкоторыхъ волшебниковъ, когда приходила въ соприкосновеніе съ водою» [2]).

На морѣ царили Великобританія и нейтральная держава — Америка, въ рукахъ которыхъ былъ флотъ и вся внѣшняя торговля континента. Никакія усилія генія полководца и дипломата не могли сломить или даже умалить морскую силу Англіи и воспрепятствовать міровой торговлѣ Соединенныхъ Штатовъ.

Вотъ почему въ послѣдовавшихъ затѣмъ европейскихъ войнахъ и во всей политикѣ Наполеона замѣчается нервность и нетерпимость, переходящая иногда въ крайнюю заносчивость.

---

[1]) Военскій, „Акты и документы для политической и бытовой исторіи 1812 года“, томъ II. С.-Петербургъ, 1911 г.
[2]) Мэхэнъ, т. II, стр. 306.

Онъ ясно сознавалъ свое безсиліе передъ натискомъ англійскихъ товаровъ, ищущихъ лазеекъ вдоль огромной, извилистой береговой линіи Европы и проникающихъ тайно даже и въ самую Францію. Поэтому всякое отступленіе отъ Берлинскаго и Миланскаго декретовъ приводило его въ крайнее раздраженіе и вызывало немедленно рѣшительныя дѣйствія. Такъ обрушился онъ на папскія области и занялъ Ливорно, гдѣ англичане торговали свободно. Онъ искренно и глубоко ненавидѣлъ ганзейскіе города Бременъ и Гамбургъ, которые долго «насмѣхались» надъ его усиліями прекратить ввозъ британскихъ товаровъ. Быть-можетъ, именно эта крайняя степень раздраженія противъ всѣхъ, несочувствующихъ континентальной системѣ, и дала Наполеону нравственную силу довести до успѣшнаго конца труднѣйшую войну съ Австріей въ 1809 г., и сраженіе при Ваграмѣ является одной изъ величайшихъ побѣдъ этого генія войны.

Въ 1809 г. Наполеонъ, казалось, достигъ желаемаго: вся Европа принудительно или добровольно, какъ Россія, подчинились континентальной системѣ. Но именно съ этого же года во всей очевидности проявляется вся ея несостоятельность. Англійскіе товары продолжаютъ поступать на континентъ. Организуется контрабандная торговля, поддерживаемая цѣлой англійской націей при пособничествѣ купцовъ континента. Складомъ англійскихъ товаровъ въ Балтійскомъ морѣ является о. Гельголандъ, въ Средиземномъ—о. Мальта. Таможенныя правила частью обходятся хитростью, частью—подкупомъ. Въ то же время въ порты входятъ суда, нейтральныя по флагу, но въ дѣйствительности везущія англійскіе товары.

Именно это обстоятельство и положило начало недовольству между Александромъ и Наполеономъ, требовавшимъ, чтобы Россія не допускала

Надеждино, им. Куракина, Саратовской губ. (грав. нач. XIX в.).

Саратовской губ. (грав. Ческого).

въ свои гавани нейтральныя суда. Александръ не соглашался съ такимъ толкованіемъ взятыхъ на себя обязательствъ и въ 1810 году издалъ «Положеніе о нейтральной торговлѣ на 1811 г.», которое было принято Наполеономъ, какъ вызовъ. 28 февраля 1811 г. Наполеонъ уже пишетъ русскому императору: «Если Ваше Величество оставляете союзъ и сжигаете Тильзитскія соглашенія, то должно быть очевидно, что война неизбѣжно послѣдуетъ нѣсколькими мѣсяцами раньше или позже» [1]).

Обыкновенно принято считать, что союзъ Россіи съ Франціей по Тильзитскому договору если и давалъ первой нѣкоторыя политическія преимущества, то являлся крайне разорительнымъ вслѣдствіе континентальной системы, которая не только уменьшила государственный доходъ (таможенные сборы), но, вслѣдствіе повышенія цѣнъ на предметы потребленія и паденія курса рубля, губительно отразилась на благосостояніи всѣхъ сословій.

Общій оборотъ внѣшней торговли Россіи, дѣйствительно, понизился. Такъ, въ 1806 г. онъ равнялся 120 милл., въ 1807—100 милл., а въ 1808 г. упалъ до 83 милл. Паденіе торговли въ дальнѣйшіе годы не выражается точно офиціальными цифрами, такъ какъ возникло сильное контрабандное движеніе, которое преслѣдовалось, повидимому, не особенно строго. Результатомъ уменьшенія ввоза заграничныхъ товаровъ явилось, конечно, сильное вздорожаніе ихъ цѣнъ, на что въ то время жаловались

---

[1]) Мэхэнъ, стр. 376.

современники, крайне преувеличивая значеніе факта и изображая его въ своихъ воспоминаніяхъ, какъ народное бѣдствіе, разоряющее всѣ классы населенія. Достаточно, однако, взглянуть на списокъ заграничныхъ товаровъ, ввозимыхъ въ Россію, чтобы убѣдиться, что все это предметы роскоши, предметы потребленія лишь высшаго класса, чиновниковъ, вообще горожанъ и преимущественно столичныхъ. Самому большому вздорожанію подверглись кофе и сахаръ [1]). Но въ то время оба эти продукта потреблялись лишь обезпеченнымъ городскимъ классомъ и даже въ среднемъ помѣщичьемъ сословіи считались лакомствомъ, не говоря уже о купечествѣ и крестьянствѣ, которыя совсѣмъ не пользовались этими заграничными товарами. Страшному вздорожанію подверглись заграничныя вина, но они и потреблялись лишь богатыми людьми.

Единственнымъ продуктомъ общаго потребленія, который ввозился Англіей, является соль, и именно на нее особенно усердно указываютъ современники, и даже императрица Марія Θеодоровна въ письмѣ къ императору Александру, указывала, что «чувствуется недостатокъ соли» и «нѣтъ сословія, которое не страдало бы, не было бы отягощено».

Но Россія сама изобиловала солью и не только не нуждалась въ ввозѣ этого продукта, но могла бы снабжать имъ другія страны. Добыча соли была весьма значительна въ началѣ XIX в. Такъ, въ 1803 г. добыто было 26.324.500 пуд. цѣною 12.509.800 р. Изъ-за границы въ томъ же году моремъ ввезено соли всего на 1.210.322 р.

Внутреннія губерніи, востокъ и югъ Россіи совершенно не нуждались въ привозной соли, а въ западныя губерніи она ввозилась изъ Пруссіи и Австріи. Слѣдовательно, соль изъ Англіи была необходима лишь для Петербурга и Прибалтійскаго края, и прекращеніе ея ввоза отнюдь не могло считаться общенароднымъ бѣдствіемъ.

Другимъ послѣдствіемъ континентальной системы было паденіе курса рубля. Въ 1808 г. ассигнаціонный рубль упалъ до 50 коп., а въ 1811 г. серебряный рубль ходилъ въ четыре рубля ассигнаціями [2]).

Для помѣщиковъ, домовладѣльцевъ и купечества такое паденіе рубля отнюдь не было разорительно. Всѣ налоги и подати уплачивались не серебрянымъ, а тѣмъ же ассигнаціоннымъ рублемъ. Повышеніе же цѣнъ на продукты сельскаго хозяйства (рожь, пшеницу, ленъ и т. д.) было только выгодно, и многіе въ это время поправили свои дѣла и даже обогатились. «Людямъ, недавно купившимъ имѣнія въ долгъ на ассигнаціи, пониженіе курса послужило обогащеніемъ и спасеніемъ вообще всѣмъ задолжавшимся» [3]). Русское сельское хозяйство находилось въ первобытномъ состояніи. Помѣщики, имѣя для обработки земли даровой трудъ крѣпостныхъ крестьянъ, не нуждались въ заграничныхъ машинахъ, а въ помѣщичьихъ усадьбахъ, гдѣ не гнались за модой и жили стародѣдовскимъ обычаемъ, домъ представлялъ полную чашу и не нуждался почти ни въ чемъ покупномъ.

[1]) Цѣны на кофе и сахаръ, колебавшіяся въ 1802 году отъ 18[illegible] до 20 руб. за пудъ, въ 1811 году— въ самый разгаръ континентальной системы—достигли невѣроятной цифры 100 и 115 р. за пудъ. См. Ю. Карцовъ и К. Военскій: „Причины войны 1812 года“. С.-Петербургъ. 1911 г., стр. 50 — 55.

[2]) Записки Ф. Ф. Вигеля, ч. III, стр. 2.

[3]) Ibid.

Благосостоянія крестьянъ крѣпостныхъ и государственныхъ континентальная система ни въ какой мѣрѣ не касалась. Напротивъ, для крестьянъ оброчныхъ, вслѣдствіе повышенія цѣнъ на продукты сельскаго хозяйства, она была лишь прибыльна, такъ какъ оброкъ платился ассигнаціями—денежными знаками внутренняго обращенія.

Промышленность фабрично-заводская въ Россіи находилась въ зачаточномъ состояніи и не нуждалась въ привозныхъ орудіяхъ производства.

При огромныхъ естественныхъ богатствахъ и низкомъ уровнѣ потребностей большинства населенія, Россія, болѣе чѣмъ любое изъ европейскихъ государствъ, могла выдержать континентальную систему безъ всякаго ущерба для экономической жизни страны.

Но континентальная система разоряла людей, живущихъ на чистыя деньги: высшіе классы, чиновничество и тѣхъ владѣльцевъ имѣній, которые жили въ столицахъ и проживали доходы съ вотчинъ за границей. Для послѣднихъ паденіе рубля равнялось уменьшенію доходовъ болѣе чѣмъ на половину.

Купецъ Образцовъ (Венеціановъ) (Цвѣтковск. галлер. въ Москвѣ).

Масса жалобъ, записокъ, прошеній, поданныхъ въ то время на Высочайшее имя и къ правительству исходила не отъ помѣстнаго дворянства, не изъ коренной земледѣльческой Руси, а подавалась отъ имени высшаго сословія, жившаго роскошной, барской жизнью, отъ чиновничества, существовавшаго на жалованье и «безгрѣшные доходы», отъ жителей столицъ, оторванныхъ отъ истинныхъ интересовъ земли.

Союзъ съ Наполеономъ вызывалъ въ дворянствѣ недовольство и по другой причинѣ. Высшіе классы опасались «тлетворнаго» вліянія его на императора.

Реформы начала царствованія Александра давно вызывали опасенія, что близится отмѣна привилегій высшаго сословія и освобожденіе крестьянъ. Имя Сперанскаго, котораго считали вдохновителемъ всѣхъ новшествъ, произносилось съ ненавистью и проклятіями. Дворянство за-

мѣтно охладѣло къ Александру, и въ гвардіи опять по примѣру прежнихъ лѣтъ встрепенулся преторіанскій духъ: еще не были забыты дворцовые перевороты.

Если среди помѣщичьей Руси не чувствовалось никакого экономическаго ущерба отъ союза съ Наполеономъ и отъ континентальной системы, то шедшіе изъ столицъ въ провинцію слухи о возможности освобожденія крестьянъ глубоко волновали помѣстное дворянство, и оно готово было итти вслѣдъ за столичной аристократіей и ополчиться на «антихриста»—Наполеона.

Въ началѣ XIX в. единственнымъ сословіемъ, имѣвшимъ политическое значеніе, было дворянство, желанію котораго и вынужденъ былъ уступить Александръ, порвавшій передъ лицомъ дворянской фронды союзъ съ Наполеономъ, во всѣхъ отношеніяхъ выгодный для Россіи.

Цѣль Наполеона отнюдь не ограничивалась интересами одной Франціи. Онъ хотѣлъ освободить континентъ отъ экономической зависимости Англіи и тѣмъ положить основаніе самобытному развитію промышленности Европы. Онъ называлъ Англію «великимъ ростовщикомъ міра» (le grand usurier du monde) и считалъ себя апостоломъ великой борьбы за экономическое освобожденіе Европы.

Насколько вѣрны были его расчеты, свидѣтельствуютъ цифры, касающіяся числа фабрикъ и заводовъ въ Россіи. Въ 1804 г. число фабрикъ было 2.423, черезъ десять лѣтъ—3.731, т.-е. возросло на цѣлую треть. Количество рабочихъ въ 1804 г.—95.202, въ 1814 г.—169.530. Больше всего развилась промышленность бумаго-ткацкая, затѣмъ желѣзо-чугунная.

Совершенно безъ измѣненія остались отрасли, изготовляющія предметы роскоши.

Главную причину неудачи континентальной системы слѣдуетъ искать въ экономической отсталости Европы, которая еще не вышла изъ земледѣльческаго періода, тогда какъ Англія давно уже перешла къ капиталистическому производству. Европа сбывала сырье Англіи, а отъ нея получала всевозможныя издѣлія.

Черезъ 10—15 лѣтъ Европа приспособилась бы и развила внутри себя обрабатывающую промышленность, но Англія цѣною огромныхъ пожертвованій, рискуя полнымъ банкротствомъ, напрягла всѣ силы страны для борьбы съ могущественнымъ и геніальнымъ врагомъ своимъ—Наполеономъ, и онъ палъ, сломленный невозможностью добиться въ Европѣ единства политики, требовавшей жертвъ въ настоящемъ, но сулившей неисчислимыя выгоды въ будущемъ.

Англія побѣдила. За нею осталось міровое владычество надъ морями и въ цѣпкихъ рукахъ ея снова сосредоточилась вся внѣшняя торговля Европы, которая терпѣла денежную зависимость отъ островной державы, а нерѣдко должна была считаться съ ея желаніями и въ международной политикѣ на континентѣ. Выгоды этой политической конъюнктуры впослѣдствіи испытала на себѣ тогдашняя союзница Англіи—Россія: въ эпоху Севастополя, въ кампанію 1877—1878 гг. и въ послѣднюю русско-японскую войну.

К. Военскій.

Рисунки, помѣщенные въ I томѣ на отдѣльныхъ листахъ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
20	подп. подъ рис.	Лестокъ Pol. I Groubh.	Лестокъ. (Ровинск.)
37	подп. подъ рис.	портр. Виже-Лебрена	портр. Виже-Лебренъ
40	„ „ „	„ „	„ „
77	„ „ „	портр. Бонкеваля	портр. Бонневаля
78	„ „ „	Верньe	Верньо
79	„ „ „	Роланъ	г-жа Роланъ
80	„ „ „	Барпавъ	Барнавъ
87	4 св.	Нужно было, чтобы рес-публика	Нужно было, чтобы рево-люція
93	20 и 21 св.	Мерленъ изъ Дуэ и Трельяръ	Мерленъ изъ Дуэ и Фран-суа, котораго вскорѣ смѣ-нилъ Трельяръ
94	подп. подъ рис.	18 брюмера (9 нояб. 1799) рис. Bonchot	19 брюмера (10 ноябр. 1799 г.). Карт. Bouchot
95	15 сн.	преріаль	флореаль
97	подп. подъ рис.	Карт. Филинноте	Карт. Филиппото

Оглавленіе I тома.

Петръ I.

(Типъ *Каравака*).

А. А. Матвѣевъ.

А. И. Остерманъ.

П. П. Шафировъ.

М. П. Бестужевъ-Рюминъ.

Г. И. Головкинъ.

Б. И. Куракинъ.

(Портреты Аргунова. Выставка 1872 г.).

И. С. Барятинскій.

А. П. Бестужевъ-Рюминъ.

Н. В. Репнинъ.

И. М. Симолинъ.

М. И. Воронцовъ.

Елизавета Петровна.

(Съ оригинала *Амикони*).

Порт. Barat, грав. въ Россіи 1777 г.
(Изъ коллекціи В. М. Соболевскаго).

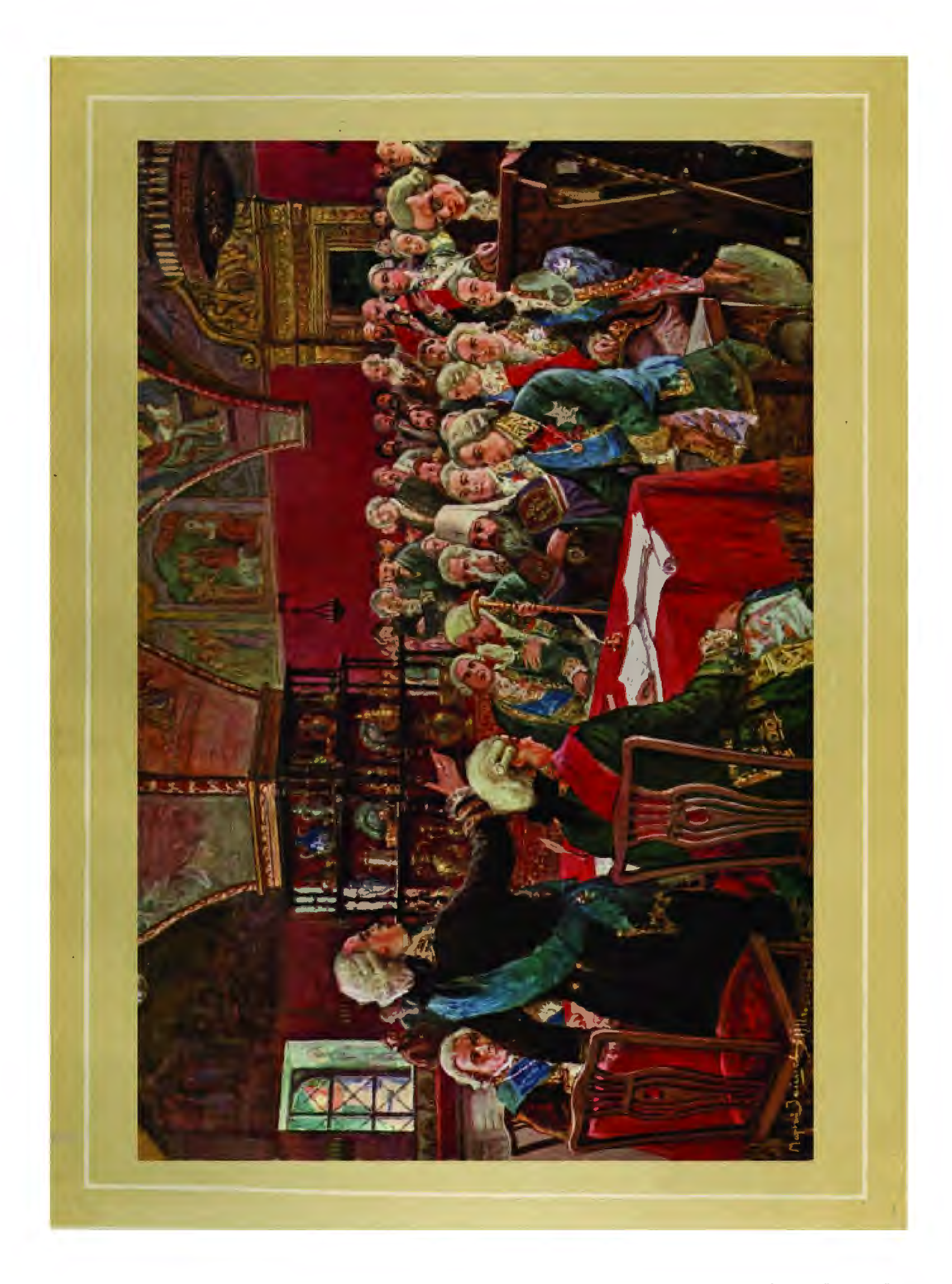
Чтеніе у Дидро.

(Мейссонье).

Императрица Екатерина II.

Изъ собранія кн. *Васильчикова* въ Истор. музеѣ). Тип *Эриксена-Ротъ*. «On dit, que cela ressemble» сообщается по поводу этого портрета въ письмѣ къ матери Екатерины 1773 г.

Екатерининская комиссія 1767 года.

(Картина *М. М. Зайцева*).

Грановитая Палата. Третье засѣданіе комиссіи. Читается Наказъ. Съ одной стороны расположились депутаты, съ другой — «президіумъ» комиссіи. Депутаты сидятъ на скамьяхъ, разставленныхъ рядами. Въ первыхъ рядахъ — депутаты правительственныхъ учрежденій, среди нихъ новгородскій митрополитъ Дмитрій (Сѣченовъ) — депутатъ Синода, и кн. Мих. Никит. Волконскій — депутатъ Сената. Далѣе идутъ депутаты гг. Москвы и Петербурга и Московской и Петербургской губерній, въ томъ числѣ гр. Петръ Ив. Панинъ, гр. Алексѣй Гр. Орловъ и др. Наконецъ депутаты остальныхъ губерній — дворяне, горожане, крестьяне, казаки; инородцы — калмыки, чуваши, нѣмцы. На депутатахъ нагрудные депутатскіе знаки — золотыя медали на золотыхъ цѣпочкахъ съ вензелемъ императрицы (Е) на одной сторонѣ и словами «блаженство каждаго и всѣхъ 1766 г. декабря 14 дня» на другой.

«Президіумъ» комиссіи составляютъ — маршалъ Александръ Ильичъ Бибиковъ (стоитъ), генералъ-прокуроръ кн. Александръ Алексѣевичъ Вяземскій (сидитъ по лѣвую руку Бибикова) и директоръ — съ правой стороны.

Около депутатскихъ скамей — налои, за которыми стоятъ чиновники, ведущіе протоколы засѣданій и передающіе «президіуму» заявленія депутатовъ.

7 августа 1767 года, около 11 часовъ дня. А. И. Бибиковъ читаетъ Наказъ. Депутаты съ глубокимъ сосредоточеннымъ вниманіемъ слушаютъ чтеніе. На лицахъ иныхъ умиленіе.

Въ дневной запискѣ (протоколѣ) этого засѣданія сдѣлана слѣдующая любопытная замѣтка: «Надлежитъ отдать справедливость всему почтенному господъ депутатовъ собранію, что оное оказало себя достойнымъ получить данный Наказъ: прилежаніе, восхищеніе и, если смѣю сказать, жадность, съ которыми было слушано сіе сочиненіе, довольно сіе доказываетъ. Сердечное движеніе, чувствіе, до высшей степени доведенное, на лицахъ всѣхъ начертаны. Многіе плакали, но сіи слезы умножились, когда прочли статью, въ которой сказано: «Боже сохрани, чтобъ послѣ окончанія сего законодательства былъ какой народъ больше справедливъ и, слѣдовательно, больше процвѣтающъ. Намѣреніе законовъ нашихъ было бы не исполнено; несчастіе, до котораго я дожить не желаю».

Продажа крѣпостныхъ съ аукціона.

(Картина акад. *К. В. Лебедева*).

Сюжетомъ для картины послужило извѣстное описаніе продажи крѣпостныхъ съ аукціона въ «Путешествіи изъ Петербурга въ Москву» А. Н. Радищева (с. Мѣдное), гдѣ изображена имъ участь крестьянской семьи, распродаваемой съ молотка за долги промотавшагося господина. Картина имѣетъ въ виду время имп. Екатерины II, къ которому и относится описаніе Радищева. Два указа имп. Екатерины II стремились регулировать продажу крестьянъ съ аукціона. Въ 1771 г. было запрещено при конфискаціи имѣній и продажѣ ихъ съ аукціона продавать людей безъ земли съ молотка. Въ 1792 г. было разъяснено, что если кто-либо владѣлъ беземельными крестьянами, то такихъ людей можно было продавать за долги, но только не употребляя молотка. Картина, согласно тексту Радищева, имѣетъ въ виду семью безземельныхъ дворовыхъ людей.

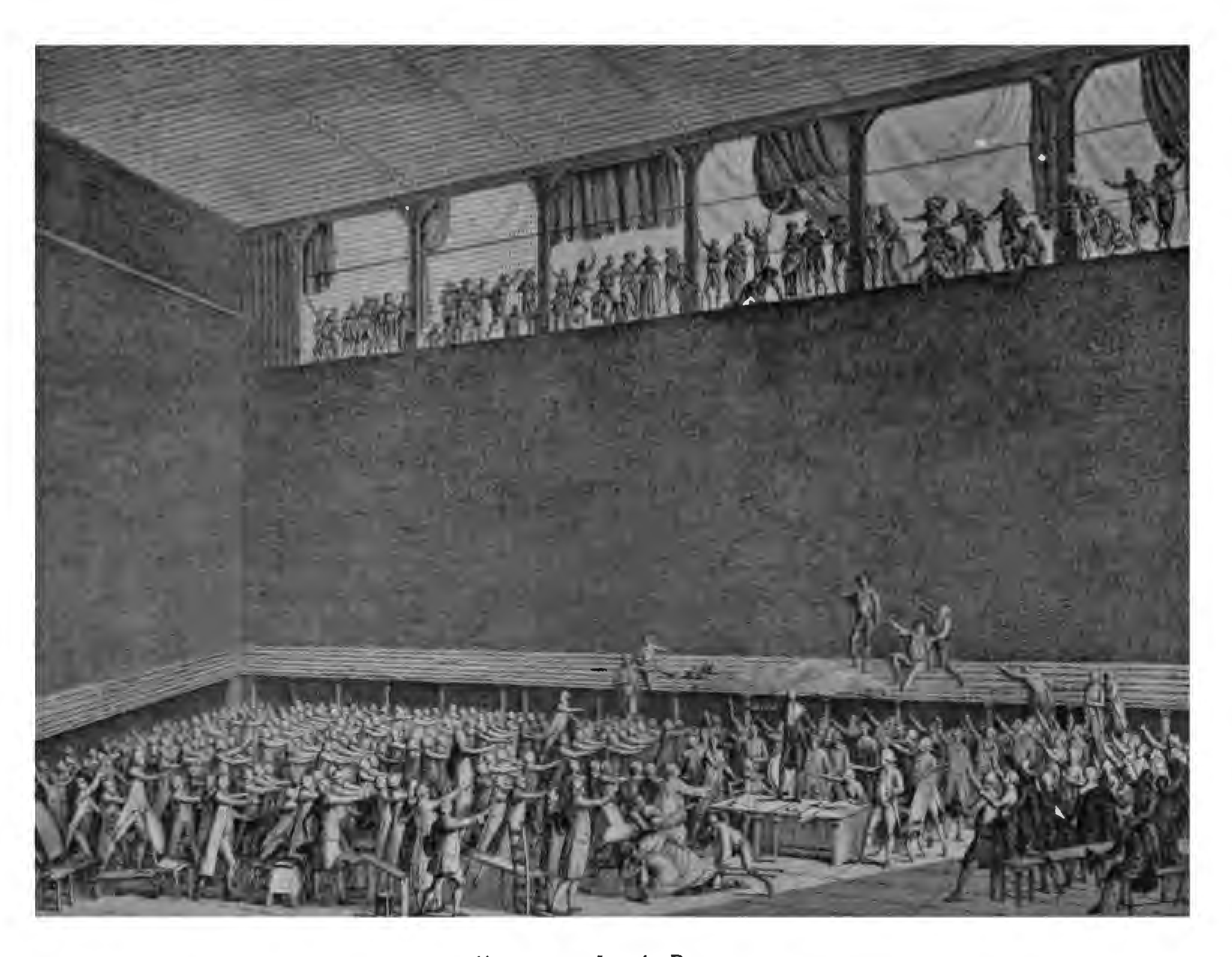

Актъ въ Академіи Художествъ.

(Картина *Якоби*).

Бастилія.
(Гравюра Volkaert).

Клятва въ Jeu de Paume.
(Съ ръд. грав. изъ соб. В. М. Соболевскаго).

DÉCLARATION DES DROITS DE L'HOMME ET DU CITOYEN,

Décrétés par l'Assemblée Nationale … 24 et 26 août 1789 … acceptés par le Roi

PRÉAMBULE

Les représentans du peuple François, constitués en assemblée nationale, considérant que l'ignorance, l'oubli ou le mépris des droits de l'homme sont les seules causes des malheurs publics et de la corruption des gouvernemens, ont résolu d'exposer, dans une déclaration solemnelle, les droits naturels, inaliénables et sacrés de l'homme, afin que cette déclaration, constamment présente à tous les membres du corps social, leur rappelle sans cesse leurs droits et leurs devoirs; afin que les actes du pouvoir législatif et ceux du pouvoir exécutif, pouvant être à chaque instant comparés avec le but de toute institution politique, en soient plus respectés; afin que les réclamations des citoyens, fondées désormais sur des principes simples et incontestables, tournent toujours au maintien de la constitution et du bonheur de tous.

En conséquence, l'assemblée nationale reconnoit et déclare, en présence et sous les auspices de l'Être suprême, les droits suivans de l'homme et du citoyen.

ARTICLE PREMIER

Les hommes naissent et demeurent libres et égaux en droits. les distinctions sociales ne peuvent être fondées que sur l'utilité commune.

II

Le but de toute association politique est la conservation des droits naturels et imprescriptibles de l'homme. ces droits sont la liberté, la propriété, la sûreté, et la résistance à l'oppression.

III

Le principe de toute souveraineté réside essentiellement dans la nation. nul corps, nul individu ne peut exercer d'autorité qui n'en émane expressément.

IV

La liberté consiste à pouvoir faire tout ce qui ne nuit pas à autrui. Ainsi, l'exercice des droits naturels de chaque homme, n'a de bornes que celles qui assurent aux autres membres de la société la jouissance de ces mêmes droits; ces bornes ne peuvent être déterminées que par la loi.

V

La loi n'a le droit de défendre que les actions nuisibles à la société. Tout ce qui n'est pas défendu par la loi ne peut être empêché, et nul ne peut être contraint à faire ce qu'elle n'ordonne pas.

VI

La loi est l'expression de la volonté générale. tous les citoyens ont droit de concourir personnellement, ou par leurs représentans, à sa formation. elle doit être la même pour tous, soit qu'elle protège, soit qu'elle punisse. Tous les citoyens étant égaux à ses yeux, sont également admissibles à toutes dignités, places et emplois publics, selon leur capacité, et sans autres distinctions que celles de leurs vertus et de leurs talens.

VII

Nul homme ne peut être accusé, arrêté ni détenu que dans les cas déterminés par la loi, et selon les formes qu'elle a prescrites. Ceux qui sollicitent, expédient, exécutent ou font exécuter des ordres arbitraires, doivent être punis; mais tout citoyen appelé ou saisi en vertu de la loi, doit obéir à l'instant, il se rend coupable par la résistance.

VIII

La loi ne doit établir que des peines strictement et évidemment nécessaires, et nul ne peut être puni qu'en vertu d'une loi établie et promulguée antérieurement au délit, et légalement appliquée.

IX

Tout homme étant présumé innocent jusqu'à ce qu'il ait été déclaré coupable, s'il est jugé indispensable de l'arrêter, toute rigueur qui ne seroit pas nécessaire pour s'assurer de sa personne doit être sévèrement réprimée par la loi.

X

Nul ne doit être inquiété pour ses opinions, même religieuses, pourvu que leur manifestation ne trouble pas l'ordre public établi par la loi.

XI

La libre communication des pensées et des opinions est un des droits les plus précieux de l'homme. tout citoyen peut donc parler, écrire, imprimer librement: sauf à répondre de l'abus de cette liberté dans les cas déterminés par la loi.

XII

La garantie des droits de l'homme et du citoyen nécessite une force publique; cette force est donc instituée pour l'avantage de tous, et non pour l'utilité particulière de ceux à qui elle est confiée.

XIII

Pour l'entretien de la force publique et pour les dépenses d'administration, une contribution commune est indispensable. elle doit être également répartie entre tous les citoyens, en raison de leurs facultés.

XIV

Les citoyens ont le droit de constater par eux-mêmes ou par leurs représentans, la nécessité de la contribution publique, de la consentir librement, d'en suivre l'emploi, et d'en déterminer la quotité, l'assiette, le recouvrement et la durée.

XV

La société a le droit de demander compte à tout agent public de son administration.

XVI

Toute société, dans laquelle la garantie des droits n'est pas assurée, ni la séparation des pouvoirs déterminée, n'a point de constitution.

XVII

Les propriétés étant un droit inviolable et sacré, nul ne peut en être privé, si ce n'est lorsque la nécessité publique, légalement constatée, l'exige évidemment, et sous la condition d'une juste et préalable indemnité.

AUX REPRÉSENTANS DU PEUPLE FRANCOIS.

Декларація правъ.

(Современ. изд.).

reçu le 21 7bre 1792

Archives N

No. 322.

DÉCRET
DE L'ASSEMBLÉE NATIONALE.

Du vingt un septembre 1792.

L'an quatrième de la Liberté.

La convention nationale décrète à l'unanimité que la royauté est abolie en France

Original du décret portant abolition de la royauté en France. Conservé aux Archives Nationales de Paris.

Messieurs, je viens consacrer ici solennellement l'acceptation que j'ai donnée à l'acte constitutionnel; en conséquence je jure d'être fidèle à la nation et à la loi, et d'employer tout le pouvoir qui m'est délégué à maintenir la Constitution décrétée par l'Assemblée nationale constituante et à faire exécuter les lois. Puisse cette grande et mémorable époque, être celle du rétablissement de la paix, de l'union, et devenir le gage du bonheur du Peuple et de la prospérité de l'Empire.

14. 7bre 1791.

... de Louis XVI ... à la Constitution

AU NOM DE LA RÉPUBLIQUE.

L'Accusateur public, près le Tribunal criminel-révolutionnaire, établi à Paris par la loi du 10 mars 1793, en exécution du jugement du Tribunal de cejourd'huy requiert le citoyen commandant-général de la force armée parisienne, de prêter main-forte et mettre sur pied la force publique, nécessaire à l'exécution dudit jugement rendu contre Marie Antoinette ... et qui la condamne à la peine de mort laquelle exécution aura lieu aujourd'huy à onze heures du matin sur la place publique de la Révolution de cette ville. Le citoyen commandant-général est requis d'envoyer ladite force publique, cour du Palais, ledit jour, à huit heures précises du matin.

Fait à Paris, le 25 du 1er mois de l'an second de la République française, une et indivisible.

Accusateur public.

42. Réquisition adressée par Fouquier-Tinville pour l'exécution de Marie-Antoinette.

Павелъ I.

(Портретъ *Ротари*).

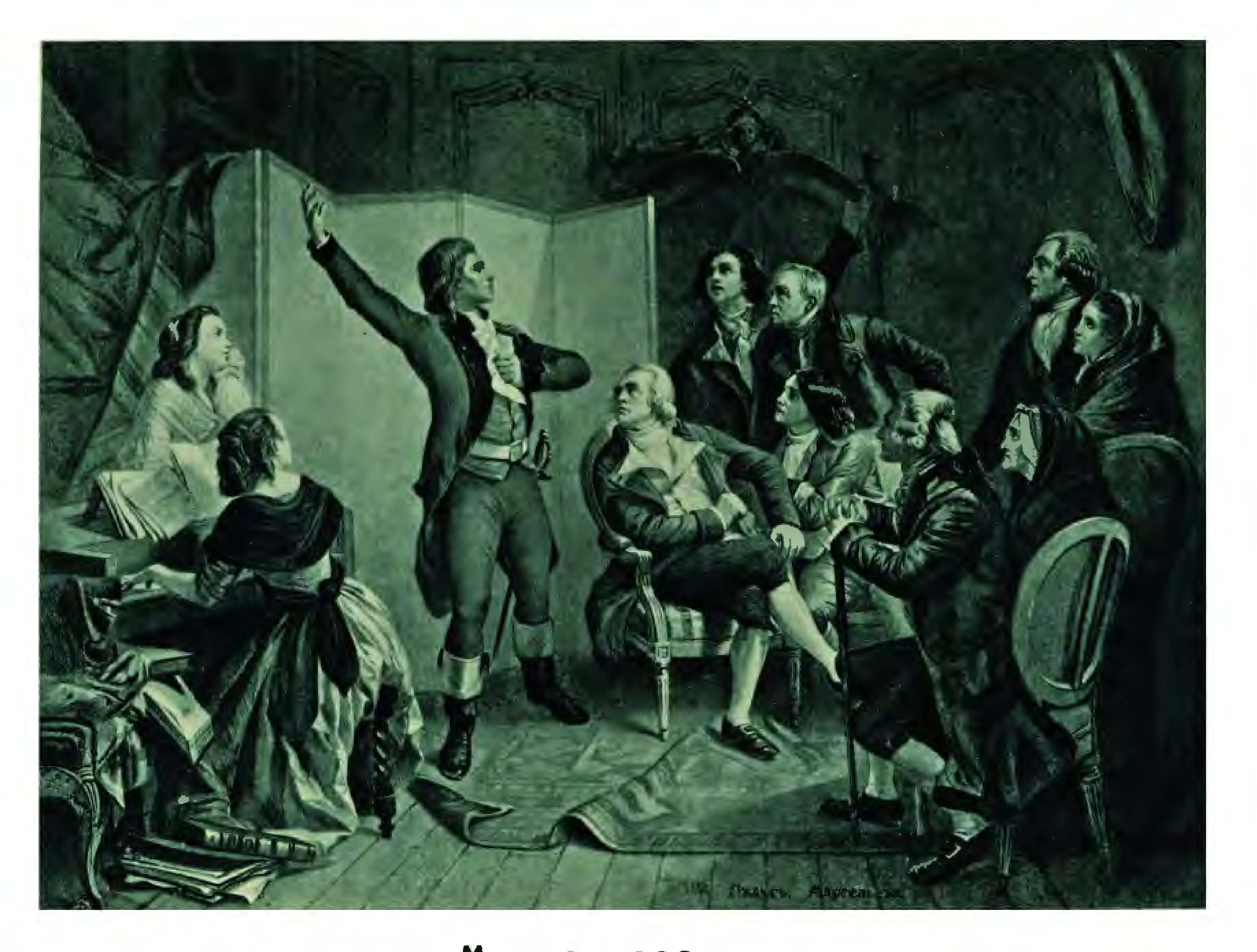

Приготовленіе къ вахтпараду при Павлѣ I.

(Картина *Курдюмова*).
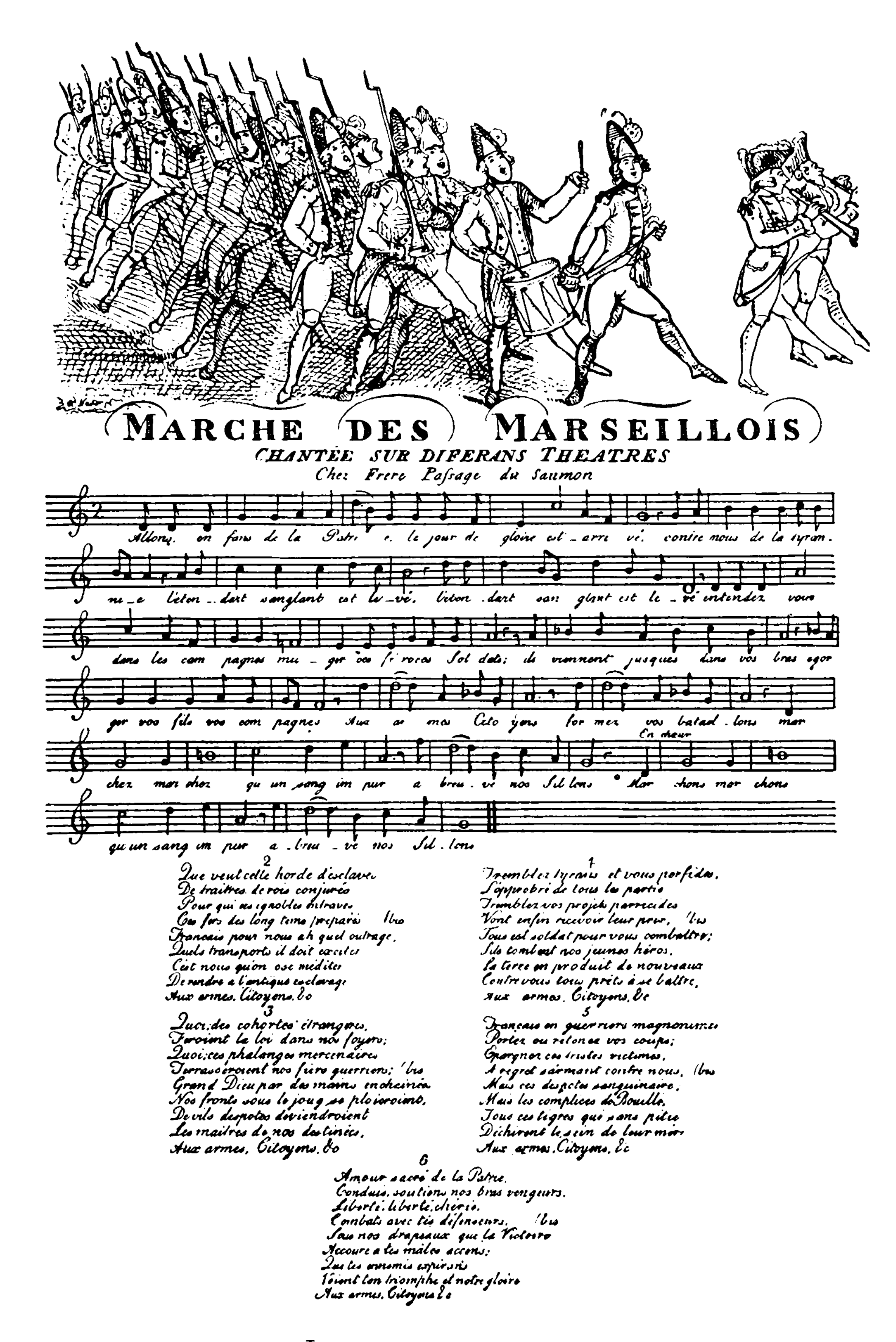
Императоръ Павелъ Петровичъ принесъ на престолъ унаслѣдованную имъ отъ отца и пышно развившуюся въ гатчинскомъ бездѣйствіи страсть къ фронтовому ученію на прусскій манеръ. Свой дѣловой день въ Петербургѣ онъ, по примѣру Фридриха II, начиналъ вахтпарадомъ на плацу передъ дворцомъ для отдѣльныхъ частей столичнаго гарнизона по наряду. Раздражительность императора Павла проявлялась на этихъ парадахъ въ самыхъ несдержанныхъ и рѣзкихъ формахъ, часто по ничтожнѣйшимъ поводамъ. Малѣйшая неисправность въ амуниціи, едва замѣтная неточность въ фронтовыхъ движеніяхъ или ружейныхъ пріемахъ вызывали у него бурные припадки гнѣва, во время которыхъ, по свидѣтельству современниковъ, лицо его покрывалось пятнами, глаза расширялись и вспыхивали недобрыми огоньками, съ устъ срывались сиповатымъ перехваченнымъ голосомъ грубыя и жестокія слова, а иногда государь доходилъ и до того, что собственноручно билъ тростью виноватыхъ офицеровъ. Изъ-за пустяковъ офицеры разжаловывались въ рядовые или прямо съ парада ѣхали въ ссылку, служить въ глухой провинціи; цѣлые полки иногда подвергались опалѣ и штрафамъ.

Вотъ почему обычно приказъ о назначеніи той или иной части на утро въ вахтпарадъ повергалъ въ трепетный ужасъ и офицеровъ ея и нижнихъ чиновъ. Ночь предъ вахтпарадомъ въ казармѣ проходила безъ сна, въ лихорадочной, спѣшной подготовкѣ къ страшному смотру: подучивались солдаты, не усвоившіе въ совершенствѣ уставную шагистику, чистилась и пригонялась амуниція, каждый ремешокъ, каждая пуговка на свое точно установленное мѣсто. Много хлопотъ доставляла сложная форменная прическа: голову каждаго солдата искусные полковые парикмахеры натирали сначала сухимъ мѣломъ; потомъ смачивали квасомъ; по сырому обильно пудрили мукою; прочесывали затѣмъ волосы гребнемъ и давали этой «клестеръ-коръ» засохнуть; между тѣмъ сзади къ волосамъ прикрѣпляли желѣзный прутъ, въ 8 вершковъ длиною, для образованія косы, а вокругъ головы надѣвали обручъ изъ проволоки, къ которому прикрѣплялись съ обѣихъ сторонъ на высотѣ половины уха громадныя войлочныя букли. На эту прическу сверху надѣвалась или неуклюжая широкополая треуголка, или высокая гренадерская шапка... Надо было офицерамъ передъ смотромъ также поднять должнымъ образомъ «духъ» солдатъ; тутъ прибѣгали, по личнымъ привычкамъ каждый, къ разнымъ средствамъ: кто къ ободряющему шутливому слову, кто къ палкѣ, которою предусмотрительно снабжены были по формѣ офицеры павловскаго времени...

Марсельеза.

(Пильса).

Текстъ и музыка того времени.

Жирондисты.

(Делароша).

Робеспьеръ.
(Съ бронзовой медали).

Дантонъ.
Sand.

Маратъ.
(Изъ кол. В. М. Соболевскаго).

Маратъ.

С.-Жюстъ.

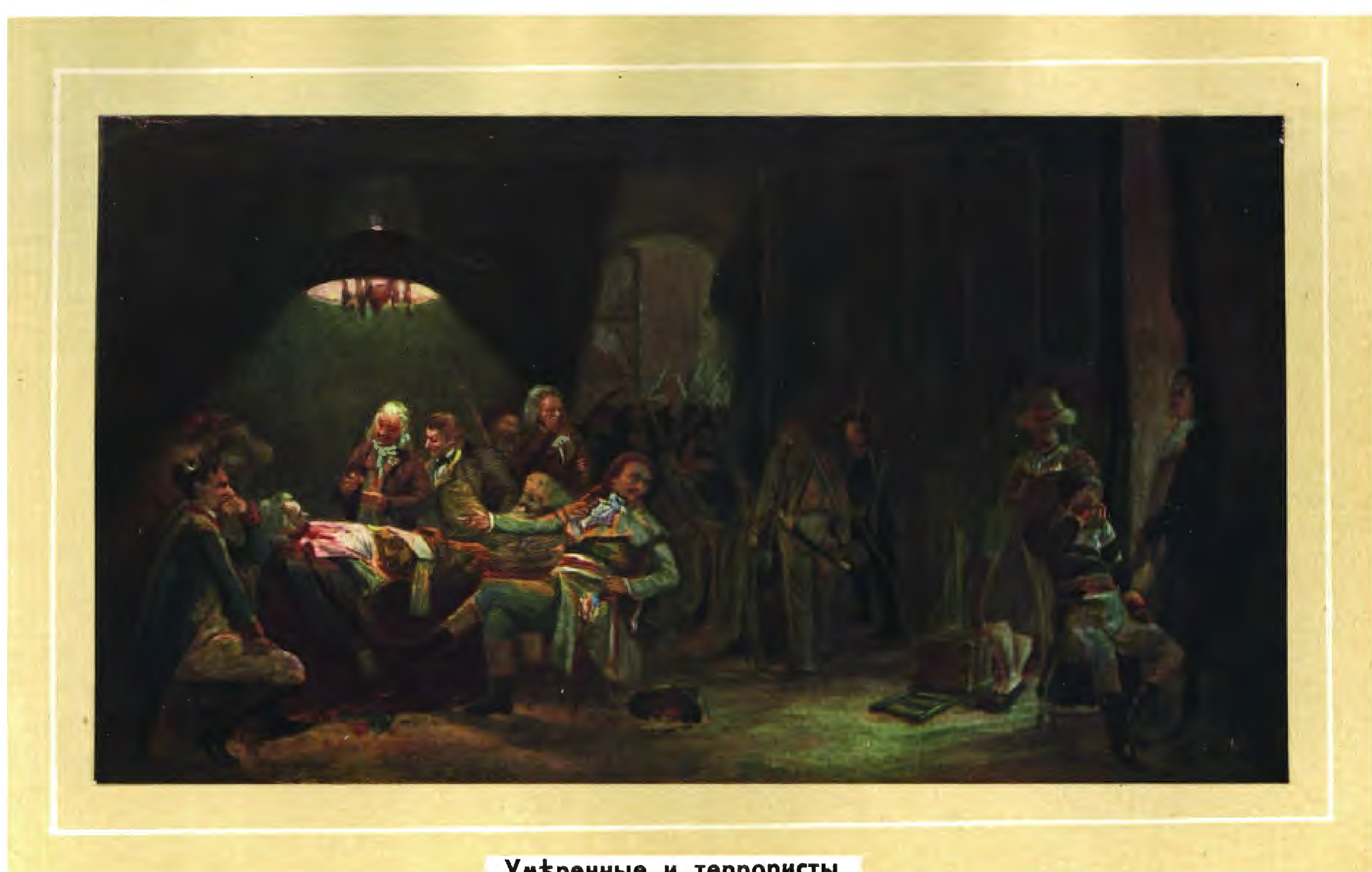
Жирондисты передъ казнью.

(Картина *Flameng*).

Послѣднія жертвы террора.

(Картина *Мюллера*).

Умѣренные и террористы.

(Картина *Якоби*).

Наполеонъ въ Каирѣ.

1793 г.

Картина *Сѣлданскаго* (Рум. Музей).

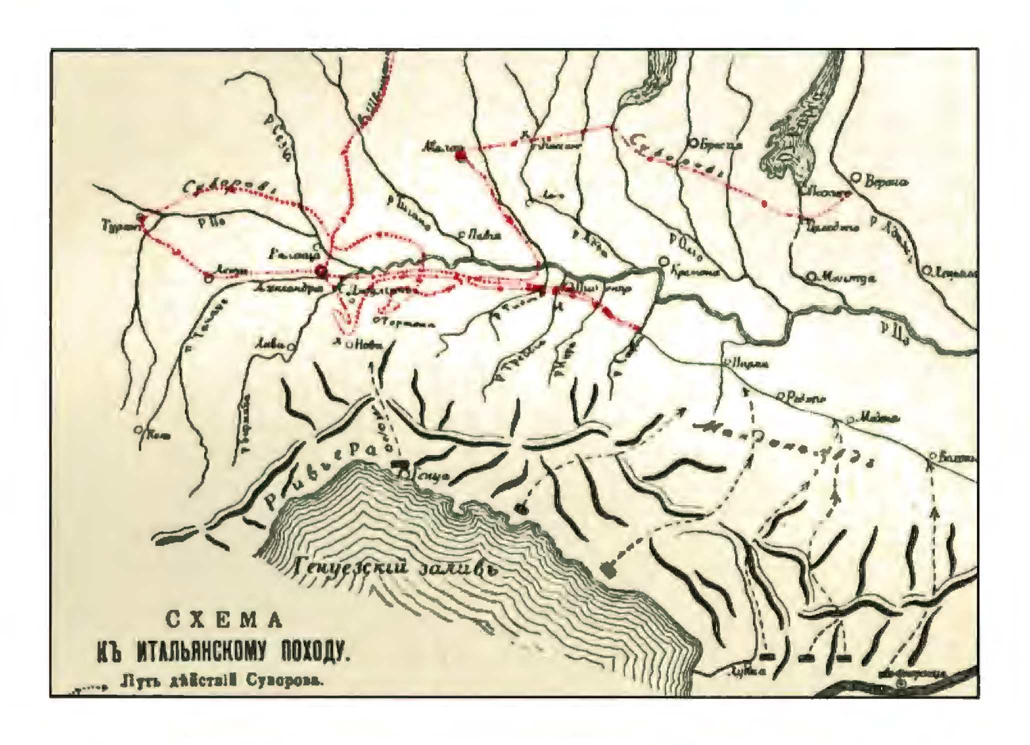
Французская армія при Наполеонѣ.

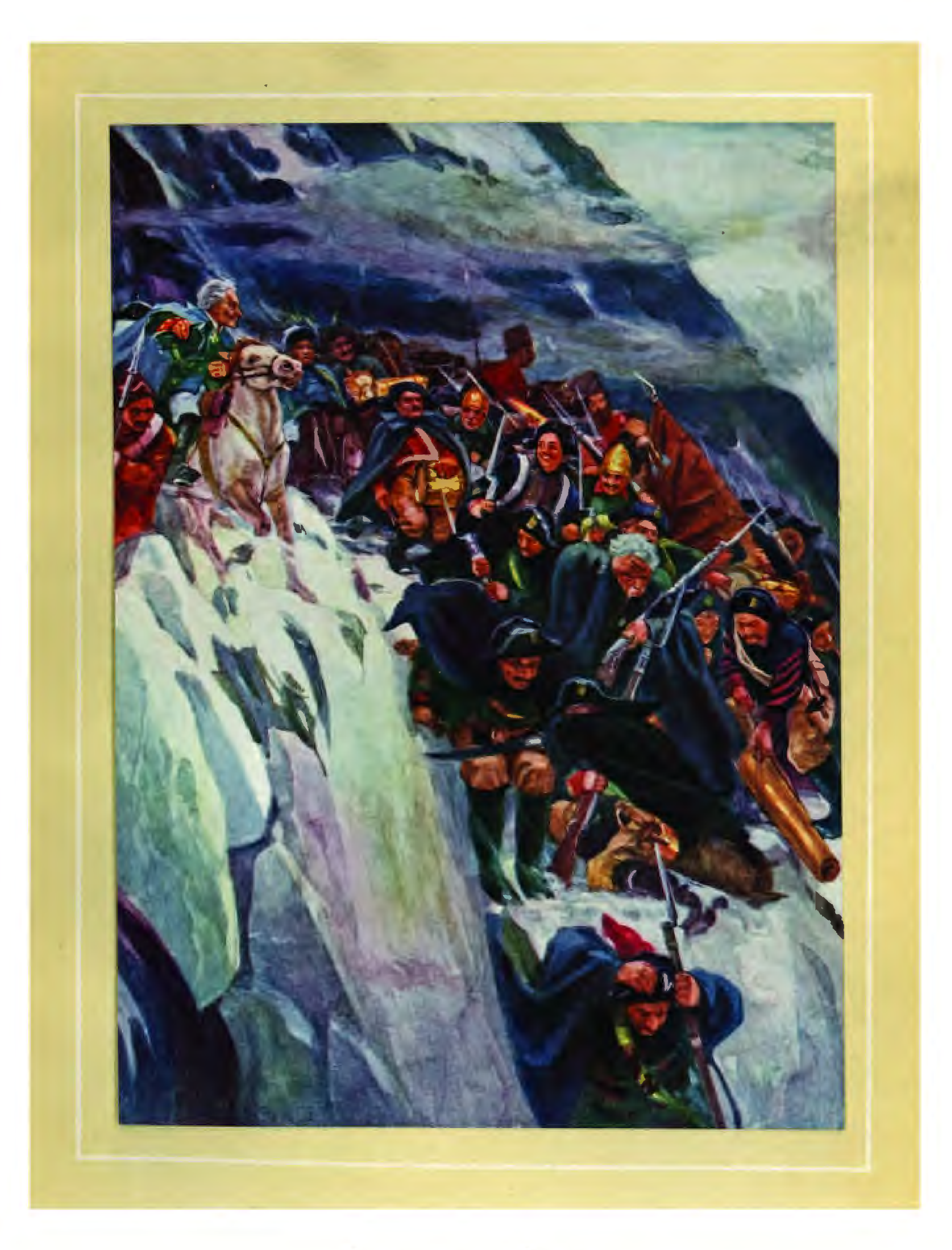
Наполеонъ на Аркольскомъ мосту 15 ноября 1798 г.

(Картина *Вернэ*).

Обѣ схемы заимствованы изъ книги М. Б. Стремоухова и П. Н. Симанскаго «Жизнь Суворова въ художественныхъ изображеніяхъ». Изд. Гросманъ и Кнебель. М. 1900.

Суворовъ на Альпахъ.

(Картина *Сурикова*).

Переходъ черезъ С.-Бернардъ 20 мая 1800 г.

(В. Адамъ).

12 марта 1801 г. въ Петербургѣ.

(Картина *Г. Д. Алексѣева*).

Въ запискахъ современниковъ отмѣчена шумная, неудержимая радость, съ которою дворянское общество встрѣтило вѣсть о вступленіи на престолъ Александра I, радость по поводу того, что суровый павловскій режимъ отошелъ въ область прошлаго. «Знакомые и незнакомые, встрѣчаясь между собой, поздравляли другъ друга, какъ въ праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенья. Казалось, милліоны людей возродились къ новой жизни»... «Словно сговорились, всѣ жители столицы утромъ 12 марта появились въ такихъ костюмахъ, въ такихъ прическахъ и съ такою упряжью, какіе были строжайше запрещены Павломъ. Можно было видѣть прически «à la Titus»; коса исчезла; длинные панталоны, круглыя шляпы, сапоги съ ботфортами могли безнаказанно показываться на улицахъ. Появилась упряжка гуськомъ. Въ столицѣ закипѣли жизнь и движеніе въ противоположность гробовой тишинѣ, господствовавшей такъ долго». «Появились вновь всякаго рода костюмы, кареты мчались во весь опоръ. Я сама видѣла,—пишетъ гр. Головина,—гусарскаго офицера, скакавшаго верхомъ по тротуару набережной съ крикомъ: «Теперь можно дѣлать все, что угодно».

Наполеонъ и Луиза въ Тильзитѣ.

(R. Eichstaedt).

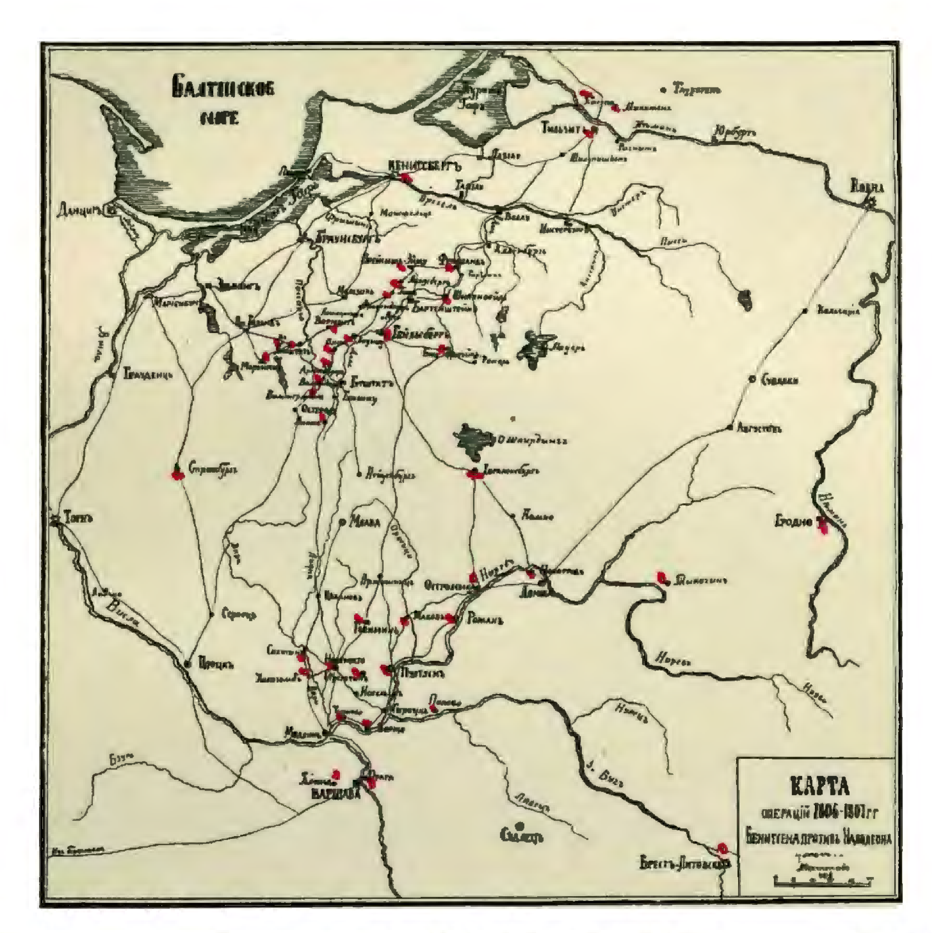
Встрѣча на Нѣманѣ Наполеона и Александра 23 іюня 1807 г.

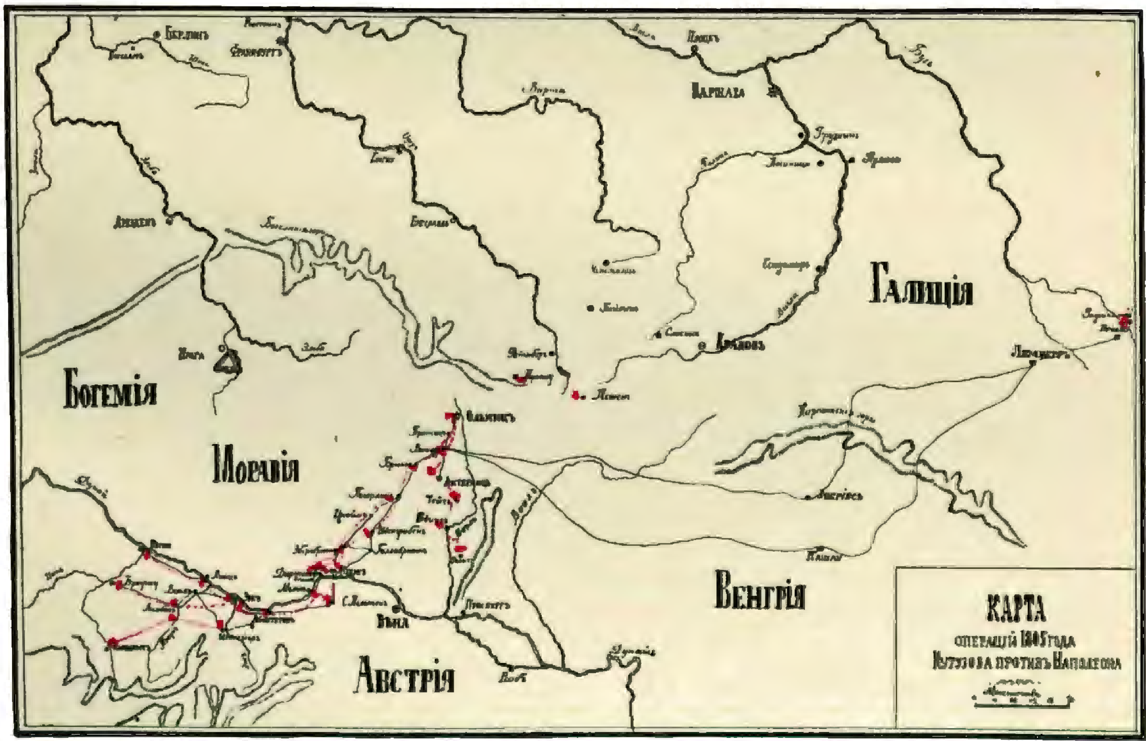
(Гравюра Ламо и Мюльбаха).

Битва при Маренго 14 іюня 1800 г.

(В. Адамъ).

Чертилъ кап. *Л. Г. Лукьяновъ.* Редактировалъ подполк. *В. П. Ѳедоровъ.*

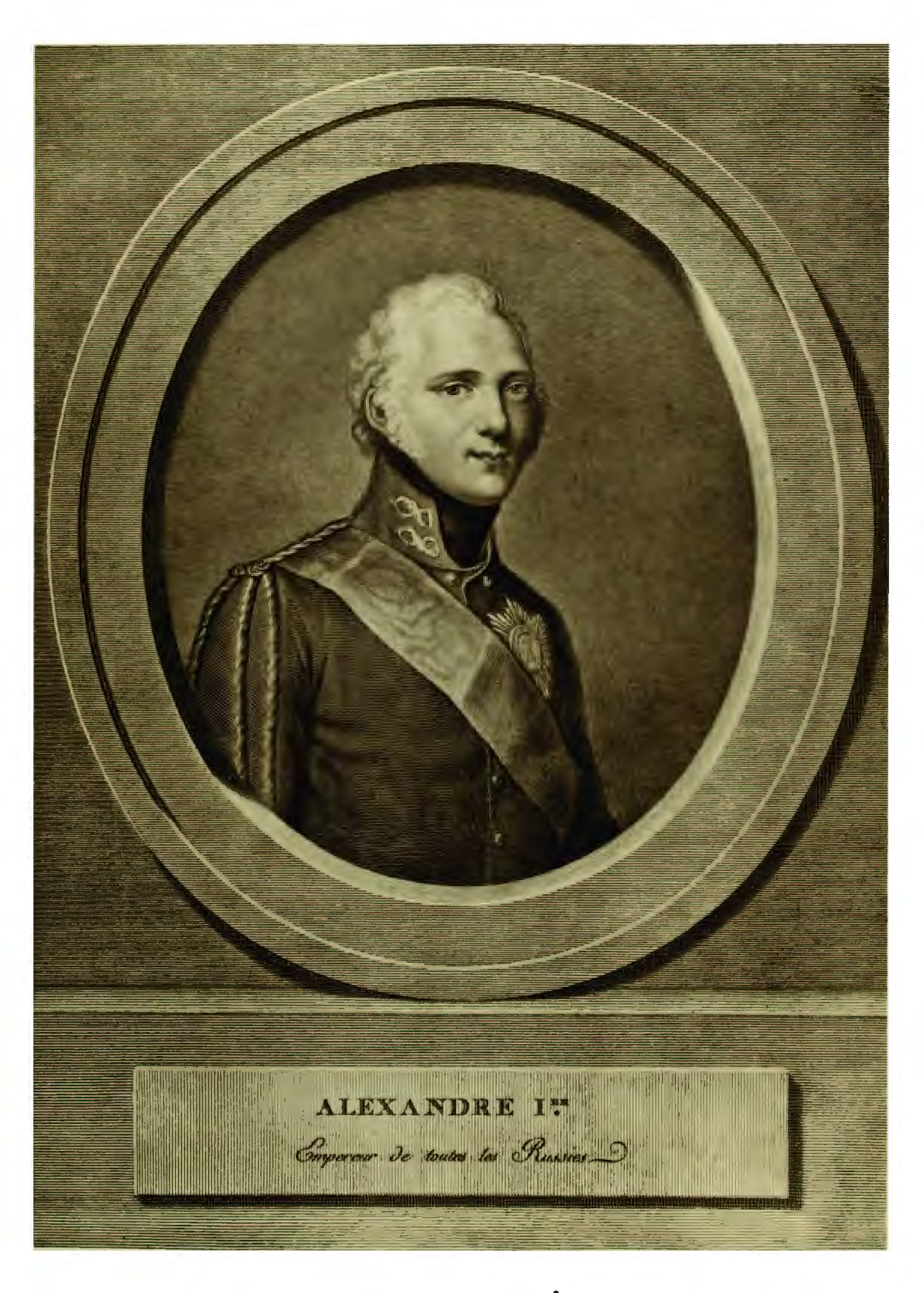
1806 года.

(Мейссонье).

Наполеонъ Бонапартъ.

(Давида).

Александръ I.

Изъ собранія *Ровинскаго* (типа *Кюхельгена*).

